

ВЕСТНИК

БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 4(56)

2024

BULLETIN

OF THE BURYAT SCIENTIFIC CENTER
OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 4(56)

2024

Научный журнал
ВЕСТНИК БНЦ СО РАН

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Главный редактор
академик РАН Б. В. Базаров

Редакционный совет

акад. РАН Б. В. Базаров (Улан-Удэ) – пред.
акад. РАН А. П. Деревянко (Новосибирск)
д.э.н., проф. З. Б.-Д. Дондоков (Улан-Удэ)
д.и.н., проф. Е. И. Зеленев (Санкт-Петербург)
акад. РАН Н. Н. Крадин (Владивосток)
чл.-кор. РАН В. А. Ламин (Новосибирск)

акад. РАН В. И. Молодин (Новосибирск)
акад. РАН В. В. Наумкин (Москва)
чл.-кор. РАН И. Ф. Попова (Санкт-Петербург)
акад. РАН А. К. Тулохонов (Улан-Удэ)
акад. АНМ Т. Дорж (Монголия)
д.филос.н., проф. Хун Сюпин (洪修平) (Китай)
д.филос.н., проф. Л. Е. Янгутов (Улан-Удэ)

Редакционная коллегия

д.филос.н., проф. Н. А. Абрамова (Чита)
д.и.н., проф. М. Н. Балдано (Улан-Удэ)
д.и.н. В. Ю. Башкуев (Улан-Удэ) – уч. секр.
д.и.н., проф. Ц. П. Ванчикова (Улан-Удэ)
д.филос.н., проф. М. Гантуяа (Монголия)
д.и.н., проф. Л. М. Дамешек (Иркутск)
д.соц.н. С. Г. Кирдина-Чэндлер (Москва)

д.и.н., проф. С. И. Кузнецов (Иркутск)
д.и.н., проф. Л. В. Курас (Улан-Удэ) – отв. ред.
д.филос.н., проф. С. Ю. Лепехов (Улан-Удэ)
д.и.н., проф. Е. И. Лиштованный (Иркутск)
д.и.н. А. М. Плеханова (Улан-Удэ) – зам. отв. ред.
д.филос.н., проф. Л. Б. Четыргова (Самара)
акад. АНМ С. Чулуун (Монголия)

Журнал включен в систему РИНЦ

*Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций*

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИИ № ФС77-88315
от 14 октября 2024 г.*

*Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки
Российской Федерации в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук» (Распоряжение Минобрнауки № 469-р от 25.12.2020)*

Перечень научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, по которым журнал принимает статьи к публикации:

5.6.1 – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.3 – Археология (исторические науки); 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.9 – Философия религии и религиоведение (философские науки)

ISSN 2222-9175

publisher.bscnet.ru

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, 2024
© Изд-во ИМБТ СО РАН, 2024

Scientific journal
BULLETIN OF THE BURYAT SCIENTIFIC CENTER OF SB RAS

Founder

Federal State Budgetary Institution of Science
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences

Editor-in-chief

Academician of the RAS B. V. Bazarov

Editorial board

Academician of the RAS B. V. Bazarov (Ulan-Ude) –
chairman

Academician of the RAS A. P. Derevyanko
(Novosibirsk)

D. Sc. in economics, Prof. Z. B.-D. Dondokov (Ulan-Ude)

D. Sc. in history, Prof. E. I. Zelenev (St. Petersburg)

Academician of the RAS N. N. Kradin (Vladivostok)

Corresponding member of the RAS V. A. Lamin

(Novosibirsk)

Academician of the RAS V. I. Molodin (Novosibirsk)

Academician of the RAS V. V. Naumkin (Moscow)

Corresponding member of the RAS I. F. Popova
(St. Petersburg)

Academician of the RAS A. K. Tulokhonov (Ulan-Ude)

Academician of the Mongolian Academy
of Sciences T. Dorzh (Mongolia)

D. Sc. in philosophy, Prof. Hong Xiuping (洪修平)
(China)

D. Sc. in philosophy, Prof. L. E. Yangutov (Ulan-Ude)

Editors

D. Sc. in philosophy, Prof. N. A. Abramova (Chita)

D. Sc. in history, Prof. M. N. Baldano (Ulan-Ude)

D. Sc. in history V. Yu. Bashkuev – scientific secretary
(Ulan-Ude)

D. Sc. in history, Prof. Ts. P. Vanchikova (Ulan-Ude)

D. Sc. in philosophy, Prof. M. Gantuyaa (Mongolia)

D. Sc. in history, Prof. L. M. Dameshek (Irkutsk)

D. Sc. in sociology S. G. Kirdina-Chandler (Moscow)

D. Sc. in history, Prof. S. I. Kuznetsov (Irkutsk)

D. Sc. in history, Prof. L. V. Kuras (Ulan-Ude) –
executive editor

D. Sc. in philosophy, Prof. S. Yu. Lepekhov (Ulan-Ude)

D. Sc. in history, Prof. E. I. Lishtovannyi (Irkutsk)

D. Sc. in history A. M. Plekhanova (Ulan-Ude) –
deputy executive editor

D. Sc. in philosophy, Prof. L. B. Chetyrova (Samara)

Academician of the Mongolian Academy
of Sciences S. Chuluun (Mongolia)

The journal is included into Russian Science Citation Index

*The edition is registered in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media*

Mass media registration certificate III № ФС77-88315 of 14 October 2024

*The journal is listed among Russian peer-reviewed scientific journals approved by the Higher Attestation
Commission of the Russian Ministry of Education and Science for the publication of major scientific results of theses
for academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences
(Order of the Ministry of Education and Science No. 469-r of 18 December 2020)*

The list of scientific disciplines and their corresponding branches of science, for which the journal
accepts articles for publication:

5.6.1 – Russian history (historical sciences); 5.6.2 – World history (relevant period) (historical sciences);
5.6.3 – Archaeology (historical sciences); 5.6.5 – Historiography, Source Studies and Methods of Historical
Research (historical sciences); 5.7.2 – History of philosophy (philosophical sciences); 5.7.9 – Philosophy
of religion and religious studies (philosophical sciences)

ISSN 2222-9175

publisher.bscnet.ru

© Federal State Budgetary Institution of Science
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences, 2024
© IMBTS SB RAS Press, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

85 лет победы на Халхин-Голе

<i>Христофоров В. С.</i> Вооруженные конфликты на Дальнем Востоке (1936–1939): военно-дипломатические вопросы.....	10
<i>Батбаяр Ц., Лундээжанцан Д.</i> В. М. Молотов и его роль в дипломатическом урегулировании Халхин-Гольского конфликта (май – сентябрь 1939 г.).....	17
<i>Намнанов Д. Д.</i> Ветераны Буркавбригады – участники битвы на Халхин-Голе.....	23
<i>Жабаева Л. Б.</i> Халхин-Гол – ценный опыт боевого советско/российско-монгольского сотрудничества	29
<i>Хишигт Н., Мэндсайхан Х.</i> Фронтальная газета «Эх орны төлөө» о событиях Халхин-Гольской войны.....	35
<i>Горбачев Б. Н.</i> Военные события на Халхин-Голе летом 1939 г. в китайских оценках прошлого и настоящего.....	41

Археология

<i>Бальжанов Б. Л.</i> Археологические исследования П. П. Хороших на территории оз. Байкал (по материалам архива ЦВРК ИМБТ СО РАН).....	48
--	----

Отечественная история

<i>Цыбикдоржиев Д. В., Батоева Д. Б.</i> Ветви племени хойхо в этнической Бурятии и за ее пределами.....	57
<i>Нанзатов Б. З., Тишин В. В.</i> Борсой и бородьой: к истории бурятско-якутских контактов.....	64
<i>Петрова Е. В.</i> Традиционные ценности старообрядцев (семейских) Бурятии и Забайкальского края.....	70
<i>Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В.</i> Из истории Ольхонской степной думы – органа местного самоуправления ольхонских бурят (1824–1889 гг.).....	76
<i>Дугаров Б. С.</i> Маншуд Имегенов (к 175-летию выдающегося бурятского сказителя).....	86
<i>Романенко А. Н.</i> Военная разведка РККА в подготовке Маньчжурской наступательной операции.....	94

Всемирная история

<i>Цыбенков Б. Д.</i> Участие дауров в гражданской войне в Китае (осень 1945–1949 гг.).....	100
<i>Жетпысбаев С. К.</i> Сакральное наследие Казахстана для будущих поколений.....	107

Историография. Источниковедение

<i>Цыренова Н. Д.</i> Буддийские богослужения в честь Белого месяца по материалам «Регламента монастыря Гандан от 1840 г.».....	114
<i>Тараруев В. П.</i> Геополитические воззрения востоковеда Э. Э. Ухтомского.....	119
<i>Цыремпилова В. Э.</i> Военный конфликт на КВЖД в китайской историографии первой четверти XXI в. (на материалах научной онлайн-базы данных Wanfang Data).....	124
<i>Пашинин А. В.</i> 26-я стрелковая дивизия: источниковедческий анализ.....	131

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Янгутов Л. Е.</i> Буддизм и конфуцианство – противостояние и синтез.....	138
<i>Лугавцова А. П.</i> «Критический буддизм» – попытка преломления современных общественных проблем Японии в призме религии.....	143
<i>Лепехов С. Ю.</i> Экологические и экономические альтернативы буддизма для третьего тысячелетия.....	149
<i>Нагмитова Р. Б.</i> Буддийское образование в современном мире: доступность и глубина обучения в курсах Наланда и в монастыре Дрепунг Гоман.....	154

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Кушнарёва Л. Л.</i> ИМБТ СО РАН – 100 лет. Результаты научной деятельности. Издания Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (БКНИИ СО АН СССР).....	161
<i>Махутов Н. А.</i> Геноцид детей – последняя степень преступлений против человечности.....	166
<i>Тиникова Е. Е.</i> Пригороды – будущее российских городов? Системный взгляд на проблему.....	171

ЮБИЛЕИ

<i>Байкалов Н. С., Убеева О. А.</i> На службе исторической науке (к 70-летию профессора Т. Е. Санжиевой).....	175
<i>Багаева К. А., Жапова Н. А.</i> Об учителе и ученом (к юбилею доктора исторических наук, профессора Л. Л. Абаевой).....	179

НАУЧНЫЕ ПОТЕРИ

Трудиться и постоянно учиться! Памяти В. В. Грайворонского (04.04.1937–09.10.2024).....	184
---	-----

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

For the 85th anniversary of Victory at Khalkhin Gol river

<i>Khristoforov V. S.</i> Armed Conflicts in the Far East (1936–1939): Military-Diplomatic Issues.....	10
<i>Batbayar Ts., Lundeejantsan D. V. M.</i> Molotov and His Role in Diplomatic Resolution of the Khalkhin Gol Conflict (May – September 1939).....	17
<i>Namnanov D. D.</i> Veterans of the Buryat Cavalry Brigade – Participants in the Battle of Khalkhin Gol.....	23
<i>Zhabaeva L. B.</i> Khalkhin Gol – Valuable Experience of Combat Soviet/Russian-Mongolian Cooperation.....	29
<i>Khishigt N., Mendsaikhan Kh.</i> The Front-Line Newspaper “Ekh орнү төлөө” on the Events of the Khalkhin Gol War.....	35
<i>Gorbachev B. N.</i> Military Events at Khalkhin Gol in the Summer of 1939 in Chinese Assessments of the Past and Present.....	41

Archaeology

<i>Balzhanov B. L.</i> Archaeological Research of P. P. Khoroshikh in the Territory of Lake Baikal (based on the materials of the archive of the Center for oriental manuscripts and xylographs of the IMBTS SB RAS).....	48
---	----

Russian history

<i>Tsybikdorzhiev D. V., Batoeva D. B.</i> Branches of the Khoiho Tribe in Ethnic Buryatia and Beyond.....	57
<i>Nanzatov B. Z., Tishin V. V.</i> <i>Borsoi</i> and <i>Borojoi</i> : Towards the History of Buryat-Yakut Contacts.....	64
<i>Petrova E. V.</i> Traditional Values of the Old Believers (Semeyskie) of Buryatia and the Zabaikalsky Krai.....	70
<i>Zhalsanova B. Ts., Kuras L. V.</i> From the History of the Olkhon Steppe Duma – the Local Self-Government Body of the Olkhon Buryats (1824–1889).....	76
<i>Dugarov B. S.</i> Manshud Imegenov (on the 175 th anniversary of the outstanding buryat storyteller).....	86
<i>Romanenko A. N.</i> Military Intelligence of the Red Army in the Preparation of the Manchurian Offensive Operation.....	94

World history

<i>Tsybenov B. D.</i> Participation of the Daurs in the Civil War in China (autumn 1945–1949).....	100
<i>Zhetpysbaev S. K.</i> The Sacred Heritage of Kazakhstan for Future Generations.....	107

Historiography. Source Study

<i>Tsyrenova N. D.</i> Buddhist Worships in Honor of the White Moon Holiday Based on the “Regulations of the Gandan Monastery of 1840”.....	114
<i>Tararuev V. P.</i> Geopolitical Views of Orientalist E. E. Ukhtomsky.....	119
<i>Tsyrempilova V. E.</i> The Sino-Soviet Conflict of 1929 in Chinese Historiography of the First Quarter of the 21 st Century (based on the materials of the scientific online-database Wanfang Data).....	124
<i>Pashinin A. V.</i> The 26th Rifle Division: A Source Analysis.....	131

PHILOSOPHY

<i>Yangutov L. E.</i> Buddhism and Confucianism – Confrontation and Synthesis.....	138
<i>Lugavtsova A. P.</i> “Critical Buddhism” as an Attempt to Refract Contemporary Social Problems in Japan Through the Prism of Religion.....	143
<i>Lepekhov S. Yu.</i> Buddhist Ecological and Economic Alternatives for the Third Millennium.....	149
<i>Nagmitova R. B.</i> Buddhist Education in the Modern World: Accessibility and Depth of Education in Nalanda Courses and Drepung Goman Monastery.....	154

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Kushnareva L. L.</i> IMBT SB RAS – 100 Years. Results of Scientific Activity. Publications of the Buryat Complex Research Institute of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR (BCNII SB AN USSR).....	161
<i>Makhutov N. A.</i> Genocide of Children – the Last Stage of Crimes against Humanity.....	166
<i>Tinikova E. E.</i> Are Suburbs the Future of Russian Cities? The Systems View of the Problem.....	171

JUBILEE

<i>Baikalov N. S., Ubeeva O. A.</i> In the Service of History (to the 70 th anniversary of professor T. E. Sanzhieva).....	175
<i>Bagaeva K. A., Zhapova N. A.</i> About the Teacher and the Scholar (for the anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor L. L. Abayeva).....	179

IN MEMORY

To Work and Constantly Learn! In Memory of V. V. Graivoronsky (04.04.1937–09.10.2024).....	184
---	-----

85 лет победы на Халхин-Голе

Уважаемые читатели!

В 2024 г. исполнилось 85 лет битве у р. Халхин-Гол, продолжавшейся с весны до осени 1939 г. Это знаковое событие вошло в историю международных отношений, утвердив нерушимое сотрудничество СССР и МНР в совместной борьбе с угрозой милитаризма на Востоке и фашизма на Западе. Именно здесь свой талант полководца впервые продемонстрировал будущий маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, чей подвиг особо почитаем в Монголии – именем маршала названа одна из центральных улиц Улан-Батора, в его честь воздвигнуты памятник и Дом-музей. Героический подвиг советских и монгольских войск, ознаменованный Победой на Халхин-Голе, стал одной из причин отказа от нападения Японии на СССР во время Второй мировой войны, что послужило огромным вкладом в достижение Победы в Великой Отечественной войне.

Юбилей Победы на Халхин-Голе отмечался на высоком государственном уровне в Монголии осенью 2024 г. В торжественных мероприятиях принял участие Президент Российской Федерации В. В. Путина. С целью презентации и обсуждения результатов новейших исследований, касающихся причин, хода боевых действий, исторических последствий и оценок битвы на Халхин-Голе, обсуждения широкого круга вопросов геополитики и международных отношений в Азии накануне Великой Отечественной войны Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН совместно с Российским историческим обществом, при поддержке фонда «История Отечества» была проведена международная научная конференция, посвященная 85-летию битвы на Халхин-Голе. Форум состоялся в дни годовщины сражения у горы Баин-Цаган (2–5 июля 1939 г.) – одного из ключевых и переломных событий военного конфликта у Халхин-Гола, окончившегося победой советских и монгольских войск.

В рамках юбилейных событий мы продолжаем публикацию докладов участников международного круглого стола в тематической рубрике, посвященной 85-летию Победы на Халхин-Голе.

Главный редактор,
академик РАН

Б. В. Базаров

УДК 93/94

ББК 63.3

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-10-16

В. С. Христофоров

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1936–1939): ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Япония в 1930-е гг. представляла опасность для СССР, МНР и Китая. Москва и Токио, не доверяя друг другу, вели тайное противоборство, сопровождавшееся эскалацией напряженности на границе. Внешнеполитические усилия СССР завершились подписанием протокола о взаимопомощи с МНР (1936) и договора о ненападении с Китайской Республикой (1937). Спорные вопросы на границе не удалось урегулировать на дипломатическом уровне, что привело к пику противостояния и возникновению вооруженных конфликтов в районе оз. Хасан (1938) между СССР и Японией и на р. Халхин-Гол (1939) между СССР и МНР с одной стороны и Японией – с другой.

Ключевые слова: СССР, МНР, Япония, Маньчжоу-Го, Халхин-Гол, Красная армия, японские войска.

V. S. Khristoforov

ARMED CONFLICTS IN THE FAR EAST (1936–1939): MILITARY-DIPLOMATIC ISSUES

Japan in the 1930s posed a threat to the USSR, Mongolia and China. Moscow and Tokyo, not trusting each other, waged a secret confrontation, accompanied by an escalation of tension on the border. The USSR's foreign policy efforts culminated in the signing of a protocol on mutual assistance with the Mongolian People's Republic (1936) and a non-aggression pact with the Republic of China (1937). The disputed issues on the border could not be resolved at the diplomatic level, which led to the peak of confrontation and the emergence of armed conflicts in the area of Lake Khasan (1938) between the USSR and Japan and on the Khalkhin Gol River (1939) between the USSR and the Mongolian People's Republic on one side and Japan on the other.

Keywords: USSR, Mongolian People's Republic, Japan, Manchukuo, Khalkhin Gol, Red Army, Japanese troops.

Япония стремилась расширить свое жизненное пространство за счет территорий соседних государств, что положительно оценивалось ведущими капиталистическими странами и негативно воспринималось в СССР.

Цель нашего исследования – обратить внимание на деятельность советских дипломатов и сотрудников спецслужб накануне и в период вооруженных конфликтов у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол. За рамками нашего исследования будет ход боевых действий противоборствующих сторон, так как военный аспект конфликтов подробно изучен.

Историографию конфликтов мы условно разделили на отечественную (советскую и российскую) и зарубежную (европейскую, китайскую, монгольскую и японскую).

В научных трудах советских исследователей, написанных до 1991 г., действия советско-монгольских войск у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол оцениваются положительно, воспеваются оды победе, а советско-монгольское военное сотрудничество представлено как образец братского сотрудничества.

В конце XX – начала XXI в. в российской историографии появились труды, в которых на основе новых материалов анализируются названные военные конфликты, дают-

ХРИСТОФОРОВ Василий Степанович – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории РАН (г. Москва, Россия), старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения высшего профессионального образования Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (г. Нижний Новгород, Россия). Email: xvsarhiv@rambler.ru.

ся современные оценки событий, интенсивности боевых действий, количеству потерь, рассматривается проблема военнопленных [Свойский 2014]

Новые документы и подходы позволили авторам осветить основные этапы советско-монгольской истории, в т. ч. и те, которые раньше замалчивались преимущественно по идейно-политическим соображениям или иначе трактовались, провести исследования дипломатических отношений СССР и Японии, внешней политики СССР, Китая, Монголии и Японии [Лузянин 2001: 41–51; Мозохин 2019; Славинский 1999].

В современной российской историографии существует две противоположные точки зрения на состояние изученности конфликтов на Дальнем Востоке в 1930-е гг. Первая – вооруженные конфликты, происходившие у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол, необоснованно отодвинуты на второй план на фоне изучения истории Второй мировой войны, они слабо изучены, в опубликованных работах много неточностей, исторических ошибок и идеологических выводов. Вторая – в российской исторической науке накоплен значительный фактический и документальный материал и тема военных конфликтов на Дальнем Востоке в основном исследована, в научный оборот введено большое количество документов из российских и зарубежных архивов.

Иностранные исследователи критикуют советские оценки конфликта на р. Халхин-Гол и подвергают пересмотру эти страницы истории [I], порой утверждая, что названные события стали результатом геополитических «разборок» СССР и Японии, произошедших на территории Монголии. Иностранные исследователи пытаются пересмотреть события 85-летней давности и «восстановить историческую справедливость».

Монгольские исследователи в 1940–1980-х гг. шли в фарватере советской исторической науки и их оценки конфликтов совпадали с выводами советских историков. С начала 1990-х гг. в Монголии публикуются труды, в которых авторы дают свои оценки историческим событиям [Жалсапова 2009].

Неоднозначные оценки получила монография монгольского историка Р. Болда, предлагающего свою интерпретацию конфликта на р. Халхин-Гол (Япония не планировала нападать на Монголию, пограничные столкновения в мае 1939 г. не носили с японской стороны спланированного характера). Достоинством работы Болда стало введение в научный оборот неизвестных документов, ранее имевших гриф «Секретно», а также изложение авторской версии событий и взаимоотношений Москвы и Улан-Батора. Он отмечает, что Сталин оказывал давление на монгольское политическое руководство по вопросу ввода частей Красной армии на территорию Монголии, а попытки добиться суверенитета привели к политическим репрессиям в отношении монгольских политиков, офицеров национальной армии и религиозных деятелей [2019].

Архивные документы свидетельствуют, что советское военно-политическое руководство в середине 1930-х гг. считало возможным вооруженное столкновение с Японией, которая представляла наибольшую опасность для СССР, МНР и Китая. Москва и Токио, не доверяя друг другу, вели тайное противоборство, которое сопровождалось эскалацией напряженности на границе [Документы и материалы 1981; Документы внешней политики 1992; Вооруженный конфликт... 2014; Российско-монгольское военное сотрудничество... 2019].

Одной из причин напряженности на границах была не урегулированность прохождения границы на местности. 9 мая 1934 г. М. Литвинов направил Сталину записку о неудовлетворительном издании в СССР топографических карт и, как следствие, об отсутствии четкого понимания о линии прохождения на местности. Это касалось и дальневосточных границ СССР. Члены Политбюро ЦК ВКП(б) на заседании, состоявшемся 25 июля 1934 г., рассмотрели вопрос, поднятый Литвиновым [II].

По взглядам советской стороны, государственная граница в районе оз. Хасан проходила по вершинам высот Заозерная и Безымянная. Однако ни Маньчжоу-Го, ни Япония не разделяли советские подходы к определению линии границы, которая обозначалась лишь на карте 1886 г. и не давала полного представления о том, как именно она проходит на местности. Текст соглашения, определявший линию прохождения границы, был составлен неопределенными фразами. На местности не было согласованной с двух сторон линии границы, а расстояние между установленными пограничными

знаками и столбами составляло более 7 км. Между Маньчжоу-го и МНР также не было взаимопонимания относительно прохождения линии границы. Японская сторона и Маньчжоу-Го считали, что она проходит по руслу р. Халхин-Гол, а советская сторона утверждала, что граница пролегает на 20–25 км восточнее названной реки.

Усилия дипломатов подписать пакт о ненападении с Токио в 1935–1939 гг. не увенчались успехом. Японские руководители не хотели брать на себя никаких обязательств международного характера. Когда дипломатические переговоры заходят в тупик, начинается «игра мускулами». Так было и на дальневосточных рубежах, когда в 1938–1939 гг. велась «демонстрация силы» [Международные отношения... 1951: 432, 435].

В условиях назревавших конфликтов советская разведка добывала информацию о планах и намерениях японской стороны, военном потенциале, боеспособности и боеготовности японской армии, а советская контрразведка оперативными средствами оказывала содействие командованию в поддержании боеготовности Красной армии (выявляла недостатки и информировала командование, принимала меры по оперативной маскировке и сохранению в тайне замыслов операции).

Несмотря на то что оккупация Японией Маньчжурии и создание Маньчжоу-Го значительно ухудшили военно-политическую обстановку для Монголии, СССР де-факто признал новый субъект международного права. Однако независимость Внешней Монголии не признавали ни Китай, ни Япония (по разным причинам), вынашивая свои планы на ее территории. Японские политики намеревались объединить Монголию с китайскими провинциями и образовать еще одно марионеточное государство.

Неурегулированность границ вызывала беспокойство и у советских военных, и в дипломатических кругах. Советский военный советник при военном министре и Главкоме МНРА Л. Я. Вайнер 27 сентября 1936 г. предложил начальнику Генштаба Красной армии А. И. Егорову для завершения топографических съемок территории Монголии направить в 1937 г. советских военных топографов, необходимо было провести топографическую съемку территории к северу от государственной границы с Синь-Цзяном до стыка со съемками предыдущих лет, провести рекогносцировку района Кобдо (1913–1914) и составить актуальные карты местности. Объем работы исчислялся в 343 тыс. км² съемки и рекогносцировки.

Как мы отмечали, в советском внешнеполитическом и военном ведомствах не было четкого понимания, где проходит линия границы, так как основные карты, на которых была нанесена монголо-маньчжурская граница, относились к 1906 г., а советский вариант карты, изданный в 1934 г. Управлением военной топографии Красной армии, фактически был переизданием карты 1906 г. В военном ведомстве Монголии ориентировались на карту советского Генштаба образца 1934 г.

Таким образом, понимание о линии прохождения монголо-маньчжурской границы и в Москве, и в Улан-Баторе основывалось на данных карты 1906 г., которые требовали уточнения и согласования с японской стороной. Вместо точной линии границы существовало понятие пограничной зоны, не имевшей разграничительных знаков. У местных племен (восточные монголы, баргуты), столетиями кочевавших без всяких проблем, споров практически не возникало. Однако к середине 1930-х гг. эта пограничная полоса превратилась в место столкновений монгольских и маньчжурских пограничников, установить виновность той или иной стороны было очень сложно [Лузянин 2001: 41–51].

Вопросы о спорных территориях и советской поддержке Монголии неоднократно обсуждались на дипломатическом уровне. Так, 14 февраля 1936 г. в Москве замнаркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков в беседе с японским посолом Т. Ота подчеркнул, что СССР не допустит агрессии против Монголии и окажет ей всестороннюю помощь.

Внешнеполитические усилия Москвы на монгольском треке и готовность оказать помощь и поддержку Улан-Батору завершились тем, что 12 марта 1936 г. между СССР и Монголией был подписан протокол о взаимопомощи. Однако советская активность на этом направлении негативно воспринимались не только в Японии, но и в Китае. 7 апреля 1936 г. Чан Кайши направил в Москву ноту протеста [Халхин-Гол... 2009: 49].

Китайское руководство изменило свою позицию в отношении СССР после того, как 7 июля 1937 г. Япония начала боевые действия против Китайской Республики. Благоприятные внешнеполитические условия для Москвы и ее дипломатические усилия дали положительные результаты и на китайском направлении. 21 августа 1937 г. подписан советско-китайский договор о ненападении, в соответствии с которым начались поставки советского оружия, боевой техники и военного имущества в Китай, которые велись по каналам советской военной разведки. В китайской армии работали советские военные советники и военные летчики, принимавшие участие на стороне китайской армии в войне с Японией. Чан Кайши и его приближенные постоянно высказывали просьбы о прямом военном вмешательстве СССР в китайско-японскую войну. Однако Москва не намеревалась становиться прямым участником, оказывая разностороннюю помощь Китаю.

Активную роль в советско-китайском сотрудничестве в тот период играло Разведывательное управление Красной армии. Оно добывало важную военную информацию и ежедневно составляло разведывательные сводки по Дальнему Востоку, в которых описывалось положение в различных районах Китая (Северный, Центральный Китай, Лунхайская железная дорога, юг Китая, Маньчжурия, планы китайского командования, переброска войск), описывались действия японских и китайских войск. Особое внимание обращалось на действия авиации (успехи и потери), давалась характеристика военной обстановки на китайско-японском театре военных действий и приводилась схема на карте положения воюющих сторон. Поставки вооружения из СССР в Китай также шли под контролем и прикрытием советской военной разведки.

Заручившись политической поддержкой Китая, в сентябре 1937 г. на территорию Монголии введены советские войска (57-й особый корпус), что, по мнению руководства СССР, обеспечивало безопасность союзника и предотвращало внезапное появление японских войск на советских границах. Советский Союз заявлял, что не преследует целей ни захвата территории Монголии, ни вторжения в Китай.

В Токио весной 1939 г. полагали, что рост антикоммунистических сил и национализма в ряде стран ослабил международное положение СССР, заключение пактов о взаимопомощи между СССР и Францией, СССР и Чехословакией оказалось малоэффективным, что было продемонстрировано в период «Мюнхенского сговора» [Соловьев 2019: 267; Христоворов 2009: 21–47].

В целях обеспечения надежной охраны советских государственных границ СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1 февраля 1938 г. приняли соответствующее постановление, а также утвердили вопросы НКВД по Дальнему Востоку. На территории СССР, прилегавшей к границе с Японией, Кореей, Маньчжурией и Монгольской Народной Республикой, устанавливался особый режим охраны границы. Из Дальневосточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР выселены лица, не имевшие ни советских, ни иностранных паспортов, арестованы все подозреваемые в шпионской, диверсионной и антисоветской деятельности, а их дела рассмотрены во внесудебном порядке на тройках [Лубянка... 2004: 469–470].

Японская сторона в 1938 г. также обращала внимание на урегулирование пограничных вопросов в силовом варианте и, подписав японо-маньчжурский протокол, обязалась обеспечивать безопасность Маньчжоу-Го.

Дипломатические переговоры об урегулировании спорных пограничных вопросов между СССР и Японией с разной степенью интенсивности продолжались в 1938–1939 гг. Так, 15 июля 1938 г. в Москве Б. С. Стомоняков провел две встречи с временным поверенным в делах Японии в СССР Ниси Харухико, которые не привели к пониманию ситуации, сложившейся вокруг высоты Заозерная, не снизили градус активности советских пограничников, против чего выступала японская сторона.

20 июля японский посол в Москве Мамору Сигэмицу заявил наркому иностранных дел М. Литвинову притязания на высоты. Получив отрицательный ответ, Сигэмицу пошел на обострение и заявил, что если сопка Заозерная не будет передана Маньчжоу-Го, то Токио применит силу. Однако язык угроз был неприемлем в Москве. Дипломатические меры не дали положительного результата. С 29 июля по 11 августа между со-

ветскими и японскими войсками у оз. Хасан проходили боевые действия. И Москва, и Токио обвиняли друг друга в развязывании конфликта.

Успешные действия советских войск вынудили Токио вернуться к дипломатическим переговорам. 4 августа 1938 г. японский посол на встрече с наркомом Литвиновым предложил разрешить конфликт дипломатическими средствами. Литвинов ответил, что прекращение военных действий возможно лишь при условии освобождения японцами захваченной ими территории СССР.

8 августа советские войска заняли высоту Безымянную и закрепились вблизи вершины Заозерная. Новый раунд советско-японских переговоров о перемирии прошел в Москве 10 августа, а уже на следующий день военные действия прекратились.

В начале 1939 г. напряженность на границе усилилась. Японские военнослужащие периодически нападали на монгольских пограничников, одновременно обвиняя Монголию в нарушении границ Маньчжоу-Го.

В Токио были раздражены тем, что СССР продолжает оказывать военную помощь Китаю, а при дипломатической и политической поддержке Москвы создается единый фронт Гоминьдана и КПК. По мнению японского министра иностранных дел И. Мацуока, война Японии против СССР и МНР окажет воздействие на Чан Кайши и приведет к победе Токио.

Москва стала действовать более энергично после смены наркома иностранных дел СССР. Назначенный на этот пост В. Молотов провел 19 и 25 мая 1939 г. встречи с послом Японии С. Того, заявив о недопустимости нарушения японо-маньчжурскими войсками границы Монголии и потребовав прекращения таких действий. Спорные территориальные вопросы, как и ранее, не удалось урегулировать на дипломатическом уровне, что привело к пику противостояния в районе р. Халхин-Гол между СССР и МНР с одной стороны и Японией – с другой.

Боевые действия у р. Халхин-Гол между советско-монгольскими войсками и вооруженными силами Японии велись с 11 мая по 31 августа 1939 г. и завершились разгромом японских войск частями Красной и монгольской армий под командованием Г. К. Жукова.

НКВД СССР информировал ЦК ВКП(б) и СНК СССР о проблемах комплектования и вооружения частей Красной армии, военно-политической обстановке в Монголии, Маньчжоу-Го, Китае, Японии, боеготовности японской армии, планах и намерениях японской стороны, силах и средствах противника.

15 сентября 1939 г. в Москве между СССР, МНР и Японией подписано соглашение о ликвидации конфликта в районе р. Халхин-Гол. В соответствии с соглашением 16 сентября с 14 часов прекращались все военные действия, а войска оставались на позициях, занимаемых ими 15 сентября на 13 часов по московскому времени. Стороны договорились об обмене военнопленными, телами погибших и о создании совместной комиссии по уточнению государственной границы в районе р. Халхин-Гол между Монголией и Маньчжоу-Го.

В соответствии с договором о перемирии была создана комиссия по демаркации монголо-маньчжурской границы из представителей МНР, СССР, Японии и Маньчжоу-Го. Соглашение между СССР и Японией об уточнении границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го в районе р. Халхин-Гол подписано 9 июня 1940 г. Окончательно работы по демаркации границы закончились в мае 1942 г., тогда и было заключено соответствующее соглашение. Почти весь спорный район остался в составе Монголии. К Маньчжоу-Го отошли лишь небольшие районы, захваченные японскими войсками, к юго-востоку от Халхин-Гола (Номонхана) [Соловьев 2019: 263].

Спорные вопросы прохождения границы между Японией и СССР, а также между Маньчжоу-Го и Монголией в 1938–1939 гг. не удалось урегулировать на дипломатическом уровне, что привело к пику военного противостояния и перерастанию конфликта в военную фазу, завершившуюся переговорами и подписанием соглашений о перемирии.

Вооруженные конфликты у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол выявили недостатки в действиях частей Красной армии: низкий уровень взаимодействия между пехотой, танки-

стами и артиллерией, слабость войсковой разведки, конструктивные недостатки танков БТ (легко воспламенялись), самолетов И-16 и И-153 (не имели радиостанций, низкая скорость полета).

Тем не менее победа советских войск над японцами была названа «решительной», что помешало руководству страны услышать правду о недостатках в технике, вооружении, организации боевых действий и управлении войсками, это не позволило устранить их накануне Великой Отечественной войны, начавшейся летом 1941 г.

Примечания

I. 13 января 2009 г. в газете «Унэн» в статье «Сражение на Халхин-Голе не являлось конфликтом между Монголией и Японией» опубликовано интервью с руководителем Управления национального архива Монголии, доктором исторических наук Д. Улзийбатаром, в котором подвергнуты ревизии существующие официальные оценки сражения на р. Халхин-Гол. Ученый утверждает, что события стали результатом геополитических «разборок» СССР и Японии, которые произошли на территории Монголии, в итоге утратившей часть территории. Интервью с государственным чиновником на страницах газеты «Унэн» – органа правящей МНРП звучало диссонансом официально провозглашенной Монголией позиции по вопросу о событиях 70-летней давности. В некоторых монгольских кругах иногда звучали призывы к научному, с учетом мнений всех сторон, переосмыслению событий на р. Халхин-Гол.

II. В июле 1935 г. в системе НКВД создано Главное управление государственной съемки и картографии (с 23 сентября 1938 г. – Главное управление геодезии и картографии при СНК СССР).

Источники и литература

Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май – сентябрь 1939 г.: док-ты и мат-лы. – М.: Новалис, 2014. – 518 с.

Документы внешней политики СССР. Т. XXII. 1939: в 2 кн. Кн. 1: Январь – август. – М.: Международные отношения, 1992. – 712 с.

Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939: в 2 т. Т. 2: Январь – август 1939 г. – М.: Политиздат, 1981. – 415 с.

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док-тов: в 2 ч. – М.: Граница, 2019. Ч. I. – 360 с.; ч. II. – 328 с.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. – М.: МФД, 2004. – 736 с.

Болд Р. Ограниченная война: военно-дипломатическая история сражения у реки Халхин-Гол / Р. Болд. – М.: Весь мир, 2019. – 568 с.

Жалсапова Ж. Б. Взаимоотношения России/СССР с Монголией/МНР в военной сфере (1911–1939): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ж. Б. Жалсапова. – Хабаровск, 2009. – 25 с.

Лузянин С. Г. Дипломатическая история событий на Халхин-Голе. 1932–1939 гг. / С. Г. Лузянин // Новая и новейшая история. – 2001. – № 2. – С. 41–51.

Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945). – М.: Госполитиздат, 1951. – 790 с.

Мозохин О. Б. ОГПУ – НКГБ в борьбе со спецслужбами Японии / О. Б. Мозохин. – 2-е изд., доп. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. – 536 с.

Свойский Ю. М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен / Ю. М. Свойский. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. – 458 с.

Славинский Б. Н. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история 1937–1945 / Б. Н. Славинский. – М.: Япония сегодня, 1999. – 534 с.

Соловьев А. В. Тревожные будни Забайкальской контрразведки / А. В. Соловьев. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Русь, 2019. 864 с.: ил. (Из секретных и личных архивов).

Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны. – М.: Академкнига, 2009. – 248 с.

Христофоров В. С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны / В. С. Христофоров // Новая и Новейшая история. – 2009. – № 1. – С. 21–47.

References

- Vooruzhennyj konflikt v rajone reki Halhin-Gol. Maj – sentyabr' 1939 g.: dok-ty i mat-ly. – M.: Novalis, 2014. – 518 s.
- Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. XXII. 1939: v 2 kn. Kn. 1: Yanvar' – avgust. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1992. – 712 s.
- Dokumenty i materialy kanuna vtoroj mirovoj vojny. 1937–1939: v 2 t. T. 2: Yanvar' – avgust 1939 g. – M.: Politizdat, 1981. – 415 s.
- Rossijsko-mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo (1911–1946): sb. dok-tov: v 2 ch. – M.: Granica, 2019. Ch. I. – 360 s.; ch. II. – 328 s.
- Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arhiv Stalina. Dokumenty vysshih organov partijnoj i gosudarstvennoj vlasti. 1937–1938. – M.: MFD, 2004. – 736 s.
- Bold R.* Ogranichennaya vojna: voenno-diplomaticheskaya istoriya srazheniya u reki Halhin-Gol / R. Bold. – M.: Ves' mir, 2019. – 568 s.
- Zhalsapova Zh. B.* Vzaimootnosheniya Rossii/SSSR s Mongoliej/MNR v voennoj sfere (1911–1939): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / Zh. B. Zhalsapova. – Habarovsk, 2009. – 25 s.
- Luzyanin S. G.* Diplomaticheskaya istoriya sobytij na Halhin-Gole. 1932–1939 gg. / S. G. Luzyanin // Novaya i novejschaya istoriya. – 2001. – № 2. – S. 41–51.
- Mezhdunarodnye otnosheniya na Dal'nem Vostoke (1870–1945). – M.: Gospolitizdat, 1951. – 790 s.
- Mozohin O. B.* OGPU – NKGB v bor'be so specslyzhhbami Yaponii / O. B. Mozohin. – 2-e izd., dop. – M.; Berlin: Direkt-Media, 2019. – 536 s.
- Svojskij Yu. M.* Voennoplennye Halhin-Gola. Istoriya bojcov i komandirov RKKK, prshedshih cherez yaponskij plen / Yu. M. Svojskij. – M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniju i nauke, 2014. – 458 s.
- Slavinskij B. N.* SSSR i Yaponiya – na puti k vojne: diplomaticheskaya istoriya 1937–1945 / B. N. Slavinskij. – M.: Yaponiya segodnya, 1999. – 534 s.
- Solov'ev A. V.* Trevozhnye budni Zabajkal'skoj kontrrazvedki / A. V. Solov'ev. – 2-e izd., ispr. i dop. – SPb.: Rus', 2019. 864 s.: il. (Iz sekretnyh i lichnyh arhivov).
- Halhin-Gol. Issledovaniya, dokumenty, kommentarii. K 70-letiju nachala Vtoroj mirovoj vojny. – M.: Akademkniga, 2009. – 248 s.
- Hristoforov V. S.* Myunhenskoe soglashenie – prolog Vtoroj mirovoj vojny / V. S. Hristoforov // Novaya i Novejschaya istoriya. – 2009. – № 1. – S. 21–47.

УДК 94(517.3)

ББК 63.3(5Мо)

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-17-22

Ц. Батбаяр, Д. Лундээжанцан

В. М. МОЛОТОВ И ЕГО РОЛЬ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ
УРЕГУЛИРОВАНИИ ХАЛХИН-ГОЛЬСКОГО КОНФЛИКТА
(май – сентябрь 1939 г.)

Статья посвящена роли В. М. Молотова, который был председателем Совнаркома СССР в 1930–1941 гг. и одновременно народным комиссаром иностранных дел с мая 1939 по март 1946 г., во внешней политике СССР в 1930-е гг. и в дипломатическом урегулировании Халхин-Гольского конфликта. Роль Молотова была недостаточно освещена и оценена в историографии. Статья показывает усилия СССР и Японии по нахождению взаимоприемлемых компромиссов в разрешении военного конфликта и роль В. М. Молотова в этом процессе.

Ключевые слова: Халхин-Гольский конфликт, дипломатия, переговоры, мирный план, прекращение огня, перемирие.

Ts. Batbayar, D. Lundeejantsan

V. M. MOLOTOV AND HIS ROLE IN DIPLOMATIC RESOLUTION
OF THE KHALKHIN GOL CONFLICT (May – September 1939)

The article is devoted to the role of V. M. Molotov, who was the Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR in 1930–1941 and at the same time the People's Commissar for Foreign Affairs from May 1939 to March 1946, in the foreign policy of the USSR in the 1930s and especially in the diplomatic settlement of the Khalkhin Gol conflict. Molotov's role was not sufficiently covered and appreciated in historiography. The article shows the efforts of the USSR and Japan to find mutually acceptable compromises in resolving the military conflict and the role of V. M. Molotov in this process.

Keywords: Khalkhin Gol conflict, diplomacy, negotiations, peace plan, ceasefire, truce.

3 мая 1939 г. В. М. Молотов занял пост наркома иностранных дел СССР. Архивные документы указывают, что В. М. Молотов не был просто «тенью» Сталина. Он принимал активное и непосредственное участие в выработке важнейших дипломатических решений о состоянии отношений СССР как с Германией, так и с Японией в конце 1930-х гг. Российский ученый В. А. Никонов подчеркивает: «Тот факт, что Молотов к посту председателя Совнаркома добавил еще и должность наркома иностранных дел, свидетельствовал о выдвижении дипломатии на первый план советской политики. Теперь уровень принятия и реализации внешнеполитических решений поднимался на самый верх. Скорость их выработки и выполнения возрастала кратно. Характер переговоров, которые мог вести Молотов, уровень решаемых на них вопросов был более серьезным, чем при Литвинове. Дистанция между наркомом иностранных дел и первым лицом сокращалась до минимума» [2016: 5–6]. Действительно, замена Литвинова Молотовым сигнализировала о серьезных изменениях в приоритетах советской внешней политики.

19 мая 1939 г. В. М. Молотов пригласил к себе японского посла в Москве Сигэнори Того и сделал следующее заявление: «Мы получили сведения о нарушении границы Монгольской Народной Республики японо-маньчжурскими войсками. Поскольку между СССР и МНР имеется пакт о взаимопомощи, то по поводу указанного нарушения

ЦЭДЭНДАМБЫН Батбаяр – академик АН Монголии, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии АН Монголии (г. Улаанбаатар, Монголия). E-mail: mootonhargana@gmail.com.

ДАНЗАНГИЙН Лундээжанцан – доктор юридических наук, председатель ученого совета при Университете «Шихихууг» (Улаанбаатар, Монголия). E-mail: lundeejantsan@gmail.com.

границы МНР я должен сделать послу заявление ... Имеются таким образом, грубые нарушения границы МНР и другие недопустимые действия со стороны японо-маньчжурских частей. Я должен предупредить, что всякому терпению есть предел, и прошу посла передать японскому правительству, чтобы больше этого не было...» [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1386. Л. 8–12]. Из этого документа можно сделать два вывода: во-первых, японцам было дано понять, что этот пограничный инцидент нельзя ограничивать двумя сторонами – МНР и Маньчжоу-Го, а следует, основываясь на монголо-советском протоколе о взаимопомощи 1936 г., рассматривать как вопрос советско-японских взаимоотношений; во-вторых, у Сталина и Молотова еще были свежи в памяти впечатления от советско-японского конфликта на оз. Хасан, произошедшего ровно 10 месяцев тому назад. Тогда И. В. Сталин, не сделав уступки японцам впервые с 1931 г., приказал маршалу В. К. Блюхеру разбомбить две сопки, занятые японцами, и изгнать их оттуда твердой рукой. Только после сильного удара со стороны советских войск конфликт был улажен М. Литвиновым и Мамору Сигэмицу в Москве дипломатическим путем. Отсюда Сталин сделал вывод: если японцы попытаются еще раз развязать конфликт, подобный хасанскому, необходимо преподать им еще более суровый урок.

В апреле – мае 1939 г. в советской внешней политике произошли перемены принципиального характера. Мюнхенская конференция в сентябре 1938 г. и захват Чехословакии нацистской Германией в марте 1939 г. заставили советское руководство в корне пересмотреть свою прежнюю политику создания «системы коллективной безопасности» в Европе и стремиться к достижению какой-либо договоренности с Германией, чтобы хотя бы на короткое время отодвинуть срок начала войны с Германией.

После консультации с Токио посол Японии в Москве Сигэнори Того 25 мая 1939 г. встретился с Молотовым и вручил ему ответ японского правительства: «Поскольку японское правительство не признает т. н. советско-монгольского протокола о взаимопомощи, оно не имеет возможности принять протест советской стороны по вопросам, касающимся Внешней Монголии. Нынешний инцидент был вызван незаконными нарушениями границы войсками Внешней Монголии, и правительство Маньчжоу-Го уже 15 и 19 мая выразило протесты в адрес Внешней Монголии. Тем не менее правительство Японии, исходя из пакта о совместной обороне между Японией и Маньчжоу-Го, выражает решительный протест, имея ввиду касательство советских войск к данному инциденту» [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1223. Л. 165–166]. Как явствует из заявления посла Того, японское правительство вначале рассматривало этот конфликт как дело, касающееся только Маньчжоу-Го и МНР, и намеревалось добиться какого-то урегулирования в рамках этого концепта. Оно придумало дипломатическую уловку, позволяющую не признавать советско-монгольский протокол о взаимопомощи и исходя из этого давать отпор каждый раз, когда Советский Союз попытается говорить от имени МНР. Однако в дальнейшем события развернулись не так, как хотелось Токио.

В конце мая 1939 г. в район Халхин-Гола прибыл советский войсковой отряд (отряд А. Б. Быкова) и совместно с монгольскими войсками 28 мая отразил атаку японцев, полностью уничтожив разведотряд Яазо Азумы, что заставило основные силы группы Ямагаты оставить боевую зону. По подсчетам советской стороны, японцы потеряли 280 чел. убитыми, советско-монгольская сторона – 130 чел. [Батбаяр 1989: 51–57]. По японским данным, группа Такемицу Ямагаты, включая отряд Азумы, потеряла 159 чел. убитыми, 119 – ранеными [Соох 1990: 242–243].

В докладе о международном положении и внешней политике Советского Союза на III сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г. В. М. Молотов заявил, что в соответствии с протоколом о взаимопомощи между СССР и МНР Советский Союз будет защищать границы МНР так же, как и свои собственные. В частности он заявил: «По существующему между СССР и Монгольской Народной Республикой договору о взаимопомощи, мы считаем своей обязанностью оказывать МНР должную помощь в охране ее границ ... Пора понять, что обвинения в агрессии против Японии, выставленные Японией против правительства Монгольской Народной Республики, смешны и вздорны. Пора также понять, что всякому терпению есть предел. Поэтому лучше вовремя

бросить повторяющиеся все снова и снова провокаторские нарушения границы СССР и МНР японо-маньчжурскими воинскими частями. Соответствующее предупреждение нами сделано и через японского посла в Москве» [Год кризиса... 1990 Т. 1: 530]. В это же время советское руководство решило отозвать Г. К. Жукова с Белорусского военного округа и направить его в Монголию. 5 июня 1939 г. он прилетел из Москвы через Читу в Тамсаг-Булак. Ознакомившись с боевой обстановкой на месте, Г. К. Жуков докладывал в Москву, что необходимо, прочно удерживая свои позиции на правом берегу р. Халхин-Гол, постепенно наращивая силы, подготовить контрнаступление с целью силой вытеснить японцев из района Халхин-Гола. Москва согласилась с его предложением и назначила Г. К. Жукова командующим 57-м особым корпусом [Болд 2019: 257–262].

С осени 1938 г. велись переговоры по заключению тройственного японо-германо-итальянского военного союза. Но если японское правительство считало, что этот союз должен быть нацелен главным образом против Советского Союза, то Германия и Италия полагали, что союз должен быть направлен также против Англии и Франции.

Лето 1939 г. стало важным периодом внешнеполитического выбора для Советского Союза. С апреля в Москве начались переговоры между СССР, Великобританией и Францией о создании коалиции по обузданию нацистской Германии. Одновременно в совершенно секретной обстановке начался обмен мнениями вначале между советским послом в Берлине Г. А. Астаховым и Иоахимом фон Риббентропом, а затем между германским послом в Москве Ф. Шуленбургом и В. М. Молотовым по достижению какой-либо дипломатической договоренности между Советским Союзом и Германией. СССР подошел к моменту выбора: кого избрать в союзники – Англию и Францию или нацистскую Германию [Багбаяр 2002: 146]. Инициатива находилась в руках у советской стороны. Сначала В. М. Молотов назначил день прибытия Иоахима фон Риббентропа в Москву на 26 или 27 августа 1939 г. Однако по предложению И. В. Сталина он перенес этот срок на 23 августа. К этому времени и советская, и германская стороны нуждались в скорейшем решении польского вопроса. Кроме того, советская сторона была заинтересована в быстрейшем окончании затянувшегося конфликта на Халхин-Голе [Год кризиса... 1990 Т. 2: 302–305]. Начало генерального наступления войск Г. К. Жукова было назначено на 20 августа, по-видимому, неслучайно. Наступление развивалось по плану, и к 23 августа успешно завершилась операция по окружению 23-й японской дивизии. Как раз к этому времени, в полдень 23 августа в Москву прибыл рейхсминистр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп.

В Москве между Сталиным и Риббентропом произошел интересный разговор по японскому вопросу. Риббентроп заявил Сталину, что германо-японская дружба не направлена против СССР, и если Советское правительство пожелает, то Германия готова сделать все возможное для улучшения советско-японских отношений. На что Сталин ответил: «Если Япония захочет воевать с нами, пусть будет так. СССР не боится войны и мы готовы к ней. А если Япония захочет дружбы с нами, то это будет еще лучше» [Соох 1990: 895].

На рассвете 24 августа 1939 г. были подписаны советско-германский пакт о ненападении и секретный протокол о разделении сфер влияния в Восточной Европе. При этом сам пакт и протокол были датированы 23 августа [Безыменский 1998: 22]. Временный поверенный в делах СССР в Японии Н. И. Генералов в телеграмме из Токио, датированной 24 августа, писал о впечатлении от этого документа в Токио: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь. ... Газеты начинают, пока осторожно, обсуждать возможность заключения такого же пакта Японии с СССР. ... В высказываниях многих видных деятелей признается неизбежность коренного пересмотра внешней политики Японии, и в частности к СССР» [Год кризиса... 1990 Т. 2: 322].

Как пишет английский историк А. Буллок, И. В. Сталин был чрезвычайно доволен известиями из Токио. Япония была не только унижена дипломатически подписанием пакта о ненападении между СССР и ее союзником Германией, но и в военном отноше-

нии – поражением в военном конфликте с СССР в районе Халхин-Гола [Bullock 1993: 614].

22 августа 1939 г. произошло событие чрезвычайной важности для советско-японских отношений. В этот день посол Того имел встречу с заместителем наркома иностранных дел С. А. Лозовским и обменялся с ним мнениями по вопросу о Сахалинской нефтяной концессии и по другим актуальным вопросам. Так, Того указал на необходимость скорейшего урегулирования пограничных вопросов между Маньчжоу-Го и СССР и между Маньчжоу-Го и Внешней Монголией. Если у японской стороны есть конкретные предложения, сказал Лозовский в ответ, то Советский Союз готов изучить их. Японская сторона пришла к выводу, что Советский Союз готов обсудить номонханский и халхин-гольский вопросы по дипломатической линии, и МИД Японии 28 августа дал Того поручение незамедлительно начать переговоры [Hata 1976: 173–174].

Советско-германский пакт о ненападении привел японское правительство к отставке. 30 августа новым премьер-министром Японии стал генерал Нобуюки Абэ, заменив на этом посту Хирануму. Целый месяц Абэ не смог назначить нового министра иностранных дел и поэтому по совместительству исполнял его обязанности сам.

В связи с резкими изменениями обстановки в Европе Генштаб в Токио 3 сентября 1939 г. распорядился остановить готовившиеся боевые действия с участием трех дивизий Квантунской армии в районе Номонхана, а военный министр 5 сентября сообщил Квантунской армии, что, учитывая новую обстановку, сложившуюся в результате начавшейся войны в Европе, решено начать переговоры с русскими. Японский посол в Москве Сигэнори Того 4 сентября получил из Токио телеграмму: «Действуйте решительно, начните переговоры по улучшению в целом двусторонних дипломатических отношений. Одновременно с этим необходимо немедленно решить номонханский вопрос». В телеграммах из Токио, полученных послом 6 и 8 сентября, содержались три варианта основного условия прекращения огня:

Вариант 1. До установления пограничной линии (двухсторонней комиссией) объявить демилитаризованной зоной спорный район, где происходили номонханские бои.

Вариант 2. До установления пограничной линии войска обеих сторон должны сохранять позиции, занимаемые в момент прекращения огня, не допуская продвижения вперед.

Вариант 3. До установления пограничной линии обе стороны должны придерживаться рубежа пограничной линии, занимаемой Внешней Монголией, и не пересекать ее [Соох 1990: 904].

Первая встреча Того и Молотова состоялась 9 сентября 1939 г. На ней Того выразил стремление нового правительства Японии (правительства Абэ, сформированного 30 августа) решить накопившиеся актуальные вопросы отношений между двумя странами и в дальнейшем улучшить взаимоотношения в целом. Он высказал также желание решить и спорные пограничные вопросы, относящиеся к границам между Советским Союзом и Маньчжоу-Го и между Маньчжоу-Го и Внешней Монголией, и готовность японской стороны создать для этого совместную комиссию.

Когда В. М. Молотов переспросил о спорных пограничных вопросах, Того сказал, что он имеет в виду номонханский вопрос. «Какие есть конкретные предложения?», – спросил Молотов. Того предложил превратить спорный район Номонхана в демилитаризованную зону. Молотов тут же возразил, что этот так называемый спорный район (восточный берег реки Халхин-Гол. – *Авт.*) целиком является территорией МНР. «Для решения этого вопроса, – сказал Того, – мы готовы создать совместную комиссию, но надо, однако, найти временное решение, и я прошу вас дать ответ незамедлительно, хоть завтра» [Батбаяр 2002: 153–154].

Молотов дал ответ на следующий день, 10 сентября. Советский Союз, заявил он, согласен создать совместные комиссии по установлению пограничной линии и урегулированию пограничных споров с участием Маньчжоу-Го с одной стороны и Советского Союза и МНР – с другой. Советский Союз предлагает, чтобы обе стороны отвели свои войска от рубежа, существовавшего до мая 1939 г., т. е. от пограничной линии, которую

МНР считает правильной. Молотов также заявил, что речь идет не об установлении заново пограничной линии в районе р. Халхин-Гол, а об уточнении уже установленной. Таким образом, на встрече 10 сентября Молотов добивался максимальной уступки с японской стороны, а Того как можно меньшей, и каждый в отдельности защищал свою позицию [Батбаяр 2002: 153–154].

На третьей встрече с Молотовым 14 сентября Того выдвинул в качестве предложения вариант № 2, означающий уступки средней степени с японской стороны. Того предложил, чтобы обе стороны, оставаясь на занимаемых в данный момент позициях, немедленно прекратили огонь, начиная со строго установленного срока, обменялись военнопленными, получили возможность забрать тела убитых солдат и чтобы представители обеих сторон непосредственно на месте договаривались обо всем остальном.

Вечером 15 сентября Молотов пригласил Того к себе и официально заявил, что Советский Союз согласен с японскими предложениями. Молотов высказался в пользу того, чтобы обе стороны, оставаясь на занимаемых позициях, с 10 часов вечера 15 сентября прекратили огонь по всему фронту. Он предложил немедленно создать совместную комиссию из двух человек со стороны Японии и Маньчжоу-Го и двух человек с советско-монгольской стороны с целью начать работу по уточнению пограничной линии между Маньчжоу-Го и Монголией. В три часа утра 16 сентября обе стороны выпустили совместное заявление, которое предусматривало:

1. С двух часов утра по московскому времени 16 сентября военные силы Японии и Маньчжоу-Го, Советского Союза и Монголии прекращают все боевые действия между собой.

2. Обе стороны сохраняют свои позиции по состоянию на 13 часов по московскому времени 15 сентября.

3. Представители обеих сторон встречаются непосредственно на месте и срочно предпринимают меры по осуществлению вышеуказанной договоренности [Вооруженный конфликт... 2014: 407–408].

Для советского руководства Япония постоянно представляла военную угрозу на советском Дальнем Востоке начиная с начала 1930-х гг. Для И. В. Сталина и В. М. Молотова, высшего руководства страны, МНР была буферной зоной стратегического значения как территория, прямо примыкающая к Дальневосточному фронту СССР. Советская сторона решала военно-стратегические задачи – преподать японцам суровый урок так же, как на Хасане, и тем самым не допустить в дальнейшем повторного нападения на советский Дальний Восток и МНР в условиях нависшей над Европой угрозы войны и предотвратить ситуацию, при которой она может быть втянутой также в войну в Азии и воевать одновременно на двух фронтах.

Советское руководство, готовясь к большому контрнаступлению против японцев в районе Халхин-Гола, вело активные переговоры с нацистской Германией по заключению пакта о ненападении, чтобы получить «передышку» перед войной в Европе. Неслучайно Г. К. Жуков начал контрнаступление против японцев 20 августа 1939 г., а 24 августа были подписаны пакт и секретный протокол между СССР и Германией.

В связи с резким изменением обстановки в Европе после начала Второй мировой войны МИД Японии дало поручение послу Того в Москве начать переговоры с СССР 28 августа 1939 г. Обе стороны – как Москва, так и Токио – были заинтересованы в скорейшем окончании военных столкновений на Дальнем Востоке в связи с новой обстановкой в Европе, что послужило основой к прекращению четырехмесячного военного конфликта на Халхин-голе в результате интенсивных переговоров между В. М. Молотовым и Сигэнори Того в Москве по нахождению взаимоприемлемого выхода из ситуации.

Источники и литература

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ): ф. 82, оп. 2, д. 1386 (Беседа тов. Молотова с японским послом Того, 19 мая 1939 г.).

Российский государственный военный архив (РГВА): ф. 33987, оп. 3, д. 1223 (Из дневника наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова о приеме японского посла С. Того 25 мая 1939 г.).

Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май – сентябрь 1939 г.: док-ты и мат-лы. – М.: Новалис, 2014. – 518 с.

Год кризиса. 1938–1939: док-ты и мат-лы: в 2 т. Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. – 554 с.

Год кризиса. 1938–1939: док-ты и мат-лы: в 2 т. Т. 2: 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. – 430 с.

Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века / Ц. Батбаяр. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002. – 229 с.

Безыменский Л. А. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы / Л. А. Безыменский // Новая и новейшая история. – 1998. – № 3. – С. 5–56.

Болд Р. Ограниченная война: военно-дипломатическая история сражения у реки Халхин-Гол / Р. Болд. – М.: Весь мир, 2019. – 569 с.

Никонов В. Молотов: Наше дело правое: в 2 т. Т. 2 / В. Никонов. – М.: Молодая гвардия, 2016. – 573 с.

Батбаяр Ц. Халхын гол: Түүх ба Орчин үе / Ц. Батбаяр // Улсын Хэвлэлийн газар. – Улаанбаатар, 1989. – С. 51–57.

Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives / A. Bullock. – New York: Vintage books, 1993. – 614 p.

Coox Alvin D. Nomonhan: Japan against Russia, 1939 / Alvin D. Coox. – Stanford: Stanford University Press, 1990. – 1276 p.

Hata Ikuhiko. The Japanese-Soviet Confrontation. Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR 1935–1940 / Ikuhiko Hata; selected translations from Taiheiyo senso e no michi: Kaisen gaikoshi (ed. by James William Morley). – New York, Columbia University Press, 1976. – 396 p.

References

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI): f. 82, op. 2, d. 1386 (Beseda tov. Molotova s yaponskim poslom Togo, 19 maya 1939 g.).

Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA): f. 33987, op. 3, d. 1223 (Iz dnevnika narkoma inostrannyh del SSSR V. M. Molotova o prieme yaponskogo posla S. Togo 25 maya 1939 g.).

Vooruzhennyj konflikt v rajone reki Halhin-Gol. Maj – sentyabr' 1939 g.: dok-ty i mat-ly. – М.: Novalis, 2014. – 518 s.

God krizisa. 1938–1939: dok-ty i mat-ly: v 2 t. T. 1: 29 sentyabrya 1938 g. – 31 maya 1939 g. – М.: Izd-vo polit. lit-ry, 1990. – 554 s.

God krizisa. 1938–1939: dok-ty i mat-ly: v 2 t. T. 2: 2 iyunya 1939 g. – 4 sentyabrya 1939 g. – М.: Izd-vo polit. lit-ry, 1990. – 430 s.

Batbayar C. Mongoliya i Yaponiya v pervoj polovine XX veka / C. Batbayar. – Ulan-Ude: IPK VSGAKI, 2002. – 229 s.

Bezymenskij L. A. Sovetsko-germanskie dogovory 1939 g.: novye dokumenty i starje problemy / L. A. Bezymenskij // Novaya i novejšaya istoriya. – 1998. – № 3. – С. 5–56.

Bold R. Ogranichennaya vojna: voenno-diplomaticheskaya istoriya srazheniya u reki Halhin-Gol / R. Bold. – М.: Ves' mir, 2019. – 569 s.

Nikonov V. Molotov: Nashe delo pravoe: v 2 t. T. 2 / V. Nikonov. – М.: Molodaya gvardiya, 2016. – 573 s.

Batbayar C. Halhyn gol: Түүх ба Орчин үе / С. Батбаяр // Улсын Хэвлэлийн газар. – Улаанбаатар, 1989. – С. 51–57.

Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives / A. Bullock. – New York: Vintage books, 1993. – 614 p.

Coox Alvin D. Nomonhan: Japan against Russia, 1939 / Alvin D. Coox. – Stanford: Stanford University Press, 1990. – 1276 p.

Hata Ikuhiko. The Japanese-Soviet Confrontation. Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR 1935–1940 / Ikuhiko Hata; selected translations from Taiheiyo senso e no michi: Kaisen gaikoshi (ed. by James William Morley). – New York, Columbia University Press, 1976. – 396 p.

УДК 94 (47+57)

ББК 63.3(2)72

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-23-28

Д. Д. Намнанов

ВETERАНЫ БУРКАВБРИГАДЫ – УЧАСТНИКИ БИТВЫ НА ХАЛХИН-ГОЛЕ

Статья посвящена участию ветеранов Буркавбригады в битве на Халхин-Голе. Многие бойцы и командиры Буркавбригады были награждены боевыми орденами и медалями за проявленное мужество и героизм в боях с японскими захватчиками.

Ключевые слова: ветераны Буркавбригады, японские захватчики, участники боевых действий, битва на Халхин-Голе, Баин-Цаган, советско-монгольские войска, Г. К. Жуков.

D. D. Namnanov

VETERANS OF THE BURYAT CAVALRY BRIGADE – PARTICIPANTS IN THE BATTLE OF KHALKHIN GOL

This article is dedicated to the participation of the veterans of the Buryat Cavalry Brigade in the Battle of Khalkhin Gol. Many soldiers and commanders of the Buryat Cavalry Brigade were awarded combat orders and medals for their courage and heroism in the battles against the Japanese invaders.

Keywords: Veterans of the Buryat Cavalry Brigade, Japanese invaders, participation in military operations, Battle of Khalkhin Gol, Bain-Tsagan, Soviet-Mongolian troops, G. K. Zhukov.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что на всех этапах исторического развития России особое значение имели национальное военное строительство в условиях огромной территории и необходимость надежной защиты рубежей и многонационального состава населения. С учетом внешних угроз и сегодня требуется всестороннее изучение опыта создания и использования национальных формирований. Научное освоение темы позволяет определить объективные и субъективные причины возникновения национальных формирований, моделировать их возможное развитие и применение. При этом участие ветеранов бурятского национального формирования в битве на Халхин-Голе пока не стало предметом специального исследования. В этот период процесс реформирования армии привел к упразднению территориально-милиционного принципа построения РККА и в основу ее формирования был положен принцип всеобщей воинской обязанности. Исходя из этого, согласно реформам, были упразднены и национальные формирования.

В 1939 г. после начала военных действий на р. Халхин-Гол и объявления частичной мобилизации уроженцы Забайкалья, в т. ч. Бурятии, испытали на себе все тяготы первых месяцев сражений, особенно отличились ветераны Буркавбригады.

В боях с японскими захватчиками принимали участие много воинов из Бурятии. Летом 1939 г. в республике мобилизованы из запаса свыше 15 тыс. военнообязанных, сформирована 114-я стрелковая дивизия из состава приписников Иркутской области и некоторых районов Бурятии, которые вошли в резерв 1-й армейской группировки. В г. Чите сформирована 93-я стрелковая дивизия. Большинство было направлено на пополнение войск, действующих в МНР. Ветераны Буркавбригады сражались в составе частей и подразделений 57-го особого корпуса, а затем 1-го армейского корпуса под командованием Г. К. Жукова. Несколько сотен бойцов и командиров из Бурятии были награждены орденами и медалями.

НАМНАНОВ Данзан Дампилович – кандидат исторических наук, главный специалист по ГО и ЧС Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ). E-mail: namnanov@bsu.ru.

Среди участников боевых действий в районе р. Халхин-Гол были и ветераны бурятских национальных кавалерийских частей. За успешное выполнение задания командования в боях с японскими захватчиками были награждены боевыми орденами и медалями СССР и МНР:

«1. Орденами Ленина: бывший командир Отдельного бронеескадрона Бурятской кавалерийской Краснознаменной бригады капитан Филипп Андреевич Бичук, разведчик Алексей Митрофанович Хохлов.

2. Орденами Красного Знамени: младший командир Улзуи Шубдинович Раднаев; политрук Аркадий Михайлович Мараханов; командир пулеметного взвода лейтенант Прокопий Егорович Синтуев (Тынтуев); командир взвода лейтенант Иван Лаврентьевич Турунтаев; в том числе, младшие командиры: В. А. Сидякин, Б. О. Борисов, И. И. Игумнов, Н. Н. Колодо (Колодин), И. П. Перевалов, Н. И. Клочихин.

3. Орденом Красного Знамени Монгольской Народной Республики: Николай Ананьевич Хамаганов.

4. Орденами Красной Звезды: капитан Валентин Яковлевич Сытник, младший командир Иван Иванович Будаев и другие...

5. Медалями “За отвагу” – младшие командиры: лейтенант Степан Кузьмич Саушкин, Анатолий Бугдаевич Митанов, Аюши Лопсонович Мадогоев, Шагдар Цыренович Митанов; – красноармейцы: Жап Цатхландович Бадмаев, Петр Александрович Батуев, Дамба Раднаевич Доржиев, Чимит Ягеевич Дашидондоков, Доржи Дугарович Ленхоев, Наум Тимофеевич Симонов, Зурген Эрденеевич Эрденеев.

6. Медалью “За боевые заслуги”: бывший начальник Бурят-Монгольской школы подготовки младшего комсостава бригадный интендант Иван Ильич Дударев, лейтенант Цыренжап Санданович Аюрзанаев, лейтенант Жамбал-Доржи Бальжинимаев» [Базаров, Намнанов 2000: 149–150].

Ветеран буркавчасти разведчик А. М. Хохлов – уроженец Джидинского района Бурятии, «красноармеец 57-й стрелковой дивизии. Участник всех атак. Неоднократно ходил в разведку, добывая ценные сведения о противнике. Уничтожил 15 японцев. Родился в 1915 году в с. Цаган-Усун Бурятской АССР, член ВЛКСМ, в Советской Армии с 1937 года» [Кузнецов 1969: 81].

Ветераны буркавчасти: младший командир Улзуи Шубдинович Раднаев – уроженец Селенгинского района, командир пулеметного взвода лейтенант Прокопий Егорович Тынтуев (Синтуев) – уроженец Кабанского района.

Также известны имена других участников битвы на Халхин-Голе:

– ветеран буркавчасти Ойдоп Тапхаевич Тагаров, выпускник полковой школы младших командиров 1939 г. Бурят-Монгольской кавалерийской бригады, участвовал в боях на р. Халхин-Гол и получил тяжелое ранение. Участник Великой Отечественной войны, в сентябре 1941 г. получил назначение в железнодорожные войска. Сержант О. Т. Тагаров прошел дорогами войны от Курска до Будапешта. Служил в разведывательном подразделении. После войны в составе железнодорожных войск занимался разминированием железнодорожных путей и восстановлением разрушенных мостов, демобилизован в 1953 г. После демобилизации работал лесообъездчиком. На трудовом поприще был награжден орденом Ленина [В боях за Родину 1973: 13–19; Воскобойников, Хандажапов 2000: 138];

– ветеран буркавбригады, участник боев на реке Халхин-Гол Ж. Н. Бальжинимаев. В годы Великой Отечественной войны майор Бальжинимаев сражался в кавалерийских частях, был заместителем командира 220-го кавполка 63-й кавдивизии 5-го гвардейского Донского казачьего кавкорпуса. Был награжден орденами Александра Невского, Красного Знамени, Богдана Хмельницкого, Отечественной войны I степени. После войны полковник Ж. Н. Бальжинимаев окончил военную академию им. Фрунзе и занимал командные должности в Вооруженных силах СССР [Воскобойников, Хандажапов 2000: 140–141];

– ветеран буркавдивизиона Цыренжап Санданович Аюрзанаев – «уроженец Еравнинского района, с 1924 по 1926 г. учился в начальной школе Хоринска. С сентября

1926 по ноябрь 1929 г. работал членом правления сельскохозяйственного кредитного техникума. В ноябре 1929 г. был призван в Бурят-Монгольский кавдивизион и служил в нем до мая 1931 г., член ВКП(б) с 1930 г. В 1931–1932 – учился в Камышинской кавшколе, затем до сентября 1932 г. служил в отделе внешних сношений при наркомате обороны СССР. Четыре года был в командировке в Монгольской Народной республике. С ноября 1936 по август 1937 г. находился в распоряжении разведуправления РККА. В августе 1937 г. вновь прибыл на должность командира полуэскадрона связи в 11-й кавполк Бурятской Краснознаменной бригады» [ЦАМО. Ф. 25781. Оп. 2. Д. 227. Л. 8–11]. Участник боев на р. Халхин-Гол, участник Великой Отечественной войны. Был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды. Майор Ц. С. Аюрзанаев погиб на берегу Днепра [Воскобойников, Хандажапов 2000: 63, 144]. На фронте сражались четверо братьев Аюржанаевых – Шойдок, Борбодой, Бальжинима, Цыренжап. Последние двое братьев погибли на фронте;

– «ветеран буркавдивизиона Дугар Хусаев (1907–1979 гг.) родился в селе Южный-Аргалей Агинского бурятского округа, в семье скотовода, из рода хёлго-бодонгууд. Имел 4 класса образования, в совершенстве владел старомонгольской письменностью. Детские и юношеские годы прошли в родном селе. В 1929 г. был призван на военную службу в отдельный бурят-монгольский кавалерийский дивизион, недалеко от города Верхнеудинск. В составе дивизиона участвовал в боевых действиях на КВЖД. 20-го ноября 1931 г. вернулся в родные края и по направлению айкома комсомола был принят на службу в Агинскую аймачную милицию. В течение трех лет в составе отряда ЧОН (части особого назначения) участвовал в ликвидации вооруженных банд. После увольнения в 1934 г., женился на Цырегме Дагбаевой, работал в торговле в системе потребительской кооперации.

В июле 1939 г. был снова призван на военную службу, участвовал в боевых действиях у реки Халхин-Гол. До начала Великой Отечественной войны работал в родном селе. После призыва на фронт проходил боевую подготовку в 64-м кавалерийском полку, в феврале 1942 г. был отправлен на фронт. Боевой путь прошли через города Тула, Калуга, Сухавичи, Вязьма, Брянск, Юхнов, Унега и другие. Во время войны дважды встретился со своим односельчанином с Базаргуро Батоевым в районе города Калуги летом 1943 г. 12 октября 1943 г. на Брянщине, в бою, будучи наводчиком орудийного расчета, был тяжело ранен в правую грудь. После лечения в эвакогоспитале № 5925 на Урале, с января 1944 г. до конца войны он проходил службу в тыловой части. 10 ноября 1945 г. на основании Указа ПВС СССР от 25 сентября 1945 г. демобилизовался. Был награжден медалью “За победу над Германией”.

После войны долгое время работал в родном колхозе им. Калинина в с. Южный Аргалей звеньевым зерноводческого звена. Ратный труд фронтовика отмечен высокой правительственной наградой. В 1948 г. был награжден медалью “За трудовую доблесть”. Заслуженная награда – орден Отечественной войны 2-ой степени был вручен в 1957 г.

В 1957 г. за трудовые успехи был награжден поездкой на ВДНХ в г. Москва. Много лет руководил молочнотоварной фермой. 18 декабря 1967 г. вышел на заслуженный отдых, но продолжал работать и заведовал зернотоком колхоза имени Калинина. Умер в феврале 1979 г. в возрасте 72-х лет» [Толон 2010: 19 марта];

– ветеран буркавдивизиона Гончик Надцалов, 1904 г. р., выходец из с. Ага-Хангил Агинского бурятского округа. Участник боевых действий в составе дивизиона на КВЖД в 1929 г., также участник боевых действий на р. Халхин-Гол в 1939 г., участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Отечественной войны, многих боевых и юбилейных медалей;

– ветеран буркавдивизиона Дамби Дансаранов (1904–1944 гг.) родился в местности Усть-Жэпхэсэн Усть-Ульдургинского булука Забайкальской области и имел начальное образование. Проходил военную службу в отдельном Бурят-Монгольском кавалерийском дивизионе. Принимал участие в боевых действиях в 1929 г. на КВЖД в составе буркавдивизиона [Там же].

Вернувшись после окончания военной службы, был избран председателем сельского совета. В 1930 г. женился на Хандаме Санжиевой, работал водителем в селении

Агинское. Тогда в Агинских степях орудовали уголовники, процветал бандитизм. Дамби Дансаранов в числе первых был мобилизован в часть особого назначения (ЧОН).

В начале 1930-х гг. участились вылазки японских лазутчиков и даже целых групп отрядов из числа японо-маньчжурских разведчиков-диверсантов. В связи с этим была создана оперативная группа, куда входили С. Л. Ертагаев, К. Д. Шопхоев, Д. Жалсабон, Б. Дугарнимаев, И. О. Тукеев, В. Рогозин, Н. Шевченко, Г. Цыремпилов, Д. Тагаров, Ж. Абидуев и др. По воспоминаниям полковник а в отставке, бывшего секретаря Адун-Челунского хошунного комитета Ф. Т. Будажабэ, в Адун-Челуне боевые группы возглавляли Добчин Шагдарон и Дамби Дансаранов. 5 октября 1933 г. Дамби Дансаранов был принят в милицию рядовым сотрудником. После ликвидации бандитов работал водителем в селах Зугалай, Цаган-Челутай.

С началом военных событий на Халхин-Голе был призван на военную службу в качестве водителя. После увольнения в запас работал в родном колхозе. С началом Великой Отечественной войны был призван на действующий фронт, но через некоторое время отозван в Агинский военный комиссариат и назначен председателем колхоза им. Молотова. Как председателю колхоза ему дали лошадь, а как должностному лицу военных лет – пятизарядную винтовку и кавалерийское седло.

Из воспоминаний Цыден Болотовой, которая работала тогда в колхозе им. Молотова: «“Сам Дансаранов, Жамбал Мункин, Дылык Жамбуев и Юндэн Бадмаев иногда уезжали на лошадях в неизвестном направлении. Куда ездили, что делали – я не знала. Иногда их не бывало месяцами. Видимо, они выполняли какое-то секретное задание”. Можно только предположить, что здесь речь идет о членах истребительных батальонов, которых готовили к партизанской войне на случай оккупации территории во время внезапного нападения со стороны японцев. Весной 1944 года умер от туберкулеза...» [Толон 2010: 19 марта]. Военные водители обеспечивали переброску огромного количества грузов и большое число войск. По монгольским степям на расстояния 650–800 км в короткий срок было перевезено 650 тыс. т боеприпасов, горюче-смазочных материалов, продовольствия. На трассах было задействовано 3275 автомобилей ЗабВО и 2580 автомобилей 1-й армейской группировки;

– ветеран буркавчасти Спас Васильевич Ханхатов «был одним из самых мужественных и отважных воинов в с. Ирхидее Иркутской области. В июле 1939 г. участвовал в боях с японскими захватчиками у реки Халхин-Гол, имея за плечами почти двухгодичный срок солдатской службы.

В ноябре 1941 г. в составе 65-й стрелковой дивизии принял бой на Волховском фронте. В боях за Тихвин наши войска понесли большие потери. Погибли офицеры, сержанты 1-ой роты, в составе которой воевал Спас Васильевич. Во время боя С. В. Ханхатов взял командование на себя и повел горстку бойцов в атаку, и важный рубеж был захвачен. За этот подвиг он был награжден орденом Ленина.

В боях за станцию Чудово Ханхатов получил первое ранение. После госпиталя воевал в составе взвода полковой разведки. Физическая закалка выручала его во многих боевых испытаниях. Брала “языка” с боем, вели траншейные и рукопашные бои. В боевой биографии гвардейца Ханхатова были взорванные мосты, захваченные “языки” и другие операции. Лично добыл шесть “языков”, в том числе штабного офицера в звании майора. В боях под Старой Руссой в 1943 г. получил тяжелое ранение, по счету пятнадцатое. После ампутации ноги стал инвалидом и комиссован. С. В. Ханхатов награжден орденами Ленина (представлен в 1941 г., получил в 1948 г.), Отечественной войны II степени, многими медалями» [Там же];

– ветеран буркавчасти Базар Элбенович Тыхеев – уроженец с. Барагхан Курумканского района Бурятии. Награжден монгольским орденом «Улаан Одон» (Красная Звезда), орденами Отечественной войны I и II степеней и многими медалями, после войны до преклонных лет работал механизатором, награжден почетным знаком «Ударник коммунистического труда», участник ВДНХ в г. Москве;

– ветеран буркавчасти Шагдар Бадмаевич Зуртанов – уроженец с. Барагхан Курумканского района Бурятии, участник битвы на Халхин-Голе, финской и Великой Отече-

ственной войн. После работал парторгом, инструктором Иволгинского райкома партии, председателем сельпо, почтальоном. Награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя медалями «За отвагу», а также медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «30 лет Победы на Халхин-Голе» и др. [Архив автора].

Легендарный Гуржап Ванюшкеевич Очиров – командир партизанской бригады. Из его биографии известно: «с сентября 1927 г. в РККА; участник боевых действий: 1) в составе бурят-монгольского кавдивизиона в боях на КВЖД (командиром отделения разведчиков в тылу); 2) агентурный разведчик ЗаБВО в период боевых действий на Халхин-Голе в 1939 г.; 3) Великая Отечественная война с 1941–1945 гг.

За участие в боевых действиях на КВЖД в 1930 г. награжден орденом Красного Знамени. После КВЖД остается на сверхсрочной службе в буркавдивизионе и служит на ст. Дивизионная. В 1931 до ноября 1933 г. обучается в Северо-Кавказском военном училище в г. Краснодар (за успехи в боевой подготовке – награждается денежными премиями от командования училища, Северо-Кавказского округа, горсовета г. Краснодара). С ноября 1933 до 1935 г. служит в буркавполку. В 1935–1936 гг. проходит специальные курсы разведчиков (за успехи в учебе в 1935 г. НКО СССР Ворошилов премировал именными часами и серебряным портсигаром). По окончании курсов в 1938 г. направлен в ЗаБВО для службы разведчиком в Монголии. По возвращению из Монголии с 1938 по 1941 г. служил на ст. Хадабулак Читинской области. На основании приказа НКО от 26.07.1939 г. №00488 присвоено воинское звание “капитан”.

В 1941 г. переведен на ст. Соловьевск Читинской области. В июне 1941 г. служит в 480 СП 152 СД. С 17 июля по 2 августа 1941 г. участвовал в обороне Смоленска. Представлен к награде орденом Красного Знамени. 3 августа 1941 г. в составе 8-й роты прикрывал отход своей дивизии, окруженной немцами. Был ранен. Ночью вышли из окружения к деревне Гришково Духовщинского района Смоленской области. Совместно с секретарем Духовщинского райкома партии П. Ф. Цурановым организовал партизанский отряд, затем бригаду. Действовал под руководством К. Ворошилова. За бои в апреле-мае 1942 г. был награжден орденом Ленина (приказ от 01.09.1942 г. (был представлен к званию Героя Советского Союза)).

В полку числился без вести пропавшим: “капитан Очиров Г. В. адъютант старший батальона 480 СП 152 СД пропал без вести 29.07.1941 г.”. По сообщению штаба в/ч 00128 от 15.02.1943 г. капитан Очиров состоит в должности командира партизанской бригады. В январе 1943 г. капитан Очиров из партизанской бригады переведен в действующую армию. После проверки был отправлен в штрафную роту. Наградной лист на орден Красного Знамени – командира штрафной роты 4-го ОШБ от командира батальона майора Хасимова. Ходатайство подписано командиром 91 гв СД гв генерал-майором (фамилия неразборчива) 20.09.1943 г. “Приказ по войскам 39 армии № 0705 от 10 октября 1943 г. от имени Президиума Верховного Совета СССР награждаю: по 4-му отдельному штрафному батальону Калининского фронта орденом Красного Знамени – капитана Очирова Гуржап Ванюшкеевича – командира роты...” (Ком. 39 Армии г/л Берзарин). Орден вручен в октябре 1943 г.

«Приказ по войскам 2-го Белорусского фронта от 27.01.1945 г. № 068 о присвоении очередного воинского звания (по 49 Армии) “майор” командир батальона 287 СП (номер дивизии неразборчиво) СД Витебской Краснознаменного ордена Суворова. Ком. фронтом Рокоссовский, ЧВС Субботин, Ком. 49 Армии г/л Гришин, ЧВС г/л». В 1945 г. награжден орденом Красной Звезды. В феврале 1946 г. уволен из рядов Красной Армии по болезни (в приказе написано по предельному возрасту). После войны работал директором Заготживсырье в с. Курумкан Баргузинского района Бур.АССР. В 1954 г. по решению бюро райкома партии отправлен был в колхоз им. Сталина бригадиром строительной бригады. Несколько раз был представлен к присвоению звания Героя РФ (посмертно). В последний раз МО РФ от 19.02.2005 г. № 205/2639 Президенту РФ Потапову Л. В. на исходящий № 199-н от 22.12.2004 г. сообщило об отказе – «оснований для пересмотра не имеется. МО РФ С. Иванов» [Архив автора].

Ветераны буркавбригады принимали участие в боях у оз. Хасан в 1938 г. и на Халхин-Голе против японских войск в 1939 г., в походе Красной армии в Западную Укра-

ину и Западную Белоруссию, в советско-финской войне зимой 1939–1940 гг. Огромное значение этой практической работы проявилось в процессе участия в будущем воинов Бурятии в Великой Отечественной войне.

Источники и литература

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО): ф. 25781, оп. 2, д. 227.

Базаров Б. В. Национальные формирования Красной Армии в Бурятии в 1920–1930-х гг. / Б. В. Базаров, Д. Д. Намнанов; под ред. Л. В. Кураса. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2000. – 207 с.

В боях за Родину / сост. А. Г. Субботин. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 159 с.

Воскобойников Г. Л. Краснознаменная кавалерийская бригада / Г. Л. Воскобойников, С. Б. Хандажапов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2000. – 168 с.

История Второй мировой войны. 1939–1945: в 12 т. Т. 2. – М.: Воениздат, 1974. – 478 с.

Кузнецов И. И. Подвиги Героев Халхин-Гола / И. И. Кузнецов. – Улан-Удэ: Буриздат, 1969. – 92 с.

На берегах Халхин-Гола / сост. Ю. Г. Богомолов; предисл. Р. А. Шерхунаева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. – 192 с.

Толон. 2010. – 19 марта. – № 42(999).

References

Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii (CAMO): f. 25781, op. 2, d. 227.

Bazarov B. V. Nacional'nye formirovaniya Krasnoj Armii v Buryatii v 1920–1930-h gg. / B. V. Bazarov, D. D. Namnanov; pod red. L. V. Kurasa. – Ulan-Ude: IPK VSGAKI, 2000. – 207 s.

V boyah za Rodinu / sost. A. G. Subbotin. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1973. – 159 s.

Voskoboynikov G. L. Krasnoznamennaya kavalerijskaya brigada / G. L. Voskoboynikov, S. B. Handazhapov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 2000. – 168 s.

Istoriya Vtoroj mirovoj vojny. 1939–1945: v 12 t. T. 2. – M.: Voenizdat, 1974. – 478 s.

Kuznecov I. I. Podvigi Geroev Halhin-Gola / I. I. Kuznecov. – Ulan-Ude: Burizdat, 1969. – 92 s.

Na beregah Halhin-Gola / sost. Yu. G. Bogomolov; predisl. R. A. Sherhunaeva. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1989. – 192 s.

Tolon. 2010. – 19 marta. – № 42(999).

УДК 94(47+57)''1930/1939'' +94(517)
ББК 63.3 (2) 614+63.3 (5 Мон)
DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-29-34

Л. Б. Жабаета

ХАЛХИН-ГОЛ – ЦЕННЫЙ ОПЫТ БОЕВОГО СОВЕТСКО/РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье анализируется процесс развития военного советско/российско-монгольского сотрудничества в 1930-е гг., рассмотренный через призму решений Политбюро ЦК ВКП(б) – высшего органа власти в СССР. Совместная победа на Халхин-Голе в 1939 г. – чрезвычайно важная страница в истории межгосударственного сотрудничества России и Монголии, историческая драгоценность, которой надо дорожить.

Ключевые слова: международная напряженность, агрессия Японии, Политбюро, военное сотрудничество, Халхин-Гол, Г. К. Жуков.

L. B. Zhabaeva

KNALKHIN GOL – VALUABLE EXPERIENCE OF COMBAT SOVIET/RUSSIAN-MONGOLIAN COOPERATION

The article analyzes the development of military Soviet/Russian-Mongolian cooperation in the 1930s through the prism of decisions of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) – the highest authority in the USSR. The joint victory at Khalkhin Gol in 1939 is an extremely important page in the history of international cooperation between Russia and Mongolia, a historical “gem” that should be treasured.

Keywords: International tension, Japanese aggression, Politburo, military cooperation, Khalkhin Gol, G. K. Zhukov.

Военные действия на Халхин-Голе проходили с 11 мая по 16 сентября 1939 г., когда в результате усилий СССР и МНР было победоносно отражено нападение милитаристской Японии на Монголию и сохранена ее независимость. В конечном итоге ошеломительное поражение Квантунской армии вынудило правительство агрессора отказаться от дальнейших планов военной экспансии против Советского Союза. Такие события, когда дружественные страны, сражаясь в составе коалиции, отстаивают плечом к плечу независимость той или иной державы, являются чрезвычайно важными и вызывают повышенный интерес у потомков. Следует подчеркнуть, что особенно важно помнить и писать об этих событиях в настоящее время, когда происходят постоянные попытки искажения и переписывания истории, подмены ценностных ориентиров.

В 1931 г. Квантунская армия Японии вторглась в Северо-Восточный Китай, а в 1932 г. было образовано марионеточное государство Маньчжоу-Го. В 1937 г. японская агрессия распространилась на другие районы Китая, что изменило баланс сил в регионе и привело к ее доминированию в Восточной Азии. Появление непосредственно у границ СССР и Монголии армии экономически процветающей империалистической державы, стремящейся реализовать широкомасштабные экспансионистские цели, создало напряженность. Япония стремилась создать на территории Маньчжурии милитаризованную экономику, подготовиться к боевым действиям против Советского Союза [Дальний Восток СССР... 2020: 618].

ЖАБАЕВА Лариса Будаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и культурологии Федерального государственного бюджетного учреждения высшего профессионального образования Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: vsgtuhistory@mail.ru.

Советско-монгольские отношения в 1930-е гг. переходят в разряд особо важных. На заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) принимаются решения о предоставлении Монголии займов, кредитов, безвозмездной помощи на содержание армии и пограничных войск, оплату поставляемого вооружения, военной техники. На основе постановлений разворачивается сотрудничество в области безопасности, политическая и военная интеграция, программы практических действий в обучении, формировании монгольской армии и пограничных войск, помощи советских военных инструкторов. В 1930-е гг. в Кремле регулярно проходят встречи на высшем уровне, переговоры советских и монгольских руководителей. Сталин неоднократно встречался с премьер-министром Монголии, министром иностранных дел П. Гэндэном: в декабре 1932 г., декабре 1933 г., в 1934 г. было три совещания – 15, 24 [I] и 27 ноября. В 1935 г. Сталин принимал монгольскую делегацию трижды: 30 декабря – утром [II] и вечером, затем была встреча уже 7 января 1936 г. Высшее политическое руководство СССР, как свидетельствуют архивные документы, стремится выяснить у первых лиц Монголии фактическое положение дел, считая главным вопрос укрепления обороноспособности МНР, отстаивания независимости, необходимости напряжения сил страны для укрепления армии.

Директива Политбюро ЦК ВКП(б) комиссии Ш. З. Элиавы [III] от 19 октября 1933 г. «О проверке состояния боевой и политической подготовки МНКА и обороноспособности МНР в связи с угрозой нападения Японии» рекомендовала разъяснить монгольскому руководству усиливающуюся опасность японской агрессии, указать монгольским товарищам, что японцы уже сейчас ведут всестороннюю подготовку по захвату МНР [Российско-монгольское... 2008: 291]. Комиссии поручалось тщательно проверить состояние боевой подготовки, политическое состояние комсостава и бойцов и материальное состояние технических ресурсов монгольской армии, также наметить наиболее срочные и существенные меры по дальнейшему повышению боеспособности монгольской армии и укреплению обороны МНР [Там же].

Постановление ЦК ВКП(б) «О Монголии», проведенное опросом членов Политбюро от 18 мая 1933 г., решило важные вопросы: о завозе товаров в МНР (решение по этому разделу включало 9 пунктов с подпунктами), по внутримонгольским вопросам, в т. ч. о подготовке монгольских кадров в СССР (19 пунктов с подпунктами), оргвопросы (5 пунктов), особые постановления (3 пункта) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 151–154].

Остановимся более подробно на следующих намеченных линиях. Так, товарищам Элиаве и Серебрякову поручалось обеспечить создание авторемонтных бригад на Чуйском, Култуковском и Борзинском трактах в течение месячного срока, а в г. Верхнеудинске создать авторемонтные мастерские для обслуживания автотранспорта, действующего на Кяхтинском тракте [Там же. Л. 151]. На ОГПУ [IV] на т. Ягоду [V] было возложено наблюдение за своевременной и бесперебойной работой автотранспорта и сохранностью грузов на всех четырех примонгольских трактах и на р. Селенге, для чего было решено выделить специальных работников. Особое внимание уделялось коммуникациям. Цудортранс [VI] под персональную ответственность т. Серебрякова обязали принять решительные меры по выполнению Постановления ЦК ВКП(б) от 29 мая 1932 г. о приведении в порядок примонгольских трактов; работу при этом предполагалось завершить в текущем 1933 г. Наркомвод [VII] под личную ответственность т. Фомина [VIII] был обязан принять также решительные меры по выполнению постановления ЦК ВКП(б) от 1 ноября 1932 г. о водном транспорте на Селенге, Орхоне и Косоголе в течение 1933 г. Одновременно наркомат обязали перевезти в этом сезоне 49 тыс. т грузов, в т. ч. 9 тыс. т нефтепродуктов. Наркомфину было поручено отпустить на строительство склада на Мойке, а также на окончание строительства нефтескладов в других пунктах МНР – 925600 тугр., 286600 черв. руб. Кроме того, предписывалось выделить на окончание этого строительства по плану прошлого года 202300 руб. [Там же]. Выписки из решений были посланы товарищам

Карахану, Розенгольцу, Мирошникову, Элиава, Ворошилову: отдельные п/пункты соответствующим товарищам [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 142].

В докладе Разведупра штаба РККА наркому обороны К. Е. Ворошилову сообщалось, что заслуживает внимания активизация японцев: «По сведениям ими проводятся в Барге топографические съемки пограничной полосы, район Хайлара усиливается войсками, оружием, техникой... у границы в районе озера Буир-Нора были обнаружены две машины с японцами» [Российско-монгольское... 2008: 288].

В 1935–1936 гг. на границе с МНР со стороны Маньчжоу-Го был организован ряд вооруженных провокаций, а в январе 1935 г. начались первые боевые столкновения, когда японские солдаты начали уже штыками стучаться в двери Монголии. Напряженность нарастала в приграничных обсуждаемых зонах, появлялись вооруженные отряды. Японское командование стягивало крупные силы – пехотные, кавалерийские дивизии, авиационные, артиллерийские, танковые части к границам МНР.

12 марта 1936 г. между СССР и МНР был подписан договор о взаимной помощи. Угроза войны в связи с усиливающейся с каждым днем опасностью вторжения японских войск на территорию Монголии обусловила обращение правительства МНР к правительству СССР с просьбой о вводе советских войск на территорию МНР. В соответствии с протоколом о взаимопомощи в начале сентября 1937 г. в Монголию введен ограниченный контингент советских войск в составе 57-го Особого корпуса (ОК) Красной армии под командованием Н. В. Фекленко. Присутствие вооруженных сил СССР было гарантом безопасности Монголии.

11 мая 1939 г. японо-маньчжурские части вторглись на территорию МНР, атаковали монгольскую пограничную заставу в районе р. Халхин-Гол и продвинулись вглубь территории на несколько километров. Этот плацдарм был удобен японцам в транспортном отношении для переброски войск и обеспечения их всем необходимым, так как ближайшая железнодорожная станция была удалена всего на 60 км, рядом были две маньчжурские железнодорожные линии, грунтовые дороги, идущие со стороны Хайлара. Так начались боевые действия, которые продолжались более четырех месяцев. К концу мая совместными действиями советского 57 ОК и монгольских частей народно-революционной армии враг был отброшен до границы, но напряженность не спадала. Надо сказать, что к началу боевых действий сколько-нибудь значительных сил монгольской армии вблизи границы не было. Не было здесь и находившихся в Монголии советских войск, которые дислоцировались на расстоянии от 150 до 1200 км от Халхин-Гола [Ежов 2019: 66]. Природные условия данного участка были невероятно сложны: голые, безлюдные и безводные степи, сыпучие пески, котловины и барханы, отсутствие путей сообщения, топливных ресурсов, отдаленность от железнодорожной магистрали – ближайшая станция Борзя находилась от Халхин-Гола в 750 км. ОК оказался на Халхин-Голе в крайне невыгодных условиях [Судоплатов 2023: 308]. Японцы сами выбрали район р. Халхин-Гол для действий против Монголии. Они знали, что наша военная группировка в Монголии незначительна и не может оказать им серьезного противодействия, знали японцы и о том, что монгольские войска слабы [Там же: 307].

Наркоматом обороны СССР в район боевых действий был командирован комдив Г. К. Жуков. По его мнению, «все говорило о том, что это не пограничный конфликт, что японцы не отказались от своих агрессивных целей в отношении Советского Дальнего Востока и МНР и что надо ждать в ближайшее время действий более широкого масштаба» [1988: 193]. При этом «теми силами, которыми располагал наш 57-й особый корпус в МНР, пресечь японскую военную авантюру будет невозможно, особенно если начнутся одновременно активные действия в других районах и с других направлений» [Там же: 193–194]. Г. К. Жуков считал необходимым «прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар» [Там же: 194] по неприятелю, предварительно значительно укрепив группировку советских войск, о чем и сообщил в донесении наркому обороны К. Е. Ворошилову, который согласился с намеченными действиями и назначает его командующим 57 ОК. Именно здесь, в

монгольских степях, в боях за свободу и независимость монгольского народа происходит становление Г. К. Жукова как выдающегося военачальника. Суть его полководческого дара – «в творчестве, новаторстве, оригинальности, а, следовательно, в неожиданности решений и действий для противника» [Гареев 2010: 10]. В течение двух-трех недель ему удалось коренным образом изменить положение дел в войсках, навести порядок, повысить организованность и дисциплину, исполнительность [Ежов 2019: 69].

В результате в ходе первой советско-монгольской коалиции был накоплен ценный боевой опыт взаимодействия. Части монгольской армии принимали участие во всех боях. По свидетельству Г. К. Жукова, «монгольские войска, действовавшие в районе реки Хилхин-Гол, хорошо взаимодействовали с советскими войсками» [1988: 215]. Хотя, конечно, не просто было кочевнику-скотоводу, не воевавшему несколько столетий, стать воином, владеющим современной техникой.

В середине июля 57 ОК был развернут в 1-ю армейскую группу, под командованием Г. К. Жукова находилось «57 тыс. человек, 542 орудия и миномета, около 500 танков, 385 бронемашин, с воздуха их прикрывали 515 самолетов» [Божедомов 2019: 47]. Монголия выдвинула три кавалерийские дивизии (4800 чел.) под командованием Х. Чойбалсана [Там же]. Отметим, что маршал Х. Чойбалсан выезжал на фронт дважды – в июне и августе, непосредственное оперативное командование осуществлял в мае – июне заместитель главкома Ц. Лувсандонхой (арестован 1 июля), а в июле – августе – заместитель главкома Ж. Лхагвасурэн [Рошин 2005: 115], который проводил «большую творческую работу» [Жуков 1988: 216].

Японские войска к 10 августа были сведены в 6-ю армию под командованием генерала О. Риппо (75 тыс. чел., 500 орудий, 182 танка), которую поддерживали свыше 300 самолетов [Божедомов 2019: 47]. Цифры свидетельствуют о том, что советская сторона имела преимущество в танках, самолетах. 20 августа Г. К. Жуков организовал мощный удар всеми родами войск, что обеспечило полный разгром Квантунской армии к концу месяца.

Таким образом, в начале 1930-х гг. резко обостряется международная обстановка на Дальнем Востоке, обусловленная агрессивной политикой милитаристской Японии, стремящейся выйти за пределы островной замкнутости и расширить свое жизненное пространство. Появление у границ СССР и Монголии экономически сильного противника обусловило сближение внешнеполитических интересов. Политбюро ЦК ВКП(б) оперативно, дальновидно и решительно занималось чрезвычайно сложными монгольскими делами по кардинальным вопросам создания структуры безопасности. После утверждения Политическим бюро ЦК постановления обретали законную силу. В 1930-е гг. в Кремле проходила серия переговоров советских и монгольских руководителей, основанных на доверии, уважении и сотрудничестве.

Разгром тщательно подготовленных японских милитаристов советскими и монгольскими войсками на Халхин-Голе в 1939 г. буквально накануне Второй мировой войны имел глубокие последствия, заставил Японию считаться с военной мощью СССР на Дальнем Востоке, оказал прямое воздействие на стратегические и тактические шаги японского правительства.

Совместная победа – чрезвычайно важная страница в истории межгосударственного сотрудничества, свидетельство дружбы, братской поддержки, когда вместе едиными усилиями сохранили Монголию на политической карте мира. Росийско-монгольское боевое содружество показало всему миру сплоченность группировки войск коалиционного состава под единым руководством Г. К. Жукова, умение согласованно вести сложные боевые действия с массированным применением современной техники – танков, самолетов, бронемашин, моторизованной пехоты, артиллерии, а также наступательные операции в трудных условиях пустынно-степной местности. Опыт коалиционного взаимодействия советских и монгольских войск был успешно использован при защите национальных интересов СССР и МНР в августе 1945 г. при разгроме Квантунской армии.

Примечания

I. Встреча на высшем уровне 24 ноября 1934 г. стала важной вехой в истории развития двусторонних отношений между СССР и МНР [Жабаева 2021: 428–435].

II. 30 декабря 1935 г. в Кремле состоялась беседа И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, М. М. Литвинова – наркома по иностранным делам, Б. С. Стомонякова – зам. наркома по иностранным делам с членами монгольской делегации во главе с премьер-министром П. Гэндэном, военным министром Г. Демидом и начальником Главного штаба МНРА Д. Намсарамом по вопросам укрепления обороноспособности Монголии [Она же 2024: 80–88].

III. Элиава Шалва Зурабович (1883–1937) – зам. наркома внешней торговли СССР с 1931 г.

IV. ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление СНК СССР.

V. Генрих Григорьевич Ягода (Енох Гершеневич, 1891–1938) – один из главных руководителей ВЧК – ОГПУ – НКВД. Расстрелян (1938).

VI. Цудортранс – центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта при СНК СССР.

VII. Наркомвод – Народный комиссариат водного транспорта СССР.

VIII. Василий Васильевич Фомин (1884–1938) – зам. наркома водного транспорта СССР в 1931–1935 гг.

Источники и литература

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ): ф. 17, оп. 162, д. 14.

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док-тов: в 2 ч. Ч. I. – М.: Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. – 349 с.

Божедомов Б. А. Особенности военного искусства Красной Армии в вооруженном конфликте на реке Халхин-Гол (11 мая – 16 сентября 1939 г.) / Б. А. Божедомов // Халхын Голын дайн – 80 жил. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл [Боям на Халхин-голе – 80 лет: мат-лы междунар. науч. конф.]. – Улаанбаатар: УБХИС-ийн хэвлэх үйлдвэрт хэвлэв, 2019. – С. 46–51.

Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. Н. Н. Крадина, отв. ред. Г. А. Ткачева. – Владивосток: Дальнаука, 2020. – 944 с.

Гареев М. А. Военное искусство маршала Жукова / М. А. Гареев // Монголия сегодня. – 2010. – 5 мая. – С. 10.

Жабаева Л. Б. Япония все ближе и ближе прибавается к границам Монголии... Как думаете отстаивать свою независимость? (о беседе Сталина с П. Гэндэном 24 ноября 1934 г.) / Л. Б. Жабаева // Oriental Studies. – 2021. – № 3. – С. 428–435.

Жабаева Л. Б. «Важным в настоящее время является... вопрос обороны страны. Что правительство МНР в лице Гендуна может сказать по этому вопросу?» (о беседе Сталина с П. Гэндэном 30 декабря 1935 г.) / Л. Б. Жабаева // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2023. – № 2. – С. 80–88.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 1 / Г. К. Жуков. – 9-е изд. – М.: Изд-во Агенства печати Новости. – 1988. – 303 с.

Ежов О. В. Г. К. Жуков во главе группировки советско-монгольских войск в период вооруженного конфликта в районе реки Халхин-Гол. Рождение полководца / О. В. Ежов // Халхын Голын дайн – 80 жил. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл [Боям на Халхин-голе – 80 лет: мат-лы междунар. науч. конф.]. – Улаанбаатар: УБХИС-ийн хэвлэх үйлдвэрт хэвлэв, 2019. – С. 66–78.

Судоплатов П. А. Хроника тайной войны и дипломатии. 1938–1941 годы / П. А. Судоплатов. – М.: Родина, 2023. – 320 с.

Роцин С. К. Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии / С. К. Роцин. – М.: ИВ РАН, 2005. – 160 с.

References

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI): f. 17, op. 162, d. 14.

Rossijsko-mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo (1911–1946): sb. dok-tov: v 2 ch. Ch. I. – M.: Ulan-Ude: IPK FGOU VPO VSGAKI, 2008. – 349 s.

Bozhedomov B. A. Osobennosti voennogo iskusstva Krasnoj Armii v vooruzhennom konflikte na reke Halhin-Gol (11 maya – 16 sentyabrya 1939 g.) / B. A. Bozhedomov // Halhyn Golyn dajn – 80 zhil. Olon ulsyn erdem shinzhilgeenij hurlyn emhetgel [Boyam na Halhin-gole – 80 let: mat-ly mezhdunar. nauch. konf.]. – Ulaanbaatar: YBHIS-ijn hevlekh yjldvert hevlev, 2019. – S. 46–51.

Dal'nij Vostok SSSR: 1941–1945 gg. / pod obshch. red. N. N. Kradina, otv. red. G. A. Tkacheva. – Vladivostok: Dal'nauka, 2020. – 944 s.

Gareev M. A. Voенное искусство маршала Zhukova / M. A. Gareev // Mongoliya segodnya. – 2010. – 5 maya. – S. 10.

Zhabaeva L. B. Yaponiya vse blizhe i blizhe pribivaetsya k granicam Mongolii... Kak dumaete otstaivat' svoyu nezavisimost'? (o besede Stalina s P. Gendenom 24 noyabrya 1934 g.) / L. B. Zhabaeva // Oriental Studies. – 2021. – № 3. – S. 428–435.

Zhabaeva L. B. «Vazhnym v nastoyashchee vremya yavlyatsya... vopros oborony strany. Chto pravitel'stvo MNR v lice Genduna mozhet skazat' po etomu voprosu?» (o besede Stalina s P. Gendenom 30 dekabrya 1935 g.) / L. B. Zhabaeva // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2023. – № 2. – S. 80–88.

Zhukov G. K. Vospominaniya i razmyshleniya: v 3 t. T. 1 / G. K. Zhukov. – 9–e izd. – M.: Izd-vo Agenstva pečhati Novosti. – 1988. – 303 s.

Ezhov O. V. G. K. Zhukov vo glave gruppirovki sovetsko-mongol'skih vojsk v period vooruzhennogo konflikta v rajone reki Halhin-Gol. Rozhdenie polkovodca / O. V. Ezhov // Halhyn Golyn dajn – 80 zhil. Olon ulsyn erdem shinzhilgeenij hurlyn emhetgel [Boyam na Halhin-gole – 80 let: mat-ly mezhdunar. nauch. konf.]. – Ulaanbaatar: YBHIS-ijn hevlekh yjldvert hevlev, 2019. – S. 66–78.

Sudoplatov P. A. Hronika tajnoj vojny i diplomatii. 1938–1941 gody / P. A. Sudoplatov. – M.: Rodina, 2023. – 320 s.

Roshchin S. K. Marshal Mongolii H. Chojbalsan. Shtrihi biografii / S. K. Roshchin. – M.: IV RAN, 2005. – 160 s.

УДК 94(517.3)
ББК 63.3(2P54)
DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-35-40

Н. Хишигт, Х. Мэндсайхан

ФРОНТОВАЯ ГАЗЕТА «ЭХ ОРНЫ ТӨЛӨӨ» О СОБЫТИЯХ ХАЛХИН-ГОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

В статье внимание уделяется важнейшему источнику по истории Халхин-Гола – материалам периодической печати на примере полевой газеты «Эх орны төлөө», вышедшей в период халхин-гольских событий.

Современная историография не уделяет внимания этой фронтовой газете. Исключение составляет издание организатора и редактора газеты С. Равдана «В дни халхин-гольских боев». В 2019 г. по инициативе сына генерал-полковника С. Равдана доктора Р. Болда был подготовлен документальный сборник, куда вошли 76 номеров газеты с переводом со старомонгольской письменности на кириллицу.

Авторы статьи обнаружили в Центральном архиве Министерства обороны Монголии еще два номера периодического издания (№ 1, 3) и предприняли попытку осуществить анализ новостей и репортажей фронтовой газеты, на страницах которой публиковался оперативный материал с мест халхин-гольских боев.

Ключевые слова: Халхин-Гол, С. Равдан, фронтовая газета «Эх орны төлөө», новости и репортажи.

N. Khishigt, Kh. Mendsaikhan

THE FRONT-LINE NEWSPAPER “EKH ORNY TÖLÖӨ” ON THE EVENTS OF THE KHALKHIN GOL WAR

The article pays special attention to one of the most interesting sources on the history of the Khalkhin Gol War – the materials of the press, using the example of the field newspaper “Ekhorný төлөө”, published during the Khalkhin Gol events.

Modern historiography does not pay attention to this front-line newspaper. An exception is the brochure of the organizer and editor of the newspaper in connection with the 30th anniversary of the Khalkhin Gol battles, S. Ravdan’s “In the days of the Khalkhin Gol battles”. In 2019, on the initiative of the son of Colonel-General S. Ravdan, Dr. R. Bold, a documentary collection was prepared, which included 76 issues of the newspaper in full with a translation from the Old Mongolian script to the Cyrillic script.

The authors of the article discovered two more issues of the periodical publication [№ 1, 3] in the Central Archives of the Ministry of Defense of Mongolia and made an attempt to analyze the news and reports of the front-line newspaper, on the pages of which operational material from the sites of the Khalkhin Gol battles was published.

Keywords: Khalkhin Gol, S. Ravdan, front-line newspaper, news and reports.

Газета «Эх орны төлөө» (За Родину) является единственной полевой (фронтовой) газетой МНРА, вышедшей в период халхин-гольских боев и содержащей в себе большое количество информации о боевых действиях монгольских войск, частей и соединений РККА, которые воевали с японо-маньчжурскими агрессорами, вторгнувшимися на территорию МНР в районе Халхин-Гола.

Решение выпускать полевую газету, призванную поднимать боевой дух и воспитывать в духе ненависти к врагу в период боев на р. Халхин-Гол, было принято высшим командованием МНРА в мае 1939 г. Штат газеты в составе около 8–10 чел. во главе с

ХИШИГТ Норовсамбуу – доктор исторических наук (Ph. D), профессор, ведущий научный сотрудник сектора современной истории Института истории и этнологии Монгольской академии наук (г. Улан-Батор, Монголия). E-mail: n.khishigt09@gmail.com; khishigt_58@yahoo.com.

МЭНДСАЙХАН Хатанбат – доктор исторических наук (Ph. D), доцент, научный сотрудник Института культурного наследия Чингисхана (г. Улан-Батор, Монголия). E-mail: mendsaikhan2008@gmail.com.

комбатом С. Равданом, который работал заместителем редактора центральной армейской газеты «Улаан Одон», был укомплектован из ее работников. Все имущество газеты уместилось в двух машинах «ЗИС», специально оборудованных для типографической работы в полевых условиях. Работники, прибыв в место назначения в Тамцакбулак в 20-х числах мая, сразу приступили к работе.

Как писал ответственный редактор газеты, цель и задачи издания заключались в следующем: во-первых, в освещении боевых действий, во-вторых, в пропаганде боевых заслуг, доблести и отваги монголо-советских войск, в-третьих, в развертывании революционного соревнования за укрепление боевого духа, повышение бдительности и дисциплины войск как залог успехов в отражении японо-маньжурских захватчиков.

За первыми материалами редактор С. Равдан прибыл на фронт вечером 28 мая 1939 г., т. е. в день начала Халхин-Гольской войны, и первый номер газеты увидел свет 7 июня 1939 г. [Эх орны төлөө. 29 (1939) оны 6 сарын 7. № 1] (фото).

Фото. Газета «Эх орны төлөө». № 1

«Эх орны төлөө» была двухполосной газетой с размером 26x35 см. В № 1 возле заголовка в верхнем углу слева имеется информация: «Эта газета выпускается Политотделом н-й части 3 раза в неделю» и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а параллельно крупными буквами дано название газеты, изображен монгольский цирик (воин) на коне и далее выходные данные. В правом углу приводится содержание номера. С № 5 появилось клише: «Эту газету не выносить из воинских частей», а начиная с № 11 перестала печататься информация «Эта газета выпускается Политотделом н-й части 3 раза в неделю» [Гантулга 2019а: 362–363].

Газета в начале издавалась в Тамцакбулаке, в месте дислокации 6-й кав-

дивизии МНРА. Однако отдаленность от фронта почти на 100 км затруднила работу по получению материалов, и в конце июня редакция газеты переехала в Хамар-Дабан и стала работать в окопах [Равдан 1969: 5].

У газеты не было собкоров, и потому материалы поступали в редакцию двумя путями: а) сводки и информация из фронтовых штабов; б) материалы, подготовленные комиссарами и политработниками воинских частей, которые после проверки в политотделе отправлялись в редакцию газеты.

По воспоминаниям работников, несмотря на трудности в условиях фронта, газета успешно справилась со своей задачей. Так, типографский рабочий С. Жүрмэдцэрэн писал, что газета выпускалась почти ежедневно с тиражом до 2000 экз. [Гантулга 2019б: 236] и распространялась по воинским частям. В целом за период с 7 июня по 10 октября 1939 г. были выпущены 80 номеров.

Тематика публикаций была обширной, начиная с боевых сводок и заканчивая зарубежными новостями. На страницах газеты заняли свое место разнообразные материалы о захватнической политике Японии, провокациях и нападениях японо-баргутов на территорию МНР, военно-политической работе в монгольских войсках, самотверженном труде полевых госпиталей, советских военврачей и медработников, помощи государственных организаций и монгольской общественности фронту, героических поступках и боевых заслугах монгольских и советских воинов, наградах и др. Итоги боев и полученные трофеи нашли отражение в основном в «Боевых сводках» и редакционных публикациях обобщающего характера (краткие сведения о материалах газеты см. в табл.).

Таблица

Публикации газеты «Эх орны төлөө» за июнь – октябрь 1939 г.

Выходные данные		Количество и тематика публикаций	Всего
Месяц	Кол-во номеров		
Июнь	13 (№ 1–13) Из них нет № 2 и 4	1. Боевые действия монгольских войск – 52 2. Военно-политическая работа – 12 3. Помощь фронту – 4 4. Зарубежные новости – 4	72
Июль	18 (№ 14–31)	1. Боевые сводки и статьи – 20 2. Материалы по монгольским войскам – 104 3. Зарубежные новости – 32	156
Август	23 (№ 32–54)	1. О боевых действиях – 41 2. По монгольским войскам на фронте – 127 3. Зарубежные новости – 13	181
Сентябрь	20 (№ 55–74)	1. Материалы по частям монгольских войск 2. Сентябрьские бои и окончание войны – 23 3. Зарубежные новости – 48	173
Октябрь	6 (№ 75–80)	1. По монгольским войскам – 19 2. Зарубежные новости – 22	41
	80	Всего в имеющихся 78 номерах	623

Если рассматривать содержание и направленность публикаций по месяцам, то редакция газеты в июньских номерах основное внимание уделяла освещению майских боев (особенно 28–29 мая), подвигов бойцов и командиров МНРА с указанием их имен и названий частей. Так, в № 1 были опубликованы две заметки: «Героическая батарея» и «Отважный воин». В первой говорилось, о том, что «... 28 мая 1-я батарея н-ой части под командованием Дамбы, мобилизуя все свои силы на отражение вражеских атак, героически дралась в бою на северной стороне р. Хайлаастын-гол, уничтожив кавалерийский взвод, 2 крупнокалиберных и 2 ручных пулемета противника, а через 2 дня, 30 мая, разбила вражеский кавалерийский эскадрон, стоящий в местности слияния рек Хайлааст и Халхин гол; вторая была посвящена памяти политрука Гэлэжбатора, который 28 мая храбро сражался против японо-баргутских агрессоров в местности Аргалын энгэр, уничтожив одной гранатой 8 врагов и пал героической смертью [Эх орны төлөө. 29 (1939) оны 6 сарын 7. № 1].

В последующих номерах были опубликованы краткие сообщения о боевой деятельности различных частей, возвания бойцов, статья о необходимости повышения уровня партийной работы в боевых условиях [Ibid. 6 сарын 10. № 3], примеры помощи фронту, а также помещены зарубежные новости.

За июль – сентябрь выпуск газеты значительно увеличился. Вышел 61 номер, что было обусловлено ходом развертывания боевых действий на фронте. Если июль ознаменовался крупными сражениями – Байнцаганским побоищем, ожесточенной битвой за Ремизовскую высоту и многочисленными воздушными боями, то август был периодом отражения натиска противника и переходом советско-монгольских войск в контрнаступление, а в первой половине сентября произошли последние бои на земле и в воздухе.

С июля газета стала выходить чаще, чем три раза в неделю, была расширена тематика публикаций. Так, с 10-го номера в газете была открыта специальная рубрика «Боевые сводки», где 9 раз давались сводки боев и сражений за июль 1939 г. (2-5/VI, 11-16/VI, 20-22/VI, 25-27/VI).

По мере развития событий на страницах газеты стали появляться большие статьи, ежедневно освещавшие бои между советско-монгольскими и японо-маньчжурскими войсками, с указанием потерь каждой из сторон в живой силе и технике.

Особый интерес вызывают сообщения о воздушных боях с точными данными, сколько и каких самолетов – истребителей или бомбардировщиков – было сбито у врага и сколько советско-монгольских самолетов не вернулись на аэродром. С этими материалами можно ознакомиться в июльских № 16–18, 21, 23, 25, 28.

В газете нашли свое место и зарубежные новости, которых только в июльских номерах было 32. По содержанию это прежде всего новости о японо-китайской войне и положении в Маньчжурии, краткие новости по европейским государствам – Германии, Польше и частично об Испании. В зарубежных новостях под отдельным заголовком давались «Вести о боях в Китае», направленные на осуждение и критику захватнической политики Японии в Азии.

Августовские номера отличались многочисленными сообщениями и заметками о наступлении противника, об оборонительных боях советско-монгольских войск на занятых рубежах. Особое внимание уделялось генеральному наступлению советско-монгольских войск, в результате которого были разгромлены японо-маньчжурские войска и победно завершена война на Халхин-Голе. По этой проблеме в газете было опубликовано около 20 оперативных сводок, половина которых приходится на конец июля – середину августа (29–30 июля, 1–4, 9–13 августа), а вторая половина – на период от начала до окончания генерального наступления советско-монгольских войск (20–30 августа). На основе материалов допросов военнопленных газета писала о моральном состоянии японских войск и бегстве бургутских кавалерийских полков.

По монгольским войскам в газете имеется 127 публикаций: приказы и поздравления по войскам, призывы и листовки, примеры героизма и боевых заслуг, боевые награды. Большую часть публикаций составляют статьи и заметки о партийной и ревсомольской работе, вступлению бойцов в члены этих организаций.

Важнейшую часть зарубежных новостей составляли переводы репортажей и материалов ТАСС и газеты РККА «Героическая красноармейская». С газетой активно сотрудничал фронтовой корреспондент, известный журналист и писатель В. П. Ставский [Курас, Цыбенков 2024: 114], переводы статей и очерков которого (например, «Героические сыновья Монголии», «Отважные разведчики») перепечатывались в переводе С. Равдана и сразу же становились достоянием монгольских читателей: «Монголын баатарлаг хөвгүүд» [Эх орны төлөө. 29(1939) оны 7 сарын 17, 20. № 22, 24], «Эрэлхэг тагнуулчид» [Ibid. 9 сарын 23, 24. № 70, 71].

В сентябрьских номерах главное место занимали вести о каждом новом вторжении японцев в районе оз. Буир-нор, Эрс-улын обо, где бои шли с перерывами до 15 сентября, т. е. до тех пор, пока в Москве не было заключено советско-японское соглашение о прекращении огня. В сентябрьских номерах были также опубликованы новости о переговорах командования советско-монгольских и японо-маньчжурских войск, а также сообщение об очередной клевете Японии.

Вызывает интерес материал «Протест ТАСС», опубликованный в № 65, где сообщалось, что представил агентства Рейтер в Чунчине передавал сообщение американского корреспондента, побывавшего недавно на месте боевых действий на монголо-маньчжурской границе. По его же словам, якобы «...монголо-советские войска после успешных боев заняли огромную территорию в гобийской части Маньчжурии». В ответ на это ТАСС заявил: «...монголо-советские войска не только не оккупировали ни одной версты земли из Маньчжурской территории, но и не думали об этом, следовательно сообщение Рейтер совершенно не верно и является ложью» [Ibid. 9 сарын 18. № 65].

Что касается зарубежных новостей, то они были представлены материалами ТАСС и некоторыми сводками командования РККА, посвященными положению дел в Европе, войне Германии с Польшей, мобилизации войск в Англии и Франции и их вступлению в войну с Германией. Также имелись краткие новости о новом правительстве Японии, положении в Китае и позиции Чан Кайши в отношении войны в Европе.

С 1 по 10 октября 1939 г. вышли 6 номеров газеты, где размещался 41 материал. По публикациям можно видеть, что редакция газеты направила свою деятельность на подготовку воинских частей к зиме, началу учебного года, развертыванию революционного соревнования, партийной и ревсомольской работе, т. е. на создание условий постепенно-го перехода фронтовых частей в состояние мирного времени.

Зарубежные новости в этот период были представлены в виде оперативных сводок Генштаба РККА, редакционных статей и кратких вестей, в которых нашли отражение начавшаяся в Европе война, советско-германские отношения, встречи на высшем уровне, отношения СССР со странами Прибалтики (Эстонии, Латвии и Литвы) и заключение между ними договоров и соглашений о взаимопомощи. Было опубликовано несколько материалов по Китаю, Японии, Турции и Франции.

В заключение хотелось бы отметить следующее:

1. Газета «Эх орны төлөө» была единственной фронтовой газетой МНРА, выходящей в период халхин-гольских событий.

2. Газета была не только средством информации для воевавших на фронте монгольских войск, но и сыграла большую роль в живой связи фронта с тылом.

3. Публикации газеты, проверенные сначала комиссарами и политработниками в частях, а затем обработанные в редакции, представляют собой один из важных источников изучения истории войны на р. Халхин-Гол как в целом, так и по части выявления и восстановления имен бойцов и командиров, названий частей и соединений, участвовавших в боевых действиях, уточнения дат и итогов боевых сражений, в особенности воздушных боев, и многих других вопросов.

4. Ценность газетных сообщений и публикаций, написанных участниками боев, состоит в том, что они могут стать значительным дополнением к первоисточникам, тем самым расширяя источниковую базу исследования.

5. Материалы периодических изданий, в т. ч. фронтовой газеты «Эх орны төлөө», могут внести свою лепту в появление и развитие нового направления в источниковедении халхин-гольской темы.

Источник и литература

БХТА. Батлан хамгаалах, зэвсэгт хүчний төв хэвлэлийн бүртгэл. Дугаар 1 [Центральный архив обороны Монголии. Регистрационная книга центральных изданий вооруженных сил. № 1]: X. 4, ХН. 137, X. 1–2. № 1, 3.

Гантулга Ж. Фронтын сониньхон («Соёмбо»-95 жил) // Эх орны төлөө. Халхын голын байлдааны өдрүүдэд фронтод гаргаж байсан сонинь мэдээнүүд / монгол бичгээс кирилл үсэгт хөрв. Х. Мэндсайхан; хян. тох. С. Ганболд. – Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2019. – X. 362–363 [Гантулга Ж. Фронтовая газета (к 95-летию газеты «Соёмбо») // За Родину. Новости и репортажи полевой газеты, выходящей на фронте в дни халхин-гольских боев / пер. со старомонг. Х. Мэндсайхан; ред. С. Ганболд. – Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2019а. – С. 362–363].

Гантулга Ж. Фронтын сониньхон // «Соёмбо» сонин: шилмэл бүтээлийн дээж / эмхэт. П. Батнайрамдал; хян. тох. Б. Отгонбаяр. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2019. – X. 236 [Гантулга Ж. Фронтовая газета // Газета «Соёмбо»: избранные статьи / сост. П. Батнайрамдал, ред. Б. Отгонбаяр. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2019б. – С. 236].

Курас Л. В. В. П. Ставский-фронтовой корреспондент газеты «Героическая красноармейская» (к 85-летию событий на р. Халхин-Гол) / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2024. – Т. 48. – С. 114–120.

Равдан С. Халхын голын байлдааны өдрүүдэд / С. Равдан; эмхэтгэл Х. Төмөр. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1969. – 77 х. [Равдан С. В дни халхин-гольских боев / ред. Х. Төмөр. – Улаанбаатар: Гос. тип., 1969. – 77 с.].

Эх орны төлөө. – 29 (1939). – № 1, 3, 22, 24, 65, 70–71 [За родину. – 1939. – № 1, 3, 22, 24, 65, 70–71].

Эх орны төлөө. Халхын голын байлдааны өдрүүдэд фронтод гаргаж байсан сонины мэдээнүүд / монгол бичгээс кирилл үсэгт хөрв.: Х. Мэндсайхан; хян. тох. С. Ганболд). – Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2019. – 377 х. [За Родину. Новости и репортажи полевой газеты, выходявшей на фронте в дни халхин-гольских боев / пер. со старомонг. Х. Мэндсайхан; ред. С. Ганболд. – Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2019. – 377 с.].

References

ВНТА. Batlan hamgaalah, zevsegt hychnij төв hevlelijн byrtgel. Dugaar 1 [Central’nyj arhiv oborony Mongolii. Registracionnaya kniga central’nyh izdanij vooruzhennyh sil. № 1]: Н. 4, НН. 137, Н. 1–2. № 1, 3.

Ekh орны төлөө сонин. 29 (1939) [Za Rodinu].

Gantulga Zh. Frontyn soninyhon («Soyombo»)-95 zhil // Ekh орны төлөө. Halhyn голын bajldaany өдрийдэд frontod gargazh bajsan soniny medeenyyд / mongol bichgees kirill үсэгт хөрв. Н. Mendsajhan; хян. тох. С. Ganbold. – Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2019. – Н. 362–363 [Gantulga Zh. Frontovaya gazeta (k 95 letiyu gazety «Soyombo») // Za Rodinu. Novosti i reportazhi polevoj gazety, vyhodivshej na fronte v dni halhin-gol’skih boev / per. so staromong. Н. Mendsajhan; ред. С. Ganbold. – Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2019а. – С. 362–363].

Gantulga Zh. Frontyn soninyhon // «Soyombo» сонин: shilmel byteelijн deezh / emhet. P. Batnajramdal; хян. тох. B. Otgonbayar. – Улаанбаатар: Soyombo printing, 2019. Н. 362–363 [Gantulga Zh. Frontovaya gazeta // Gazeta «Soyombo»: izbrannye stat’i / sost. P. Batnajramdal, ped. B. Otgonbayar. – Улаанбаатар: Soyombo printing, 2019b. – С. 362–363].

Kuras L. V. V. P. Stavskij-frontovoj korrespondent gazety «Geroicheskaya krasnoarmejskaya» (k 85-letiyu sobytij na r. Halhin-Gol) / L. V. Kuras, B. D. Cybenov // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. – 2024. – Т. 48. – С. 114–120.

Ravdan S. Halhyn голын bajldaany өдрийдэд / S. Ravdan; emhetgel H. Төмөр. – Улаанбаатар: Улсын hevlelijн газар, 1969. – 77 х. [Ravdan S. V dni halhin-gol’skih boev / ред. H. Төмөр. – Улаанбаатар: Gos. tip., 1969. – 77 с.].

Ekh орны төлөө. – 29 (1939). – № 1, 3, 22, 24, 65, 70–71 [Za rodinu. – 1939. – № 1, 3, 22, 24, 65, 70–71].

Ekh орны төлөө. Halhyn голын bajldaany өдрийдэд frontod gargazh bajsan soniny medeenyyд / mongol bichgees kirill үсэгт хөрв.: Н. Mendsajhan; хян. тох. С. Ganbold). – Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2019. – 377 х. [Za Rodinu. Novosti i reportazhi polevoj gazety, vyhodivshej na fronte v dni halhin-gol’skih boev / per. so staromong. Н. Mendsajhan; ред. С. Ganbold. – Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2019. – 377 с.].

УДК 94 (48).083 + 94 (510).092
ББК 63.3 (2) 614-68 +63.3 (5 кит)
DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-41-47

Б. Н. Горбачев

ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ НА ХАЛХИН-ГОЛЕ ЛЕТОМ 1939 г. В КИТАЙСКИХ ОЦЕНКАХ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

В статье исследуется китайская историография событий на Халхин-Голе в 1939 г. Автор сопоставляет китайские оценки, которые были сделаны в прошлом, с позициями современных авторов КНР. Анализ эволюции китайских подходов позволяет увидеть результаты исследований китайских историков в освещении данной темы, которые говорят о недостаточности внимания к изучению войны на Халхин-Голе, об одностороннем толковании некоторых аспектов сложных проблем международной ситуации того времени.

Ключевые слова: война на Халхин-Голе, Номонханская битва, СССР, МНР, Япония, Китай, Маньчжоу-Го, китайская историография Второй мировой войны.

B. N. Gorbachev

MILITARY EVENTS AT KHALKHIN GOL IN THE SUMMER OF 1939 IN CHINESE ASSESSMENTS OF THE PAST AND PRESENT

The article examines Chinese historiography on the events at Khalkhin Gol in 1939. The author compares Chinese assessments that were made in the past with the positions of modern authors of the PRC, finding common points and differences. An analysis of the evolution of Chinese approaches allows us to see the results of research by Chinese historians in covering this topic, which speak of insufficient attention to the study of the war at Khalkhin Gol, and a one-sided interpretation of some aspects of the complex problems of the international situation of that time.

Keywords: War of Khalkhin Gol, Battle of Nomonhan, USSR, Mongolia, Japan, China, Manchukuo (Manzhouguo), Chinese historiography of World War II.

Военно-политические события на Халхин-Голе в 1939 г., несмотря на многочисленные исследования по этой теме, продолжают привлекать внимание специалистов разных стран. Вместе с тем историография авторов КНР по проблемам, связанным с оценкой этих событий и их последствий для Китая, других государств региона и дальнейшей военной истории мира, известна недостаточно. Многие исследователи подчеркивают, что формально конфликт на Халхин-Голе был четырехсторонним – МНР и СССР против Маньчжоу-Го и Японии. А фактически был выяснением отношений между СССР и Японией [Победа на Халхин-Голе... 2021: 30]. При этом нельзя не видеть в этом «четыреугольнике» Китая. Структура СССР – МНР – Япония – Китай во многом держалась на советско-японских и японо-китайских отношениях. [Лузянин 2001]. Так что для полноты картины необходимо изучить и оценки событий Халхин-Гола, которые делались в Китае в прошлом, по горячим следам событий, и то, как они представлены в КНР в настоящее время.

В 1930-е гг. в Китае была чрезвычайно сложная обстановка, связанная с отражением агрессии со стороны Японии, внутренними противоречиями и борьбой между основными политическими силами страны, формально объединенными в единый фронт, – Гоминьданом (ГМД) и Коммунистической партией Китая (КПК), внутри руководства которых также не было полного единства и общих взглядов на пути и методы борьбы с «внешними и внутренними врагами» (в их понимании).

ГОРБАЧЕВ Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института Китая и современной Азии РАН (г. Москва, Россия). E-mail: borisgorbachev@yandex.ru.

Позиция Чан Кайши, олицетворявшего тогда национальное правительство Китая и руководство ГМД, была весьма противоречивой. С одной стороны, ГМД осуждал действия СССР в МНР, считая Внешнюю Монголию своей территорией, был недоволен Москвой за поддержку КПК, которая получала помощь по линии Коминтерна, а также за фактическое признание Маньчжоу-Го, особенно после продажи КВЖД в 1935 г. С другой стороны, Чан Кайши был заинтересован в получении военной помощи, направлявшейся в Китай из Советского Союза после подписания Договора о ненападении от 21 августа 1937 г., и неоднократно благодарил И. В. Сталина за поставки оружия для борьбы с японскими войсками [СССР и страны Востока... 2010: 118–119].

Но главная цель Чан Кайши заключалась во втягивании СССР в войну с Японией. И военные события на Халхин-Голе порождали у китайской стороны на этот счет определенные надежды [Там же: 36]. Москва, оказывая военную помощь китайскому народу в борьбе с японской агрессией, не желала вступать в войну, стараясь в будущем избежать борьбы на два фронта. В то же время в 1939 г. среди руководства Дальневосточного отдела Наркоминдела СССР бытовало мнение, что «в Китае сейчас решаются мировые проблемы» и «от исхода борьбы между Китаем и Японией зависит судьба человечества» на многие годы [Лукин 2007: 205].

Чунцинское правительство не делало официальных заявлений по поводу военных событий на Халхин-Голе, хотя воспринимало разгром советско-монгольскими войсками крупной группировки японско-маньчжурских сил в целом положительно. Так как японская армия понесла большие военные, материальные и моральные потери, в Японии произошел правительственный кризис, ушли в отставку провинившиеся военачальники. А это объективно сдерживало японские действия в Китае.

Интересна реакция китайских генералов в столичном Чунцине на результаты боев на Халхин-Голе. Ее кратко, но емко описал в своих воспоминаниях советский военный советник А. Я. Калягин: «31 августа агентство Сентрал ньюс сообщило о ликвидации крупной японской группировки и очищении всей территории МНР от японских войск. Китайские генералы поздравили советников с победой, но “хорошо” не произнесли» [1969: 378].

Можно предположить, что китайские военачальники, испытывавшие горечь поражения и отступления под ударами японской армии, ревниво отнеслись к успеху советских войск, разбивших миф о непобедимости японских воинов.

Что касается официальной позиции КПК на военные события на Халхин-Голе в 1939 г., то она была отражена в статье Мао Цзэдуна «Единство интересов Советского Союза и всего человечества», написанной 28 сентября 1939 г. В ней руководитель ЦК КПК писал: «Соглашение о прекращении военных действий у Халхин-Гола по своему характеру аналогично соглашению, заключенному в связи с прекращением военных действий у озера Хасан, а именно: после того, как Япония была поставлена на колени, японские милитаристы признали неприкосновенность советских и монгольских границ. Такое соглашение о прекращении военных действий увеличит возможность оказания Советским Союзом помощи Китаю, а не уменьшит эту помощь» [1953: 91–92].

В современной историографии КНР военные события на Халхин-Голе в 1939 г. представлены небольшим числом комплексных исследований. Первая коллективная монография «Номонханская война» (авторы Ли Чуньпэн и др.) была опубликована в 1988 г. Затем в КНР периодически выходили в свет другие книги и статьи по отдельным аспектам этой проблемы. Но в целом тема даже в крупных изданиях освещалась скупо.

Объясняя такое положение, военный историк Сун Ичан признавал: «Китайское военно-историческое общество знает о Номонханской войне (битве на Ханхил-Голе. – Б. Г.), но эта тема недостаточно популярна. До начала проведения в КНР политики “реформ и открытости” существовало “два пропагандистских препятствия”»: 1. недостаточное освещение боевых действий гоминьдановской армии на фронтах против японских захватчиков; 2. недостаточное освещение сражений советских войск в Чжангуфэне (оз. Хасан, 1938 г.), Номонхане (р. Халхин-Гол, 1939 г.) и кампании по

освобождению Северо-Восточного Китая (август 1945 г.)). После начала политики «открытости» освещение действий ГМД в войне с Японией изменилось в позитивную сторону. Что касается описания действий бывшего Советского Союза и Японии, то здесь сохраняются определенные проблемы, в т. ч. связанные с переводом информации, как отмечал Сун Ичан [Жи лаобин... 2006].

При этом заметим, что в 1980-е гг. (начало политики «реформ и открытости») в КНР были переведены на китайский язык многие советские энциклопедические и военные издания, мемуары советских маршалов и другая литература, китайским исследователям стали доступны многие материалы и оценки советских авторов, в т. ч. по вопросам, связанным с событиями на Халхин-Голе в 1939 г.

Особенно интересным китайскому читателю показалось знакомство с переводом книги «Воспоминания и размышления» Г. К. Жукова, который был непосредственным руководителем группировки советских войск, одержавшей победу на Халхин-Голе. Впервые книга была издана в КНР в 1984 г., в последующем неоднократно переиздавалась. В последние годы на книжном рынке в Китае практически не появляются переводы российских авторов на тему Второй мировой войны. Исключением является публикация в 2015 г. книги генерала армии М. А. Гареева «Сражения на военно-историческом фронте». Гораздо чаще на китайский язык переводятся книги западных авторов. Например, по теме событий на Халхин-Голе в 2020 г. вышла книга американца Стюарта Д. Гольдмана «Номанхан 1939: Изменил направление Второй мировой войны», опубликованная в США в 2012 г.

Если говорить о позициях современных китайских специалистов о событиях на Халхин-Голе, а также по истории международных отношений в годы Второй мировой войны и советско-китайских отношений, то они весьма неоднородны.

Прежде всего речь идет об изданиях 2000-х гг., так как, по признанию профессора Пекинской дипломатической академии Ли Цзюня, только в XXI в. в Китае оказалось возможным более или менее объективно писать о событиях в российско-китайских отношениях (цит. по: [Ян Чуань 2006: 19]).

Подход китайских авторов к освещению событий 1939 г. различен по форме и содержанию изложения. Например, военный историк Пэн Сюньхоу в книге «Чтение для понимания Второй мировой войны» (2015) описывает военные события на Хасане и Халхин-Голе в формате краткой энциклопедической статьи без политико-идеологических оценок: кто, когда, какими силами, какие потери [Пэн Сюньхоу 2015б: 76–77].

В фотоальбоме «Вторая мировая война» (2014 г.) автор-составитель Ян Лян поместил небольшую схему боевых действий с кратким комментарием, в котором отметил, что именно японские войска на Северо-Востоке Китая постоянно организовывали провокации на китайско-монгольской границе, чтобы разведать боевой потенциал советско-монгольских войск, ожидая благоприятный момент наступления на Север. Это, по мнению Ян Ляна, привело в конечном итоге к масштабному вооруженному столкновению – Номанханской битве. Японские войска, пишет автор, были быстро разбиты превосходящими силами и огневой мощью советских войск. 15 сентября 1939 г. японская армия отказалась от наступления на Север и повернула на Юг [Ди эрцы... 2014: 36].

Из работ 2000-х гг., специально посвященных битве на Халхин-Голе, следует назвать монографию Чжэн Цзяня «Китай, Номанхан: 1939» [2012]. Будучи историком и профессиональным военным, автор подробно описал историческую подоплеку и ход битвы на Халхин-Голе, продемонстрировав глубокий анализ и понимание проблем.

Большую дискуссию среди китайских специалистов вызвала книга «Номанхан: первое военное поражение Японии» (2005). В основе ее лежат воспоминания японского военного врача Сохэя Мацумото (1908–1981), непосредственного участника боев на Халхин-Голе [Жи лаобин... 2006]. Китайские эксперты выражали сомнения в достоверности описаний японского врача, понимая ограниченность его знаний – на уровне низовых подразделений японской армии. Поэтому к работе был

привлечен китайский историк и редактор Хуа Е, который дополнил мемуары ветерана исследовательскими материалами, описанием предыстории событий на Халхин-Голе, чтобы читатели могли получить более полное представление об этой войне.

Особое место в историографии КНР о битве на Халхин-Голе заняла книга «Молот Номонхана» (2018). Автор И Чжаньтан создал литературное произведение в жанре шпионского романа, основанного на действиях реальных исторических личностей двух «красных шпионов» (агентах Коминтерна и Северо-Маньчжурского провинциального комитета КПК), состоявших на службе в армии Маньчжоу-Го в «логовое японского врага».

Безусловно, важным источником победы на Халхин-Голе было разведывательное обеспечение командования советско-монгольских войск, в т. ч. группами лазутчиков, состоящими из местных жителей региона (монголов, дауров, китайцев, маньчжуров и др.). Однако некоторые китайские авторы порой преувеличивают значение их деятельности, например, «разведывательная группа из района Хулун-Буир» якобы «изменила ход сражения и косвенно изменила структуру мира» [И гэ цинбао сяоцзу... 2020].

Положительно можно охарактеризовать совместное исследование китайского историка Ли Хуа и российского автора Игоря Сеченова, которые на основе архивных данных и поисковой работы описали разведывательно-информационную и диверсионно-подрывную деятельность с участием местных жителей региона, оценив ее как «прямой и косвенный вклад Китая в победу союзных войск СССР и МНР на Халхин-Голе» [2020].

В то же время в КНР есть издания, авторы которых подают материал в политизированном и пропагандистском ключе. Например, в книге «Сто лет отношений Китая и России», изданной коллективом международных в 2006 г. [Ян Чуань 2006], в первом томе «Истории Коммунистической партии Китая», вышедшем в КНР в 2011 г., наряду с объективными характеристиками особенностей отношений между КПК и ГМД, связей КПК, ВКП(б) и Коминтерна по военно-политическим вопросам борьбы с японской агрессией, в т. ч. касающимся событий вокруг Халхин-Гола, содержатся спорные и, на наш взгляд, неверные суждения.

Анализируя подобного рода публикации, китаевед Ю. М. Галенович призывал китайских обществоведов на основе фактов и современных подходов по-новому рассматривать историю российско-китайских отношений, практиковать обмен мнениями, чтобы углубить понимание друг друга и постараться сблизить взгляды сторон на существовавшие в прошлом конфликты и сохраняющиеся проблемы [2011: 38–39].

Оценки современных китайских авторов на события весны – лета 1939 г. на Халхин-Голе имеют как значительное сходство, так и определенные различия. Китайские авторы в основном едины во мнении, что зачинщиком конфликта была Япония. Но есть суждения, когда ответственность за начало конфликта возлагается на обе стороны.

Цели, которых добивались стороны в ходе вооруженного конфликта в 1939 г., также имеют разное толкование в КНР. Преобладает мнение, что Япония прорывала крепость военного потенциала для определения направления дальнейшего продвижения [Ли Чуньпэн, Сюй Чжанцзян 1988: 61, 65–66].

Объяснимо, что в китайских публикациях существует разноречивость в статистических данных по боевому составу и потерям сторон, так как авторы используют сведения из разных источников, в т. ч. советских, российских, японских и др. [Ли Цзюйлянь, Гу Юньшэнь, Юй Вэйминь 2015; Номэньхань... 2022]. Редко приводятся собственные расчеты, тем более основанные на китайских архивных документах.

Неоднородны китайские оценки причин поражения Японии. Наиболее характерно китайскую позицию изложил историк Пэн Сюньхоу. Он считает, что японские войска потерпели сокрушительное поражение в вооруженных провокациях у оз. Хасан в 1938 г. и на р. Халхин-Гол в 1939 г., поскольку главные силы Японии были связаны на фронтах в Китае, что «сильно ограничивало» возможности действий против СССР. По приведенным данным, в 1939 г. в Китае находилось 83 % японских сухопутных сил [Пэн Сюйхоу 2015а: 58–59].

В китайских публикациях указываются и другие факторы, обеспечившие победу советско-монгольских войск над японскими войсками. Это и численное превосходство советской стороны в личном составе и вооружении, более высокое качество военной техники, маневренность советских войск, взаимодействие пехоты с танками и авиацией. Упоминается также умелое руководство войсками Г. К. Жукова, который, как пишут китайцы, «благодаря боевому опыту, полученному на Халхин-Голе, стал видным полководцем в годы Второй мировой войны» [Номэньхань... 2019].

Современные оценки специалистов КНР охватывают немалый круг вопросов, связанных с характеристикой событий на Халхин-Голе в 1939 г. В то же время китайские оценки рассматриваемых проблем весьма неоднородны, недостаточно базируются на источнико-документальной базе. При этом заметен шаблонный подход в оценке советской политики на монгольском направлении, который мало отличается от постулатов гоминьдановской историографии прежних времен, особенно по поводу «двойственности политики СССР», который, помогая Китаю в войне с японской агрессией, в то же время заключал с Маньчжоу-Го и Японией различные соглашения и договора, что «ущемляло суверенные права Китая, способствовало отторжению от Китая Внешней Монголии» и т. п.

Односторонний подход ряда китайских исследователей не соответствует исторической истине – мы были союзниками в годы Второй мировой войны, и цель была одна – разгромить фашистскую Германию и милитаристскую Японию и их пособников. Несмотря на существование спорных исторических вопросов, надо искать пути сближения точек зрения, вести обсуждения и совместные исследования.

Литература

Галенович Ю. М. История взаимоотношений России и Китая. Кн. I–II / Ю. М. Галенович. – М.: Русская панорама, 2011. – 464 с.

Калягин А. Я. По незнакомым дорогам (Воспоминания военного советника) / А. Я. Калягин. – М.: Наука; Гл. ред. Вост. лит.-ры, 1969. – 395 с.

Ли Хуа. Китай, Россия, Монголия и другие страны должны совместно сохранить в истории Второй мировой войны память о Халхин-Голе! [Электронный ресурс] / Хуа Ли, И. Сеченов // «Россия и Китай». Азиатское иллюстрированное обозрение. – 2020. – 29 марта. – Режим доступа: <https://ruchina.org/china-article/china/1698.html> (дата обращения: 10.07.2024).

Лузянин С. Г. Дипломатическая история событий на Халхин-Голе. 1932–1939 гг. / С. Г. Лузянин // Новая и новейшая история. – 2001. – № 2. – С. 41–51.

Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI вв. / А. В. Лукин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 598 с.

Мао Цзэдун. Избранные произведения: в 4 т. Т. 3 / пер. с кит. яз. – М., 1953. – 446 с.

Победа на Халхин-Голе: в поисках исторической истины / отв. ред.: А. С. Железняков, Е. Л. Катасонова; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. – 348 с.

СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны / отв. ред. В. В. Намкин. – М.: ИВ РАН, 2010. – 460 с.

Ди эрцы шицзе дачжань: тувэнь / бьяньчжу Ян Лян [Вторая мировая война: фотоальбом / ред. Ян Лян]. – Пекин: Синьхуа чубаньшэ, 2014. – 319 с.

Жи лаобин цзяншу «Жицзюнь шоуцы цаньбай» [Японский ветеран рассказал о «первом катастрофическом поражении японской армии»] [Электронный ресурс]. – 2006. – 29 июля. – Режим доступа: https://www.dzwww.com/synr/syyl/t20050619_1099310.htm (дата обращения: 14.06.2024).

И гэ цинбао сяоцзу гайбянь лэ и чан чжаны, е цзяньцзе дэ гайбянь лэ шицзе гэцзюй [Одна разведывательная группа изменила ход сражения и косвенно изменила структуру мира] [Электронный ресурс] // Краткое обсуждение китайской и зарубежной истории. – 2020. – 28 марта. – Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1662403408206721486&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 27.07.2024).

Ли Цзюйлянь. Ди эрцы шицзе дачжань байкэ цыдянь (сю динбань) [Энциклопедия Второй мировой войны. – 2-е изд.] / Цзюйлянь Ли, Юньшэнь Гу, Вэйминь Юй. – Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2015. – 758 с.

Ли Чуньпэн. 1939 нянь “мань-мэн” бяньцин чжанчжэндэ цин. Жибэнь гуаньдун-цзюнь цзиньгун суляндэ цзюньши шитань [Истоки «Маньчжурско-монгольской» пограничной войны в 1939 г.: военная проверка японской Квантунской армии для наступления на Советский Союз] / Чуньпэн Ли, Чжанцзян Сюй // Хэйхэ сюэкань. – 1988. – № 1. – С. 61–66.

Номэньхань: Сулянь хунцзюнь дабай куанъао жибэнь луцзюнь [Номанхан: Советская Красная армия разгромила высокомерную японскую сухопутную армию] [Электронный ресурс] // Лиши дахэн цзюйбао: Отчет «Исторический магнат». – 2019. – 23 апр. – Режим доступа: <https://www.163.com/dy/article/EDEMHKGC0523OAM2.html> (дата обращения: 29.06.2024).

Номэньхань чжань цзинго: Суцзюнь танькэ няньчжэ жицзюнь даочупао, 4 вань до жицзюнь бэй дасы [Битва при Номанхане: советские танки повсюду преследовали японские войска, погибло более 40000 японских солдат] [Электронный ресурс]. – 2022. – 19 янв. – Режим доступа: <https://www.163.com/dy/article/GU3361I0053518R1.html> (дата обращения: 10.06.2024).

Пэн Сюйхоу. Лишидэ гаоцин – ди эрцы шицзе дачжаньдэ чжунцзе юй цзунцзе [Исторические предостережения – Итоги и выводы Второй мировой войны] / Сюйхоу Пэн. – Пекин: Гофан дасюэ чубаньшэ, 2015а. – 348 с.

Пэн Сюйхоу. Цзеду ди эрцы шицзе дачжань [Чтение для понимания Второй мировой войны] / Сюйхоу Пэн. – Пекин: Цзефанцзюнь чубаньшэ, 2015б. – 543 с.

Чжэн Цзянь. Чжунго номэньхань: 1939 / Цзянь Чжэн. – Хайлар: Нэй мэngu вэньхуа чубаньшэ, 2012. – 312 с.

Ян Чуан. Байнянь чжун-э гуаньси [Сто лет отношений России и Китая] / Чуан Ян. – Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2006. – 512 с.

References

Galenovich Yu. M. Istoriya vzaimootnoshenij Rossii i Kitaya. Kn. I–II / Yu. M. Galenovich. – M.: Russkaya panorama, 2011. – 464 s.

Kalyagin A. Ya. Po neznakomym dorogam (Vospominaniya voennogo sovetnika) / A. Ya. Kalyagin. – M.: Nauka; Gl. red. Vost. lit-ry, 1969. – 395 s.

Li Hua. Kitaj, Rossiya, Mongoliya i drugie strany dolzhny sovmestno sohranit' v istorii Vtoroj mirovoj vojny pamyat' o Halhin-Gole! [Elektronnyj resurs] / Hua Li, I. Sechenov // «Rossiya i Kitaj». Aziatskoe illyustrirovannoe obozrenie. – 2020. – 29 marta. – Rezhim dostupa: <https://ruchina.org/china-article/china/1698.html> (data obrashcheniya: 10.07.2024).

Luzyanin S. G. Diplomaticeskaya istoriya sobytij na Halhin-Gole. 1932–1939 gg. / S. G. Luzyanin // Novaya i novejšaya istoriya. – 2001. – № 2. – S. 41–51.

Lukin A. V. Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vv. / A. V. Lukin. – M.: AST: Vostok – Zapad, 2007. – 598 s.

Mao Czedun. Izbrannye proizvedeniya: v 4 t. T. 3 / per. s kit. yaz. – M., 1953. – 446 s.

Pobeda na Halhin-Gole: v poiskah istoricheskoj istiny / otv. red.: A. S. Zheleznyakov, E. L. Katasonova; In-t vostokovedeniya RAN. – M.: IV RAN, 2021. – 348 с.

SSSR i strany Vostoka nakanune i v gody Vtoroj mirovoj vojny / otv. red. V. V. Naumkin. – M.: IV RAN, 2010. – 460 s.

Di ercy shicze dachzhan': tuven' / byan' chzhu Yan Lyan [Vtoraya mirovaya vojna: fotoal'bom / red. Yan Lyan]. – Pekin: Sin'hua chuban'she, 2014. – 319 s.

Zhi laobin czyanshu «Zhichyun' shoucy can'baj» [Yaponskij veteran rasskazal o «pervom katastroficheskom porazhenii yaponskoj armii»] [Elektronnyj resurs]. – 2006. – 29 iyulya. – Rezhim dostupa: https://www.dzwww.com/synr/syyl/t20050619_1099310.htm (data obrashcheniya: 14.06.2024).

I ge cinbao syaoczu gajbyan' le i chan chzhan'i, e cзыан'cze de gajbyan' le shicze geczyuj [Oдна razvedyvatel'naya gruppa izmenila hod srazheniya i kosvenno izmenila strukturu mira] [Elektronnyj resurs] // Kratkoe obsuzhdenie kitajskoj i zarubezhnoj istorii. – 2020. – 28 marta.

– Rezhim dostupa: <https://bajjiahao.baidu.com/s?id=1662403408206721486&wfr=spider&for=pc> (data obrashcheniya: 27.07.2024).

Li Czyujlyan'. Di ercy shicze dachzhan' bajke cydyan' (syu dinban') [Enciklopediya Vtoroj mirovoj vojny. – 2-e izd.] / Czyujlyan' Li, Yun'shen' Gu, Vejmin' Yuj. – Shanhaj: Shanhaj cyshu chuban'she, 2015. – 758 s.

Li Chun'pen. 1939 nyan' "man'-men" byan' czin chzhanchzhende ciin. Zhiben' guan' dunczyun' czin'gun sulyan'de czyun'shi shitan' [Istoki «Man'chzhursko-Mongol'skoj» pograničnoj vojny v 1939 g.: voennaya proverka yaponskoj Kvantunskoj armii dlya nastupleniya na Sovetskij Soyuz] / Chun'pen Li, Chzhanczyan Syuj // Hejhe syuekan'. – 1988. – № 1. – S. 61–66.

Nomen'han': Sulyan' hunczyun' dabaj kuan'ao zhiben' luczyun' [Nomanhan: Sovetskaya Krasnaya armiya razgromila vysokomernuyu yaponskuyu suhoputnuyu armiyu] [Elektronnyj resurs] // Lishi dachen czyujbao: Otchet «Istoricheskij magnat». – 2019. – 23 apr. – Rezhim dostupa: <https://www.163.com/dy/article/EDEMHKG0523OAM2.html> (data obrashcheniya: 29.06.2024).

Nomen'han' chzhan'i czingo: Suczyun' tan'ke nyan'chzhe zhiczyun' daochupao, 4 van' do zhiczyun' bej dasy [Bitva pri Nomanhane: sovetskie tanki povsyudu presledovali yaponskie vojska, pogiblo bolee 40000 yaponskih soldat] [Elektronnyj resurs]. – 2022. – 19 yanv. – Rezhim dostupa: <https://www.163.com/dy/article/GU3361I0053518R1.html> (data obrashcheniya: 10.06.2024).

Pen Syujhou. Lishide gaoczin – di ercy shicze dachzhan'de chzhuncze yuj czuncze [Istoricheskie predosterezheniya – Itogi i vyvody Vtoroj mirovoj vojn] / Syujhou Pen. – Pekin: Gofan dasyue chuban'she, 2015a. – 348 s.

Pen Syujhou. Czedu di ercy shicze dachzhan' [Chtenie dlya ponimaniya Vtoroj mirovoj vojny] / Syujhou Pen. – Pekin: Czefanczyun' chuban'she, 2015b. – 543 s.

Chzhen Czyan'. Chzhungo nomen'han': 1939 / Czyan' Chzhen. – Hajlar: Nej mengu ven'hua chuban'she, 2012. – 312 s.

Yan Chuan. Bajnyan' chzhun-e guan'si [Sto let otnoshenij Rossii i Kitaya] / Chuan Yan. – Pekin: Shicze chzhishi chuban'she, 2006. – 512 s.

УДК 902/904(571.54)
ББК 63.4(2Р54)
DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-48-56

Б. А. Бальжанов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ П. П. ХОРОШИХ
НА ТЕРРИТОРИИ оз. БАЙКАЛ (по материалам архива
ЦВРК ИМБТ СО РАН)

В статье анализируются материалы фонда из архива Павла Павловича Хороших по археологическим исследованиям территории оз. Байкал со стороны Иркутской области и Республики Бурятия. Вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся материалы по археологии Байкала.

Ключевые слова: археология Байкала, неолит, энеолит, бронзовый век, Бурятия, Иркутская область.

B. L. Balzhanov

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF P. P. KHOROSHIKH
IN THE TERRITORY OF LAKE BAIKAL
(based on the materials of the archive of the Center for oriental
manuscripts and xylographs of the IMBTS SB RAS)

The article analyzes the materials of the fund from the archive of Pavel Pavlovich Khoroshikh on archaeological research in the territory of Lake Baikal from the Irkutsk region and the Republic of Buryatia. Previously unpublished materials on the archaeology of Lake Baikal are being introduced into scientific circulation.

Keywords: archaeology of Lake Baikal, Neolithic, Eneolithic, Bronze Age, Buryatia, Irkutsk region.

Фонд № 20 архива Центра восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК ИМБТ СО РАН) содержит более 700 дел из личного архива П. П. Хороших. Это материалы по археологии, этнографии, документооборот, газетные вырезки, черновики статей, фото, рисунки, карты и мн. др. Часть материалов впервые вводятся в научный оборот.

П. П. Хороших (1890–1977) – к. и. н., археолог и этнограф, участник многих экспедиций – собрал большой пласт полевого материала, но в трудах российских ученых он упоминался очень сдержанно. Первые исследования Павла Павловича на территории Байкала шли с 1921 по 1923 г., когда он проводил сбор материала по курумчинской культуре на территории Приольхонья [1924].

В 1928 г. опубликована статья «Доисторический человек на Байкале», в которой им освещены исследованные памятники на территории Байкала [1928]. Так, автор упомянул о стоянках в бухтах Песчаная, Коты, Улан-Хада. В дальнейшем исследованием северного, восточного и западного побережья занимались П. П. Хороших, Е. И. Титов, И. И. Веселов, Б. А. Куфтин и др. Летом 1927 г. Павел Павлович обнаружил стоянки в долине р. Баргузин и в Баргузинском заливе. Кроме того, им были открыты стоянки на юге Байкала у разъезда Шаражылгай, в устье р. Селенги и близ с. Лиственничное. Тогда же автор на основе имеющихся у него на тот момент данных пришел к выводу, что памятников эпохи бронзы на Байкале нет. Опираясь на мнения Б. Э. Петри, Г. П. Сосновского и М. П. Овчинникова, он считал, что на территории Прибайкалья отсутствовало пространство, необходимое для скотоводства, массивная тайга мешала распростра-

БАЛЬЖАНОВ Батор Логинович – аспирант, стажер-исследователь Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия). E-mail: bator.balzhanov@mail.ru.

нению бронзовой культуры Минусинского края, а отдельные бронзовые изделия попадали в Прибайкалье путем торговых сделок либо вооруженных конфликтов. Ввиду этого ученый выдвинул предположение, что «каменный период Прибайкалья сменился непосредственно периодом – железным» [Хороших 1928: 9].

В том же году П. П. Хороших участвовал в разведочных работах совместно с Археологическим институтом АН СССР на Ушканьих островах, в районе «бухточка Пещерка». В ходе работ обнаружены наконечники стрел, скребки, ножевидные пластинки, фрагменты неолитической керамики со штриховым орнаментом. Исследователь выдвинул предположение, что древние охотники, по-видимому, посещали Ушканьи острова в период весенней охоты на нерпу [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 178. Л. 6.].

Упомянув археологические исследования новокаменного века на левом берегу р. Ангары, на участке Байкал – Иркутск, П. П. Хороших упоминает о подъемном материале, собранном в 1895 г. М. П. Овчинниковым, который в дальнейшем был передан в Иркутский музей, также он перечисляет исследования А. С. Еленева, В. И. Подгорбунского, М. М. Герасимова, Л. Н. Иваньева, А. П. Окладникова и Г. Ф. Дебеца [Там же. Д. 95. Л. 1]. Кроме того, в деле представлены разнообразные фото, зарисовки и фотокопии. Особый интерес представляют зарисовки лосиных фигур (рис. 1–2), обнаруженных на различных памятниках (некоторые были найдены А. П. Окладниковым, другие найдены П. П. Хороших при раскопках на стадионе «Локомотив» в 1948 г.), и фотография гравюры с изображением мамонта с памятника Мальта (рис. 3).

Продолжая тему неолитических памятников, он указывает на находки в местности Кулигинский мыс, примерно в 2 км выше устья р. Уладовки, и на правом берегу Ангары напротив устья р. Курмы, где обнаружил ножевидные пластинки, фрагменты керамики со штриховым орнаментом.

Он указал, что ярко выраженного культурного слоя не наблюдалось, а значительная часть стоянки на «Кулигинском мысу» обвалилась в реку. Исследователь отмечает одновременность находок и относит их к «китойскому времени Ангаро-Байкальского неолита. Обе стоянки, по-видимому, были временными стойбищами неолитических охотников-рыбаков» [Там же. Д. 91. Л. 1].

Следующие памятники неолита были расположены на третьей террасе у бывшего пос. Пашки, в 31–33 км выше г. Иркутска; в борту дорожной выемки на правой стороне р. Грязнухи в 29 км от г. Иркутска; в оврагах у дороги вблизи моста через р. Бурдугуз; на террасе в местности Черный камень в 1,5 км выше поселка Тальцы; в бортах дороги около истока р. Ангары из оз. Байкал на высокой террасе вблизи метеорологической станции; в бортах террасы, примыкающей к старому местонахождению пос. Николь; на тер-

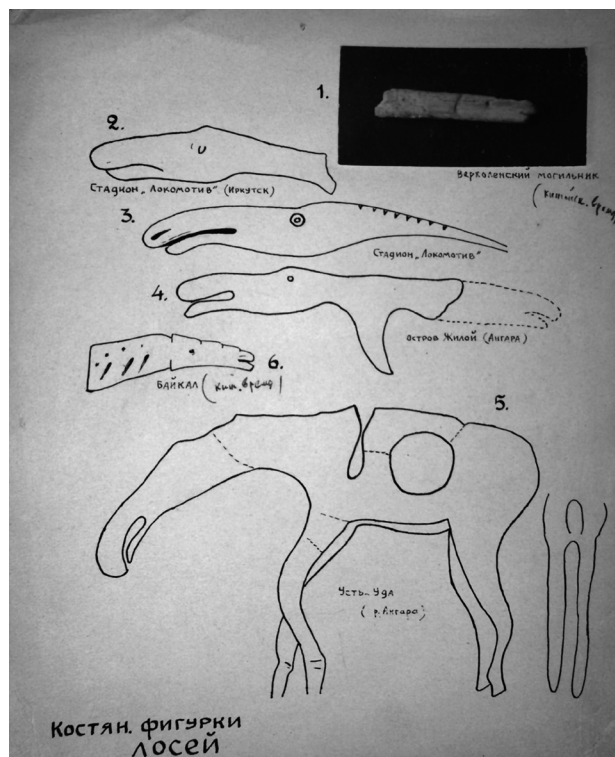

Рис. 1. Изображения фигурок лосей с различных неолитических стоянок

расе, расположенной ниже пос. Патроны, примерно в 20 км от г. Иркутска; на пашнях вблизи дер. Шукиной по правую сторону тракта, идущего из г. Иркутска на оз. Байкал.

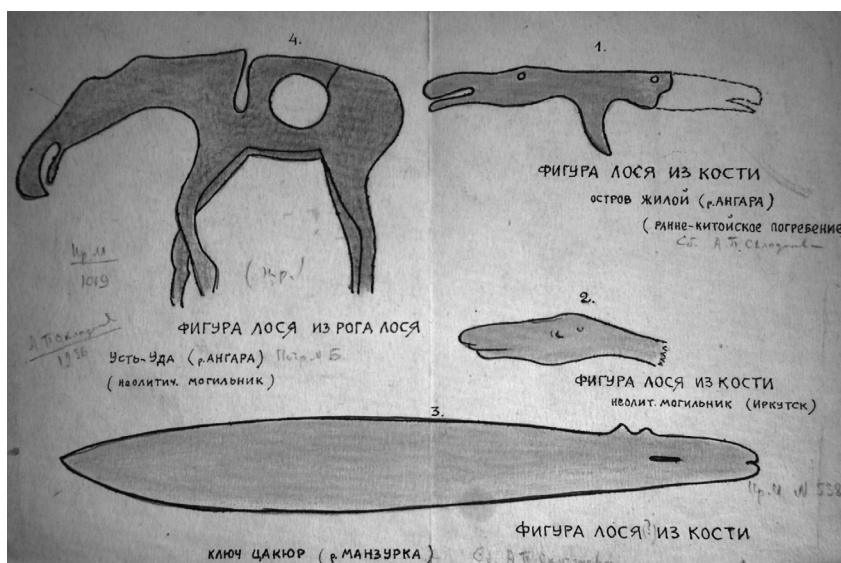

Рис. 2. Изображения фигурок лосей с различных неолитических стоянок

Рис. 3. Гравюра мамонта. Мальта

Исследование неолитических стоянок крайнего севера Байкала представлено в деле № 90. Говоря о памятнике у дер. Душкачан и у пос. Ченчи, исследованном Е. И. Титовым, автор ограничился лишь перечислением найденных артефактов (скребки, наконечники стрел, ножевидные пластины, нефритовые топоры и т. п.). Любопытно, что Павел Павлович указывает номера коллекций Иркутского музея. В частности стоянка у пос. Ченчи представлена коллекциями № 7488 и 7491, а исследование И. И. Веселова стоянки у пос. Козловска – коллекцией № 8274. Находки со стоянок

ки Саган-Нугэ (в заливе Мухор на юго-запад от стоянки Улан-Хада) – каменные топоры из диорита, большие скребки дисковидной формы, наконечники стрел и копий, изображение рыбки из плоской гальки – хранились в коллекции № 7544. Музейные коллекции № 7644 и 7648 – артефакты со стоянки в бухте Базарной. П. П. Хороших отмечает, что на памятнике было найдено незначительное количество артефактов, а сама стоянка, возможно, была кратковременным стойбищем. Далее он упоминает об очагах на стоянке Улан-Хада, «устройство которых отличается от очагов на других неолитических стоянках Байкала. Эти очаги были сложены из плоских плит гнейса, наставленных у стенок очага наклонно так, что все плиты вместе образовали фигуру, похожую на розетку. Каждый очаг имел пол, выложенный плитками» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 96. Л. 7]. По его мнению, эти очаги служили для обжига глиняных сосудов, в них удобно поставить сосуд с круглым дном и, обложив сучьями, обжечь. Но они не были приспособлены для варки еды, потому что на этих очагах нельзя было поставить котел сверху ввиду особенности их конструкции.

П. П. Хороших в 1947 г. исследовал семь памятников неолита на левом берегу Ангары:

- 1) стоянка в местности Парки, расположенная в 3 км от ж/д станции Михалево;
- 2) стоянка Угор по дороге к пади Еланской, в 22 км от Иркутска, напротив деревни Груднино;
- 3) стоянка в местности Прямая падь в 20 км от Иркутска;
- 4) стоянка в местности Большая Карамышевка в 18 км от ж/д станции Иркутск;
- 5) стоянка у деревни Ерши;
- 6) стоянка в местности Большая Межовка;
- 7) стоянка в местности Малая Межовка.

Найденный материал идентичен найденному ранее: скребочки из кремня и кремнистого сланца, наконечники стрел, фрагменты керамической посуды со штриховым и ямочным орнаментом, нефритовый полированный ножик, ножевидные пластинки, продолговатый молот из диорита. Автор отнес стоянки к поздней китойской стадии новокаменного века Прибайкалья. В качестве аргумента Павел Павлович указывает на тщательную полировку орудий, наличие хорошо обработанных принадлежностей рыбной ловли и разнообразную технику ornamentирования глиняных горшков: «В ряде случаев отмечены керамические изделия, имеющие более раннее происхождение, что свидетельствует о напластовании культурных слоев от разных по времени неолитических поселений» [Там же. Д. 100. Л. 7].

В 1949 г. исследованы неолитические стоянки на побережье Байкала от истока Ангары до мыса Кадильного, на основе чего ученым были сделаны предварительные выводы:

- «– Все стоянки расположены на береговых террасах от 3 до 6 м над уровнем Байкала и имеют однородную стратиграфию;
- Они занимают небольшую площадь и являлись временными поселениями, кроме стоянок “Березовый мыс” и “Жилище”;
- На многих стоянках культурный слой залегает неглубоко от поверхности. Культурный слой на стоянках не всегда хорошо выражен;
- Крупных каменных орудий на стоянках найдено немного. Следует отметить, сходство многих кремневых орудий Байкальских стоянок с орудиями со стоянок Прибайкалья. Это сходство наблюдается в форме и величине орудий, в технике обработки и в назначении;
- Посуда, найденная на исследованных стоянках, не имеет такого разнообразия орнамента, как керамика, встречающаяся на дюнных стоянках острова Ольхона и Малого моря, или на стоянках р. р. Баргузину, Ангаре и др. На исследованных стоянках преобладает керамика со штриховым орнаментом и гладкой поверхностью, реже встречается керамика с линейным или ямочным орнаментом, сетчатым штампом» [Там же. Д. 106. Л. 4–5].

Эти стоянки он отнес к развитой стадии Байкальского неолита, отметив общие черты стоянок Байкала со всеми стоянками Прибайкалья, что говорит, по его мнению, о культурных связях обитателей Байкала с соседними племенами.

В том же году под руководством П. П. Хороших в бухте Обухеиха, в 3 км к северу от с. Лиственничное, в ходе разведочных работ исследована неолитическая стоянка. Памятник расположен на террасе высотой 9–10 м и протяженностью более 1,5 км. На глубине 29–35 см найдены мелкие кремневые ножевидные пластинки и керамика со штриховым орнаментом. Также на стоянке обнаружены очаги. Очаг № 1 находился в 2 м от борта террасы, на глубине 58 см. Форма в виде неправильного овала, из восьми сильно обожженных плит разного размера. В нем были обнаружены угольки и черепки от глиняных сосудов с орнаментом-штампом, штриховым, линейным и ямочным. Около очага найдены «нуклеусы, наконечники стрел и копий, разнообразные скребки, проколки, большое количество мелких кремневых ножевидных пластинок и отщепов и резцы бобра» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 59. Л. 2]. Второй очаг имел форму круга и был обложен округлыми гранитными и гнейсовыми булыжниками. В нем обнаружены угольки и обожженные кости, у очага найдены ножевидные пластинки и фрагменты керамики со следами плетения. В квадрате Б-7 найдены: небольшая фигурка, изображающая голову лося, сделанная из светло-серого кремнистого сланца, нуклеусы, резцы, проколки, наконечники стрел и кремневые отщепы. Некоторые ножевидные пластинки изготавливались, по-видимому, здесь же на месте из найденных на стоянке нуклесов. Далее автор указал, что пробный раскоп на стоянке произведен 6 августа 1953 г. В ходе работ найдены глиняные сосуды с плоским дном (по мнению П. П. Хороших, херексурного времени), кремневые отщепы и керамика.

В 1957 г. отряд Иркутского госуниверситета в составе П. П. Хороших, Э. Р. Рыгдылона и В. В. Свинина осмотрел неолитическую стоянку в бухте Узур, в северо-восточной части о-ва Ольхон, в 38 км на север от с. Хужир. Стоянка находилась на шестиметровой террасе за постройками Узурской метеорологической станции. Были найдены «тесло из мелкозернистого сланца, обломок тесла из серого диорита, наконечники стрел, дрели, ножевидные пластинки, вкладыши в костяной кинжал, кремневый нуклеус, обломок топорика из зеленого нефрита, бусина-подвеска из зуба марала, кремневый скребок, заготовка наконечника копыя, кремневая проколка, подвеска из мраморовидного известняка, рыбка-приманка из сланца, фрагменты глиняной посуды с полулунным и ямочным орнаментом, грузило для сетей» [Там же. Д. 90. Л. 2]. Там же найдены фрагменты керамики бронзового века с орнаментом горошиной. На площадке у вершины горы Узур, сохранились слабо заметные остатки курыканского городища, датированные VI–XI вв. Была также осмотрена пещера в полукилометре от станции, «она была обитаема, начиная с поздней поры новокаменного века» [Там же. Д. 297. Л. 1].

В пещере на о-ве Эдерто (Беленький), расположенном в 1 км от западного берега Ольхона и в 3 км от с. Харанцы, П. П. Хороших и Н. М. Ревякин нашли «костяное лощило, ножевидные пластинки и проколки из кремния, фрагменты глиняной посуды с разнообразным орнаментом, фрагменты посуды бронзового века» [Там же. Д. 90. Л. 5]. Предметы неолитической культуры, найденные на островах Ольхон и Эдерто, были отнесены исследователем к поздней поре байкальского неолита.

В 1956 г. участники Байкальской историко-археологической экспедиции ИГУ им. А. А. Жданова (рук. П. П. Хороших, доц. Э. Р. Рыгдылон, студенты В. В. Свинин, Я. Яхимова и учитель Хужирской школы Н. М. Ревякин) провели раскопки в бухточке Саган-Нутэ, на юго-западной части Малого моря. В ходе раскопок обнаружена могильная кладка, ориентированная с северо-запада на юго-восток. «Кладка состояла из плит гранита, положенных друг на друга в два ряда и имела длину 1,6 м. и ширину 90 сант.» [Там же. Д. 51. Л. 2]. По краям кладки часть плит была под наклоном, что придавало ей лодкообразную форму. По мнению ученого, такая форма кладки присуща для могил глазковского типа. На глубине 49 см оказался костяк в горизонтальном положе-

нии на спине, с вытянутыми вдоль тела руками и головой, ориентированной на северо-северо-запад, лицо обращено на юго-запад. Одна нога немного подогнута в колене. Костяк посыпан красно-бурой охрой, наиболее густо ею покрыт череп покойного. Погребальный инвентарь: костяная ложка со слегка изогнутой рукояткой, тщательно вырезанная из рога лося. Такие ложки обычно встречаются в Прибайкалье в поздне-неолитических и энеолитических погребениях, незаконченной обработкой вкладыш из темно-серого кремня, вставляемый в паз костяного кинжала, нож-резец из светло-серого кремня, небольшой скребок из серого полосатого кремня, несколько небольших пластинчатых отщепов. Помимо этого, были найдены: трубочка из красной меди (автор проводит аналогию с трубочкой из погребения глазковского времени на левом берегу Лены у деревни Усть-Илга, раскопанного А. П. Окладниковым), костяное кинжаловидное острие, плоский дисковидный скребок. Плохая сохранность костяка не позволила точно установить пол погребенного, но, по мнению П. П. Хороших, костяк принадлежал взрослой женщине. Далее он указывает, что данное «погребение, единственное энеолитическое погребение на побережье Байкала» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 51. Л. 3]. Ранее памятники энеолита были обнаружены на террасах рек Ангара, Лена и Селенга. На взгляд Павла Павловича, «некоторые медные и бронзовые орудия труда и предметы быта выделялись непосредственно на прибрежных стоянках Байкала. Могли они и проникать на побережье оз. Байкал также путем межплеменного обмена из Приангарья, Забайкалья и, в особенности, из Минусинской котловины, которая являлась основным центром энеолитической и бронзовой культур в Сибири» [Там же. Л. 4].

В дальнейшем П. П. Хороших изменил свои выводы относительно энеолита и бронзового века. Он предположил, «что олово путем межплеменного обмена поступало на Байкал из восточного Забайкалья из долины р. Онона, где оно добывалось с древнейших времен. Медь могла поступать от древних обитателей верхнего течения р. Лены или с р. Ишинды (приток р. Баргузина), где известны месторождения медных руд» [Там же. Д. 133. Л. 3].

Летом 1958 г. историко-археологической экспедицией ИГУ проводились раскопки на о-ве Ольхон, в 5 км южнее пос. Хужир. Было обнаружено пять погребений, три из которых находились в пустотах горных пород и от них остались лишь остатки досок и кости, сохранность которых не позволила сделать остеологический анализ. Два других были на ровной площадке и имели кладки из каменных плит.

Первое погребение – женское. Надмогильная кладка состояла из 16 массивных плит, сложенных в виде прямоугольника, ориентирована с запада на восток. Длина кладки – 1,9 м, ширина – 95 см. Длина могильной ямы – 1,7 м, ширина – 62 см. В восточной части погребения – листовенничная дощечка, поверх которой насыпаны зерна проса. На глубине 45 см обнаружен скелет человека на правом боку с вытянутыми вдоль тела руками, голова направлена на восток, а лицо на запад. Под голову скелета помещена плита, покрытая материей, которая к тому времени истлела. На лобной части черепа помещен посеребренный диск круглой формы, несколько таких украшений найдены в области шеи. П. П. Хороших считал, что они были пришиты к головному убору и к одежде покойного. Также под шеей лежали три перламутровых диска, вероятно, из Китая, с резным орнаментом. Около ушей – сережки из медной проволоки с привесками из моржана (коралл). На груди лежали в один ряд бронзовые пуговицы. Возле правого плеча найдены 13 монет английского, немецкого и французского происхождения, датированные XVIII в. На запястьях было по два браслета из бронзы, на пальцах – пять перстней из меди, три – с правой стороны и два – с левой. У левой кисти найден железный ножик в деревянных ножнах, а у правой – две бронзовые ложки (автор отмечает, что одна положена в могилу сломанной) и ножик в ножнах. Помимо этого, найдены железные украшения лопатообразной формы, большое количество мелких металлических привесок, которые были, видимо, пришиты к воротнику костюма, рукава одежды были отделаны мехом бобра. Волосы были заплетены в косичку и вправлены в медную трубочку, полы костюма были украшены мелкими

пластинками из белого металла и белыми бусинами [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 603. Л. 1–2].

Второе погребение – мужское, находилось в 6 м на запад от первого погребения. Надмогильная кладка также имеет форму прямоугольника длиной 2 м и шириной 70 см. Скелет был также на глубине 45 см, головой ориентирован на запад, лицо обращено на юго-восток, голова лежала на плите. Из погребального инвентаря найдены: небольшие пуговицы, металлическое украшение, датированное концом XVIII в., с вправленной в него монетой. У правой руки лежала трубка с длинным чубуком, которая была туго набита табаком, огниво с железным кресалом. Два куса железной руды в небольшом деревянном ящичке длиной 55 см и шириной 25 см. Под шеей найдено большое количество бусин из моржана и стекла, вероятно, ими был обшит воротник одежды. Кожаный головной убор украшен стеклянными бусинами различного цвета и размера. Автор раскопок предположил, что, вероятно, в этой могиле похоронен кузнец (дархан) [Там же. Л. 3]. Оба черепа из раскопок исследованы Аполлинарием Иннокентьевичем Казанцевым, профессором, доктором медицинских наук.

В 1922 г. П. П. Хороших провел раскопки погребения на вершине горы Субыль-Нюргон, в 2 км от улуса Туты и 1,5 км на запад от Ольхонских ворот. Костяк был завален камнями, гроб отсутствовал, труп обращен головой на восток и лицом на север, руки вытянуты вдоль тела. Под голову покойного подложено богато украшенное седло, под которым – железные, посеребренные привески от узды с зигзагообразным орнаментом, таким же орнаментом украшены посеребренные пластинки передней луки седла. На правой стороне черепа найдены серьги из медной проволоки, украшенные моржанами и стеклянными бусами. У плеч – железные подковки в виде небольших вилок, «употребляемые в старицу бурятским и эвенкийским населением при передвижении по льду Байкала во время охоты за нерпой» [Там же. Л. 8]. Помимо этого, были найдены ромбовидные свинцовые привески, которые встречались на древних бурятских шаманских костюмах, крестообразные привески и два круглых бронзовых диска с изображениями тигров и львов, стоящих на задних лапах по обоим сторонам дерева. Автор упоминает, что подобные привески с изображениями были найдены им в двух бурятских погребениях у улуса Мургун [Казанцев, Хороших 1929: 65]. Также среди инвентаря был медный плоский браслет, бусины из стекла и моржана, медные и свинцовые привески, железный нож, наконечник стрелы, небольшие свинцовые привески в виде шишек с крестами на концах. На основе полученных материалов Павел Павлович выдвинул предположение, что это погребение принадлежит шаманке. Он отметил, что «бурятские погребения на острове Ольхон имели одинаковую ориентировку в положении скелетов: женщины во всех случаях захоронены головами на восток, а мужчины на запад, северо-запад и северо-восток» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 603. Л. 9].

Большой интерес у ученого вызывали пещеры оз. Байкал. Одна из таких находилась на мысу Саган-Хушун, в заливе, отходящем от мыса Хобой, при слиянии Малого и Большого морей. Пещера обнаружена в 1938 г. профессором Ф. Ф. Талызиным. Павел Павлович говорит, что «мыс Саган-хушун в глубокой древности был обнесен глубоким рвом, длиной около 600 м. Ров местами порос кустарником. На мысу сохранились следы городища с каменными стенами, местами стены обвалились» [Там же. Д. 297. Л. 4–5]. Пещера на мысу Бурхан, в 1,5 км от с. Хужир, была впервые им осмотрена в 1920 г.: «В то время в ней находилась ламайская молельня, устроенная здесь ламами в начале XVIII столетия» [Там же. Л. 9]. Помимо ритуальных буддийских принадлежностей, была найдена пластинка с изображением женщины-шаманки, на голове которой изображены рога, на плечах – гвоздевидные придатки, около туловища – шаманские конные трости. Как отметил П. П. Хороших, фигурка «имеет прямое отношение к древним воззрениям бурят-шаманистов острова Ольхон – “Хангутэ-бабая” и его сына – орла (ихэ-шубуна), в честь которых ранее часто устраивались кровавые жертвоприношения» [Там же. Л. 10]. В пещере Хелтыгэй: «По данным местного старожилото населения ранее находили: железные наконечники

стрел различной формы, костяные обкладки от составных охотничьих луков, челюсти байкальской нерпы, зубы марала, резцы бобра» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 293. Л. 4].

В 1922 г. П. П. Хороших исследовал пещеру-арку на мысу Уягай-хошун, на дне которой им найдено кострище, обложенное каменными плитами, около которого находились: фрагменты глиняной посуды с плоским дном, с арочным орнаментом (курыканское время – VI–XI вв. н. э.), железные ножи, железные трехлопастные наконечники стрел, челюсти и отдельные зубы байкальской нерпы, клыки кабана, куски лосиных рогов с порезами. Летом 1956 г. в долине р. Кулары Павел Павлович обнаружил разнообразный археологический материал, который он отнес к китойскому времени и предположил, что пещера служила временным убежищем неолитическим рыбакам, места поселений которых были обнаружены во многих бухточках Малого моря.

В деле 292 хранится машинописный вариант монографии П. П. Хороших по пещерам Байкала, в которой отсутствуют выходные данные, а также заключение и выводы. Однако указанные исследованные пещеры, и наибольший интерес вызывают Лударские пещеры близ пос. Горемыки (совр. Байкальское). В них были найдены различные артефакты, в т. ч. и небольшая плитка с вырезанным контурным изображением нерпы, по своей форме напоминающая фаллическую скульптуру: «Эту скульптуру Л. П. Хлобыстин датирует I тысячелетием до нашей эры и связывает ее назначение с тотемистическими воззрениями байкальских племен этого времени» [Там же. Д. 292. Л. 55]. Также на террасе между поселками Байкальский и Лударский имеется стоянка, которая была исследована в 1901 г. А. Коротневым и в 1905 г. А. М. Станиловским.

По теме археологических памятников на Байкале П. П. Хороших написал несколько газетных статей [Там же. Д. 587. Л. 1–30]. Первая из них опубликована в «Университетском слове» (№ 15), где приводилось краткое описание о находках новокаменного века в Ольхонском крае. В № 20 той же газеты приводятся результаты исследований за 1921–1922 гг. Автор отмечает, что наличие самостоятельной культуры эпохи бронзы в пределах Ольхонского края и в целом Прибайкалья не было обнаружено. Отмечается, что имели место случайные находки бронзовых и медных орудий (в большинстве минусинского происхождения), такие были обнаружены Б. Э. Петри, Б. И. Тиговым, П. Дриженко и П. П. Хороших в бухтах Малого моря, на северной части Байкала, у деревень Горемыка, Покойники, у р. Рель, у деревень Латышки, Косая Степь и др. Указано, что находящиеся по Якутскому тракту у с. Баяндай курганные холмы не были исследованы. Павел Павлович отметил в Ольхонском крае большое количество памятников железного века: пещер, писаниц, могил, укреплений на скалах и мысах, древних рвов и проч. Особый его интерес вызвали две пещеры в местности Байды (Багорсо), в трех верстах от улуса Кутул. Их он отнес к типу сводных пещер и упомянул, что местное население считало воду в одной из пещер целебной и установило внутри «онгон», которому посетители приносили дары. По его мнению, эти пещеры были заселены людьми железного века и в качестве аргумента указал на наличие глиняных горшков с орнаментом в виде линий, орудий из костей, рогов, железа, каменных оселков, изделий из бересты, прошитых конским волосом, а также большое количество домашнего скота и диких животных [Там же. Л. 4].

В № 24 «Университетского слова» за 1923 г. П. П. Хороших уделил особое внимание сооружениям на мысах Хоргой и Шибэтэ и о-ве Ольхон [Там же. Л. 7–12], где кроме каменных стен находятся остатки жилищ, вышки (в виде четырехугольных площадок, обложенных камнями), могилы различных типов, в т. ч. в виде дольменов. В укреплении у мыса Хоргой имеются цилиндрические углубления на нескольких камнях, которые, по мнению ученого, служили для растолчения зерна либо имели религиозный характер. Далее автор упоминает о проведенных в 1881 г. Н. Н. Агапитовым раскопках на мысу Шибэтэ, где обнаружена могила, внутри которой костяк был положен головой на седло. Следом автор приводит результаты своих раскопок 1922 г. Сооружения в виде полукруглых или квадратных площадок различного размера, обложенных невысокой каменной стеной, исследователем интерпретировал

тированы как сторожевые вышки. Такие сооружения найдены им на мысах Шибэтэ, Хорхой, Тыгырхей, на горах Имэл-галдаш, Хатырхей, у входа в Ольхонские ворота, в бухте Крестовой и т. д. Автор также приводит сведения о наличии каменных стен на северной части Байкала: в пади Сухой Онгурен, где, по рассказам местных бурят, есть остатки старинных мунгальских печей, кузнечные горны, шлак и проч.; в пади Крестовой у таможни, на горе Сонхол-Хада, на мысу Ядор, на горе Людари, у с. Горемыки, на левой стороне Тонгужирского хребта, по рекам Сарма, Курма и Зама, в Забайкалье, близ Кульска, в Кижингинском районе, Тункинской котловине, вверх по р. Иркуту у Мондинского караула и в Енисейском крае [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 587. Л. 10].

В 1948 г. в № 84 «Бурят-Монгольской правды» П. П. Хороших опубликовал заметку о городищах в долинах рек Ангара, Куды, Оса, Ока, Мурина, Унга, Лены, на побережье оз. Байкал и на о-ве Ольхон. Заметка содержит лишь общие сведения, однако в конце автор упоминает о возможности обследования некоторых городищ тем же летом сотрудниками Иркутского краеведческого музея [Там же. Л. 27]. Подобные газетные статьи были написаны им в разные годы для «Бурят-Монгольской правды» (1958 г., № 58) [Там же. Л. 24–26], «Восточно-Сибирской правды» (1975, № 211) [Там же. Л. 28], «Бурят-Монгольской правды» (1991 г., № 189) [Там же. Л. 22–23]. В целом смысл и приводимые данные существенно друг от друга не отличались.

П. П. Хороших провел и ряд исследований, посвященных культуре курыкан, которые требуют специального анализа.

Таким образом, археологические исследования Павла Павловича Хороших на территории оз. Байкал носили систематический и целенаправленный характер. Исследователем собран большой пласт археологического материала, который стал существенным вкладом не только в изучение побережья Байкала, но и Байкальской Сибири.

Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства») №121031000241-1.

Источник и литература

Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ЦВРК ИМБТ СО РАН): ф. 20, оп. 1, д. 51, 59, 90–91, 95–96, 100, 106, 133, 178, 292–293, 297, 587, 603.

Казанцев А. И. Два бурятских погребения / А. И. Казанцев, П. П. Хороших // Бурятведческий сборник. Вып. 5. – Иркутск: Власть труда, 1929. – С. 65–75.

Хороших П. П. Исследования каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхон) / П. П. Хороших // Известия БГНИИ при ИГУ. – 1924. – Т. 1. – Вып. 1. – 50 с.

Хороших П. П. Доисторический человек на Байкале / П. П. Хороших. – Иркутск, 1928. – 15 с.

References

Centr vostochnykh rukopisej i ksilografov Instituta mongolovedeniya buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk (CVRK IMBT SO RAN): f. 20, op. 1, d. 51, 59, 90–91, 95–96, 100, 106, 133, 178, 292–293, 297, 587, 603.

Kazancev A. I. Dva buryatskih pogrebeniya / A. I. Kazancev, P. P. Horoshih // Buryatovedcheskij sbornik. Vyp. 5. – Irkutsk: Vlast' truda, 1929. – S. 65–75.

Horoshih P. P. Issledovaniya kamennogo i zhelezного veka Irkutskogo kraja (ostrov Ol'hon) / P. P. Horoshih // Izvestiya BGNII pri IGU. – 1924. – T. 1. – Vyp. 1. – 50 s.

Horoshih P. P. Doistoricheskij chelovek na Bajkale / P. P. Horoshih. – Irkutsk, 1928. – 15 s.

УДК 94(5)
ББК ТЗ(5)4
DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-57-63

Д. В. Цыбикдоржиев, Д. Б. Батоева

ВЕТВИ ПЛЕМЕНИ ХОЙХО В ЭТНИЧЕСКОЙ БУРЯТИИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

Среди этнических групп бурят слабо изученным остается племя хойхо, чей вклад в историю бурятского народа сильно недооценен. Это же племя стало одним из рекордсменов по количеству недоразумений вокруг его этнонима, а в ряде случаев – происхождения. Мы ставим задачу рассмотреть основные варианты названия племени хойхо, а также выявить некоторые его ветви. В частности, проверке подлежат версии о происхождении хойхо от тувинцев, о связи бурятского рода соёд с окинскими сойотами, а также версии, выводящие от хойхо некоторые роды хакасов и тувинцев-тоджинцев.

Ключевые слова: хойхо, тувинцы-тоджинцы, хакасы, этногенез бурят, сойоты, тунгусы.

D. V. Tsybikdorzhiev, D. B. Batoeva

BRANCHES OF THE KHOIKHO TRIBE IN ETHNIC BURYATIA AND BEYOND

Among the Buryat ethnic groups, the Khoikho tribe, whose contribution to the history of the Buryat people is greatly underestimated, remains poorly studied. The same tribe has become one of the record holders in terms of the number of misunderstandings around its ethnonym and, in some cases, its origin. We aim to examine the main variants of the name of the Khoikho tribe, as well as to identify some of its branches. In particular, the versions about the origin of the Khoikho from Tuvinians, about the connection of the Buryat genus Soyod with the Oka Soyots, as well as the versions deducing some clans of Khakasses and Tuvinians-Tojins from the Khoikho are subject to verification.

Keywords: Khoikho, Tuvinians-Tojins, Khakasses, ethnogenesis of Buryats, Soyots, Tungus.

Сойсу (хойхо)

Бурятское племя хойхо (*hoïho*) населяет районы горной Бурятии, а также долину Балаея в Иркутской области. Название племени в русской литературе обычно пишется «хойхо», но бурятское написание этнонима – *hoïho*. С. П. Балдаев писал о роде «хойбот» в Тунке, Закамне, в бывшей Китойской управе, а также в улусах выделившегося из нее Сайгутского родового управления на Балее [1961: 72–75]. Тем самым он дал понять, что считает всех перечисленных бурят осколками единой в прошлом этнической группы хойбот. Однако на Балее в русской документации фигурирует не *hoïho*, а административный род сайгуты. Б. З. Нанзатов отметил, что собиратель ошибочно использовал термин «хойбот» вместо «хойгот», или *hoïho*, а также необоснованно причислил в ряд родственных образований сайгутов и эхиритский род хойбот [Нанзатов 2014: 121]. С. П. Балдаев тем не менее был совершенно прав, посчитав сайгутский род ветвью хойхо. Мы вынуждены не согласиться с мнением о том, что отождествление сайгутов и хойхо является не более чем фонетической путаницей, а корнем первого термина служит тюркское слово *saj* «панцирь» [Там же: 123]. Племя хойхо, на наш взгляд,

ЦЫБИКДОРЖИЕВ Доржи Владимирович – кандидат исторических наук, International Institute for the Study of Nomadic Civilizations (г. Улан-Батор, Монголия). E-mail: buriahai@gmail.com.

БАТОНОВА Дарима Баторовна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: batoeva@imbt.ru.

соответствует роду *сайгут* на Балее. Путаница в том, что термин сайгут является русским произношением бурятского *сойход* (или *сойхууд*).

П. П. Баторовым записано и опубликовано в соавторстве с В. И. Подгорбунским предание о хойхо, вместе с племенем хара-монгол мигрировавшем с территории маньчжурских ханов и поселившемся по р. Балей [1925: 135]. В переводе предания на русский язык этноним передан как *хойгок* (*хојгок*), или *сойгут*, причем сами собиратели не сомневались в том, что это один из фонетических вариантов родового названия. Таких вариантов П. П. Баторов и В. И. Подгорбунский нашли четыре, указав источники. Прежде всего они верно отождествили ангарский вариант *сойгот* с тункинским *хойгот*.

Здесь надо уточнить, что авторы, цитируя дополнения к книге К. Риттера, писали «хайготский род», но в источнике – «Хойготский» [Там же: 134; Риттер 1894: 498, 500]. Тут мы имеем дело либо с опечаткой в статье, либо со случаем русского «акающего» произношения. Это влияние русского языка прослеживается и в тексте статьи, предваряющей предание. На протяжении всей вступительной части употребляется форма *сайгут*, но в тексте предания – *хойгок*, или *хойгоки*, а также *сойгуты*. Авторы упомянули вариант И. В. Подгорбунского – *хойгот*, но с указанием в скобках – *хойгок*. Следующий вариант авторы обнаружили в работе Юмжапа Лумбунова, который в списке родов Закаманской управы упомянул род *сойсу* с указанием в скобках – *хойго* [Сказания бурят... 1890: 119]. Форма *сойсу* при этом выглядит наиболее близкой к исходной.

Итак, мы можем признать сайгутов б. Китойской управы частью той же этнической группы, что была известна как хойготы в Тунке и сойсу (*хойго*) в Закамне. Вариант *хойхо*, безусловно, происходит от старинного *сойсу*, который еще помнили в Закамне при Лумбунове. С. П. Балдаев в списке этнических групп, не входящих в четыре крупнейших бурятских племен, упомянул *сойсо* [1970: 361]. Исходная форма сойсу под влиянием бурятского языка трансформировалась сначала в *сойсо*, затем – *сойхо*, что во мн. ч. дает вариант *сойход*, отразившийся в русских текстах как «сойгот», или «сайгут». Дальнейшая трансформация привела к появлению современной бурятской формы *хойхо*, во мн. ч. *хойход*, что в русской записи передано как «хойгот». Допустимо развитие *сойсу* > *сойху* > *хойху*, причем тут ожидаема долгота во втором слоге – *хойхуу*.

В 2023 г. мы побывали в сомоне Тэшиг монгольского аймака Булган и немного пообщались с местными бурятами (потомками беженцев из Закамны). Выяснилось, что среди них есть род сойх, в котором следует признать тех же хойхо. Г. Р. Галданова отметила существование еще одного варианта этнонима в Закамне – *сойцо* [1992: 24]. Тут налицо явление гиперкоррекции. Из письменной версии *сойци* в разговорной речи появилось редкое *сойцо*. Это явление одного порядка с возникновением формы этнонима *хуацай* (*quacai*) хоринского рода *хуасай*. Буряты, писавшие на монгольском либо жившие в соседстве с носителями «цакающих» монгольских диалектов, корректировали «с» > «ц» («ч»), ошибочно полагая, что так правильнее.

«Сойоты» (соёд)

Во время фольклорно-этнографической экспедиции в Ольхонский район в 2002 г. нам довелось встретить представителя рода *соёд*. В полевых материалах С. Г. Жамбаловой этот термин в номенклатуре ольхонских родов также наличествует [2000: 17]. История вопроса об этом этнониме еще глубже и даже более запутана, чем идентификация сойгутов на Балее.

В 1903 г. Ц. Жамцарано записал сведения о племенах западных бурят у ольхонского буряты, упомянув в их числе «хоётов» [2001: 91]. На первый взгляд, тут мы сталкиваемся с известным этнонимом самодийского племени (сойоты), ныне частично перешедшего на тюркский, частично – на бурятский языки. Однако материалы С. П. Балдаева заставляют в этом усомниться. Исследователь собрал сведения о соётском (хоётском) роде в селении Алан-Балтай (Качугский р-н), упоминая даже о существовании поблизости от него улуса с названием Соётский [1970: 166]. Информатор оттуда уверенно заявляла, что качугские (верхоленские) соёты – «родственники бурят соётского рода в Тунке, Закамне и Китое». Другой информатор из упомянутого сайгут-

ского рода из улуса Нижний Кет (на р. Балей), описывая расселение «людей хойхотских родов», перечислял местности Балей, Тунка, Закамна, но в том же ряду и Качуг, Ольхон и Кудару. Такая география никак не способствует признанию в «соётах» (или «хоётах») Ольхона и Верхней Лены осколка сойотов. Ни один информатор в известных нам записях не проводил связи между ними и не упоминал Горную Оку, основной ареал расселения сойотов.

В примере с формами *hoёд/соёд*, не отличимыми для бурята от звучания этнонима окинских оленеводов, понятно затруднение современных этнологов, порой считавших верхоленских и ольхонских носителей этого названия ветвью сойотов. Гораздо более ярким недоразумением может считаться отождествление термина *soйhod/hoйhod* с сойотами. В труде Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке» таковое было произведено. Исследователь, правильно определив родство тункинских хойготов и китойских сойгутов, пошел дальше и без тени сомнения возвел бурятские этнонимы *soйhod/hoйhod* к *соёд*, а носителей первых обозначил потомками тувинцев [1960: 298].

На слух русскоязычного человека некоторое сходство этнонимов порождает искушение отождествить разные этносы. Мы даже не исключаем того, что ошибка Б. О. Долгих с еще большим «успехом» могла происходить в русской документации XVII в. В этой связи имеет смысл проверить все упоминания сойотов в Тунке и в соседних районах Монголии на предмет того, действительно ли там подразумеваются тувинцы (саянцы), и сойоты-олeneводы, или в ряде случаев речь шла о бурятском племени *soйhod*?

Мы не сомневаемся в том, что название *хойхо* долго произносили с начальным *с*-. Переход *с>h* происходит в интервокальной позиции и лишь затем – в анлауте. Балейская ветвь сохраняла форму *soйhod*, пока не усвоила русифицированный вариант *сайгут*. Во время миграций XVII в., затронувших Тунку и ряд соседних районов, племя все еще могло называть себя *soйhod*, создавая для русских звучание, малоразличимое от этнонима *соёд*. В некоторых диалектах бурятского языка может происходить выпадение «h» в середине слова. Это характерно прежде всего для эхиритских говоров, а именно в гуще их ареала зафиксированы варианты *соёд/hoёд*. При этом обратное развитие из *соёд* в *soйhod* совершенно невозможно. Данное обстоятельство поднимает вопрос о вероятности того, что русские в XVII в. могли называть сойготов соётами.

Примечательно, что на пути М. А. Кастрена от Иркутска на юго-восток встреченные люди говорили, что «невдалеке от крепости Харачайской живут десять сойотских племен». Лишь прибыв в Селенгинск, ученый выяснил, что на самом деле эти племена слывут у бурят под общим именем *соис* [1999: 292]. Это те же закаменские хойхо, а термин *соис* не что иное, как форма знакомого нам *сойсу* в сонголо-саргульском диалекте. До вступления М. А. Кастрена в эту диалектную область и буряты, и русские могли говорить ему *soйhod*, или *соёд*, и в обоих случаях он услышал то, что напомнило ему этноним остро интересующего его самодийского племени.

Наконец, вариант *хойжок*, известный пока только по публикации 1925 г. Самое простое объяснение может базироваться на характерном для западно-бурятских говоров показателе множественности *-huуд*. Если информатор обозначил этноним во мн. ч. как *hoйhohууд*, то в русской передаче тех лет это и могло превратиться в «хойгоки». Человек, поверхностно знакомый с особенностями бурятских диалектов, мог знать суффикс *-ууд*, а «h» в *-huуд* принять за часть основы термина. Этого странно было бы ожидать от аларца П. П. Баторова, поскольку в Алари также используется суффикс *-huуд*, и автор должен был уловить смысловую тонкость. Однако такая интерпретация могла возникнуть у В. И. Подгорбунского. Как раз со ссылкой на работу его отца И. В. Подгорбунского в цитируемой статье впервые появляется *хойжок* в качестве варианта названия тункинского рода хойгот. Впрочем, простое объяснение не единственное, далее мы снова вернемся к вопросу о термине *хойжок*.

Еще один случай странной формы этнонима мы видим у Н. П. Егунова, но это не самостоятельный источник, а пересказ все того же материала П. П. Баторова [1990:

148]. Мы проверили архивное дело, откуда почерпнута информация. В настоящее время там содержится дополнение к этому преданию, но листы с ним самим отсутствуют [ОППВ ИМБТ. Ф. 4. Д. 1]. В книге Егунова к этнониму *сойгут* в скобках дано пояснение: «по-бурятски – ойчок, по-монгольски – сойчок». У нас мало сомнений в том, что это пояснение изобилует опечатками, как и весь раздел о сойготах. Прежде всего в «бурятском варианте» пропущена буква «h» в начале слова. Во-вторых, ясно читаемый «г» в *хойгок* и *сойгок* из рукописи в публикации превратился в «ч» (виной чему, вероятно, послужил набор текста печатной машинкой с рукописи, из-за чего также пропала буква «h», отсутствующая на русских аппаратах). С другой стороны, заслугой Н. П. Егунова является обнаружение им в архиве П. П. Баторова упомянутого дополнения к преданию о сойготах.

Койга (кõйге) и хуйхэ

Выше мы изложили одно из объяснений варианта *хойгок*, а теперь рассмотрим любопытное созвучие его с названием тоджинского, ныне немногочисленного рода хойук. Есть мнение, что этот род пришлый в Тодже и имеет связь с бурятским *хойхо* [Назатов, Содномпилова 2017: 160]. Хотя авторы версии не пояснили, какого рода эта связь, и не привели дополнительных доводов к сопоставлению этнонимов, но мы со своей стороны можем вспомнить как раз вариант *хойгок*, который еще более близок к *хойук*.

С. И. Вайнштейн со ссылкой на А. Кастрена приводит вариант названия этого рода (в составе койбалов в первой половине XIX в.) – *кõйек* [1961: 22]. В современном издании книги А. Кастрена название рода дано как «Кейек» [1999: 224]. Имеются также следующие варианты современного тоджинского этнонима: *хойук*, *хойук*, *койук* [Караоол, Кормушин 2022: 1259]. Мягкорядный вариант в принципе не слишком удивителен, таковой приведен и С. П. Балдаевым в виде бурятского *хуйхэ* [1970: 166]. У хакасов в койбальской группе существовал административный род Коякский, на хакасском называвшийся *кõйге* [Бутанаев 1994: 83], что являет собой практически полную аналогию варианта *хуйхэ*. По записям Г. Ф. Миллера, в Камасинской землице присутствовал улус, «по-татарски» называемый Койгалар, в русской документации – Кугин, а камасинцы называли его Силисанг (цит. по: [Потапов 1957: 216]). Первое из этих названий – тюркское с суффиксом мн. ч. *-лар*. Очевидно, *койга* стоит ближе всего к бурятскому *хойхо*. Мы не уверены в бурятском происхождении тоджинского рода, но в случае с улусом Койга в Камасинской землице и хакасского рода *кõйге* в Койбальской думе достаточно велик шанс на то, что это осколок именно бурятского племени.

В тождестве между койга и бурятскими хойхо нас дополнительно убеждает самодийское название первых – *сили* (суф. мн. ч. *-санг*). Его бурятским эквивалентом является *шэлэгүүд*, причем всегда с определением *хухэ*. В преданиях *хухэ-шэлэгуты* выступают «тунгусами», нападающими на эхиритов и ээгэнутов по обе стороны Байкала на рубеже XVII–XVIII вв. В русских источниках 1620-х гг. «шилиаги» (шилигиры) отмечаются гораздо севернее, но в итоге часть их снова вернулась к Байкалу. В 1640 г. русским были известны «Точали скотные» прямо у Байкала [Дополнения к актам 1846: 248]. «Точали» – это род тогучаль, подразделение *шэлэгут*ов, по-видимому, наряду с коршилиями, хойкогирами и др. Коршилии – это несомненные буряты-хоршоны, в таком случае в генониме *хойко*, не исключено, содержится русифицированная форма бурятского *хойхо*.

Что характерно, эвенки не воспринимали в 1640 г. «точалей» эвенками. Так же и русские поначалу разделяли «шилиагов» и «тунгусов». «Шилиаги» и их роды, особенно момоли и маугиры, воевали с эвенками почти всюду, где жили, вплоть до Витима [Долгих 1960: 307]. На примере с «точалиями» можно полагать, что все они не эвенкийские по происхождению группы, зато тесно связанные с бурятами, настолько, что не позднее 1630-х гг. часть их была скотоводами. Это снимает с повестки мысль о том, что шилигиры на Байкал пришли с севера. Часть тех прибайкальских групп, которых русские во второй половине XVII в. стали считать конными тунгусами, позднее поселилась в Закамье рядом с местными хойхо и хоршонами.

Хойбо и хойбо

В архиве С. П. Балдаева неоднократно фигурируют варианты *хойбо* (как название этнической группы и имя ее основателя – Нарин Хойбо) и «хойботский» в отношении балеиских сойгутов. Мы уже привели примеры из его публикации 1961 г., теперь кратко рассмотрим фрагменты из книги 1970 г. «Родословные предания и легенды бурят». «Их называли хойхо, хойбо, сайгут, хойгут, хойхо», – это запись от балеиского сойгута. Другой информатор связывает бурят Содо-Хойботского сомона Качугского района с *хойбо* в Тунке, Закамне, Алари и на Китое [Балдаев 1970: 167–168]. Эта запись имеет следующую паспортизацию: «записано со слов 69-летней Нагбы Манзаракшеевой из улуса Шагарханский Тойроевского сомона 19 августа 1937 г.». Фамилия информатора уже намекает на Тунку, но названия местностей поначалу ставят в тупик. Мы предполагаем, что речь идет о существовавших до 1930-х гг. Торском хошуне и улусе Тахархай в Тунке.

Для нас критически важно происхождение информаторов С. П. Балдаева, потому что иначе сложно разобраться, имеют ли отношение упомянутые качугские эхириты рода хойбо к племени хойхо. В этом смысле показателен факт, что материалы, проводящие прямую связь между этими группами, в основном записаны от тункинских либо балеиских бурят. Информаторы из эхиритских родов более скупы на такие отождествления. Пока мы смогли обнаружить лишь одну запись С. П. Балдаева от эхиритского бурята [Там же: 168]. Даже и в этой записи наличествует только имя *хойхо* в списке сыновей Содоя, от которого ведут свою генеалогию эхириты рода хойбо [1].

Мы не можем проводить прямую связь между эхиритским родом хойбо и племенем хойхо лишь на основании отождествлений, предпринимаемых информаторами. Хойхо могли верить в то, что эхириты-хойбо – родственная им группа, потому что слышали о переселении в Качуг тех хойхо, что позднее стали известны как соёты. Тут необходимо сделать оговорку о том, что *хойбо* не фонетический вариант *хойхо*. В отличие от развития *сойход* > *соёд* > *хоёд*, подобной связи между терминами *хойбо* (или *хойбо*) и *хойхо* не существует. Весьма вероятно, что формант *-бо* имеет одно происхождение с *-ба* в этнониме *уляба*. Если это подтвердится, то термин *хойбо* придется воспринимать как двусоставный с основами *хой* (*хо*) и *бо*.

Заключение

Племя хойхо прибыло с востока вместе с бурятами-хоринцами (хара-монголами) ориентировочно в конце XVI в. Еще до прихода русских хойхо продвинулись от Ольхона на Балею, в Тунку и Горную Оку. Вероятно, из верховий Оки хойхо вместе с хоршоными прошли на Уду. Оттуда часть их попала к камасинцам, далее – к хакасам. В Тунке осталась основная масса хойхо, а также часть близких им хоршонов, тэртэ и уляба. Из Тунки эти группы освоили Закамну. Часть хойхо осталась в Приольхонье, откуда некоторые ушли в Качуг. Обе эти группы позже стали известны как соёты (*хоёд*). Группа хойхо из Приольхонья, возможно, пыталась осесть в районе низовой Оки. В 1632 г. русские зафиксировали прибытие к Братскому острогу «от Байкала озера» князца Когуй с улусом в 100 чел. [Павлинская 1999: 30]. В имени Когуй мы усматриваем русскую передачу формы *хойхуу* («й») на конце, скорее всего, отражает впечатление от долготы гласного). Наконец, еще одна группа хойхо вместе с частью хоршонов, точалей и племенем маугир продвинулась на север, где стало известно объединение шилигвов (бур. *шэлэгүүд*). Основу этого союза составили не эвенкийские племена, но в итоге они были ассимилированы эвенками и русскими.

Перспективным направлением поиска корней племени хойхо выглядят бассейн Амура и Приморье. Сюжетная основа записанного П. П. Баторовым предания о переселении хойхо с востока сближается с сюжетами об уходе хоринцев во главе с Бальжинхатан. Однако наибольшую близость предание хойхо обнаруживает к удэгейским легендам о Куань-Юне. Анализу этих сюжетов мы намерены посвятить отдельную работу.

Статья подготовлена в рамках госзадания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства») № 121031000241-1.

Примечание

1. Предварительно мы допускаем, что эхиритский геноним изначально звучал *хойбо*. В отношении записей С. П. Балдаева, в которых эхиритский термин фигурирует как *хойбо*, стоит иметь в виду, что он мог принять за правильное произношение генонима балейско-тункинский вариант и перенести его на верхоленский род.

Источники и литература

- ОППВ ИМБТ СО РАН: ф. 4, д. 1. Рукописное наследство П. П. Баторова.
Дополнения к актам историческим: в 12 т. Т. 2. – СПб., 1846. – 289 с.
Балдаев С. П. Избранное / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. – 255 с.
Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 363 с.
Баторов П. П. Из бурятского фольклора / П. П. Баторов, И. А. Подгорбунский // Сибирская живая старина. – 1925. – Вып. 3-4. – С. 133–136.
Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий / В. Я. Бутанаев. – Абакан: Лаборатория этнографии НИС АГПИ, 1994. – 93 с.
Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки / С. И. Вайнштейн. – М.: Вост. лит-ра, 1961. – 218 с.
Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX вв.) / Г. Р. Галданова. – Новосибирск: Наука, 1992. – 182 с.
Егунов Н. П. Бурятия до присоединения к России: в 2 ч. Ч. 1 / Н. П. Егунов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. – 173 с.
Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б. О. Долгих. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 621 с.
Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят / С. Г. Жамбалова. – Новосибирск: Наука, 2000. – 395 с.
Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. / Ц. Жамцарано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 380 с.
Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). – Тюмень, 1999. – 351 с.
Кара-оол Л. С. Названия родовых групп тувинцев / Л. С. Кара-оол, И. В. Кормушин // Oriental Studies. – 2022. – № 15(6). – С. 1254–1270.
Нанзатов Б. З. Закаменские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение / Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова // Известия Иркутского государственного университета. – 2017. – Т. 19. – С. 151–171.
Нанзатов Б. З. Китайская управа (этнический состав и расселение китайских и балейских бурят) / Б. З. Нанзатов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2014. – № 1(13). – 117–125.
Павлинская Л. Р. Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия / Л. Р. Павлинская // Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории). – СПб., 1999. – С. 165–271.
Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности / Л. П. Потапов. – Абакан: ХКИ, 1957. – 307 с.
Риттер К. Землеведение Азии. Восточная Сибирь, оз. Байкал и Прибайкальские страны / К. Риттер. – СПб., 1894. – 629 с.
Сказания бурят, записанные разными собирателями. – Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1890. – 160 с.

References

- OPPV IMBT SO RAN: f. 4, d. 1. Rukopisnoe nasledstvo P. P. Batorova.
Dopolneniya k aktam istoricheskim: v 12 t. T. 2. – SPb., 1846. – 289 s.

- Baldaev S. P.* Izbrannoe / S. P. Baldaev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1961. – 255 s.
- Baldaev S. P.* Rodoslovnye predaniya i legendy buryat / S. P. Baldaev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1970. – 363 s.
- Batorov P. P.* Iz buryatskogo fol'klora / P. P. Batorov, I. A. Podgorbunskij // Sibirskaya zhivaya starina. – 1925. – Вып. 3-4. – S. 133–136
- Butanaev V. Ya.* Proiskhozhdenie hakasskih rodov i familij / V. Ya. Butanaev. – Abakan: Laboratoriya etnografii NIS AGPI, 1994. – 93 s.
- Vajnshtejn S. I.* Tuvincy-todzhincy. Istoriko-etnograficheskie ocherki / S. I. Vajnshtejn. – M.: Vost. lit-ra, 1961. – 218 s.
- Galdanova G. R.* Zakamenskie buryaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX vv.) / G. R. Galdanova. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 182 s.
- Egunov N. P.* Buryatiya do prisoedineniya k Rossii: v 2 ch. Ch. 1 / N. P. Egunov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1990. – 173 s.
- Dolgih B. O.* Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII veke / B. O. Dolgih. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 621 s.
- Zhambalova S. G.* Profannyj i sakral'nyj miry ol'honskih buryat / S. G. Zhambalova. – Novosibirsk: Nauka, 2000. – 395 s.
- Zhamcarano C.* Putevye dnevniki 1903–1907 gg. / C. Zhamcarano. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2001. – 380 s.
- Kastren M. A.* Puteshestvie v Sibir' (1845–1849). – Tyumen', 1999. – 351 s.
- Kara-ool L. S.* Nazvaniya rodovyh grupp tuvincev / L. S. Kara-ool, I. V. Kormushin // Oriental Studies. – 2022. – № 15(6). – S. 1254–1270.
- Nanzatov B. Z.* Zakamenskie buryaty v XIX v.: etnicheskij sostav i rasselenie / B. Z. Nanzatov, M. M. Sodnompilova // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – T. 19. – S. 151–171.
- Nanzatov B. Z.* Kitojskaya uprava (etnicheskij sostav i rasselenie kitojskih i balejskih buryat) / B. Z. Nanzatov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2014. – № 1(13). – 117–125.
- Pavlinskaya L. R.* Korennye narody Bajkal'skogo regiona i russkie. Nachalo etnokul'turnogo vzaimodejstviya / L. R. Pavlinskaya // Narody Sibiri v sostave Gosudarstva Rossijskogo (ocherki etnicheskij istorii). – SPb., 1999. – S. 165–271.
- Potapov L. P.* Proiskhozhdenie i formirovanie hakasskoj narodnosti / L. P. Potapov. – Abakan: HKI, 1957. – 307 s.
- Ritter K.* Zemlevedenie Azii. Vostochnaya Sibir', oz. Bajkal i Pribajkal'skiya strany / K. Ritter. – SPb., 1894. – 629 s.
- Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami. – Irkutsk: Tip. K. I. Vitkovskoj, 1890. – 160 s.

УДК 94(57)+811.512

ББК 63.3(29=)+63.5+81.62

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-64-69

Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин

БОРСОЙ И БОРОДЬОЙ:
К ИСТОРИИ БУРЯТСКО-ЯКУТСКИХ КОНТАКТОВ

В статье предлагается попытка исторически и фонетически обосновать возможность сопоставления названия западно-бурятского племенного подразделения *борсой* и якутского этнонима *бородьой*, зафиксированного в качестве названия административно-территориальной единицы на уровне рода. Предложена этимология этнонима *борсой* (<*boro+s+Ai). Рассмотрены возможности фонетической адаптации исходной и вторичных форм в разных языковых средах.

Ключевые слова: буряты, якуты, бурятский язык, якутский язык, Прибайкалье, этногенез, историческая фонетика.

B. Z. Nanzatov, V. V. Tishin

BORSOI AND BOROJŌI: TOWARDS THE HISTORY
OF BURYAT-YAKUT CONTACTS

The paper attempts to argue historically and phonetically the possibility of comparing in view the Western Buryat tribal name *Borsoi* and the Yakut ethnonym *Borojoi*, recorded as the name of a clan as an administrative-territorial unit. It was also proposed an etymology of the ethnonym *Borsoi* (<*boro+s+Ai) and was discussed the ways of phonetic adaptation of its original and secondary forms in different language environments.

Keywords: Buryats, Yakuts, Buryat language, Yakut language, ethnogenesis, Baikal region, historical phonetics.

Изучение этнонимии позволяет углубить представления об исторических контактах бурят и якутов, нашедших отражение в фольклоре, притом что надежные письменные свидетельства об истории обоих народов появляются только с XVII в. Наличие в якутском языке монгольских лексических и морфологических элементов отражается также в этнонимии, сохранившейся в названиях административно-территориальных единиц (улусов, наслегов, родов). Специфические фонетические характеристики бурятского языка не находят в них явного отражения, что, однако, можно объяснять в хронологическом ключе [Нанзатов, Тишин 2024].

В этой связи наше внимание привлекло названия якутской административно-территориальной единицы, зафиксированной в разных записях как *Борожейский* род Кусаган-Эльского наслега Баягантайского улуса [Патканов 1912: 737], *Борожейский* род Кусаган-Эльского наслега Намского улуса [Справочник... 1911: 73] или, наконец, *Бороџоі* 'название рода в Кусаган-Эльском наслеге Намского улуса (Якутского окр.)' [Пекарский 1959: 501].

По формальным внешним характеристикам здесь можно предполагать монгольский аффикс родительного падежа +Ai [Рорре 1954: 74], содержащийся в составе которого дифтонг закономерно развился в разных монгольских языках в долгий гласный, дав облик +ā или +ī [Рорре 1955: 190, 191], в зависимости от исторической акцентуации (о разнообразии этих процессов в монгольских языках см.: [Рассадин 1982: 59–65]).

НАНЗАТОВ Баир Зориктоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: nanzatov@yandex.ru.

ТИШИН Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия). E-mail: tihij-511@mail.ru.

Даже при такой интерпретации выявление производящей основы не кажется на первый взгляд явным. Третьеслоговый якутский /dʲʒ/ (орфогр. /дь/, в старой «радловской» орфографии – /ц/), исходя из материала других монгольских заимствований в якутском языке, в интервокальной позиции может передавать исходную аффрикату /j/, либо реже спирант /j/ [Kałużyński 1961: 46–47, 50, 128], еще реже – /d/ [Ibid.: 43, 44].

Рассматриваемое в статье якутское именование, которое, по нашему предположению, исходно является этнонимом, может быть сопоставлено с названием бурятского рода *борсой*.

Исходя из данных родословных, собранных С. П. Балдаевым, *борсой* является крупным подразделением одного из эхиритских племен – *шоно*. Согласно традиции, производящей названия подразделений к эпонимам, Борсой является старшим сыном Шоно [Румянцев 1952: 55; Балдаев 1970: 205]. Те же родословные позволяют выделить подразделения более низкого таксономического ранга, в свою очередь, уже внутри группы борсой, в фольклорной традиции восходящих к именам пяти сыновей Борсой: Борой, Улаан, Наху, Ухаа, Хусан (или Хуһан) [Балдаев 1970: 213, 225, 228, 229, 231]. Соответственно, следуя традиции, эти пять имен одновременно являются наименованиями пяти ураков: *борой*, *улаан*, *наху*, *ухаа*, *хусан* (варианты: *хуһан*, *хаһан*).

Местом исходного расселения носителей этнонима *борсой*, судя по преданиям, является верховье р. Лены (бур. Зүлхэ), где они были отмечены и в начале XX в. М. Мала-сагаевым [Румянцев 1951: 92], а также неизвестным собирателем, материалы которого использовал Г. Н. Румянцев [Он же 1952: 54]. В последующем *борсой шоно* расселились в низовьях р. Анга, откуда широко распространились в Приольхонье, где уже актуализировалось их деление на пять подразделений. Так, *борой борсой* расселились в Таловке, Улаганате, Хара-Хужаре, Бэрхыне, Крестовке, Хэсинке и Нарин Кунте [Балдаев 1970: 213], *улаан борсой* – в Тоонто, *наху борсой* – в Хара-Хужире и Элигшине [Там же: 225, 228], *ухаа борсой* – в Загалмае, Хушэлгэ и Борсое [Там же: 213], *хуһан* (или *хаһан*) *борсой* в 1-м и 2-м Таловских улусах (бур. Заха Үшөһөн и Хара Хужир соответственно) [Там же: 231].

В Восточном Прибайкалье *борсой шоно* известны среди селенгинских бурят (иволгинская группа) [Он же 1960: 60], баргузинских бурят [Румянцев 1949: 49, 55, 56; 1952: 55; Балдаев 2010: 60], кударинских бурят (потомки Бороя и Хуһана) [Балдаев 2010: 187–188]. Однако в Восточном Прибайкалье для носителей именованного *борсой шоно* из-за смешанного расселения бурят разных племен на первый план вышла идентичность *шоно*, иногда проявляющаяся как *борсой шоно*. Принадлежность к тому или иному ураку можно определить по именам предков, приводимых в родословных.

Сопоставление бурятского и якутского этнонимов может быть объяснено двумя способами.

Бурятский язык отличается от остальных монгольских языков среди прочего тем, что согласный *-s* в конце основ и абсолютном конце слов последовательно развился в слабый *-d* (~ *-t*), тогда как в позиции перед гласными он развивается из исходного (*-*)*s*- в фарингальный (*-*)*h*-. В свое время Н. Н. Поппе предполагал в качестве переходной ступени фрикативный */ʒ/, напоминающий английское /th/ [1930: 24]. По предположению В. И. Рассадина, оба варианта развития /s/ произошли через промежуточную ступень, отражающую артикуляционное ослабление исходного звука, давшего в разных позициях межзубный */ʒ/ (> /d/) или апикальный спирант */ś/ (> /h/) [1982: 158–160, 170].

В доказательство подобной логики нами было в свое время предложено интерпретировать в этом ракурсе использующуюся в русскоязычных документах XVII в. передачу названия эхиритов (бур. *ekired*, ср.-монг. *ikerēs*) как «икиреж(и)», встречающуюся в посессивной форме наряду с «икирежский» и «икереженский» [Нанзатов, Тишин 2022: 53]. В этом случае конечный *-ж*, появляясь вопреки ожидаемому *-т* (если бы на него заканчивалась производящая основа, как, например, в «бра(т)цкий», «икина(т)цкий» и т. п.), отражал бы еще не состоявшийся (или не состоявшийся до конца) переход *-s* > *-d*, по меньшей мере у одной из территориальных групп бурятского населения, возможно, как раз отражая какую-то переходную форму звука: появление в русскоязычной пере-

даче /ж/ в производных формах можно объяснить происхождением от смягченного /д/ в исходной заимствованной основе, трансформирующегося по нормам русского языка (*родити* – *рожу*, *ходити* – *хожу*, *пред* – *п(е)реже* и др.).

Само название борсой может быть интерпретировано в исходной форме как **bornsai* (с соответствующей лабиализацией гласных непервых слогов), что морфологически – **boro+s+Ai*. В основе лежит слово письм.-монг. *boru* (<**bora*), халх., калм. *бор*, бур., мнгр. *боро*, дунс. *борон*, могол. *борō* ‘серый, смуглый’ [Санжеев, Орловская, Шевернина 2015: 100; Rybatzki 2006: 259] с монгольским аффиксом множественности +*s*, присоединяющимся к основам, заканчивающимся на гласный или дифтонг -*V̄* [Рорре 1952: 70–71; 1954: 70; 1955: 177–178], и, соответственно, аффиксом генитива +*Ai*. Вторичность двусложной формы **borsai* в отношении трехсложной **bornsai* объясняется редукцией гласного второго слога в позиции между сонорным и шумным согласными [Поппе 1938: 61].

Таким образом, это бурятское название, формально интерпретируемое исходно как ‘принадлежащие к *boro+s*’, сохраняет еще архаичный, мертвельный облик исходной формы, где не осуществилось развитие /s/ > /d/.

В таком случае якутское *Бороцои* [borodʹzoi] отражало бы стадию, когда уже обнаружилась тенденция развития /s/ > /d/, вероятно, на этапе промежуточного звука (природу которого еще требуется дополнительно объяснить), при том что гласный второго слога еще не подвергся редукции.

Может быть предложен более простой вариант, следуя которому мы на самом деле имеем дело с исходной формой **borodoi*, которая морфологически объясняется как **boro+dAi*, с составным аффиксом, включающим показатели множественности +*d* и генитива +*Ai* (см.: [Кемпф, 2006: 199–201, 202–206]), когда уже в якутской среде произошло преобразование **d/ > /dʹz/*. Это никак не отменяет справедливости отмеченного сопоставления бурятского и якутского этнонимов и того факта, что бурятская форма, сохраняющая -*s*-, формально старше якутской.

Между тем в русскоязычных ясачных документах XVII в. (перепись 1637–1638 гг.) упоминается некий *Борсу*, якут Баягантайской волости [Материалы... 1970: 26]. Позднее материалы упоминают еще Бакчигира Борсоева (или Борсюева, Борсуева) и его братьев Когуня и Тогурая, якутов Баяганатайской волости на Алдане, плативших ясак с 1640 до 1663/1664 г., а также других их родственников [Там же: 62, 719 и след., 893, 952]. Это, вероятно, его сыновья. В реестрах упоминаются еще некий «Ивак Бортоков и Сабак Борсоев он же», якут Батурусской волости, плативший ясак с 1643 по 1648 г. [Там же: 255]. Инней Борсуев, якут Борогонской волости, плативший ясак в 1643–1648 гг. [Там же: 468]. Таким образом, по меньшей мере один, явно выявляемый по источникам, некий Борсу, он же Борсой, Борсуй, Борсуй, якут Баягантайской волости, должен был жить в первой половине XVII в.

В якутском литературном языке сочетание согласных *r+s* не запрещено в основах и на стыке морфем, но в разговорном языке (в диалектах) -*r-* может подвергаться регрессивной ассимиляции, дающей удвоенный -*ss-* [Грамматика... 1982: 83, 68, 72]. В любом случае в бурятском, как и в других монгольских языках, процесс редукции гласных непервых слогов должен был получить распространение уже после второй половины XVII в. [Будаев 1992: 63–64]. Примеры выпадения гласных можно найти в ранних памятниках монгольской письменности, среди исключений – случаи, когда последний слог содержит дифтонг -*V̄i*, а согласный, предшествующий предпоследнему слогу, является шумным [Владимирцов 1929: 334–335]. Поэтому сложно с этой точки зрения объяснить отсутствие гласного в отмеченном якутском имени, если искать прямые параллели с бурятским этнонимом.

Для него можно предложить другое сопоставление. Осенью 1631 г. некая группа бурят во главе с «князцами» по имени Бокой и Бороча (Борочей) столкнулась с казачьим отрядом на территории вверх по течению р. Лены, выше устья р. Кулега, но в досягаемости от течения р. Тутура, на правом берегу [Миллер 2005: 177, 178 и след.]. «И те брацкие люди, слыша про то, что на усть Тутуры реки служивые люди поставили остро-

жек, и не похотя быта под государскою высокою рукою, избежали все жити в мунгалы на Ламу озеро» [Миллер 2005: 179]. В данном случае, возможно, здесь слово с письм.-монг. отыменным аффиксом +*чи*, обозначающим людей, принадлежащих к определенным социальным группам [Porpe 1954: 115]. В бурятских диалектах он развился в +*šA*. Так, Н. Н. Поппе указывает бур. алар. *boršv* ‘серый человек’ от *born* ‘серый’ [1938: 99]. В заимствованиях в якутский язык ранний монгольский /č/ последовательно дает /s/, тогда как поздний сохраняется как /č/ [Kałužynski 1961: 45–46]. Соответственно, речь может идти о форме **boroču*, **borvču*, проникшей в якутский язык в ранний период и преобразовавшейся в **borsu*, что и нашло отражение в русскоязычных записях. Примечательно, что в бурятских родословных формально сопоставимый антропоним Боршо, или *Борши*, встречается на уровне патронимов: например, у булагатов племени готол в четвертом поколении от основателя урака (внук его сына Тотхона), у эхиритов – как потомок Хамная племени *шоно* [Балдаев 1970: 60, 66, 72, 84, 92, 216, 219].

Таким образом, результаты анализа этнонимов *борсой* и *бородьой* отражают специфику взаимодействия между монгольскими и тюркскими народами на территории Сибири, на конкретном примере бурят и якутов, позволяющем говорить о появлении одной из групп якутского населения в период до XVII в., вероятно, из Западного Прибайкалья. Другое дополнительное свидетельство таких исторических взаимодействий – зафиксированное в русскоязычных источниках уже во второй четверти XVII в. якутское личное имя *Борсу*, формально созвучное с искомым бурятским этнонимом, – в действительности отражает развитие другого монгольского слова согласно законам якутской фонетики. Наличие в якутской среде этнонима бурятского происхождения, в свою очередь, позволяет интерпретировать зафиксированные в народных генеалогиях эпонимы как реально существовавшие названия исторических коллективов, в данном конкретном случае связанных с крупным эхиритским подразделением *шоно*.

Литература

- Балдаев С. П.* Происхождение и расселение иволгинских бурят / С. П. Балдаев // Этнографический сборник. Вып. 1. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – С. 59–67.
- Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 364 с.
- Балдаев С. П.* Родословные и предания и легенды. Забайкальские буряты / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – 368 с.
- Будаев Ц. Б.* Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования) / Ц. Б. Будаев. – Новосибирск: Наука, 1992. – 217 с.
- Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика / Б. Я. Владимирцов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – XII, 436 с.
- Грамматика современного якутского литературного языка: в 2 т. Т. 1. Фонетика и морфология / ред. кол.: Е. И. Коркина, Е. И. Убрятова (отв. ред.), Л. Н. Харитонов, Н. Е. Петров. – М.: Наука, 1982. – 496 с.
- Материалы по истории Якутии XVII века (документы ясачного сбора). Ч. 1–3 / ред. Т. М. Швецова. – М.: Наука, 1970. – 1269 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири: в 5 т. Т. III / Г. Ф. Миллер. – М.: Вост. лит-ра, 2005. – 605 с.
- Нанзатов Б. З.* К бурятско-якутским этническим связям: игидэй и эхирид. Addendum: икиреж(ь), итирит / Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2022. – Т. 40. – С. 52–56.
- Нанзатов Б. З.* Монгольский аффикс +s в якутских этнонимах как хронологический маркер исторических бурятско-якутских контактов: к постановке вопроса / Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин // Социоллингвистика. – 2024. – Т. 2. – № 18. – С. 81–93.
- Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка: в 3 т. Т. 1 / Э. К. Пекарский. – 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 710 с.

Поппе Н. Н. Аларский говор: в 2 ч. Ч. 1 / Н. Н. Поппе. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 130 с.

Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка / Н. Н. Поппе. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 268 с.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В. И. Рассадин. – М.: Наука, 1982. – 199 с.

Румянцев Г. Н. Баргузинские буряты / Г. Н. Румянцев // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В. А. Обручева и Кяхтинского отделения Всесоюзного Географического общества. – 1949. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 34–62.

Румянцев Г. Н. Родоплеменной состав верхоленских бурят / Г. Н. Румянцев // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры (БМНИИК) СО АН СССР. Вып. XII. – Улан-Удэ: Бурят-монг. гос. изд-во, 1951. – С. 78–108.

Румянцев Г. Н. Родоплеменной состав верхоленских бурят (окончание) / Г. Н. Румянцев // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры (БМНИИК) СО АН СССР. Вып. XV. – Улан-Удэ: Бурят-монг. гос. изд-во, 1952. – С. 53–80.

Санжеев Г. Д. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. 1. А–Е / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина; отв. ред. Г. Д. Санжеев; ред.-сост.: Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. – М.: ИВ РАН, 2015. – 224 с.

Справочник Якутской области на 1911 г. / под ред. М. П. Николаева; Якутский областной статистический комитет. – Якутск: Тип. обл. упр., 1911. – 185 с.

Kalużyński S. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache / S. Kalużyński. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. – 170 s. (Prace Orientalistyczne. X).

Kempf B. On the origin of two Mongolic gender suffixes / B. Kempf // Ural-Altäische Jahrbücher. – 2006. – Bd. 20. – P. 199–207.

Poppe N. Plural suffixes in the Altaic languages / N. Poppe // Ural-Altäische Jahrbücher. – 1952. – Bd. XXIV. – P. 65–83.

Poppe N. Grammar of Written Mongolian / N. Poppe. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1954. – XII, 195 p.

Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies / N. Poppe. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955. – 300 p.

Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung / V. Rybatzki. – Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. – XXXV, 841 s. (Publications of the Institute for Asian and African Studies. [Vol.] 8)

References

Baldaev S. P. Proiskhozhdenie i rasselenie ivolginских бурят / S. P. Baldaev // Etnograficheskij sbornik. Vyp. 1. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1960. – S. 59–67.

Baldaev S. P. Rodoslovnnye predaniya i legendy бурят / S. P. Baldaev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1970. – 364 s.

Baldaev S. P. Rodoslovnnye i predaniya i legendy. Zabajkal'skie буряты / S. P. Baldaev. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2010. – 368 s.

Budaev C. B. Buryatskie dialekty (opyt diahronicheskogo issledovaniya) / C. B. Budaev. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 217 s.

Vladimircov B. Ya. Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i halhaskogo narechiya. Vvedenie i fonetika / B. Ya. Vladimircov. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1929. – XII, 436 s.

Грамматика современного якутского литературного языка: в 2 т. Т. 1. Фонетика и морфология / ред. кол.: Е. И. Кorkина, Е. И. Ubryatova (отв. ред.), Л. Н. Haritonov, N. E. Petrov. – М.: Nauka, 1982. – 496 s.

Materialy po istorii Yakutii XVII veka (dokumenty yasachnogo sbora). Ch. 1–3 / red. T. M. Shvecova. – М.: Nauka, 1970. – 1269 s.

Miller G. F. Istoriya Sibiri: v 5 t. Т. III / G. F. Miller. – М.: Vost. lit-ra, 2005. – 605 s.

Nanzatov B. Z. K buryatsko-yakutskim etnicheskim svyazyam: igidej i ekhirid. Addendum: ikirezh("), itirit / B. Z. Nanzatov, V. V. Tishin // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya. – 2022. – Т. 40. – S. 52–56.

Nanzatov B. Z. Mongol'skij affiks +s v yakutskih etnonimakh kak hronologicheskij marker istoricheskikh buryatsko-yakutskih kontaktov: k postanovke voprosa / B. Z. Nanzatov, V. V. Tishin // Sociolingvistika. – 2024. – Т. 2. – № 18. – С. 81–93.

Pekarskij E. K. Slovar' yakutskogo yazyka: v 3 t. T. 1 / E. K. Pekarskij. – 2-e izd. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. – 710 s.

Poppe N. N. Alarskij govor: v 2 ch. Ch. 1 / N. N. Poppe. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1930. – 130 s.

Poppe N. N. Grammatika buryat-mongol'skogo yazyka / N. N. Poppe. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1938. – 268 s.

Rassadin V. I. Oчерки po istoricheskoy fonetike buryatskogo yazyka / V. I. Rassadin. – M.: Nauka, 1982. – 199 s.

Rumyanцев G. N. Barguzinskie buryaty / G. N. Rumyanцев // Trudy Kyahtinskogo kraevedcheskogo muzeya im. akad. V. A. Obrucheva i Kyahtinskogo otdeleniya Vsesoyuznogo Geograficheskogo obshchestva. – 1949. – Т. 16. – Vyp. 1. – С. 34–62.

Rumyanцев G. N. Rodoplemennoj sostav verholenskih buryat / G. N. Rumyanцев // Zapiski Buryat-Mongol'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury (BMNIIK) SO AN SSSR. Vyp. XII. – Ulan-Ude: Buryat-mong. gos. izd-vo, 1951. – С. 78–108.

Rumyanцев G. N. Rodoplemennoj sostav verholenskih buryat (okonchanie) / G. N. Rumyanцев // Zapiski Buryat-Mongol'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury (BMNIIK) SO AN SSSR. Vyp. XV. – Ulan-Ude: Buryat-mong. gos. izd-vo, 1952. – С. 53–80.

Sanzheev G. D. Etimologicheskij slovar' mongol'skih yazykov: v 3 t. T. 1. A–E / G. D. Sanzheev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina; otv. red. G. D. Sanzheev; red.-sost.: L. R. Koncevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman. – M.: IV RAN, 2015. – 224 s.

Spravochnik Yakutskoj oblasti na 1911 g. / pod red. M. P. Nikolaeva; Yakutskij oblastnoj statisticheskij komitet. – Yakutsk: Tip. obl. upr., 1911. – 185 s.

Kałużyński S. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache / S. Kałużyński. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. – 170 s. (Prace Orientalistyczne. X).

Kempf B. On the origin of two Mongolic gender suffixes / B. Kempf // Ural-Altäische Jahrbücher. – 2006. – Bd. 20. – P. 199–207.

Poppe N. Plural suffixes in the Altaic languages / N. Poppe // Ural-Altäische Jahrbücher. – 1952. – Bd. XXIV. – P. 65–83.

Poppe N. Grammar of Written Mongolian / N. Poppe. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1954. – XII, 195 p.

Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies / N. Poppe. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955. – 300 p.

Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung / V. Rybatzki. – Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. – XXXV, 841 s. (Publications of the Institute for Asian and African Studies. [Vol.] 8)

УДК 316.3/4

ББК 60.54

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-70-75

Е. В. Петрова

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ СТАРООБРЯДЦЕВ (семейских) БУРЯТИИ И ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

В статье анализируются традиционные ценности старообрядцев (семейских). Выявлен рост религиозной идентичности семейских Бурятии, определены маркирующие факторы и основные элементы традиционной культуры, которые, по мнению опрошенных, необходимо развивать.

Ключевые слова: Республика Бурятия, Забайкальский край, старообрядцы (семейские), традиционные ценности, религиозная идентичность.

E. V. Petrova

TRADITIONAL VALUES OF THE OLD BELIEVERS (Semeyskie) OF BURYATIA AND THE ZABAİKALSKY KRAY

The article analyzes the traditional values of the Old Believers (Semeyskie). The growth of the religious identity of the Semeyskie Buryatia was revealed, the marking factors and the main elements of traditional culture, which, according to the respondents, need to be developed, were identified.

Keywords: Republic of Buryatia, Zabaikalsky Kray, Old Believers (Semeyskie), traditional values, religious identity.

Одними из важных ориентиров в современной жизни являются доминирующие ценности – в стране, в социальной группе или у конкретного человека, которые затем, как правило, проецируются на жизненные планы и стратегии достижения успеха.

В научном и политическом пространстве России в последние годы все чаще звучат обоснования того, что Россия – это страна-цивилизация. Этот статус предполагает продолжение процесса разработки теоретических положений о сохранении российских традиционных ценностей. В 2022 г. Президентом РФ были утверждены основные направления государственной политики по их сохранению и укреплению. В документе они определены как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». В становлении и укреплении российских традиционных ценностей в документе отмечается особая роль религий [Указ Президента Российской Федерации...].

В русском православии существует деление на сторонников обрядов пореформенного периода (с 1653 г. по настоящее время) и носителей традиций дореформенного периода (старообрядчество). Старообрядцы, проживающие в России и за рубежом, проявили себя на протяжении 370 лет после введения новин патриарха Никона («Память» 1653 г.) последовательными традиционалистами. И куда бы не забросила их судьба, накопили на практике большой адаптационный опыт по выживанию, достижению успехов в предпринимательской и хозяйственной деятельности, несмотря на всевозможные ограничения, сложности социальных взаимодействий и суровость климатических условий. Этот опыт наряду с другими существующими практиками может стать достоянием и определенным нравственно-духовным ориентиром для россиян с точки зрения сохранения и укрепления традиционных ценностей.

ПЕТРОВА Елена Викторовна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия). E-mail: elenapet_05@mail.ru.

В Забайкалье старообрядцы (семейские) были приведены в XVIII в. по распоряжению императрицы Екатерины II для развития хлебопашества в Сибири. На протяжении 256 лет проживания в Забайкалье они придерживались канонов и традиций своих прадедов и отцов, сохраняя, насколько это было возможно, элементы традиционной культуры (обычай, ремесла, фольклор, обряды).

Исследователей забайкальского старообрядчества всегда интересовало отношение современных потомков старообрядцев к проблеме культивирования и сохранения традиций. Наряду с этнографами, историками и фольклористами сущность и функционирование традиционности у старообрядцев изучают социологи, используя для этого опросные методы.

На протяжении последних 30 с лишним лет автором статьи было проведено несколько исследований по изучению традиционной культуры семейских и степени их религиозности [Петрова 1999, 2007]. Большой интерес в этом плане представляют результаты исследования, проведенного автором в 2023 г. в Бурятии и Забайкальском крае (метод сбора информации – индивидуальное анкетирование). Выборка многоступенчатая, репрезентирующая взрослое русское население по полу, возрасту, образованию в отобранных населенных пунктах, составила 257 чел., идентифицирующих себя со старообрядцами (семейскими) и проживающих в местах их компактного расселения. В Бурятии опрошено 124 чел.: г. Улан-Удэ, Тарбагатайский (села Тарбагатай, Десятниково), Бичурский (села Бичура, Новосретенка, Большой Куналей), Хоринский (с. Хасурта) сельские муниципальные районы. В Забайкальском крае – 133 чел. из городов Чита, Петровск-Забайкальский, Забайкальск и Красночикойского сельского муниципального района (села Урлук, Архангельское, Красный Чикой).

Для выявления иерархии ценностей респондентам в анкете предлагался список ценностей, каждую из которых необходимо было ранжировать по степени важности в жизни («важно», «не очень важно», «совсем не важно»). Выбирая из 35 вариантов ответа, опрошенные в двух регионах наиболее важными сочли «счастливую семейную жизнь» (Бурятия – 95,2 %, Забайкальский край – 94,7 %), «здоровье» (Бурятия – 92 %, Забайкальский край – 88 %), «материальную обеспеченность» (Бурятия – 88 %, Забайкальский край – 91,7 %), «безопасность жизни» (Бурятия – 92 %, Забайкальский край – 84,2 %), «законопослушность» (Бурятия – 88,7 %, Забайкальский край – 77,4 %)

Среди важных ценностей, но с меньшими цифровыми значениями, были отмечены «духовные ценности, духовный рост», этот вариант ответа большинство опрошенных (Бурятия – 63 %, Забайкальский край – 61 %), «религия, вера» – его выбрало меньшинство респондентов (Бурятия – 41,1 %, Забайкальский край – 48,9 %).

Совсем не важны оказались «власть» (Бурятия – 25,8 %, Забайкальский край – 36,1 %), «слава, известность» (Бурятия – 17,7 %, Забайкальский край – 33,1 %), которые получили наименьшее количество выборов респондентов.

Полученные результаты соответствует данным ВЦИОМ по всероссийской выборке, согласно которым россияне на первое место среди своих основных целей в жизни поставили «здоровье» (58 %) и создание «счастливой семьи» (56 %) [Традиционные ценности...].

Как показало наше исследование, большинство респондентов назвали себя верующими (Бурятия – 89,5 %, Забайкальский край – 85,7 %). Если сравнить полученные данные с результатами социологических исследований автора прошлых лет среди семейских Бурятии, то видна положительная динамика степени религиозности и рост религиозной идентичности: в 1993–1996 гг. считали себя верующими 34,9 %, в 2003 г. – 64,6 % [Петрова 1999: 77, 79, 83, 96; 2007: 29].

Однако при этом регулярно посещают храмы немногие, причем как в Бурятии, так и в Забайкалье. Идут в религиозные учреждения в основном для совершения определенных единовременных обрядов (на это сетуют и сами священнослужители в Бурятии и Забайкальском крае) – крещения, поминовения усопших, поставить свечи за здоровье, принять участие в праздничных богослужениях и т. д.

Число убежденных верующих, т. е. тех, кто «соблюдает все, что предписано верой», в республике с 90-х гг. XX в. практически не изменилось (1993–1996 гг. – 10 %, 2003 г. – 9,6, 2023 г. – 10,5 %) [Она же 1999: 79; 2007: 29]. Зато увеличилась доля ре-

спондентов, которые соблюдать религиозные обряды «стараятся, но не всегда это удастся» – в 2003 г. их было 34,2 %, в 2023 г. стало 54,2 %. И уменьшилась группа, «вспоминающая о религиозной обрядности только в религиозные праздники» – с 22,5 % (2003 г.) до 16,1 % (2023 г.). Также несколько меньше стало опрошенных, которые «лишь изредка соблюдают религиозные обряды» (2003 г. – 17 %, 2023 г. – 12,1 %). Аналогичные тенденции характерны и для Забайкальского края (табл. 1).

Таблица 1

Отношение к традициям старообрядцев (семейских), % опрошенных

Знаете ли Вы традиции своей этноконфессиональной группы?		
Варианты ответа	Республика Бурятия	Забайкальский край
Да, многие знаю	41,9	39,1
Знаю некоторые	54,0	42,1
Совсем не знаю	4,1	18,8
Соблюдаете ли Вы традиции своей этноконфессиональной группы?		
Да, соблюдаю многие	24,2	14,3
В основном соблюдаю	54,3	36,1
В основном не соблюдаю	11,3	26,3
Совсем не соблюдаю	0,8	5,3
Затрудняюсь ответить	9,4	18,0
Носите ли Вы какую-либо одежду своей этноконфессиональной группы?		
Да, повседневно	1,6	3,8
Да, только в определенные дни	30,7	12,0
Нет, никогда	53,2	51,9
Затрудняюсь ответить	14,5	32,3
Готовите ли Вы какие-либо блюда своей этноконфессиональной группы?		
Да, постоянно	29,3	22,6
Да, изредка	62,1	46,6
Нет, никогда	4,0	12,1
Затрудняюсь ответить	4,6	18,7
Если считаете себя верующим, соблюдаете ли Вы религиозные обряды?		
Да, соблюдаю все, что предписано верой	10,5	6,8
Стараюсь, но не всегда это удается	52,4	34,6
Только в религиозные праздники	16,1	30,8
Почти ничего не соблюдаю, лишь изредка	12,1	18,1
Затрудняюсь ответить	8,9	9,7
Посещаете ли Вы храмы?		
Да, регулярно	12,9	4,5
Да, изредка	67,7	73,7
Нет, не посещаю	19,4	21,8

Сравнение с результатами социологических исследований автора за 1993–2003 гг. приводит к выводу, что спектр восприятия семейскими республики главных элементов традиционной культуры изменился мало.

В 1993–1996 гг. респонденты в качестве маркирующих факторов культуры называли «фольклор» (80,5 %), «яркий женский костюм» (55,1 %), «резьбу по дереву» (25 %), и «религиозно-культовые обряды» (28,5 %) [Петрова 1999: 101].

В 2003 г. также лидировала фольклорная традиция – «песни семейских» (96,3 %), затем шли – «традиционная одежда» (70,4 %), «диалектные особенности языка» (62 %), «религиозно-календарные обряды» (58,3 %), «резьба по дереву» (45,4 %), «домовая роспись» (44,6 %), «домашние промыслы и ремесла» (38,3%), «своеобразие быта» (37,5 %), «традиционная пища» (29 %), «специфика воспитания детей» (20 %) [Она же 2007: 30].

В 2023 г. опрошенные в Бурятии вновь в первую очередь выбрали «песни» (76,6 %), «особенности языка, говора, диалекта» (72,6 %), «традиционную пищу» (57,3 %), «традиционную одежду» (52,4 %), далее – «своеобразие быта» (47,6 %), «религиозно-календарные обряды» (33,9 %), «домовую роспись» (30,1 %), «домашние промыслы и ремесла» (29,1 %), «резьбу по дереву» (24,2 %), «ткачество» (20,2 %), «специфику воспитания детей» (20,2 %).

В Забайкальском крае (2023 г.) респонденты также три первых места отдали «песням» (74,4 %), «особенностям языка, говора, диалекта» (73,7 %), «традиционной одежде» (24,8 %). На четвертое место поставили «специфику воспитания детей» (24,8 %), а затем уже отметили «традиционную пищу» (21,1 %), «своеобразие быта» (20,3 %), «домашние промыслы и ремесла» (17,3 %), «религиозно-календарные обряды» (11,3 %), «домовую роспись» (6,1 %), «резьбу по дереву» (6,1 %), «ткачество» (6,1 %).

В исследовании важно было выяснить, какие направления традиционной культуры старообрядцев, по мнению опрошенных в двух регионах, нуждаются в развитии в настоящее время (табл. 2).

Таблица 2

Направления традиционной культуры,
которые необходимо развивать в первую очередь, % опрошенных

Вариант ответа	Республика Бурятия, 1994–1996 гг.	Республика Бурятия, 2023 г.	Забайкальский край, 2023 г.
Традиционный фольклор	81,2	50	49,6
Изучение в школах традиционной культуры	60,8	43,6	30,8
Изготовление традиционной одежды и украшений	30,6	37,9	18,1
Промыслы и ремесла	23,7	37,1	21,1
Декоративно-прикладное искусство	32,3	33,9	24,1
Проведение массовых мероприятий	–	33,1	49,6
Строительство и восстановление храмов	44	28,2	23,3
Расширять формы участия телевидения в популяризации традиционной культуры	30,1	27,4	8,3
Издание и переиздание научной и художественной литературы	31,7	12,1	12,8

Примечание: можно было выбрать любое число ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

В Бурятии (2023 г.) в первую очередь, по мнению респондентов, необходимо поддерживать «традиционный фольклор» (50 %), «изучение в школах традиционной культуры» (43,6 %), «изготовление традиционной одежды и украшений» (37,9 %), «промыслы и ремесла» (37,1 %), «декоративно-прикладное искусство» (33,9 %), «проведение массовых

мероприятий» (33,1 %). Также следует «расширять формы участия телевидения в популяризации традиционной культуры» (27,4 %), заниматься «строительством и восстановлением храмов» (28,2 %), осуществлять «издание и переиздание научной и художественной литературы» (12,1 %).

В Забайкальском крае (2023 г.) были получены похожие результаты. «Традиционный фольклор» и «проведение массовых мероприятий» – по 49,6 %. На втором месте – «изучение в школах традиционной культуры» (30,8 %). Далее идут «декоративно-прикладное искусство» (24,1 %), «строительство и восстановление храмов» (23,3 %), «промыслы и ремесла» (21,1 %), «изготовление традиционной одежды и украшений» (18,1 %), «издание и переиздание научной и художественной литературы» (12,8 %). И замыкает рейтинг рекомендация «расширять формы участия телевидения в популяризации традиционной культуры» (8,3 %).

Как видим, необходимость в сохранении тех элементов традиционной культуры, которые сохранились и продолжают нас радовать, существует.

Представленные в таблице 2 результаты дают возможность сравнить их с данными социологического исследования, проведенного автором в Бурятии в 90-е гг. XX в. [Петрова 1999: 103] и сделать следующие выводы:

– Как и 30 лет назад, наиболее актуальными направлениями традиционной культуры семейских в Бурятии и в Забайкальском крае, требующими поддержки и развития, по мнению опрошенных, остаются «традиционный фольклор» и «изучение в школах традиционной культуры», несмотря на то что эти направления за прошедшие три десятилетия в большей степени получили развитие и финансирование со стороны государства. Так, в Бурятии в 2001–2006 гг. при активном участии автора разработана и реализована республиканская целевая государственная программа «Изучение, сохранение и развитие культуры семейских», в рамках которой решены задачи, поставленные на I съезде семейских Забайкалья (1993 г.) [Она же 2005: 57–82].

– Если в 90-х гг. XX в. в указанных регионах, также как и по всей стране, было востребовано такое направление, как «восстановление и строительство старообрядческих храмов», то в настоящее время эта проблема столь остро уже не стоит, так как за прошедшие 30 лет благодаря финансовой поддержке государства, предпринимателей и населения храмы были восстановлены или построены новые, что привело к росту религиозной идентичности среди семейского населения. Так, в Бурятии по состоянию на 2022 г. действуют или строятся 16 храмов Русской древлеправославной церкви и один храм Русской православной старообрядческой церкви. В Забайкальском крае функционируют три храма Русской православной старообрядческой церкви.

– В современных условиях, как в Бурятии, так и в Забайкальском крае, респонденты считают важным «проведение массовых мероприятий», направленных на культивирование традиционной культуры старообрядцев.

– По мнению опрошенных также требуется развитие и финансирование блока мероприятий, связанных с «декоративно-прикладным искусством» старообрядцев, «промыслами и ремеслами», «изготовлением традиционной одежды».

Таким образом, результаты исследования показали, что традиционные ценности в мировоззрении потомков старообрядцев сохранились, несмотря на повсеместный процесс обмирщения населения в советское время. За последние 30 лет возродилась духовная оболочка старообрядчества в форме молельных домов, часовен и церквей. Положительная динамика изменений религиозной идентичности семейского населения за период с 1993 по 2023 г. свидетельствует, с одной стороны, об актуальности старообрядческой традиционности, с другой – о не слишком глубоком приобщении к религии основной части опрошенных, считающих себя верующими. В настоящее время, когда стал востребованным и активно развивается внутренний туризм, в поддержке нуждаются сохранившиеся элементы традиционной культуры старообрядцев. Как и прежде, необходим поиск баланса между традиционными ценностями, доставшимися по наследству нынешним потомкам старообрядцев Забайкалья, и ценностями современного общества.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.)») № 121031000243-5.

Источники и литература

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 04.06.2024).

Петрова Е. В. Социокультурная адаптация семейских Забайкалья (этносоциологический анализ) / Е. В. Петрова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 130 с.

Петрова Е. В. Современное забайкальское старообрядчество / Е. В. Петрова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. – 184 с.

Петрова Е. В. Современное состояние традиционной культуры семейских Забайкалья (результаты мониторинговых исследований) / Е. В. Петрова // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – С. 27–32.

Традиционные ценности, современные цели. – 2023. – 30 ноября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi> (дата обращения: 04.06.2024).

References

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (data obrashcheniya: 04.06.2024).

Petrova E. V. Sociokul'turnaya adaptaciya semejskih Zabajkal'ya (etnosociologicheskij analiz) / E. V. Petrova. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1999. – 130 s.

Petrova E. V. Sovremennoe zabajkal'skoe staroobryadchestvo / E. V. Petrova. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2005. – 184 s.

Petrova E. V. Sovremennoe sostoyanie tradicionnoj kul'tury semejskih Zabajkal'ya (rezul'taty monitoringovyh issledovanij) / E. V. Petrova // Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye tradicii, russkie i zarubezhnye svyazi. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2007. – S. 27–32.

Tradicionnye cennosti, sovremennye celi. – 2023. – 30 noyabrya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi> (data obrashcheniya: 04.06.2024).

УДК 94(571.54)

ББК 63.3(2P54)

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-76-85

Б. Ц. Жалсанова, А. В. Курас

ИЗ ИСТОРИИ ОЛЬХОНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ –
ОРГАНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
ОЛЬХОНСКИХ БУРЯТ (1824–1889 ГГ.)

Статья посвящена истории одной из 12 бурятских степных дум – Ольхонской. Она была учреждена в соответствии с Уставом М. М. Сперанского «Об управлении инородцев» 1822 г. наряду с 4 хакасскими, 1 якутской и 1 тунгусской думами. Степная дума успешно управляла бурятским Ольхонским ведомством в 1824–1889 гг., занимаясь сбором налогов, развитием сельского хозяйства, социальной политикой. При этом дается подробная характеристика фонда «Ольхонская степная дума», находящегося на хранении в Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ).

Ключевые слова: степная дума, родовое управление, Устав об управлении инородцев, тайша.

B. Ts. Zhalsanova, L. V. Kuras

FROM THE HISTORY OF THE OLKHON STEPPE DUMA –
THE LOCAL SELF-GOVERNMENT BODY
OF THE OLKHON BURYATS (1824–1889)

The article is devoted to the history of one of the 12 Buryat Steppe Dumas – the Olkhon Steppe Duma. It was established in accordance with the Statute of M. M. Speransky “On the Administration of Foreigners” of 1822 along with 4 Khakass, 1 Yakut and 1 Tungus Dumas. The Steppe Duma successfully managed the Buryat Olkhon department in 1824–1889, dealing with tax collection, agricultural development, social policy. At the same time the detailed characterization of the fund “Olkhon Steppe Duma”, which is kept in the State Archive of the Republic of Buryatia (GARB), is given.

Keywords: Steppe Duma, clan administration, Statute of Alien Administration, taisha.

Введение

В XVIII–XIX вв. в процессе присоединения Сибири российское государство стремилось создать на новых территориях, наряду с государственными учреждениями, такую систему местного самоуправления, которая способствовала бы сбору податей в казну, исполнению различных предписаний вышестоящих органов, ведению учета населения и т. д. Такими органами самоуправления стали степные думы, инородные управы, родовые управления, учрежденные по «Уставу об управлении инородцев» 1822 г.

На протяжении 15 лет авторами статьи ведется активная работа по исследованию темы истории этнического самоуправления бурят в XIX – начале XX в., выявлению и вводу в научный оборот комплекса документов по истории бурятских степных дум. Вышли в свет публикации по истории Кударинской [2010], Баргузинской [2012], Аларской [2015], Хоринской [2016], Агинской (три тома) [2017–2019] и Балаганской степных дум [2023].

Всего у сибирских народов было образовано 18 степных дум: 1 якутская, 1 эвенкийская, 4 хакасских и 12 – у бурят, в т. ч. и Ольхонская степная дума. Согласно Уставу 1822 г., обязанности думы состояли: «1) в народосчислении; 2) в раскладке сборов;

ЖАЛСАНОВА Бутит Цыдыпмункуевна – доктор исторических наук, директор Государственного автономного учреждения культуры Республики Бурятия Государственный архив Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: butit62@mail.ru.

КУРАС Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: kuraslv@yandex.ru.

3) в правильном учете всех сумм и общественного имущества; 4) в распространении земледелия и народной промышленности; 5) в ходатайстве у высшего начальства о пользах родовичей» [ПСЗРИ 1830: № 29126].

Источники по истории местного самоуправления и структура Ольхонской думы

Основными источниками по истории местного самоуправления ольхонских бурят являются фонд 469 Ольхонской степной конторы (6 дел за 1812–1823 гг.) и фонд 12 Ольхонской степной думы (1142 дела за 1816–1894 гг.) Государственного архива Республики Бурятия. Это постановления земского суда о налоговых сборах, сведения о проведении ярмарок, мирские общественные приговоры, годовые отчеты, ревизские сказки, статистические сведения и т. д.

Ольхонская степная дума была образована в конце 1824 г. на месте Ольхонской братской степной конторы и объединяла в самом начале своей истории пять родов: 1, 2, 3-й Чернорудские, 1-й и 2-й Абызаевские роды [ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5. Л. 2]. В 1837 г. был выделен 5-й Чернорудский из 1-го Чернорудского рода, в 1839 г. – 4-й и 6-й Чернорудские из 1-го Чернорудского рода, в 1847 г. – Хенхедурский из 2-го Абызаевского рода [Там же. Д. 738. Л. 62–63]. Таким образом, к 1847 г. стало девять родов: 1-й и 2-й Абызаевские, 1, 2, 3, 4, 5, 6-й Чернорудские и Хенхедурский.

Руководящий состав думы

В 1836 г. дума размещалась в Кутульском стойбище [Там же. Д. 26. Л. 26–26об.], в 1858 г. – в улусе Тутаевском: «Ольхонская Степная дума находится близ Тутаевского улуса в ущелье горы без всяких речек и источников» [Там же. Д. 796. Л. 38], в 1885 г. – в улусе Кутульском. Дума состояла из главного родоначальника – тайши, помощника, двух заседателей, письмоводителя. В 1858–1862 гг. существовала должность второго тайши, в 1872 г. введена должность 3-го заседателя [Там же. Д. 840. Л. 95]. В состав думы также входил один представитель от крещеных бурят.

Тайши, заседатели и родовые старосты выбирались на сугланах (общих собраниях). В разные годы ими были: Баин Банаев (1821–1835), Субан Баинов (1836–1849) (при крещении Иннокентий Муравьев), Иннокентий Муравьев (1850–1859), Хонгор Якшеев (1860–1872), и. д. Башин Имеев (1872–1873), Дырхей Хахин (1873–1874), Александр Баронов (1876–1878) (до крещения Алюбаты Халюев), Дырхун Тахаев (Тахоев, Тохоев) (1880–1882), Григорий Муравьев (1882–1885), Болхон Борькин (1885–1887), Григорий Муравьев (1888–1890).

Заседатели думы избирались на должность на трехлетний срок, потом писали заявление об увольнении. Среди известных заседателей думы такие имена, как Бетхей Хаденов, Башин Имеев, Бужинай Имеев, Тапха Самсонов, Артамон Аларкин, Алсык Пилатов, Пенхосой Крещенков.

За успешную службу должностные лица награждались медалями, получали благодарности от общества, например, Бужинай Имеев получил аттестат с благодарностью, под которым подписались 157 чел.: «Мы, нижеподписавшиеся Верхоленского округа Ольхонского ведомства родовые старосты, улусные старшины и прочие инородцы, быв сего числа в общем собрании на суглане при нашей Ольхонской степной думе по разным общественным делам и, между прочим, дали сей аттестат заседателю нашей степной думы, инородцу 1-го Чернорудского рода Бужинай Имееву, который в настоящее время вследствие поданного им прошения увольняется от службы по домашним обстоятельствам, в том, что, он, Имеев, служа у нас в думе заседателем по нашему выбору три года и все это время был с нами добр и справедлив и никогда никого из нас не обижал, и напротив, многим помог и по службе всегда был исправный, вел себя честно и трезво, вознаграждения за службу он с нас никакого не получал, поэтому мы считаем для себя приятной обязанностью засвидетельствовать ему, Бужинаю Имееву, наше уважение за добросовестное его у нас трехлетнее служение при думе заседателем выдачей настоящего аттестата, в чем и подписуемся» [Там же. Д. 993. Л. 7–7об.].

Население Ольхонской думы и их вероисповедание

Население Ольхонской степной думы состояло в основном из кочевых бурят, разделенных по девяти родам, которые возглавлялись родовыми старостами. За 60 лет (1824–1884 гг.) значительного прироста населения не наблюдалось (увеличилось в 1,15 раз). Данные о движении населения также свидетельствуют о незначительном ежегодном приросте населения, в целом же наблюдалась положительная динамика, кроме 1869 г.

В донесении 1827 г. населению думы дается следующая характеристика: «Народ, населяющий Ольхонское ведомство, есть буряты монгольского поколения ... Они обитают большей частью в северо-восточной и юго-западной стороне по берегам Байкала, неподалеку от берегов и на острове Ольхон. Вера шаманская, проводят свои молебствия на возвышенных местах с издревле ими почитаемыми, а иногда и в домах своих» [ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5. Л. 153] (табл. 1–3).

Таблица 1

Численность населения Ольхонского ведомства в 1824–1884 гг.

Год	Всего	В т. ч. оседлых
1824 г.	4665	–
1833 г.	5518	–
1850 г.	5600	40
1864 г.	5918	63
1884 г.	5403	97

Сост. по: [Там же. Л. 59об., 62; д. 239. Л. 40–40об.; д. 111. Л. 47–48; д. 422. Л. 147; д. 572. Л. 61].

Таблица 2

Движение населения Ольхонского ведомства в 1844–1884 гг.

Год	Родилось	Умерло	Разница	Заклучено браков
1844	138	108	+30	25
1854	167	66	+101	24
1864	140	120	+20	15
1869	121	149	-28	33
1884	189	132	+57	59

Сост. по: [Там же. Д. 293. Л. 6; д.160. л. 52об.; д. 400. Л. 52; д. 204. л. 157–159; д. 572. Л. 66об.–67].

Таблица 3

Количество улусов, селений и частных домов в Ольхонском ведомстве

Год	Улусов	Деревень	Юрт деревянных	Домов деревянных
1845	30	1	1507	7
1864	29	1	1504	153
1888	75	2	2729	1588

Сост. по: [ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 280. Л. 69об.–70; д. 400. Л. 51; д. 995. Л. 2–3].

Ольхонские буряты были приверженцами шаманской веры. В отчете за 1847 г. отмечается, что они «веруют бросанием в жертву табаку, вина, мяса на огонь и деланием также всеожжения скотских костей и чучел, надеваемых из кожи кверху головой». В 1840 г. в ведомстве было 12 шаманов (по одному шаману на род, в 1-м и 2-м Чернорудских родах по три шамана) [Там же. Д. 318. Л. 55–56об.].

В середине XIX в. активизируется процесс христианизации местного населения. В 1871 г. открыт Еланцинский миссионерский стан, на средства Верхоленьского купца М. А. Сапожникова построена Покровская деревянная церковь с колокольней и оградой. В 1874 г. в улусе Кутульском возведены два молитвенных дома из старого леса. В 1895 г. построен молитвенный дом с алтарем в Семисосенском улусе на острове Ольхон [ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 261. Л. 58–59]. Распространение православия в Ольхонском ведомстве, по сравнению с другими ведомствами Иркутской губернии, шло медленными темпами: если в 1854 г. было 109 крещеных бурят [Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 160. Л. 53об.], то в 1888 г. их стало 626 чел. [Там же. Д. 557. Л. 111–111об.]. Важную роль в принятии крещения бурятами играл закон, освобождающий крещеных инородцев от уплаты ясака на три года. Миссионеры причтов церковей отмечали, что «большая часть бурят только по имени христиане, а в сущности дела скорее шаманисты» [Там же. Д. 51. Л. 32]. Православие принимали должностные лица. Так, тайша степной думы Субан Баинов в 1849 г. принял крещение, после чего стал Иннокентием Николаевым Муравьевым [Там же. Д. 98. Л. 5].

Хозяйство ольхонских бурят

Семьи ольхонских бурят были большими, неразделенными и основывались на общности хозяйства – нераздельном владении землей, скотом, орудиями производства. Как отмечается в отчете думы за 1874 г., «до тех пор, пока сын, внук, племянник или другой какой родственник не женат, он готов жить вместе с отцом, дедом, дядей или другим родственником – воспитателем до смерти последнего. После женитьбы в зрелом возрасте сын отделяется от отца, дают ему дом, часть скота и первоначальную обстановку. До совершеннолетия, если сын отделился, ведет хозяйство под руководством и наблюдением старших членов семьи. Дети никогда не отказываются дать приют и содержание родителям, родственникам, которым обязаны своим воспитанием» [Там же. Д. 921. Л. 35об.].

Раскладка и сбор налоговых платежей являлись важной функцией Ольхонской степной думы. С кочевых бурят собирали деньги в ясак, на хозяйственный капитал, межевание, земские повинности, частные повинности, в капитал народного продовольствия, на содержание земской полиции. С оседлых бурят собирали оброчные и подушные подати, на земские повинности (общую и частную), в хозяйственный капитал, на межевание, капитал народного продовольствия, «на вспоможения» по разным случаям. Например, в 1823 г. было собрано 12559 руб. податей [Там же. Д. 5. Л. 59об., 62], в 1824–1827 гг. – 3004 руб. 25 коп. на казенные подати, 6543 руб. 8 коп. на земские повинности, 2064 руб. 60 коп. на денежные повинности, 1650 руб. на отправление внутренних повинностей, всего 39785 руб. 93 коп. за три года, или 13261 руб. 93 коп. за один год [Там же. Л. 78об.].

Сборы с внутренних повинностей направлялись на жалованье писарям, сторожам, оспенным ученикам, содержание степной думы. Так, в 1832 г. на внутренние расходы было собрано 2030 руб.: 700 руб. писарю, 80 руб. сторожу думы, 150 руб. оспенному ученику, 50 руб. на отопление и освещение тюремной избы, 500 руб. на содержание перевоза, 550 руб. содержателям обывательских подвод для земских сообщений [Там же. Д. 15. Л. 88].

Буряты Ольхонского ведомства несли дорожную повинность, которая заключалась в исправлении или ремонте дорог по Якутскому тракту (более 13 верст) и Ольхонскому тракту (117 верст), 32 верст Ольхонского проселочного тракта, мостов через реки Бугульдейка, Курга, Баяндай и двух Шебартуйских мостов.

Основными занятиями были скотоводство, рыболовство, в меньшей степени земледелие. Ольхонские буряты разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз. Скотоводство требовало больших усилий из-за недостатка покосов и плохого состояния пастбищ. Сенокосные места удобряли наземом, убирали камни, копали канавы для орошения полей [Там же. Д. 131. Л. 3–3об.]. Холодные и снежные зимы приводили к большому падежу скота, например, в 1847 г. из 35476 голов скота пало 10532, когда скот 20 дней оставался без корма [Там же. Д. 318. Л. 48], или как за одну ночь с 6 по

7 сентября 1831 г. в сильную бурю у бурят Ольхонского ведомства погибло 228 ед. скота [ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 20. Л. боб.].

По статистическим отчетам можно проследить количество скота в годы, так, к 1888 г., по сравнению с 1833 г., численность скота увеличилась в 2,5 раза, большой прирост дали крупный рогатый скот и овцы (табл. 4). Количество голов свиней указано только в отчетах за 1845 г. (15 голов) и 1854 г. (10 голов).

Таблица 4

Количество скота в Ольхонском ведомстве за 1833–1888 гг.

Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Козы	Свиньи	Всего
1833					–	19478
1852	2304	5070	13940	2601	–	23915
1866	2991	6888	7996	1416	–	19271
1888	2727	15960	27149	3366	–	49202

Сост. по: [Там же. Д. 239. Л. 191; д. 131. Л. 9; д. 459. Л. 76; д. 557. Л. 114об.].

Шерсть продавали Иркутской суконной фабрике. Контракт степной думы с Тельминской казенной фабрикой свидетельствует, что ольхонские буряты должны были поставить овечьей шерсти до 450 пудов и более, 1 пуд продавался по цене 2 руб. 20 коп. серебром [Там же. Д. 336. Л. 7]. В 1833 г. ольхонские буряты продали 700 пудов шерсти на 6370 руб. [Там же. Д. 19. Л. 7]

Рыболовство являлось одним из важных занятий ольхонских бурят, хотя и не приносило больших доходов. В донесении Ольхонской степной думы Иркутскому земскому суду отмечается: «... рыба ловится в Байкале – омули, окуни, сиги, хариусы, щуки, налимы, осетры». Для ловли рыбы употребляют обыкновенные неводы, летом с лодками и 13 ловцами при каждой, а зимой – деляя в известных местах проруби. В прорубь запускают невод, протаскивают подо льдом на «долгих» шестах до следующего отверстия, невод вытаскивают на лед воротами, рыбу тут же продают [Там же. Д. 5. Л. 153]. Рыболовный сезон начинался в мае и продолжался до ноября, но фактически рыбным промыслом занимались круглый год, кроме декабря и января. Ловили омуль, сигов, хариусов. Для рыбной ловли организовывались артели по 8–15 чел., в т. ч. обязательно подростки под руководством башлыка – старосты. Все члены артели при разделе рыбы получали одинаковый пай.

О рыболовстве ольхонских бурят свидетельствует таблица, составленная по итогам рыболовных сезонов за 1860–1863 гг. (табл. 5) [Там же. Д. 427. Л. 9–9об.]:

Таблица 5

О количестве бочек засоленных омулей и проданной свежей рыбы в 1860–1863 гг.

Годы	1860	1861	1862	1863
засолено омулей в бочках	55	63	32	67
продано свежей рыбы (в шт.)	60300	31000	22000	29000

Сост. по: [Там же. Д. 239. Л. 191; д. 131. Л. 9; д. 459. Л. 76; д. 557. Л. 114об.].

В 1874 г. было добыто 10 пудов осетров, 405 пудов сигов, 300 пудов хариусов, 20000 шт. омулей [Там же. Д. 908. Л. 20]. В 1887 г. вышли в море 54 судна, 781 рабочий, 6 карбазов, 48 лодок, из них в Ангарск – 6 карбазов и 10 лодок, на Курбулинскую губу Баргузинского округа – 2 лодки, остальные – в Малое море Байкала [Там же. Д. 636. Л. 103–104].

Что касается занятия ремеслами, в отчете за 1874 г. отмечается: «К ремеслам и мастерствам инородцы немногие способны, и вообще неохотно стремятся к тому. Ремесленников – кузнецов, плотников и бондарей находится между ними в целом ведом-

стве не более 25 человек, но и те на ремесле своем далеко не зарабатывают того, сколько другие приобретают на рыбе» [ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 921. Л. 35–35об.], всего же тех, кто занимается ремеслами, числится до 70 чел. [Там же. Д. 557. Л. 130].

Земледелие было слабо развито из-за отсутствия удобных земель. В 1829 г. Ольхонская степная дума рапортует, что хлебопашество производится в незначительных размерах из-за песчаной и гористой местности [Там же. Д. 5. Л. 164–167]. Сеяли обычно рожь, ярицу, картофель, и только в 1871 г. появляются сведения о том, что посадили капусту, огурцы, морковь, свеклу [Там же. Д. 832. Л. 5]. В 1889 г. в отчете думы о росте хлебов отмечается: «... были сильные холодные ветра, в настоящее время стоит жара, дождя нет ... Яровые находятся в самом плохом положении и без дождя только что взойшли и почти что засохли» [Там же. Д. 716. Л. 1–11].

Промышленное производство было развито слабо. В 1863 г. был построен стеклоплавильный завод «Николаевский» вблизи Тыргинской деревни, в 1864 г. открылся мыловаренный завод в Тыргинском селении. Оба завода принадлежали оседлому буряту Михаилу Харлампиевичу Рыкову, при этом мыловаренный завод размещался в доме самого хозяина. На стеклоплавильном заводе сначала работало четыре мастера (русских), пять рабочих; впоследствии, когда вышла из строя стеклоплавильная печь и истощились материалы, остались один мастер и трое рабочих. На мыловаренном заводе – один мастер и один рабочий.

За 1864 г. было выпущено стекла и других стеклянных изделий на 570 руб., мыла на 350 руб. В 1866 г. на стеклоплавильном заводе работало три мастера и шесть рабочих. Было четыре печи: стеклоплавильная, калительная, разводная, для обжигания материалов. Изготовлено оконного стекла на 16000 руб., бутылей, графинов, кружек, тарелок на 400 руб. Мыловаренный завод не работал [Там же. Д. 459. Л. 76]. Сбывали стекло и мыло на Качугской и Хоготовской ярмарках и в других селениях [Там же. Д. 422. Л. 107–108].

2 июля 1882 г. произошел пожар в Тыргинской деревне, во время которого сгорел дегтярно-смоляной завод Николая Рыкова (бывший стеклоплавильный завод). Завод был с 12 печами – 6 для выгонки дегтя, 6 для смолы. В опись сгоревшего имущества включены: деревянное здание на сумму 100 руб., 12 печей – 100 руб., 2 бочки дегтя – 82 руб. 50 коп., смолы 15 ведер – 12 руб., береста – 750 руб., бочки – 25 руб., крыша соседнего здания – 15 руб. Общий ущерб составил 1459 руб. 50 коп. [Там же. Д. 537. Л. 4]. В отчете за 1884 г. отмечается, что заводов и фабрик в ведомстве нет.

По ведомству хлебных экономических магазинов не было из-за неразвитости земледелия, хлеб вносили в Кудинский капсальский магазин с числа душ в годовую пропорцию. Этот хлеб ольхонские буряты брали на пропитание и посев. В 1829 г. Иркутский земский суд обязывал думу построить экономический магазин, но ольхонские буряты были против, так как хлеба по ведомству выращивали мало и просили разрешить им пользоваться Кудинским капсальским магазином [Там же. Д. 230. Л. 7].

Если говорить о торговых ярмарках, то до середины XIX в. в Ольхонском ведомстве в июне-июле месяце работал стихийный базар в губе оз. Байкал, куда приезжали крестьяне Манзурской волости. На базаре буряты продавали рыбу, в обмен покупали хлеб, муку, сукно, коноплю. В 1860-е гг. эти базары превратились в ярмарки, ежегодно созываемые с 15 июня по 15 июля по общественному приговору. Обычно избирался ярмарочный староста, которому поручалось вовремя открывать ярмарку, следить за порядком, разбирать жалобы. О работе ярмарки свидетельствуют следующие таблицы 6 и 7.:

Таблица 7

Количество завезенного и проданного товара в разные годы

Год	Завезено товаров	Продано товаров
1863	5270	4800
1874	28300	14400
1884	22250	8190

Сост. по: [Там же. Д. 400. Л. 67об.–68; д. 908. Л. 19; д. 572. Л. 68].

Таблицы свидетельствуют о том, что покупательская способность населения была маленькой. Товар, оставшийся от Качугской и Хоготовской ярмарок, привозился большей частью приказчиками иркутских купцов. Товары подбирались «в бурятском вкусе» – бакалейная мануфактура низшего качества: кирпичный чай, сахар, табак, мыло, также чугунная, скобяная и разная мелочь [ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 490. Л. 103об.].

Образование

Важной задачей местного самоуправления бурят была забота о появлении грамотных людей, которые могли бы работать должностными лицами. Школы содержались за счет общества или частных лиц, а средства собирались как внутренние повинности, значительная часть которых выделялась на нужды народного образования.

15 февраля 1830 г. ольхонские буряты на общем суглане обсуждали вопрос об учреждении училища в ведомстве. Речь шла о поиске помещения под училище и о его содержании. Общественным приговором было решено не открывать училище по причине того, что родители не могут содержать учеников из-за тяжелого бремени выполнения казенных податей и повинностей [Там же. Д. 2. Л. 23–24].

Ольхонское приходское училище было открыто лишь 1 сентября 1859 г., на его содержание обществом выделялось 400 руб. в год [Там же. Д. 174. Л. 15–16]. В эту сумму входили: 240 руб. на жалованье учителю, 54 руб. на наем сторожа, 33 руб. на отопление и освещение, 25 руб. на учебные пособия и библиотеку, 35 руб. на уборку помещения, 8 руб. на ремонт здания и мебели, 5 руб. на награды ученикам [Там же. Д. 969. Л. 81]. Учебная программа была рассчитана на один год, включала предметы: закон божий, русский язык, арифметику, чистописание и рисование [Там же. Д. 562. Л. 37].

В 1868 г. на предписание Верхоленского окружного исправника степной думе об открытии женского класса, устройстве библиотеки, обучении мальчиков ремеслам при училище ольхонские буряты отказывались общественным приговором, ссылаясь на неурожай, бедственное положение [Там же. Д. 810].

В 1874 г. по Ольхонскому ведомству на 5668 чел. было всего 31 грамотных людей, или 0,6 %; русский язык знали 224 чел., или 4 % [Там же. Д. 921].

В 1884 г. в ведомстве было два учебных заведения: приходское училище с 15 учениками при степной думе и школа при Еланцинском миссионерском стане с четырьмя учениками [Там же. Д. 572. Л. 70об.].

Медицина

Буряты были лишены медицинского обслуживания и в случае заболеваний обычно обращались к шаманам. Заболеваемость и смертность среди них были чрезвычайно высоки. На основании архивных документов можно рассмотреть состояние медицинского обслуживания в Ольхонском ведомстве, а также деятельность местного самоуправления по борьбе с различными заболеваниями.

За период функционирования думы в Ольхонском ведомстве не было ни медицинского учреждения, ни медицинских работников. В 1831 г. перед обществом ставился вопрос об открытии лечебного учреждения, но был отложен по причине невозможности содержания последнего [Там же. Д. 18. Л. 10–13]. Был поставлен также вопрос о введении в каждый населенный пункт по лекарскому ученику по пресечению распространения венерических заболеваний, но по причине отсутствия таких заболеваний не было необходимости их введения. Случались эпидемии оспы, кори.

Степной думой проводилась работа по оспопрививанию, при ней постоянно работали два оспенных ученика, занимавшиеся прививками. В 1864 г. было привито 143 младенца [Там же. Д. 427. Л. 94]. В 1869 г. оспопрививателями были Петр Новоселов и Байдай Аструев, ими было привито 106 детей [Там же. Д. 822. Л. 2об.–3, 8об.].

Благотворительность

Бурятские общества принимали активное участие в разных благотворительных акциях по сбору пожертвований. Ольхонские буряты также не оставались в стороне: в 1831 г. было пожертвовано 5 руб. на учреждение публичной библиотеки в г. Иркут-

ске [ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 21. Л. 3], в 1854 г. – 45 руб. в пользу Отечества по случаю войны с Турцией [Там же. Д. 338. Л. 4–4об.], в 1863 г. собрано 32 руб. на устройство миссионерской церкви при Кудинской степной думе [Там же. Д. 421. Л. 11], дополнительно 39 руб. [Там же. Д. 400. Л. 174об.], в 1864 г. – 13 руб. в пользу инвалидов [Там же. Д. 429. Л. 7–7об.], в 1864 г. – 135 руб. на содержание трех мальчиков-сирот в Ольхонском приходском училище по добровольному общественному согласию [Там же. Д. 437. Л. 6об.], в 1865 г. – 10 руб. на улучшение содержания арестантов в Верхоленской тюрьме [Там же. Д. 429. Л. 5об.], в 1866 г. – 14 руб. на Ломоносовский капитал для учреждения стипендии в Санкт-Петербургском университете и Московской духовной академии и назначение премии за лучшие сочинения [Там же. Д. 447. Л. 3–3об.], 75 руб. для строительства дома дворянину И. И. Комиссарову-Костромскому, спасшему жизнь царю [Там же. Л. 15об., 27об.], в 1868 г. общественным приговором пожертвовали 298 руб. 90 коп. в пользу пострадавших от неурожая [Там же. Д. 814. Л. 36–38], 33 руб. 60 коп. на постройку церкви в память умершего цесаревича Николая Александровича в г. Санкт-Петербурге [Там же. Д. 814. Л. 43–44] и т. д.

Реформы

В 1872 г. было образовано четыре родовых управления [Там же. Д. 602]:

1. Сарминское родовое управление из 1-го Чернорудского и Хенхедурского родов.
2. Еланцинское родовое управление из 2, 3, 3, 4, 5-го Чернорудских родов, Тыргинской деревни и выселка Унгуринский.
3. Семисосенское родовое управление из 1, 2-го Абызаевских родов.
4. 6-е Чернорудское родовое управление из 6-го Чернорудского рода.

С 1 января 1890 г. по приказу Иркутского генерал-губернатора Ольхонская степная дума, должность тайши и четыре родовых управления были упразднены.

Ольхонское инородческое ведомство было разделено на две инородные управы:

1. Еланцинская, с резиденцией в улусе Еланцинском, из четырех родов – 2, 3, 4, 5-го Чернорудских родов и Тыргинской деревни оседлых инородцев с населением 1342 души мужского пола и 1279 душ женского пола;
2. Кутульская, с резиденцией в Кутульском улусе, из пяти родов – 1 и 6-го Чернорудских родов, 1 и 2-го Абызаевских родов и Хенхедурского рода с населением 1374 души мужского пола и 1413 душ женского пола [Там же. Д. 682. Л. 16].

Заключение

Таким образом, введенная по Уставу об управлении инородцев 1822 г., система органов местного самоуправления сибирских народов явилась реальным отражением политики регионализма Российской империи. «Устав» становится основным законодательным актом правительства в отношении сибирских инородцев, действовавшим вплоть до проведения волостной реформы. На примере одного ведомства – Ольхонской степной думы – нам удалось проследить эффективность хозяйственной деятельности ведомства и втягивания его в общенациональный рынок, позитивную деятельность в области образования, здравоохранения и социального призрения. В свою очередь государство последовательно использует местное самоуправление для решения стоящих перед ним задач, прежде всего для укрепления восточных рубежей империи.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства») № 121031000241-1.

Источники и литература

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): Собр. I. Т. 38. № 29126. – СПб., 1830. – С. 401.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. 12, оп. 1, д. 2, 5, 15, 18, 19, 20, 21, 26, 51, 98, 111, 131, 160, 174, 230, 239, 280, 293, 318, 336, 338, 400, 400, 421, 422, 427, 429, 437, 447, 459, 490, 537, 557, 557, 562, 572, 602, 636, 682, 716, 738, 796, 810, 814, 822, 832, 840, 908, 921, 921, 969, 993, 995; ф. 195, оп. 1, д. 261.

Базаров Б. В. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. I. Формулярные и послужные списки должностных лиц Агинской Степной думы / Б. В. Базаров, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Н. Н. Крадин. – Иркутск: Оттиск, 2017. – 676 с.

Базаров Б. В. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. II. Делопроизводственные документы Агинской Степной думы / Б. В. Базаров, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Н. Н. Крадин. – Иркутск: Оттиск, 2019. – 368 с.

Базаров Б. В. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. III. Делопроизводственные документы Агинской Степной думы / Б. В. Базаров, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Н. Н. Крадин. – Иркутск: Оттиск, 2018. – 368 с.

Жалсанова Б. Ц. История Баргузинской Степной думы в документах Баргузинской Степной думы (1824–1903) / Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2012. – 352 с.

Жалсанова Б. Ц. История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.) / Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 352 с.

Жалсанова Б. Ц. История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.) / Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 592 с.

Жалсанова Б. Ц. История Балаганской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1819–1888 гг.) / Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас, Д. З. Жамбалов; науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2023. – 784 с.

История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова; науч. ред. Л. В. Курас. – Улан-Удэ: Новапринт, 2010. – 248 с.

История Ольхонской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия / сост.: Б. Ц. Жалсанова, О. И. Прокопьева, А. Т. Дадаева. – Улан-Удэ: Новапринт, 2010. – 120 с.

References

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI): Sobr. I. T. 38. № 29126. –SPb., 1830. – S. 401.

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. 12, op. 1, d. 2, 5, 15, 18, 19, 20, 21, 26, 51, 98, 111, 131, 160, 174, 230, 239, 280, 293, 318, 336, 338, 400, 400, 421, 422, 427, 429, 437, 447, 459, 490, 537, 557, 557, 562, 572, 602, 636, 682, 716, 738, 796, 810, 814, 822, 832, 840, 908, 921, 921, 969, 993, 995; f. 195, op. 1, d. 261.

Bazarov B. V. Istoriya Aginskoj Stepnoj dумы v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1839–1904 gg.). Ch. I. Formulyarnye i poslužnye spiski dolžnostnyh lic Aginskoj Stepnoj dумы / B. V. Bazarov, B. C. Zhalsanova, L. V. Kuras; nauch. red. N. N. Kradin. – Irkutsk: Ottisk, 2017. – 676 s.

Bazarov B. V. Istoriya Aginskoj Stepnoj dумы v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1839–1904 gg.). Ch. II. Deloproizvodstvennye dokumenty Aginskoj Stepnoj dумы / B. V. Bazarov, B. C. Zhalsanova, L. V. Kuras; nauch. red. N. N. Kradin. – Irkutsk: Ottisk, 2019. – 368 s.

Bazarov B. V. Istoriya Aginskoj Stepnoj dумы v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1839–1904 gg.). Ch. III. Deloproizvodstvennye dokumenty Aginskoj Stepnoj dумы / B. V. Bazarov, B. C. Zhalsanova, L. V. Kuras; nauch. red. N. N. Kradin. – Irkutsk: Ottisk, 2018. – 368 s.

Zhalsanova B. C. Istoriya Barguzinskoj Stepnoj dумы v dokumentah Barguzinskoj Stepnoj dумы (1824–1903) / B. C. Zhalsanova, L. V. Kuras; nauch. red. B. V. Bazarov. – Irkutsk: Ottisk, 2012. – 352 s.

Zhalsanova B. C. Istoriya Alarskoj Stepnoj dумы v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1824–1889 gg.) / B. C. Zhalsanova, L. V. Kuras; nauch. red. B. V. Bazarov. – Irkutsk: Ottisk, 2015. – 352 s.

Zhalsanova B. C. Istoriya Horinskoj Stepnoj dумы v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1825–1904 gg.) / B. C. Zhalsanova, L. V. Kuras; nauch. red. B. V. Bazarov. – Irkutsk: Ottisk, 2016. – 592 s.

Zhalsanova B. C. Istoriya Balaganskoj Stepnoj dумы v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1819–1888 gg.) / B. C. Zhalsanova, L. V. Kuras, D. Z. Zhambalov; nauch. red. B. V. Bazarov. – Irkutsk: Ottisk, 2023. – 784 s.

Istoriya Kudarinskoj Stepnoj dумы v dokumentah Nacional'nogo arhiva Respubliki Buryatiya / avt.-sost. B. C. Zhalsanova; nauch. red. L. V. Kuras. – Ulan-Ude: Novaprint, 2010. – 248 s.

Istoriya Ol'honskoj Stepnoj dумы v dokumentah Nacional'nogo arhiva Respubliki Buryatiya / sost.: B. C. Zhalsanova, O. I. Prokop'eva, A. T. Dadaeva. – Ulan-Ude: Novaprint, 2010. – 120 s.

УДК 398 (571.54)

ББК 82(2P54)

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-86-93

Б. С. Дугаров

МАНШУД ИМЕГЕНОВ

(к 175-летию выдающегося бурятского сказителя)

Рассматриваются биография и особенности творчества выдающегося сказителя Маншуда Имегенова (1849–1909), исполнившего архаичную самобытную версию Гэсэриады, ставшую в записи Ц. Жамцарано классической текстологической основой бурятского гэсэроведения. Особое внимание уделяется анализу эпического текста, его оригинальных составных частей, определяющих уникальность улигера, содержащего стадиально ранние мотивы и образы, обращенные к мифологическим истокам.

Ключевые слова: эпос, тэнгристская мифология, сказительская традиция, Гэсэриада, устно-поэтическое творчество, культурное наследие.

B. S. Dugarov

MANSHUD IMEGENOV

(on the 175th anniversary of the outstanding buryat storyteller)

The article examines the biography and creative features of the outstanding storyteller Manshud Imegenov (1849–1909), who performed an archaic original version of Geseriada, which became the classical textual basis of Buryat Geseriada studies in the recording of Ts. Zhamtsarano. Particular attention is paid to the analysis of the epic text, its most original components, determining the uniqueness of the uliger, containing stage-early motifs and images addressed to mythological sources.

Keywords: epic, Tengrist mythology, storytelling tradition, Geseriada, oral poetry, cultural heritage.

В глубине веков зародилось героическое сказание о Гэсэре, посланнике неба, ставшем сыном земли, защитником человеческого рода, залогом его процветания и благоденствия. Это произведение народного духа и традиционной культуры бурят-монголов дошло до нашего времени благодаря талантливым сказителям – гэсэршинам, передававшим его из уст в уста в течение многих поколений. Их духовный наследник – Маншуд Имегенов (1849–1909), чей сказительский дар выдвинул его в число выдающихся рапсодов XX в.

Он родился в улусе Кукунут (бывшее Кудинское ведомство Иркутской губернии) в семье потомственного улигершина из рода ашабагат, на земле, где испокон веков чтили обычаи и традиции предков. Его родители питали живой интерес к родному фольклору, к старинным преданиям и улигерам, что сказалось на их восприимчивом сыне, впервые из уст отца и матери услышавшем имя Гэсэра.

По свидетельству земляков, Маншуд Имегенов был признанным знатоком устного народного творчества, особенно героических сказаний. Он выделялся среди местных улигершинов своими знаниями и исключительной памятью, мог исполнять крупные улигеры по 8–10 тыс. стихотворных строк, и каждый раз без пропусков эпизодов и изменения содержания. Важно было и то, что тогда у бурят сохранялась требуемая для исполнения улигера «известная возбуждающая среда», под которой подразумевались слушатели, знавшие содержание эпических поэм. Они ревниво оберегали последовательность и полноту передачи эпизодов улигера. Поэтому, отдавая должное сказительскому искусству, выше всего они ценили память улигершина, на которой незыблемо держалась на волнах тысячелетий устно-поэтическая традиция.

ДУГАРОВ Баир Сономович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: khaikhan@mail.ru.

Так сложились обстоятельства, что бурятского сказителя первым открыл для ученого мира американский путешественник, этнограф, лингвист и полиглот Дж. Куртин – автор многочисленных публикаций по мифологии и фольклору североамериканских индейцев, ирландцев, славян, венгров и других этносов, что свидетельствовало о широте его научного кругозора. Вместе с тем он питал большой интерес к истории монголов, что составляет особую страницу в биографии ученого. После окончания Гарвардского университета молодому Дж. Куртину представилась возможность поработать в должности секретаря посольства США в Санкт-Петербурге с 1864 по 1870 г. В этот период своей жизни он увлекся эпохой татаро-монгольского ига в России, а затем историей и самих монголов, о которых им была написана монография.

Многолетнее увлечение феноменом знаменитых кочевников, создавших в свое время огромную империю, побудило уже немолодого Дж. Куртина (в 1900 г. ему было 65 лет) отправиться в далекое и трудное путешествие к истокам исторической прародины монголов, к пределам «той части Сибири, откуда берет свое начало род Чингисхана» [Куртин 1971: 3]. Выбор его остановился на Прибайкалье, так как, по его мнению, «буряты, живущие к западу от Байкала, и те буряты, населяющие священный остров Ольхон, – это единственные монголы, которые сохранили свою собственную родоплеменную религию, архаические верования и философию. Поэтому они представляют большой интерес для науки» [Там же: 1]. Таким образом, американский путешественник при поездке в Восточную Сибирь руководствовался стремлением узнать больше о древней культуре монголов, которая могла сохраниться среди бурят в наиболее чистой и первозданной форме.

Это перекликается с мнением Ц. Жамцарано, который отмечал, что с утратой монголами своей государственности и их попыткой интеграции под началом буддийского вероучения Прибайкалье превратилось в своеобразную цитадель старозаветных традиций, проникнутых тэнгристским духом. Согласно записям Ц. Жамцарано, народная старина, в особенности эпос и шаманская поэзия, удержалась в первую очередь благодаря приверженности коренного населения вере отцов и неиссякаемой преемственности устной традиции [1918: 13–14]. В среде же бурятских улигершинов особенно ценились те, кто знал доподлинно тэнгристскую мифологию, пантеон божеств и связанные с ними священные тексты [Балдаев 1961: 36].

Почти двухмесячное пребывание Дж. Куртина среди усть-ордынских бурят оказалось плодотворным, о чем свидетельствуют полевые записи, основную часть которых составляют архаические мифы, связанные с бурят-монгольским тэнгризмом, и фольклорные произведения. Следует отметить, что Куртин обрел толкового помощника – переводчика В. А. Михайлова (1882–1925), в ту пору учащегося Иркутской классической гимназии, но уже зарекомендовавшего себя знатоком бурятской старины. Впоследствии он оставил свой след в бурятоведении как автор уникального труда «Религиозная мифология» (Улан-Удэ, 1996). Не будет преувеличением сказать, что американский путешественник во многом обязан ему интересными этнографическими и фольклорными материалами, собранными с его помощью у бурят.

Центральное место в фольклорном собрании Дж. Куртина занимает эпос о Гэсэре, записанный от Маншуда Имегенова. Кроме того, Куртин обнаружил его единственную прижизненную фотографию. Описания поисков Маншуда – «мудреца с древними знаниями» и встречи с ним представляют увлекательную страницу в путевых записях. Ученому удалось «обнаружить» сказителя в его родном селении Кукуните и привезти в Усть-Орду, где с 7 по 10 сентября тот пробыл с ним. Это был наиболее значительный и продуктивный период за время пребывания среди бурят, так как ученому удалось записать от М. Имегенова, помимо эпопеи о Гэсэре, еще несколько крупных улигеров. Надо отдать должное Дж. Куртину как первооткрывателю бурятской мифологии и эпопеи на Западе, впервые познакомившему англоязычный мир с Гэсэриадой монгольских народов в ее архаичной эхирит-булагатской версии.

Полноценным достоянием монголоведческой науки в России эпопея о Гэсэре стала благодаря записям и публикации Ц. Жамцарано. В 1906 г. он посетил Усть-Орду и за-

писал от М. Имегенова в научной транскрипции на бурятском языке наиболее полный текст эпоса «Абай Гэсэр-хубун», а также его продолжение – улигеры о сыновьях героя Ошор Богдо и Хурин Алтае. Эти записи, ставшие классической текстологической основой бурятского гэсэроведения, были опубликованы в первых двух выпусках второго тома академической серии «Образцов народной словесности монгольских племен» (1930–1931) под редакцией академика Б. Я. Владимирцова, назвавшего эпическую трилогию М. Имегенова «колоссальной бурятской эпопеей, далеко превосходящей размером “Илиаду”» [1923: 16].

Безусловно, Маншуд Имегенов был чутким исполнителем, зрелым мастером, сумевшим воспроизвести самобытное эхирит-булагатское эпосопение не в привычной обстановке в кругу слушателей-одноулусников, а специально для приезжего ученого, записывавшего каждое его слово. Как отмечает Ц. Жамцарано: «Начал запись Гэсэра из уст рапсода Маншуда. День и ночь продолжаем запись поэмы. В глубокую полночь звучно раздается пение Маншуда. Мы с ним неутомимы и удивляемся своей усидчивости...» [2001: 339]. В течение семи дней и ночей сказитель пропел 22074 стиха, сохранив оригинальность сюжета, живописность образов и богатство улигерного языка, а также «обрамляющие» призывные и прощальные вставные песни, традиционно исполняемые слушателям [Бурчина 2004: 271].

Маншуд Имегенов строго придерживался старых традиций. Он хорошо знал нравы и обычаи своих предков. Певцу-сказителю подстилали белый войлок, чтобы сказитель правдиво распевал улигер, сохраняя первоизданную, древнюю ее чистоту. М. Имегенов обычно распевал свои улигеры полулежа на белом войлоке. Слушатели поддерживали исполнителя, славили хором героя. Рядом с певцом стояла чашка воды. Он обращался к ней только после окончания эпизода, перед началом повествования о следующем походе героя [Уланов 1991: 16–17].

Есть еще одна примечательная деталь в исполнительской манере сказителя. Перед началом он обязательно произносил призывание, после которого, как будто войдя в экстаз, начинал распевать улигер. Пение улигера начинал с особых звуков, выразивших вдохновение певца: «Эһэ – һээ!..» [Шаракшинова 1991: 12–13]. Сам он не принадлежал к шаманскому роду, но, по воспоминаниям его родственников и земляков, хорошо знал сакральные призывания и исполнял некоторые родовые обряды. «Иначе как он мог бы поведать о тэнгриях и бурханах в своих улигерах», – рассказывала мне Г. Х. Айхаева – племянница сказителя во время моего посещения в 2000 г. селения Кукунут – родины М. Имегенова. А о его феноменальных сказительских способностях она выразилась следующим образом: «Саанаһаа хэлүүлдэг байгаа – Значит, что-то в нем было необыкновенное, сверху ему наговаривалось». Это замечание представляется, на наш взгляд, весьма существенным. То же самое говорят о шаманах во время их камлания, исполнения священного текста – призывания. Здесь мы видим, что так называемый мифолого-магический комплекс, распространяемый на личность сказителя в сибирско-центральноазиатской традиции, напрямую касается и М. Имегенова. По мнению ряда ученых, чем архаичнее культура, тем органичнее выступает слитность жреца/шамана и сказителя [Путилов 1997: 58–65], между которыми существовала первоначальная связь, в одном лице совмещались две профессии. Факты свидетельствуют, что данная функциональная совмещаемость характерна для бурятского эпического сказительства. В контексте высшего сказанного становится очевидным избранничество Маншуда Имегенова как певца «Гэсэра» – улигера, имеющего «божественное происхождение» и исполнение которого в прежние времена носило, по всей вероятности, культовый характер. Именно последнее обстоятельство, обусловленное ураническим фактором, игравшим важнейшую роль в идеологии и этнокультурной традиции тюрко-монгольских племен Великой Степи и придающим семантическую знаковость Гэсэриаде как таковой, рельефно представлено в монументальной эпопее Маншуда Имегенова. В ней фигурируют в качестве небесных покровителей героя ведущие божества бурят-монгольского тэнгриистского пантеона, в котором выделяется, как наиболее деятельный и экспрессивный, бог-громовец Хухэдэй Мэргэн тэнгри. Его отличительной особенностью является то, что он неред-

ко выступает в ипостаси эпического героя, уничтожающего Зло на земле, и он правомерно считается по своей функциональной сути предтечей Гэсэра в бурятской улигерной традиции [Уланов 1957: 78–79; Танака 1964: 531; Жамцарано 1918: 19–20]. Судя по всему, именно Хухэдэй Мэргэн закодирован под именем Гэсэра в эхирит-булагатской версии Гэсэриады [Дугаров 2005: 6–33], где говорится, что он является подлинным родителем Гэсэра [Абай Гэсэр-хубун 1961: 153].

Таким образом, в этом архетипическом образе бурятского бога-громовника присутствует демоноборческий мотив, реализуемый на эпическом уровне в сказании о герое небесного происхождения. Древний эпос демонстрирует свою связь с мифом, так как «именно в мифе главный герой – всегда бог, либо (и это для нас не менее важно) полубог, сын бога» [Гринцер 1971: 159].

По своему содержанию эхирит-булагатский улигер «Абай Гэсэр-хубун» М. Имегенова имеет репутацию «совершенно самостоятельной» версии (Ц. Дамдинсурэн), почти целиком состоящей из бурятских фольклорных мотивов и образов, причем стадияльно ранних. В такой оценке сходятся мнения фактически всех ученых, занимающихся изучением бурятского и монгольского эпосов. Действительно, многие мифологические образы исполнены глубокой архаикой. Мифы о небожителях, которыми особенно насыщен эхирит-булагатский улигер, отличаются многослойностью, представляющей причудливое отражение многовекового пути эволюции мифологических представлений предков бурят. Сакрализованная информация пронизывает теонимию персонажного ряда действующих в эпосе богов, небесную и земную топографию, символику обрядовых действий, совершаемых эпическими героями и имевших в древности, по всей вероятности, сугубо магический характер.

Об архаичной древности улигера «Абай Гэсэр-хубун» свидетельствует как само его содержание, в котором достаточно ярко отражены пережиточные элементы матриархальной и патриархальной идеологий, сопряженные с трактовкой образов главных героев, так и основная идея произведения – борьба с чудовищами, олицетворяющими злые силы природы и представляющими угрозу для жизни людей [Уланов 1957: 116]. В данном случае речь идет прежде всего о мангадхаях – могучих антиподах героя, чьи зооантропоморфные образы содержат реминисценции теологического происхождения, восходящие к «мифологической эпохе» и обнаруживающие параллели в древних культурах евразийского круга. Таким, например, предстает патриарх мангадхаев – монстр о пятистах головах, увенчанных пятьюдесятью рогами-жердями. Он представляет собой выразительный типаж в галерее фантастических образов Гэсэриады, вобравших в себя разностадияльные мифологические и культовые представления.

Начиная с небесного пролога, красной нитью проходит через весь сюжетный корпус эпопеи мотив извечного противоборства Добра и Зла, светлого и темного начал. Гэсэр низвергает Атай Улан-тэнгрия – главу восточных небожителей на землю, который, распространяя вонь и смрад, превращается в чудовищные, враждебные людскому роду-племени существа. Это многоголовые и многорогие мангадхай, их союзницы – коварные мангадхайки-колдуньи и злодейки, наводящие своим видом ужас. Но чем более страшен и грозен их облик, тем ярче проявляется мощь и сила героя, борющегося со злом и искореняющего его. Недобитых противников Гэсэр заточает на веки вечные в глубокое подземелье-преисподнюю.

Помимо непримиримой борьбы с демонами-мангадхаями, составляющей доминирующий пафос в деяниях эпического героя, ратоборческий образ Гэсэра раскрывается и в главе о сражении с могущественным, обладающим магическими чарами Галхан Нурман-ханом (Хан Огненной Лавы), которого он побеждает с помощью небесного брата Дашин Шохора. Но для полной победы над противником Гэсэр уничтожает его сына – железного младенца, еще более грозного врага, которому не хватило немного времени, чтобы стать непобедимым. Эта глава, имеющая развернутую композицию с завязкой, развитием действия и кульминацией, по всей видимости, первоначально являлась самостоятельным эпическим нарративом, позднее присоединенным к циклизации схваток Гэсэра с мангадхаями.

Такой же цельный, завершённый характер, как и глава о сражении Гэсэра с Галхан Нурман-ханом, имеет повествование о Гагурай Ногон. Гэсэр узнает о ней как о своей небесной суженой в священной книге, будучи женатым на земной женщине Санхан Гохон. Завязка этой сюжетной линии начинается с описания «шаманского» путешествия Гэсэра на небе, где он находит свою невесту, дочь восточного тэнгриа-небожителя Галта Улана. Но последний питает неприязнь к герою, причина которой кроется в клановой оппозиции западных и восточных небожителей. Как показывает дальнейший ход событий, Гагурай Ногон, став женой Гэсэра, остается верна клановым интересам своего отца и уходит к Иобсоголдой мангадхэю. Ради этого она обманым путем превращает героя в коня, на котором ее муж мангадхэи пашет землю.

Гагурай Ногон проявляет себя как подлинная представительница восточных тэнгриев и последовательная сторонница мангадхэев. Неслучайно Гэсэр видит в ней не столько жену, изменившую мужу, а достойного и опасного противника, с которым он расправляется самым суровым образом. Этот «улигер в улигере», обладающий небесным прологом, где латентно обозначенные коллизии получают разрешение на земле, является оригинальной частью эхирит-булагатской версии Гэсэриады. А противоречивый образ самой героини относится к числу наиболее емких женских образов бурятского эпоса.

В эпопее о Гэсэре, отражающей идеологию родового общества и сохранившей во многих эпизодах матриархальные элементы, выделяется необычный сюжет, продиктованный мотивом борьбы за власть и содержащий определенные исторические реминисценции, связанные с хуннской эпохой. Это глава об Аксагалдае, старшем баторе (богатыре) гэсэровой дружины. Он становится инициатором заговора против Гэсэра, вступив в тайное соглашение со 108-головым мангадхэем Зудаг Шара. По его наущению Аксагалдаю удается склонить на свою сторону богатырей-дружинников, и они, по требованию того же мангадхэя, портят вооружение Гэсэра, что расценивается им как крайняя степень проявления предательства [Дугаров 2023: 15].

Но герой с честью выходит из обрушившихся на него испытаний. Небесные боги-покровители спускают ему необходимое оружие, Гэсэр в беспощадной схватке побеждает 108-голового мангадхэя, сжигает его труп и развеивает прах по ветру осиновой лопатой. Затем он созывает своих богатырей и воинов, производит дознание и суд. Аксагалдай подвергается жестокой казни: воины-дружинники по очереди стреляют в него, а под конец его добивает меткой стрелой самый младший из 32 богатырей. Вся драматическая история с ее мотивом борьбы за власть, изложенная в главе об Аксагалдае, напоминает легенду о воцарении хуннского вождя Модэ (234–174 до н. э.). Относительно этой легенды академик Н. Н. Крадин пишет, что она является лапидарной письменной фиксацией (столетие спустя) китайским хронистом Сыма Цянем бытовавшего в устной форме среди хуннских сказителей популярного, схожего с эпическим нарративом, сюжета о знаменитом основателе империи Хунну [2001: 51–53]. Действительно, в данном случае мы видим редкий образчик сказовой традиции, сохранивший следы хуннского повествовательного фольклора и нашедшего своеобразное отражение в эпическом конфликте Гэсэра со старшим дружинником [Дугаров 2023: 11–12].

В пользу правомерности данного предположения свидетельствует бытование у бурят-эхиритов относящегося к «воинскому» циклу сказания «Нарин хузуун Гулдэмэй», которое также характеризуется мотивом борьбы за власть и престолонаследие. Более того, в нем сохранилось название хуннского титула *шаньюй* в качестве почетного прозвища одноименного героя. Примечательно, что данный эпический персонаж – Нарин хузуун Гулдэмэй, или Нашан хубүүн *шаньюдай*, упоминается в эхирит-булагатской версии Гэсэриады в качестве побратима Гэсэра [Абай Гэсэр-хубун 1961: 166].

Оба эти сказания – глава об Аксагалдае и «Нарин хузуун Гулдэмэй» в совокупности указывают на феномен устной традиции как источник и хранилище исторической памяти. Они, бытуя на периферии Великой Степи в условиях горно-таежного Прибайкалья, способствовавших длительной архаизации эпического фольклора, сумели сохранить уникальный отголосок хуннских времен.

В связи с этим небезынтересно привести мнение Маншуда Имегенова относительно героического эпоса. Он считал, что улигер о Гэсэре – начало всем сказаниям. Согласно его убеждению, «... история Гэсэра не такая красивая, как некоторые былины, но она является величайшей из всех и истинной» (цит. по: [Куртин 1909: 122, 147]). Его мнение дополняет сказитель С. Шанаршеев, полагавший, что улигер есть «үнэн», т. е. «правда, истина», и, в отличие от онтохон – сказки, в которой много вымышленного, придуманного, в основе улигера лежит действительное происшествие или событие, имевшее место в истории бурят. Улигершин «глубоко верит великим делам героев и богатырей прошлого», о которых повествуется в улигерах [Государственный литературный музей. Ф. 3. Д. 1. Л. 79–80]. Очевидно, подобное отношение к своему героическому эпосу у бурят покоилось на представлении о его сакральности, благодаря чему «эпическая традиция была устойчивой и стабильной во времени» [Кузьмина 2019: 18].

Сказительское наследие Маншуда Имегенова, представленное эпической трилогией о Гэсэре и его двух сыновьях Ошор Богдо и Хурин Алтае, а также еще двумя крупными улигерами «Еренсей» и «Бүхү Хара хубүүн» в записи Цыбена Жамцарано составляют ядро золотого фонда бурятского фольклора. Недаром, оценивая по достоинству улигерное творчество бурятского улигершина, венгерский ученый, исследователь эпоса монгольских народов Л. Леринц возводит его в ряд сказителей мирового уровня: «Маншуд Имегенов есть Гомер бурятского героического эпоса» [Lörincz 1983: 245].

Весь XX в. для бурятского гэсэроведения прошел под знаком Маншуда Имегенова, начиная с приезда в 1900 г. на родину сказителя американского этнографа Дж. Куртина, первым познакомившего мир с творчеством эхирит-булагатского рапсода. Судьбоносным для певца Гэсэриады оказался приезд в 1906 г. Ц. Жамцарано, открывшего путь его сказаниям в большую науку благодаря безукоризненным записям и их публикациям в академических изданиях.

Тексты улигеров М. Имегенова в записи Ц. Жамцарано впервые переведены на русский язык М. П. Хомоновым и изданы в Улан-Удэ в 1961 и 1964 гг. с соответствующими примечаниями и комментариями. В 1969 г. в Иркутске опубликован другой перевод на русский язык имегеновского «Абай Гэсэр-хубун» – Н. О. Шаракшиновой. В 1995 г. в Москве в серии «Эпос народов Евразии» увидело свет двуязычное издание эпоса под названием «Абай Гэсэр Могучий». Перевод А. Б. Соктоева, комментарии Д. А. Бурчиной, А. Б. Соктоева, исследовательские статьи М. И. Тулохонова, Д. С. Дугарова являются новым научным осмыслением эпического памятника в его целостности и художественной неповторимости с позиций современного эпосоведения. В 1989 г. исследователь из Китая М. Сойжирмаа перевела «Абай Гэсэр-хубун» на монгольский язык и опубликовала его в Пекине в двух томах на старомонгольском алфавите.

Таким образом, сказание о Гэсэре в передаче М. Имегенова, выдержавшее несколько приоритетных изданий, свидетельствует о пристальном внимании к нему со стороны эпосоведов, как российских, так и зарубежных. Такое отношение к эхирит-булагатской версии Гэсэриады вполне правомерно. Как отмечает А. И. Уланов, улигер М. Имегенова занимает в эпическом творчестве бурят самое заметное место, и вряд ли мировой эпос знает столь архаичный и интересный для науки образец [Абай Гэсэр-хубун 1961: 6]. Неслучайно именно этот улигер лег в основу обоснования идеи о праздновании 1000-летия эпоса «Гэсэр», ставшем ярким событием в культурной жизни Байкальского региона на исходе XX в.

Прошлое и настоящее, особенно XXI в. с его признаками тотальной глобализации, убеждают нас в том, что бурятская Гэсэриада, вобравшая в себя целый мир традиционных, во многом сакральных, непреходящих ценностей, имеет субстанциональное значение для идентификации национальных основ духовного наследия бурятского народа. В этом контексте важная роль принадлежит эхирит-булагатской эпопее о Гэсэре, ставшей своего рода визитной карточкой бурятского героического эпоса и обессмертившей имя своего Сказителя – Маншуда Имегенова.

Источник и литература

Государственный литературный музей. Фольклорный архив (Багинов К. В. Бурятский фольклор): ф. 3, д. 1.

Абай Гэсэр-хубун. Эпопея (эхирит-булагатский вариант): в 2 ч. Ч. 1. Сказитель М. Имененов / зап. Ц. Жамцарано; подг. текста, пер. и прим. М. П. Хомонова. – Улан-Удэ, 1961. – 231 с.

Балдаев С. П. Избранное / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. – 255 с.

Бурчина Д. А. Героический эпос / Д. А. Бурчина // Буряты. – М.: Наука, 2004. – С. 267–294.

Гринцер П. А. Эпос древнего мира / П. А. Гринцер // Типология и взаимосвязи литературы древнего мира. – М., 1971. – С. 134–205.

Дугаров Б. С. Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств / Б. С. Дугаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 295 с.

Дугаров Б. С. Хунское эхо в бурятском эпосе / Б. С. Дугаров // Традиционная культура. – 2023. – Т. 24. – № 2. – С. 11–21.

Жамцарано Ц. Ж. Введение собирателя / Ц. Ж. Жамцарано // Произведения народной словесности бурят. – Пг., 1918. – С. 11–34.

Жамцарано Ц. Путевые дневники: 1903–1907 гг. / Ц. Жамцарано – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 382 с.

Крадин Н. Н. Империя Хунну / Н. Н. Крадин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2001. – 312 с.

Кузьмина Е. Н. Отражение архетипических моделей в «loci communes» героических сказаний народов Сибири / Е. Н. Кузьмина // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 18–25.

Путилов Б. Н. Эпическое сказительство. Типология и этническая специфика / Б. Н. Путилов. – М.: Вост. лит-ра, 1997. – 234 с.

Уланов А. И. К характеристике героического эпоса бурят / А. И. Уланов. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1957. – 172 с.

Уланов А. И. Бессмертие таланта / А. И. Уланов // Гэсэриада: прошлое и настоящее. – Улан-Удэ, 1991. – С. 15–17.

Шаракишинова Н. О. Певцы улигеров / Н. О. Шаракишинова / Гэсэриада: прошлое и настоящее. – Улан-Удэ, 1991. – С. 9–14.

Curtin J. A Journey in Southern Siberia. The Mongols, their Religion and their Myths / J. Curtin. – New York, 1971. – 319 p.

Kara G. Chants d'un barde mongol / G. Kara. – Budapest: Akademiai Kiado, 1970 (Bibliotheca orientalis hungarica. T. XII). – 351 p.

Lörincz L. Natur und Gebrauchsgegenstände als übernatürliche Elemente in den Heldenliedern von Mansut Emegenov / L. Lörincz // Documenta Barbarorum: Festschrift für Walther Heisig zum 70. Geburtstag 1983. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1983. – S. 245–252.

Танака К. Бурят косё Гэсэр моногатари-ни араварета футацуно бунка со / К. Танака // Миндзокугаку кэнкю. – 1964. – Т. 29. – № 3. – С. 272–282.

References

Gosudarstvennyj literaturnyj muzej. Fol'klornyj arhiv (Baginov K. V. Buryatskij fol'klor): f. 3, d. 1.

Abaj Geser-hubun. Epopeya (ekhirit-bulagatskij variant): v 2 ch. Ch. 1. Skazitel' M. Imegenov / zap. S. Zhamcarano; podg. teksta, per. i prim. M. P. Homonova. – Ulan-Ude, 1961. – 231 s.

Baldaev S. P. Izbrannoe / S. P. Baldaev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1961. – 255 s.

Burchina D. A. Geroicheskiy epos / D. A. Burchina // Buryaty. – M.: Nauka, 2004. – S. 267–294.

Grincer P. A. Epos drevnego mira / P. A. Grincer // Tipologiya i vzaimosvyazi literatur drevnego mira. – M., 1971. – S. 134–205.

Dugarov B. S. Buryatskaya Geseriada: nebesnyj prolog i mir epicheskikh bozhestv / B. S. Dugarov. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2005. – 295 s.

Dugarov B. S. Hunskoe ekho v buryatskom epose / B. S. Dugarov // Tradicionnaya kul'tura. – 2023. – Т. 24. – № 2. – С. 11–21.

Zhamcarano C. Zh. Vvedenie sobiratelya / C. Zh. Zhamcarano // Proizvedeniya narodnoj slovesnosti buryat. – Pg., 1918. – С. 11–34.

Zhamcarano C. Putevye dnevniki: 1903–1907 gg. / C. Zhamcarano – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2001. – 382 s.

Kradin N. N. Imperiya Hunnu / N. N. Kradin. – 2-e izd., pererab. i dop. – М.: Logos, 2001. – 312 s.

Kuz'mina E. N. Otrazhenie arhetipicheskikh modelej v «loci communes» geroicheskikh skazanii narodov Sibiri / E. N. Kuz'mina // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2019. – № 2. – С. 18–25.

Putilov B. N. Epicheskoe skazitel'stvo. Tipologiya i etnicheskaya specifika / B. N. Putilov. – М.: Vost. lit-ra, 1997. – 234 s.

Ulanov A. I. K karakteristike geroicheskogo eposa buryat / A. I. Ulanov. – Ulan-Ude: Bur-mongiz, 1957. – 172 s.

Ulanov A. I. Bessmertie talanta / A. I. Ulanov // Geseriada: proshloe i nastoyashchee. – Ulan-Ude, 1991. – С. 15–17.

Sharakshinova N. O. Pevcy uligerov / N. O. Sharakshinova // Geseriada: proshloe i nastoyashchee. – Ulan-Ude, 1991. – С. 9–14.

Curtin J. A Journey in Southern Siberia. The Mongols, their Religion and their Myths / J. Curtin. – New York, 1971. – 319 p.

Kara G. Chants d'un barde mongol / G. Kara. – Budapest: Akademiai Kiado, 1970 (Bibliotheca orientalis hungarica. T. XII). – 351 p.

Lörincz L. Natur und Gebrauchsgegenstände als übernatürliche Elemente in den Heldenliedern von Mansut Emegenov / L. Lörincz // Documenta Barbarorum: Festschrift für Walther Heisig zum 70. Geburtstag 1983. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1983. – С. 245–252.

Tanaka K. Buriyat kosyo Geser monogatari-ni aravareta futacuno bunka so / K. Tanaka // Mindzokugaku kenkyu. – 1964. – Т. 29. – № 3. – С. 272–282.

УДК 94
ББК 63.3
DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-94-100

А. Н. Романенко

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА РККА В ПОДГОТОВКЕ МАНЬЧЖУРСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Во время подготовки Маньчжурской наступательной операции военная разведка сыграла одну из ключевых ролей в противостоянии японским силам. Органы военной разведки собирали важную информацию о планах и действиях врага, осуществляли контрразведывательную деятельность и поддерживали сопротивление на оккупированных территориях, которые предстояло освободить. Разведчики вели тайные операции и добивались больших успехов в различных сферах, оставляя неизгладимый след в истории военного искусства и приближая общую победу над врагом. В рамках статьи подробно описано значение военной разведки в организации наступательной операции на территории внутренней Маньчжурии по разгрому Квантунской армии.

Ключевые слова: военная разведка, боевые действия, наступательная операция, Маньчжурия, боевая подготовка.

A. N. Romanenko

MILITARY INTELLIGENCE OF THE RED ARMY IN THE PREPARATION OF MANCHURIAN OFFENSIVE OPERATION

During the preparation of the Manchurian offensive operation, military intelligence played one of the key roles in confronting Japanese forces. Military intelligence agencies collected important information about the plans and actions of the enemy, carried out counterintelligence activities and supported the resistance in the occupied territories that were to be liberated. The intelligence officers conducted secret operations and achieved great success in various fields, leaving an indelible mark on the history of military art and bringing closer the overall victory over the enemy. This article describes in detail the importance of military intelligence in organizing an offensive operation in the territory of inner Manchuria to defeat the Kwantung Army.

Keywords: military intelligence, combat operations, offensive operation, Manchuria, combat training.

Маньчжурская наступательная операция стала одной из последних, но значимых битв Второй мировой войны. Анализируя потенциальные риски и возможные последствия, советские командиры понимали, что для успешной операции необходима детальная и достоверная информация о противнике.

В этот момент на сцену вышла военная разведка СССР, которая приступила к сбору информации о японской Квантунской армии и ее присутствии на территории Маньчжурии. Разведывательные группы, состоящие из профессиональных разведчиков и агентов, были отправлены в глубь оккупированных территорий с целью получения конфиденциальной информации о численности, вооружении, оборонительных позициях и планах японской армии.

Сотрудники военной разведки СССР преодолели множество трудностей, работая во враждебной среде, где каждая ошибка могла привести к опасному разоблачению. Однако благодаря своей профессиональной деловитости и тренировкам они смогли получить ценные сведения о противнике, которые были детально проанализированы и использованы для разработки оперативных планов.

Полученная информация оказалась ключевой в подготовке Маньчжурской наступательной операции, позволила советским командирам определить слабые места противника, выбрать оптимальные точки для концентрации сил и выбора маршрутов, а также разработать тактику, необходимую для успешного наступления. Недооценивать значение разведки в данном случае было бы крайне опасно, поскольку она – основа для всех последующих операций.

Особенно важна была информация о расположении и силе противника в конкретных районах. Советские разведчики смогли подробно изучить обстановку на поле боя, это дало возможность Красной армии достичь значительных успехов и захватить стратегически важные пункты.

Следует подчеркнуть, что военная разведка СССР сыграла центральную роль в подготовке Маньчжурской наступательной операции 1945 г. Благодаря информации, полученной разведкой, советским командирам удалось разработать эффективную тактику, сражаясь против высокопрофессиональной Квантунской армии. Этот опыт только подчеркивает важность разведки в военных операциях и демонстрирует ее решающий вклад в исход битвы.

Одной из ключевых организаций военной разведки был Народный комиссариат обороны СССР (НКО СССР) и его разведывательное управление – Главное разведывательное управление (ГРУ). ГРУ – специальный отдел Вооруженных сил СССР, ответственный за военные разведывательные операции. Орган играл важную роль в операциях против японских войск, обеспечивая советское командование ценной информацией о планах и действиях противника [ЦАМО. Ф. 129. Д. 17669. Л. 5].

Главная задача резидентур внешней разведки в Китае – не просмотреть нападение Японии на СССР – была успешно выполнена. Труд наших разведчиков в Китае был высоко оценен Родиной. А. С. Панюшкин был награжден орденом Ленина. Правительственных наград удостоились Л. М. Миклашевский, П. И. Куликов, В. А. Жунев, В. С. Смирнов, Ф. М. Щеглов и другие сотрудники резидентуры [Jowett 2004: 25].

Советская разведка оказывала важную поддержку партизанскому движению на территории Маньчжурии, способствуя ослаблению японской оккупации и созданию условий для освобождения захваченных территорий [ЦАМО. Ф. 129. Д. 17669. Л. 5, 8, 10]. Агенты ГРУ оказывали помощь партизанским отрядам, предоставляя им оружие, боеприпасы, продовольствие и медикаменты. Они организовывали сбросы материальных ценностей с помощью десанта или самолетов. Благодаря сотрудничеству советской разведки и партизанского движения был нанесен значительный урон японским войскам и созданы благоприятные условия для освобождения оккупированных территорий.

Контрразведка также была важной задачей советской разведки. Советская контрразведка (НКГБ) боролась против разведывательных и диверсионных групп противника, которые пытались проникнуть на территорию СССР. Она обнаруживала и ликвидировала шпионов, предателей и коллаборационистов. Благодаря усилиям советской контрразведки было предотвращено множество попыток нанести ущерб СССР и его военной мощи [Там же. Л. 5, 8, 10, 17].

Войска НКВД в период войны с милитаристской Японией выполняли ответственные задачи по охране советской границы, тыла 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, Дальневосточной и Приморской железных дорог, по конвоированию военнопленных. Охрана тыла действующей армии на Дальнем Востоке была организована по такому же принципу, что и на фронтах войны против немецких захватчиков, но имела ряд особенностей. Руководящими органами охраны тыла были оперативные группы на Забайкальском, 1-м и 2-м Дальневосточных фронтах, в подчинение которых выделялись внутренние и пограничные войска, а общее руководство осуществляла оперативная группа войск НКВД при главнокомандующем советскими войсками на Дальнем Востоке [Там же. Л. 20, 60–67].

Без усилий советской разведки победа над японским милитаризмом была бы значительно затруднена [Гуревич 2005: 112].

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для внешней разведки. В неимоверно сложных условиях, порой под бомбами, разведчики рисковали

жизнями для того, чтобы добыть важную разведывательную информацию, тем самым внесли свой вклад в победу нашего народа над самым опасным в истории человечества агрессором.

Важное место в ее деятельности во время подготовки Маньчжурской операции занимало выяснение подлинных планов союзников СССР по антигитлеровской коалиции, их позиции на совещаниях.

Военная разведка получила и своевременно направила в Центр документальные данные о намерениях союзников. Благодаря полученным разведчиками сведениям о сепаратных переговорах удалось сорвать планы отдельных главарей нацистского режима по внесению раскола в ряды антияпонской коалиции.

В ходе Маньчжурской наступательной операции мировые державы СССР и Япония столкнулись в жестком противоборстве, включая дуэль военных разведок. Эта операция оказалась ключевым моментом в истории Восточной Азии, ознаменовавшим начало тяжелых военных действий и глубоких геополитических перемещений в регионе [ЦАМО. Ф. 129. Д. 17669. Л. 5, 8, 10]. Советские и японские разведывательные агенты действовали в тылу противника, собирая информацию о его планах, действиях и ресурсах. Профессионализм и хитрость разведчиков обеих сторон вынуждали противника уделять особое внимание контрразведывательной деятельности.

Известно, что советские разведчики активно использовали различные методы сбора информации, включая агентурную работу, перехват радиосигналов и анализ открытых источников. Их усилия помогли предотвратить несколько попыток японских диверсий и обеспечить своим войскам преимущество в некоторых стратегических областях.

Однако японская контрразведка также была на высоком уровне, противостоя советским разведчикам и используя собственные методы сбора информации. Она активно применяла шпионаж, интерцепцию связи и шифрование, чтобы защитить свои операции от проникновения противника [Там же. Л. 77].

Профессор Хироши Като, эксперт по истории разведки в Японии, отмечает: «Маньчжурская операция стала примером дуэли военных разведок, где обе стороны проявили высокий уровень организации и технического мастерства. Хотя советская разведка была успешна в некоторых аспектах, японская контрразведка также продемонстрировала свою способность к противодействию и защите» (цит. по: [Sablin 2003: 24]).

Советский историк Александр Иванов, изучающий военные операции на Дальнем Востоке, добавляет: «Деятельность разведывательных служб во время Маньчжурской операции представляет собой уникальное явление в истории военной разведки. Обе стороны показали не только техническое мастерство, но и высокий уровень организации и адаптивности к переменным условиям боевых действий» [2010: 19].

Архивные документы свидетельствуют, что подготовка операции началась задолго до ее фактического начала в августе 1945 г. Важным источником информации для советской разведки стали как агентурные данные, так и перехваты радиопередач японской армии.

Одним из наиболее значимых аспектов работы военной разведки было использование агентурных сетей. По данным Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), в подготовке Манчжурской операции активно участвовали агентурные группы, которые действовали на территории Китая и Кореи. Эти группы поставляли сведения о дислокации японских войск, их численности и вооружении. Например, архивные данные показывают, что в феврале 1945 г. советская разведка получила информацию о создании японской Квантунской армией новых укрепленных районов на границе с СССР и Китаем. Эти данные позволили советскому командованию скорректировать планы и сосредоточить усилия на наиболее уязвимых участках фронта.

Не менее важным инструментом разведки были радиоперехваты и криптоанализ. Советские специалисты сумели взломать шифры, использовавшиеся япон-

скими военными, что позволило получать оперативную информацию о передвижениях и намерениях противника. В результате успешного радиоперехвата в апреле 1945 г. раскрыта информация о планах японского командования по перегруппировке сил на северо-востоке Китая. Это дало возможность советской стороне принять меры для предотвращения возможных контратак со стороны японцев.

Статистика подтверждает значимость разведывательной работы в подготовке Маньчжурской операции. По данным Генерального штаба Советской армии, на момент начала операции советские войска превосходили японские силы по численности более чем в два раза. Однако благодаря точной разведывательной информации советские командиры смогли не только эффективно использовать силы, но и минимизировать потери. Например, в ходе операции советские войска взяли в плен около 600 тыс. японских солдат и офицеров, уничтожив при этом свыше 80 тыс. военнослужащих противника. Это стало возможным благодаря точным данным о местах дислокации и численности японских частей, что позволило проводить наступательные операции с минимальными потерями для советских войск.

Еще один яркий пример успешной разведывательной работы – операция по захвату важного японского штаба в г. Харбин. В результате советские войска получили доступ к секретным документам, содержащим планы обороны и дислокации японских частей. Эти данные позволили советскому командованию скорректировать свои действия и ускорить продвижение войск.

Таким образом, в ходе Маньчжурской наступательной операции советская и японская разведки вступили в острую дуэль, которая стала одним из ключевых аспектов этого конфликта. Сравнение их деятельности представляет интересную картину профессионализма, тактики и использования технических средств. Советская разведка вела активную агентурную работу в тылу японских войск, устраивала перехват радиосигналов и организовывала шпионские сети в зоне боевых действий. Например, в ходе этих действий отмечены успешные операции советской контрразведки, предотвращавшие попытки японских диверсионных групп проникнуть на захваченные территории. Сотрудники японской армии были захвачены и разоблачены благодаря действиям советских контрразведчиков [ЦАМО. Ф. 129. Д. 17669. Л. 55–57].

С другой стороны, японская разведка также отличалась компетентностью. Она осуществляла активную разведывательную деятельность в районе передовой и в глубине территорий противника, используя широкий арсенал различных методов, включая шпионаж и перехват связи. Примером может служить случай, когда японские разведчики смогли выявить и устранить сеть агентов советской разведки, действовавших на территории, контролируемой Японией. Профессор С. Такаги отмечает: «Советская разведка в Маньчжурской операции была хорошо организована и использовала разнообразные методы для сбора информации. Однако японская контрразведка также успешно противостояла этим усилиям, предотвращая проникновение в свои ряды и нанося ответные удары» [Takagi 2005: 52]. Подтверждение этому мы находим в работах И. А. Гуревича: «Японская разведка продемонстрировала высокий уровень профессионализма и адаптивности к условиям боевых действий. Она активно использовала информационные и технические преимущества, чтобы сохранить конкурентоспособность в деле сбора информации» [2005: 87].

Таким образом, в ходе Маньчжурской операции советская и японская разведки вели активную и весьма эффективную деятельность, демонстрируя свой профессионализм и гибкость в адаптации к переменным условиям военных действий. Этот период истории подчеркнул важность разведывательной деятельности в современных конфликтах и ее решающее значение для формирования стратегии и тактики на поле боя.

Резюмируя значение военной разведки в подготовке наступательной операции в Маньчжурии, отметим следующие особенности:

Во-первых, военная разведка играет ключевую роль в подготовке любой военной операции, особенно в наступательных операциях. В данном случае значимость военной разведки в подготовке Маньчжурской наступательной операции была исключительна.

Во-вторых, оперативная информация, полученная разведкой, дала возможность командованию более точно спланировать и спрогнозировать действия противника. Благодаря разведке была установлена точная дислокация маньчжурских сил и ресурсов в регионе, что способствовало разработке эффективной стратегии наступления.

В-третьих, наличие оперативной разведки позволило осуществить качественную оценку сил и возможностей противника, определить наиболее рациональную тактику и стратегические приоритеты военной операции.

В-четвертых, информация, собранная разведкой, помогла получить представление о топографических особенностях местности, ключевых объектах и ресурсах, эффективно спланировать маршруты наступления и определить ключевые цели для захвата или уничтожения.

Таким образом, благодаря военной разведке командование имело доступ к информации о тактике противника, его вооружении и технике. Это позволило скорректировать действия и использовать наступательную операцию для достижения наилучшего эффекта. Военная разведка помогла подготовить командование и войска к возможным угрозам и неожиданностям, которые могли возникнуть в ходе операции. Благодаря разведке была обнаружена и ликвидирована группа саботажников, что могло серьезно навредить ходу операции.

В целом значение военной разведки в подготовке Маньчжурской наступательной операции заключается в ее способности предоставить оперативную информацию, необходимую для разработки стратегии, тактики, и минимизации рисков возможных угроз и сюрпризов.

Источник и литература

Центральный архив министерства обороны (ЦАМО): ф. 129, д. 17669.

Гуревич И. А. Разведка и контрразведка: история и современность / И. А. Гуревич. – М.: Эксмо, 2005. – 320 с.

Иванов А. С. Разведка и разведывательная деятельность в войнах XX века / А. С. Иванов. – СПб.: БХВ-Петербург, 2010. – 240 с.

Карпов В. П. История военной разведки / В. П. Карпов. – М.: Центрполиграф, 2018. – 400 с.

Лазарев В. И. Военная разведка: учебник / В. И. Лазарев. – М.: Юрайт, 2012. – 360 с.

Новожилов В. Ю. Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945) / В. Ю. Новожилов, Ю. А. Марценюк, А. А. Климов, А. С. Ченцов и др. – М., 2011. – 328 с.

Рашевский А. А. Роль внешней разведки в годы Великой Отечественной войны / А. А. Рашевский // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2010. – № 5. – С. 121–132.

Семенов С. Н. Разведка и разведывательная деятельность в условиях современной войны / С. Н. Семенов. – М.: Воениздат, 2015. – 280 с.

Фронты Советских Вооруженных Сил во время Великой Отечественной войны 1941–45 // Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 28. Франкфурт – Чага / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – С. 103.

Glantz D. M. The Soviet Strategic Offensive in Manchuria, 1945: “August Storm” / D. V. Glantz. – London: Routledge, 2005. – 320 p.

Harries M. Soldiers of the Sun: The Rise and Fall of the Imperial Japanese Army / M. Harries, S. Harries. – New York: Random House, 1994. – 400 p.

Jowett P. S. Rays of the Rising Sun: Armed Forces of Japan’s Asian Allies 1931–45. Vol 1. China & Manchukuo / P. S. Jowett. – Solihull: Helion & Company, 2004. – 256 p.

Sablin I. V. The Battle for Manchuria and the Fate of China: Siping, 1946 / I. V. Sablin. – London: Routledge, 2003. – 24 p.

Sandler S. World War II in the Pacific: An Encyclopedia / S. Sandler. – New York: Routledge, 2012. – 800 p.

Takagi S. The Military History of Manchuria / S. Takagi. – Tokyo: Yenbooks, 2005. – 352 p.

Alvin J. C. Clash of Titans: World War II at Sea / J. C. Alvin. – Annapolis: Naval Institute Press, 2011. – 400 p.

Bergerud E. M. Fire in the Sky: The Air War in the South Pacific / E. M. Bergerud. – Boulder: Westview Press, 1997. – 544 p.

Glantz D. M. Soviet Military Deception in the Second World War / D. M. Glantz. – London: Frank Cass Publishers, 2003. – 256 p.

Hara T. Japanese Destroyer Captain / T. Hara. – Annapolis: Naval Institute Press, 2011. – 240 p.

Liddell Hart B. H. Strategy: The Indirect Approach / B. H. Liddell Hart. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 448 p.

References

Central'nyj arhiv ministerstva oborony (CAMO): f. 129, d. 17669.

Gurevich I. A. Razvedka i kontrrazvedka: istoriya i sovremennost' / I. A. Gurevich. – M.: Eksmo, 2005. – 320 s.

Ivanov A. S. Razvedka i razvedyvatel'naya deyatel'nost' v vojnah XX veka / A. S. Ivanov. – SPb.: BHV-Peterburg, 2010. – 240 s.

Karpov V. P. Istoriya voennoj razvedki / V. P. Karpov. – M.: Centrpoligraf, 2018. – 400 s.

Lazarev V. I. Voennaya razvedka: uchebnik / V. I. Lazarev. – M.: Yurajt, 2012. – 360 s.

Novozhilov V. Yu. Vnutrennie vojska v Velikoj Otechestvennoj vojne (1941–1945) / V. Yu. Novozhilov, Yu. A. Marcenyuk, A. A. Klimov, A. S. Chencov i dr. – M., 2011. – 328 s.

Rashevskij A. A. Rol' vneshnej razvedki v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / A. A. Rashevskij // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. – 2010. – № 5. – S. 121–132.

Semenov S. N. Razvedka i razvedyvatel'naya deyatel'nost' v usloviyah sovremennoj vojny / S. N. Semenov. – M.: Voenizdat, 2015. – 280 s.

Fronty Sovetskikh Vooruzhyonnyh Sil vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–45 // Bol'shaya sovetskaya enciklopediya: v 30 t. T. 28. Frankfurt – Chaga / gl. red. A. M. Prohorov. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1978. – S. 103.

Glantz D. M. The Soviet Strategic Offensive in Manchuria, 1945: “August Storm” / D. V. Glantz. – London: Routledge, 2005. – 320 p.

Harries M. Soldiers of the Sun: The Rise and Fall of the Imperial Japanese Army / M. Harries, S. Harries. – New York: Random House, 1994. – 400 p.

Jowett P. S. Rays of the Rising Sun: Armed Forces of Japan's Asian Allies 1931–45. Vol 1. China & Manchukuo / P. S. Jowett. – Solihull: Helion & Company, 2004. – 256 p.

Sablin I. V. The Battle for Manchuria and the Fate of China: Siping, 1946 / I. V. Sablin. – London: Routledge, 2003. – 24 p.

Sandler S. World War II in the Pacific: An Encyclopedia / S. Sandler. – New York: Routledge, 2012. – 800 p.

Takagi S. The Military History of Manchuria / S. Takagi. – Tokyo: Yenbooks, 2005. – 352 p.

Alvin J. C. Clash of Titans: World War II at Sea / J. C. Alvin. – Annapolis: Naval Institute Press, 2011. – 400 p.

Bergerud E. M. Fire in the Sky: The Air War in the South Pacific / E. M. Bergerud. – Boulder: Westview Press, 1997. – 544 p.

Glantz D. M. Soviet Military Deception in the Second World War / D. M. Glantz. – London: Frank Cass Publishers, 2003. – 256 p.

Hara T. Japanese Destroyer Captain / T. Hara. – Annapolis: Naval Institute Press, 2011. – 240 p.

Liddell Hart B. H. Strategy: The Indirect Approach / B. H. Liddell Hart. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 448 p.

УДК 94 (510)
ББК 63.3 (5Кит)
DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-100-106

Б. Д. Цыбенов

УЧАСТИЕ ДАУРОВ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В КИТАЕ (осень 1945–1949 гг.)

Статья посвящена изучению даурских районов Цицикара, Бутхи и Синьцзяна в годы гражданской войны в Китае. Автор изучает причины и ход формирования даурских воинских подразделений осенью 1945 г., их вхождение в состав Народно-освободительной армии Китая и участие в борьбе с силами Гоминьдана.

Ключевые слова: Китай, гражданская война, дауры, кавалерия, КПК, Гоминьдан.

B. D. Tsybenov

PARTICIPATION OF THE DAURS IN THE CIVIL WAR IN CHINA (autumn 1945–1949)

The article is devoted to the study of the Daur regions of Qiqihar, Buteha and Xinjiang during the years of the civil war in China. The author studied the reasons and course of the formation of Daurian military units in the autumn of 1945, their inclusion in the People's Liberation Army of China and the fight against the Kuomintang forces.

Keywords: China, civil war, Daur, cavalry, Communist Party of China, Kuomintang.

Малоизвестной страницей истории Северо-Восточного Китая остается участие национальных меньшинств в гражданской войне. Она ознаменовала новый этап вооруженного противостояния дауров, в 20–40-х гг. XX в. боровшихся с китайскими милитаристами, полицией и армией Маньчжоу-Го, Квантунской армией. Осенью 1945 г. даурские формирования вступают в военные действия на стороне КПК [1].

Северо-Восточный Китай осенью 1945 г.

После разгрома советскими войсками Квантунской армии в августе 1945 г. началась новая эпоха в истории Северо-Восточного Китая, сразу же ознаменовавшаяся противостоянием КПК и Гоминьдана. Чан Кайши вел подготовку к крупной гражданской войне [Крутиков 2003: 63], при этом лично заверяя Мао Цзэдуна на переговорах в Чунцине (осень 1945 г.) о своем стремлении избежать конфликта любой ценой [Лю 2022: 264]. Два китайских лидера осознавали значение Северо-Восточного Китая, чья промышленность за 14 лет японской оккупации была наиболее развитой в стране. Промышленный потенциал этого региона мог реально помочь в восстановлении и развитии экономики Китая. С другой стороны, трудные времена переживала китайская деревня, разоренная японскими оккупантами. В целом исследователи единодушны во мнении о Китае этого периода как о бедной аграрной стране с феодальными и полуфеодальными отношениями в сельском хозяйстве, слаборазвитой промышленностью [Плотников 2016: 24; Фенби 2006: 639]. Для правящего режима Чан Кайши ситуация усугублялась гиперинфляцией, неспособностью решить аграрный вопрос, протестными движениями, ростом сил и влияния КПК в народных массах, обострением противоречий внутри Гоминьдана [Крутиков 2003: 93; Фенби 2006: 658]. Недовольство в высших кругах Дунбэя вызвало решение Чан Кайши о назначении выходцев из южных провинций на должности мэров городов, а также его категорический отказ освободить бывшего правителя Маньчжурии Чжан Сюэяна, чей брат был связан с КПК. Усиление гнета в деревне, непомерные налоги, принудительная сдача урожая, коррупция порождали негативные чувства у китайских крестьян по отношению к

правляющему режиму [Фенби 2006: 640, 644]. В этой обстановке в ряде мест Северо-Восточного Китая, в т. ч. и в даурских районах, стали появляться отряды самообороны в местностях, контролируемых КПК, формировались кавалерийские подразделения.

Цицикарская кавалерийская бригада

В октябре 1945 г. провинциальным комитетом КПК и военным округом провинции Нэнцзян было принято решение о создании в даурском селении Найманчен Цицикарского кавалерийского отряда (классич. монг. *Сiсiqar-un moritu čerig-ün уеке анги*) [Цыбенев 2019: 86]. Селение Найманчен находится на территории проживания одной из четырех основных этнотерриториальных групп дауров – цицикарских дауров. Словосочетание «*уеке анги*», дословно означающее «большую группу», мы предварительно переводим как «воинская часть» по аналогии с монгольским «*цэргийн анги*», а также как «отряд». Официальное постановление о создании воинской части издано несколько позже, 20 ноября 1945 г. [Маньдзуэрту 2007: 93]. Представителями военного округа провинции Нэнцзян были проверены и согласованы кандидатуры на руководящие должности в отряде. Командиром назначен Э Сюфэн, государственным представителем (вероятно, речь идет об особой должности представителя КПК в воинских подразделениях, имевшей место в изучаемый период. – *Б. Ц.*) стал Онон, комиссаром – Чжин Юйчжэн. При содействии кадровых работников КПК отряд получил несколько винтовок, патронов и порох. Это воинское формирование, по большей части состоявшее из дауров, за короткие сроки прошло обучение военному делу и было направлено для ликвидации местных гоминьдановских сил, известных как «гуанфуцзюнь». В середине ноября 1945 г., действуя согласно приказу военного округа провинции Нэнцзян, Цицикарский кавалерийский отряд разбил силы «гуанфуцзюнь» в районе Чжинсин, уничтожив и захватив в плен более 40 гоминьдановцев. В качестве трофеев отмечены более 30 винтовок, 2 легких пулемета, большое количество патронов, гранат, а также 50 лошадей [Даур... 1989: 261]. Слухи о победе даурских кавалеристов быстро распространились в народе, появились новые добровольцы, пожелавшие вступить в ряды военного формирования. Вскоре в составе Цицикарского кавалерийского отряда насчитывалось уже 350 чел. Таким образом, этот отряд превратился в одну из кавалерийских бригад военного округа провинции Нэнцзян. По мнению цицикарских краеведов, осенью 1945 г. был создан прообраз даурской национальной армии [Улисы 1989: 22–23]. С этого времени можно говорить о полноценной Цицикарской кавалерийской бригаде. В середине декабря 1945 г. первый эскадрон кавалерийской бригады успешно атаковал противника, взял в плен 10 чел., захватив 20 винтовок и 40 лошадей. В конце декабря 1945 г. кавбригада наступала на укрепленный район гоминьдановцев у селения Унурт. В плену у даурских кавалеристов оказались солдаты, дислоцировавшиеся в Янцзяню, а в числе трофеев – более 30 винтовок и обреза, 1 лошадь. В январе 1946 г. под объединенным командованием военного округа провинции Нэнцзян кавбригада приняла участие в ликвидации 6-й бригады гоминьдановских войск, располагавшихся в местностях Цзуцзянкан и Няньчжишан. В феврале 1946 г. Цицикарская кавалерийская бригада преобразована в 5-ю монгольскую бригаду самообороны. Один полк Цицикарской кавбригады был направлен на усиление 2-й бригады автономной армии Восточной Монголии. В составе армии полк участвовал в окружении 7-й бригады Гоминьдана в местностях Лисаньчжан и Мухучи [Даур... 1989: 262]. В конце апреля 1946 г. 5-я монгольская бригада самообороны и 2-я бригада автономной армии Восточной Монголии совместно с войсками демократического союза (*aradčilaysan qolboγatu čerig*; очевидно, речь идет о вооруженном формировании, подконтрольном КПК. – *Б. Ц.*) принимали участие в сражении за освобождение г. Цицикар. В мае 1946 г., согласно постановлению объединенного заседания автономистского движения Внутренней Монголии, был основан военный округ провинции Хинган. Командующим округом был назначен Асган, государственным представителем – Цзан Чже. 5-я монгольская бригада самообороны была переформирована

в 42-й полк 5-й кавалерийской дивизии Народной конной армии самообороны Внутренней Монголии. С июля 1946 г. по май 1947 г. в 5-й кавдивизии была усилена работа по подготовке кадров, на должности командиров отделений, взводов и рот назначались выпускники Цицикарского филиала Северо-Восточного военного института.

Кавалерийский отряд бутхаских дауров

В ноябре 1945 г. дауры района Бутха под руководством Амуржаба создали отряд самообороны, именуемый как «большой отряд кавалерии (селения) Алла» (классич. монг. *Alla moritu čerig-ün yeke анги*). По аналогии с военным формированием цицикарских дауров мы далее используем термин «отряд». Он был создан при содействии военного округа Нэньцзян и подокруга Нэхэ [Обозрение... 1988: 59], именовался также «большой монгольской бригадой» (монгол их бригад) [Цыбенев, Юй Шан 2017: 114]. Большинство кавалеристов отряда составили дауры селений Алла (Арала) и Шибартай и эвенки-охотники. В декабре 1945 г. Сурунжаб (вероятно, даур, служащий администрации провинции Нэньцзян. – *Б. Ц.*) по поручению особого уполномоченного, начальника отдела контроля над должностными лицами второй (вероятно, речь идет о власти, пришедшей вместо первой, изначальной администрации. – *Б. Ц.*) администрации провинции Нэньцзян Ван Вэня и начальника второго военного подокруга провинции Нэньцзян Цзинь Цзюна прибыл в селение Каядурбэн и установил связь с кавалерийским отрядом бутхаских дауров. Ван Вэнь и Цзинь Цзюнь написали Амуржабу и другим руководителям отряда письмо, в котором говорилось о необходимости освобождения г. Нирги от гоминьдановцев объединенными силами даурского отряда и сил КПК. Глубокой ночью 29 декабря 1945 г. кавалерийский отряд бутхаских дауров и подразделение КПК, прибывшее из городка Чагаян, встретились в западной части г. Нирги – районе Датяньшэ. Перед рассветом объединенные силы окружили с четырех сторон здание, где располагалось руководство гоминьдановского отряда. Последнее было пленено. Так был освобожден от сил Гоминьдана г. Нирги [Обозрение... 1988: 60]. Этот городок являлся стратегически важным местом – историческим центром дауров Бутха, а также узловым пунктом, связывавшим даурский район с соседними китайскими уездами. В январе 1946 г. территория хошуна Буси была освобождена от гоминьдановских отрядов и бандитских формирований. Тогда же под руководством КПК были сформированы органы новой власти [Цыбенев 2022: 308].

В январе 1946 г. кавалерийский отряд бутхаских дауров был переформирован в 8-й кавполк Автономной армии Восточной Монголии и оставался в подчинении военного округа провинции Нэньцзян. В феврале 1946 г. кавполк принял участие в военных действиях по освобождению районов Нэхэ и Нэньцзян. В мае 1946 г. 8-й кавполк преобразован в 43-й кавполк 5-й кавалерийской дивизии Народной конной армии самообороны Внутренней Монголии. Полк дислоцировался в г. Нирги. В июне 1946 г. по поручению провинциального руководства КПК прибыл партийный работник Юй Мин, чтобы набрать курсантов из числа представителей дауров для обучения в школе подготовки военных кадров в Нэхэ. Он также был назначен на должность государственного представителя 43-го полка и организовал в нем партийную ячейку. Полк имел хорошие показатели по военной подготовке, его численность достигла 500 чел. Как отмечают даурские историки, «он стал неотделимой частью вооруженных сил революции» [Обозрение... 1988: 61]. В этот период создан также отряд «охраны спокойствия» в хошуне Морин-Дава. Командиром отряда стал Билигту. В начале 1948 г. после расформирования 5-й кавалерийской дивизии, 43-й кавполк объединен с 3-м отдельным полком военного округа Внутренней Монголии. В мае 1948 г. батальон из специально отобранных бойцов направлен на южный фронт Освободительной (гражданской. – *Б. Ц.*) войны [Там же].

Участие 42-го кавалерийского полка в военных действиях на территории Северо-Восточного Китая

По данным на 5 июня 1947 г., в 42-м кавполку 5-й кавалерийской дивизии Народной конной армии самообороны Внутренней Монголии насчитывалось более 800 бой-

цов, основу составила Цицикарская кавалерийская бригада, большей частью состоявшая из дауров. В зону боевых действий полк был направлен из г. Чжаланьтунь. Он принимал в них участие с июня 1947 г. по март 1948 г. в местностях Бэйнинлу, Дахушань, Чжаньу, Факу, Хэйшань, Синьлитунь [Ао Цзинфэн 2018: 6]. 30 сентября 1947 г. полк выполнил поставленную перед ним задачу по подрыву моста и разрушению участка Бэйнинской (от «Бэйцзин – Ляонин». – *Б. Ц.*) железной дороги. Тем самым было прервано перемещение гоминьдановских войск. Полк поддержал наступление главных сил Народно-освободительной армии Китая (далее – НОАК), форсировал реку, углубившись во вражеский тыл, окружил и уничтожил охрану железнодорожного моста, взял в плен 10 солдат противника, демонтировал железнодорожное полотно на протяжении 10 км. Полк участвовал в боях у пос. Дахушань, являвшегося на тот момент ключевым районом обороны противника. В ходе внезапной лобовой атаки двумя ротами и двухчасового ожесточенного боя 42-й кавполк занял поставленные командованием дивизии необходимые участки обороны противника и отбросил его силы. За этот бой некоторые бойцы и командиры (Э Цзинхай, Тубуксинь, Ху Чжэньшань и др.), проявившие мужество и отвагу, были награждены Центральной военной комиссией НОАК [Там же]. 42-й кавполк воевал в 1947 г. в основном в районе Бэйнинской железной дороги; поселки Дахушань, Чжаньу, Хэйшань расположены поблизости от нее. В марте 1948 г. полк был задействован в окружении и уничтожении крупной группировки войск Гоминьдана в районе Фусинь. Эта группировка представляла собой новую, недавно сформированную 6-ю дивизию Гоминьдана. Перед ней были поставлены задачи прорвать оборону частей НОАК и обеспечить выход к району Центрального Китая. Очевидно, часть гоминьдановских войск в Северо-Восточном Китае к тому времени продолжала находиться в осажденном положении и предпринимала попытки выбраться к основным силам. В результате внезапного ночного нападения 6-й дивизии Гоминьдана фронт НОАК был прорван, и более 10 тыс. чел. вышли из окружения. Однако благодаря действиям руководства НОАК гоминьдановцы оказались вновь окружены. В этой военной операции принимал участие и 42-й кавполк. Ожесточенные бои шли и днем, и ночью, все попытавшиеся выйти из окружения войска Гоминьдана были разбиты. В этих боях кавполк прикрывал огнем действия семи подразделений НОАК; помог выйти из зоны обстрела группе солдат, внезапно попавшей под огонь противника [Там же]. 42-й кавполк принимал также участие в сражениях при Факу, Цзяцзигоу, Сяньдагоу, Тунцзянкоу, Синьли и других местностях [Там же: 7]. Таким образом, даурский 42-й кавполк 5-й кавалерийской дивизии Народной конной армии самообороны Внутренней Монголии внес вклад в победу сил НОАК над Гоминьданом в Северо-Восточном Китае.

Синьцзянские дауры в армии Восточно-Туркестанской республики (1945–1948)

В 1944 г. северная часть Синьцзяна была охвачена так называемой «революцией трех округов» (классич. монг. *yurban oqon-u qubisqal*). По данным авторов-составителей «Краткой истории даурского народа», под ней понималась революционная борьба народов Илийского, Тарбагатайского (Тачэнского) и Алтайского округов против гоминьдановской власти с 1944 по 1949 г. [Дауэр... 1989: 269]. Синьцзянские дауры приняли активное участие в происходивших событиях [И]. В марте 1944 г. губернатор Синьцзяна Шэн Шицай объявил о мобилизации лошадей для нужд армии. В случае отсутствия лошади требовалось уплатить денежный штраф, в полтора раза превышающий ее стоимость [Ibid.]. Штраф составлял 700 синьцзянских юаней, тогда как стоимость лошади была гораздо ниже [Поликарпов 2010: 51]. В сентябре 1944 г. в Илийском особом округе в уезде Гунхан (по другим, официальным данным – уезд Нилка) свыше 1 тыс. скотоводов выразили протест в связи с мобилизацией лошадей, организовали вооруженное выступление и захватили административный центр уезда Гунхан. В начале ноября 1944 г. уйгуры и казахи, проживающие в северной части Синьцзяна, подняли вооруженное восстание, захватили г. Кульджа (кит. Инин) и создали временное революционное правительство [Дауэр... 1989: 269]. По

другим данным, 15 ноября 1944 г. повстанцами провозглашено создание Восточно-Туркестанской республики во главе с духовным лидером Алихан-тюре Шакирходжаевым [Поликарпов 2010: 52]. На первых порах руководство СССР оказывало военнотехническую поддержку, однако со сменой политического вектора летом 1945 г. помощь была приостановлена [Башкуев 2019: 69]. В январе 1945 г. повстанцы полностью захватили территорию Илийского особого округа и 8 марта 1945 г. объявили о создании национальной армии Синьцзяна [Даур... 1989: 269], или армии Восточно-Туркестанской республики. Первоначально около 10 представителей даурской молодежи из уезда Хоргос Илийского особого округа добровольно вошли в состав армии. За проявленное мужество в боях по освобождению от гоминьдановцев Тарбагатайского особого округа они были отмечены командованием. В августе 1945 г. в состав армии Восточно-Туркестанской республики вошли более 90 дауров Тачэна под руководством Бай Хеньяна. Они приняли участие в освобождении уездов Буэлчжин и Ченхуа Ашанского особого округа. Осенью 1946 г. армия Восточно-Туркестанской республики пополнилась новой партией даурской молодежи. Всего за годы «революции трех округов» в ее армии прошли службу около 200 чел. из числа даурской революционной молодежи, что составило около 10 % даурского населения Синьцзяна. Зимой 1947 – весной 1948 гг. даурские воины совместно с солдатами других национальностей под руководством Ахметжана Касыми вели борьбу с отрядом Оспана (в тексте Osman. – Б. Ц.), поддерживаемого Гоминьданом [Ibid.: 270]. Как известно, Оспан продолжил сопротивление в горах синьцзянского Алтая, был взят в плен войсками НОАК и казнен в г. Урумчи в 1951 г. [Кадырбаев 2019: 87]. Боровшийся с ним Ахметжан Касыми погиб в авиакатастрофе двумя годами ранее (в августе 1949 г.) в районе пос. Кабанск Бурят-Монгольской АССР, когда в составе делегации Восточно-Туркестанской республики направлялся из Алма-Аты в Пекин для участия в совещании по вопросу создания Китайской Народной Республики.

В августе 1948 г. такие общественно-политические деятели, как Нузрат (в тексте Nüsered. – Б. Ц.), создали «Синьцзянский демократический союз». Представители даурской молодежи включились в деятельность организации, участвовали в пропагандистских и организационных мероприятиях [Даур... 1989: 270]. В августе-сентябре 1949 г. вторая делегация от Восточно-Туркестанской республики во главе с С. Азизовым и председателем правительства Синьцзяна Б. Шахида заявили о вхождении Восточно-Туркестанской республики в состав образуемой КНР и о присоединении к КПК.

Заключение

Даурское население, разочаровавшееся в правящем режиме Чан Кайши, нашло опору в провинциальном комитете КПК и руководстве военного округа провинции Нэньцзян. Именно они сыграли большую роль в создании кавалерийских отрядов цицикарских и бутхаских дауров, позже переформированных в 42-й и 43-й полки 5-й кавдивизии Народной конной армии самообороны Внутренней Монголии. Именно они участвовали как в боях местного значения, так и в крупных сражениях гражданской войны в Северо-Восточном Китае. Дауры Синьцзяна воевали с гоминьдановцами в составе армии Восточно-Туркестанской республики, принимали участие в освобождении ряда селений, деятельности общественно-политических организаций.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства») № 121031000241-1.

Примечания

1. Началом второго этапа гражданской войны в Китае официально принято считать 1946 г., когда в мае-июне гоминьдановские войска начали наступление в районе Хэнань-Хубэйского советского района. Поскольку наши источники возводят начало военных дейст-

вий между КПК и Гоминьданом в районе Цицикара к ноябрю-декабрю 1945 г., мы рассматриваем их как события разгоравшейся гражданской войны.

II. События в Синьцзяне, связанные с участием дауров в борьбе против сил Гоминьдана, хронологически не совпадают с началом второго этапа гражданской войны в Китае. Поскольку причины вооруженного восстания в северной части Синьцзяна и последующих событий связаны с ужесточением налоговой политики в 1944 г., возникает необходимость их изучения.

Литература

Ао Цзинфэн. Краткий обзор участия дауров в освободительных войнах / Цзинфэн Ао // Даурский народ в Освободительной войне / под ред. Модэ'рту. – Хулун-Буир: Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018. – С. 1–8. (на кит. яз.)

Башкуев В. Ю. Роль Синьцзяна во внешней политике России и СССР в Центрально-Азиатском регионе (вторая половина XIX – первая половина XX в.) / В. Ю. Башкуев // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2019. – № 1(33). – С. 61–71.

Кадырбаев А. Ш. Лидер казахов Китая Оспан-батыр и «революция трех округов» в Восточном Туркестане. 1940–1951 гг. / А. Ш. Кадырбаев // Восточный архив. – 2019. – № 1(39). – С. 78–88.

Краткая история даурского народа / кол. авт.; сост.: Мэн Жидун, Улзейту, Баяр. – Хух-Хот: Народное изд-во Внутренней Монголии, 1989. – 300 с. (на классич. монг. письм.)

Крутиков К. А. На китайском направлении: Из воспоминаний дипломата / К. А. Крутиков. – М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2003. – 346 с.

Лю Чжан. Китай. Полная история / Чжан Лю. – М.: Изд-во АСТ, 2022. – 304 с.

Маньдзуэртү. Энциклопедический словарь даурского этноса / Маньдзуэртү. – Хулун-Буир: Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2007. – 731 с. (на кит. яз.)

Обозрение даурского автономного хошуна Морин-Дава / кол. авт.; пер. Жамсо, Буринсайн. – Хух-Хот: Народное изд-во Внутренней Монголии, 1988. – 269 с. (на классич. монг. письм.)

Плотников А. Ю. Становление Китайской Народной республики и «новая экономическая политика» Поднебесной (1945 – начало 1960-х гг.) / А. Ю. Плотников // Финансы, деньги, инвестиции. – 2016. – № 3(59). – С. 24–28.

Поликарпов И. А. Причины поражения «революции трех округов» / И. А. Поликарпов // Мир Евразии. – 2010. – № 1(8). – С. 50–53.

Улисы Вэйжун. История основания Вонюту-Даурского автономного района в уезде Лунцзян / Вэйжун Улисы // Материалы по истории и культуре Мэйлисы-Даурского национального района. Вып. 1. – Цицикар, 1989. – С. 15–62. (на кит. яз.)

Фенби Д. Генералиссимус Чан Кайши и Китай, который он потерял / Д. Фенби. – М.: Изд-во АСТ, 2006. – 698 с.

Цыбенков Б. Д. Социально-политическая история дауров (XX в.) / Б. Д. Цыбенков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2022. – 474 с.

Цыбенков Б. Д. Национальные меньшинства Китая на изломе эпох: цицикарские дауры в 1913–1945 гг. / Б. Д. Цыбенков, Ли Пин // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2019. – Т. 27. – С. 80–89.

Цыбенков Б. Д. История создания даурского автономного хошуна Морин-Дава (1945–1958 гг.) / Б. Д. Цыбенков, Юй Шан // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2017. – Т. 22. – С. 113–123.

Dayur ündüsüten-ü tobči teüke [Краткая история даурского народа] / naiyraγulanbičikü duγuyilang naiyraγulaba; Men Zhidun, Üljeiyitü, Bayar. – Kökeqota: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriγ-a, 1989. – 300 с.

References

Ао Цзинфэн. Kratkij obzor učastiya daurov v osvoboditel'nyh vojnah / Czinfen Ao // Dauriskij narod v Osvoboditel'noj vojne / pod red. Mode'rtu. – Hulun-Buir: Izd-vo kul'tury Vnutrennej Mongolii, 2018. – S. 1–8. (na kит. yaz.)

Bashkuev V. Yu. Rol' Sin'czyana vo vneshnej politike Rossii i SSSR v Central'no-Aziatskom regione (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.) / V. Yu. Bashkuev // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2019. – № 1(33). – S. 61–71.

Kadyrbaev A. Sh. Lider kazahov Kitaya Ospan-batyr i «revolyuciya trekh okrugov» v Vostochnom Turkestane. 1940–1951 gg. / A. Sh. Kadyrbaev // Vostochnyj arhiv. – 2019. – № 1(39). – S. 78–88.

Kratkaya istoriya daurskogo naroda / kol. avt.; sost.: Men Zhidun, Ulzejtu, Bayar. – Huh-Hot: Narodnoe izd-vo Vnutrennej Mongolii, 1989. – 300 s. (na klassich. mong. pis'm.)

Krutikov K. A. Na kitajskom napravlenii: Iz vospominanij diplomata / K. A. Krutikov. – M.: In-t Dal'n. Vost. RAN, 2003. – 346 s.

Lyu Chzhan. Kitaj. Polnaya istoriya / Chzhan Lyu. – M.: Izd-vo AST, 2022. – 304 s.

Man'duertu. Enciklopedicheskij slovar' daurskogo etnosa / Man'duertu. – Hulun-Buir: Izd-vo kul'tury Vnutrennej Mongolii, 2007. – 731 s. (na kit. yaz.)

Obozrenie daurskogo avtonomnogo hoshuna Morin-Dava / kol. avt.; per. Zhamso, Burinsajn. – Huh-Hot: Narodnoe izd-vo Vnutrennej Mongolii, 1988. – 269 c. (na klassich. mong. pis'm.)

Plotnikov A. Yu. Stanovlenie Kitajskoj Narodnoj respubliki i «novaya ekonomicheskaya politika» Podnebesnoj (1945 – nachalo 1960-h gg.) / A. Yu. Plotnikov // Finansy, den'gi, investicii. – 2016. – № 3(59). – S. 24–28.

Polikarpov I. A. Prichiny porazheniya «revolyucii trekh okrugov» / I. A. Polikarpov // Mir Evrazii. – 2010. – № 1(8). – S. 50–53.

Ulisy Vejzhun. Istoriya osnovaniya Vonyutu-Daurskogo avtonomnogo rajona v uezde Lunczyan / Vejzhun Ulisy // Materialy po istorii i kul'ture Mejlisy-Daurskogo nacional'nogo rajona. Vyp. 1. – Cicikar, 1989. – S. 15–62. (na kit. yaz.)

Fenbi D. Generalissimus Chan Kajshi i Kitaj, kotoryj on poteryal / D. Fenbi. – M.: Izd-vo AST, 2006. – 698 s.

Cybenov B. D. Social'no-politicheskaya istoriya daurov (XX v.) / B. D. Cybenov. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2022. – 474 s.

Cybenov B. D. Nacional'nye men'shinstva Kitaya na izlome epoch: cicikarskie daury v 1913–1945 gg. / B. D. Cybenov, Li Pin // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. – 2019. – T. 27. – S. 80–89.

Cybenov B. D. Istoriya sozdaniya daurskogo avtonomnogo hoshuna Morin-Dava (1945–1958 gg.) / B. D. Cybenov, Yuj Shan // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. – 2017. – T. 22. – S. 113–123.

Dayur ündüsüten-ü tobči teüke [Kratkaya istoriya daurskogo naroda] / naiyraγulanbičikü duyuyilang naiyraγulaba; Men Zhidun, Üljejütü, Bayar. – Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriγ-a, 1989. – 300 s.

УДК 323.11(574)

ББК 66.3(5Каз.)

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-107-113

С. К. Жетпысбаев

САКРАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КАЗАХСТАНА ДЛЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

В статье предприняты попытки раскрыть сущность и роль сакрального наследия как пласта культуры, показать богатое и разнообразное историко-культурное наследие казахского народа, раскрыть значение и важность государственной программы «Культурное наследие» в возрождении и развитии культурно-исторических памятников архитектуры, а также мест, связанных с историческими и политическими событиями, имеющими непреходящую ценность в памяти народа. В статье рассмотрены основные ценности, характеризующие памятники как исторические, художественные, научные, сакральные достопримечательности государства. Выявление ценностей памятников культуры и архитектуры и осознание их масштаба позволяет считать, что их сохранение необходимо для будущих поколений и популяризации объектов культурного наследия путем придания им статуса «Сакральные места». Таким образом, сохранение памятников истории рассматривается как процесс культурной государственной политики. Его последовательная реализация связана с глубоким пониманием значимости этой деятельности для становления и строительства Нового Казахстана.

Ключевые слова: культура, сакральное наследие, возрождение, сохранение, ЮНЕСКО, историки-культурное наследие, охрана, духовные традиции, исторические памятники, древнейшие города, сакральные объекты.

S. K. Zhetpysbaev

THE SACRED HERITAGE OF KAZAKHSTAN FOR FUTURE GENERATIONS

The article attempts to reveal the essence and role of sacred heritage as a layer of culture, to show the rich and diverse historical and cultural heritage of the Kazakh people, to reveal the significance and importance of the state program “Cultural Heritage” in the revival and development of cultural and historical architectural monuments, as well as places associated with historical and political events of lasting value in the memory of the people. The article examines the main values that characterize monuments as historical, artistic, scientific sacred sights of the state. Identification of all the values of cultural and architectural monuments and awareness of their scale allows us to consider that their preservation is necessary for future generations and the popularization of cultural heritage sites by giving them the status of “Sacred Places”. Thus, the preservation of historical monuments is considered as a process of cultural state policy. Its consistent implementation is associated with a deep understanding of the significance of this activity for the formation and construction of New Kazakhstan.

Keywords: culture, sacred heritage, revival, conservation, UNESCO, historians-cultural heritage, protection, spiritual historical monuments, ancient cities, sacred objects.

Человеческое существование немислимо без мира сакрального. Сакральное выводит за рамки религиозного и становится объектом философских, социокультурных, антропологических изысканий. Так, исследователи Б. Малиновский, Д. Фрезер и др. в своих изысканиях по этому вопросу уделяли большое внимание природным и социокультурным факторам сакральности. В своих философских представлениях английский этнолог, культуролог Э. Б. Тайлор в работе «Первобытная культура» говорит «... о необходимости почитания духов и поклонения им и передачи духовными существами своих личных свойств материальным предметам...» [1989: 21]. Современ-

ЖЕТПЫСБАЕВ Сейсембай Калижанович – кандидат экономических наук, ассоциированный профессор кафедры экономики негосударственного акционерного общества Торайгыров университет. E-mail: zhetpysbaevs@mail.ru.

ное же обращение к исследованию феномена «сакрального» становится актуальным в связи с тем, что в пространстве глобализационных процессов появляется необходимость сохранения культуры и нравственности.

Рассмотрение сакрального в культуре казахов является одной из сложных и малоизученных тем. Необходимо отметить разнообразные научно-методологические подходы исследователей к осмыслению кочевнической культуры, так или иначе затрагивающие важные аспекты сакрального. Методика исследования опиралась на структурно-функциональный и историко-этнографический методы сбора и обработки материала: наблюдения и исследования ученых, публикации, архивные и музейные источники. В ходе исследования проведены полевые работы, автор принимал участие в составе научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана Павлодарской области по вопросу сбора, описания, систематизации и анализа материалов относительно изучения сакральных памятников, обычаев и традиций казахского народа на территории Павлодарского региона.

В начале обратимся к понятию «сакральное». Это превращение чего-либо в предмет поклонения, наделение священными свойствами [Ожегов 2013: 558], и казахское *қасиетті, шарапатты, киелі* [Сауранбаев 2005: 882] представляет собой, по мнению исследователей, важнейшую мировоззренческую категорию. Таким образом, мы видим: сакральное – нечто сокровенное и представляет собой непреходящую ценность культуры человеческого бытия.

Сакральная степная культура как своеобразное философское осмысление Вселенной формировалась в условиях исторического развития мира кочевника. Степные жители имели собственные мировоззренческие ценности, соответствовавшие особенностям кочевого быта. Занятия же скотоводством и земледелием зависели от природно-климатических факторов, что в народном сознании порождало суеверия. Возможно, это и породило обилие различных представлений, верований, связанных с природой. Даже сегодня, через тысячелетия, мы встречаем топонимы, связанные с сакральным пространством. Так, *әулие ағаш* – «священное дерево», *әулие құдық* – «священный колодец», или древнее название города Тараз *әулие-ата* – «священный покровитель» [Жумабаев 2020: 50]. Из этого следует, что у предков казахов, как и у многих других народов, был распространен культ Воды, Неба, а Землю они воспринимали как Мать – Жер-ана, так как с ней была связана вся их жизнь. И потому традиционная духовная культура казахского народа, на наш взгляд, была сформирована из сакрального наследия *атадан балаға* – «от предков к будущему поколению» и сложилась из множества исторических пластов синкретического сплава исламских и древних языческих воззрений, верований и культов. К примеру, установление *шанырақа* – «юрты» со всеми обрядовыми церемониями показывает универсальные принципы структурирования пространства кочевников, которые легко и гармонично вписывались в мироздание Вселенной [Харузин 2007: 39]. По мнению исследователей культуры, семиотический статус жилищ был мерилем высокой материальной и духовной культуры [Сейдимбек 2001: 417]. Сохранение для будущих поколений этого шедевра, ценнейшего памятника культуры и искусства в его первозданном виде имеет историческое значение. И как утверждает исследователь Н. Е. Кулумжанов, «... сохранение традиционных ценностей, формирование и развитие новых нравственных ориентиров, определяющих национальную самоидентификацию, стремление нации к новаторству и новизне, как духовное наследие “атадан балаға”, способствуют существенному раскрытию содержания феномена сакрального...» [2022: 147].

Мировой исторический опыт показывает, что обращению к историческим и культурным корням, к наследию ушедших поколений уделяется большое внимание. В Казахстане сегодня проводится широкомасштабная работа по систематизации и изучению, сохранению и популяризации памятников богатого историко-культурного наследия и сакральных объектов.

Наряду с историко-культурными памятниками, изученными в рамках государственной программы «Мәдени мұра – Культурное наследие», придается новое значе-

ние сакральному наследию. Реализация данной программы выработала новый концепт проекта «Духовные святыни Казахстана», предполагавшего осмысление единого сакрального пространства как олицетворение неразрывной связи каждого поколения и периода истории Казахстана. Он подразумевает собой осмысление священного смысла того, что каждый кусочек земли, хранящий следы истории, и каждый уголок родного Отечества бесконечно дороги нам [Кыдыралина 2020: 88]. Поэтому под сакральными объектами в Казахстане подразумеваются особо почитаемые исторические и памятные места природного ландшафта и культурного наследия, имеющие историческую значимость общенационального и мирового масштаба. К примеру, в Павлодарской области в рамках реализации программы «Культурное наследие на 2007–2009 гг.» проведены археологические исследования на городище Аулиеколь, где найдены фрагменты керамики, остатки обжиговой печи и другие находки, свидетельствующие, по мнению исследователей и археологов, о функционировании памятника как летней средневековой ставки Орды, что подтверждают следы поселения мавзолея средневековой знати [ГАПО. Ф. 400. Оп. 5. Д. 1339. Л. 12].

Памятники – самые яркие свидетельства многовековой истории. Огромное их количество расположено на бескрайних просторах Великой степи. По количеству и разнообразию памятников истории и культуры Казахстан не уступает Индии и Китаю, государствам Средиземноморья и Ближнего Востока. Сохранение памятников, а также обычаев и традиции прошлого обогащает генетический код нации, который заключает в себе целую систему социальных ценностей: мораль, нравственность, этику, эстетику предыдущих поколений [Брусилевская 2014]. Именно поэтому в Концепции развития культуры до 2030 г. основное внимание уделено сакральному наследию. В рамках ее реализации Министерством культуры и спорта Республики Казахстан на базе Национального музея создан центр «Сакральный Казахстан», осуществлявший работу по сбору материалов о сакральных объектах по территории Великой степи. По ее результатам в республике насчитывается не менее 150 тыс. памятников историко-культурного, художественного значения, далеко не полностью еще учтенных [Ажигали 2013: 38], в т. ч. 25 тыс. недвижимых памятников археологии, архитектуры и монументального искусства, 9 историко-культурных заповедников-музеев и др. [Бакытова 2017: 113]. Постановлением правительства в 2008 г. утвержден Государственный список памятников истории и культуры, в нем указано 220 памятников истории и культуры республиканского значения и 11,5 тыс. объектов местного значения [Байдаров 2016: 49]. В список сакральных мест от Павлодарской области вошли 50 объектов, из них 11 – культового значения древности и средневековья, 13 – культового значения современности, 21 – исторического и общественно-политического значения [Сагитова 2017]. Таким образом, в стране был сформирован список объектов, составляющих культурно-географический пояс святынь Казахстана, который является неисчерпаемым источником познания прошлого страны, ее многообразной культуры.

В рамках реализации национальной программы «Сакральная география Казахстана» подготовлены и изданы первые тома пятитомной энциклопедии «Сакральный Казахстан» [Кыдыралина 2020: 91]. Коллективная память об исторических и духовных корнях придает социуму дух возрождения, становясь средством выражения новых идей и ценностей. Иными словами, культурное наследие, как высказывается исследователь Е. Н. Селезнева, «... используется для различения того, что оценивается, наследуется и передается из поколения в поколение по сравнению с тем, что забывается...» [2006: 4]. И как отмечает другой ученый, философ А. Н. Нысанбаев, «... порой кажется, что мы, реконструируя прошлое, возвращаем исторический долг, но это не совсем так...» [2009: 27]. С этим мнением невозможно согласиться, ведь в реконструкции прошлого заложена история прошлого и настоящего жизнедеятельности народа, и чем богаче и разнообразней культурный и сакральный опыт народа, чем более полноценно воплощается он на практике, тем более мы сохраняем историческую память для будущих поколений, тем более познавательного молодежь изучает свою культуру и историю. Одной из таких важных страниц в культурной жизни общества стало вос-

становление памятников в стране и за рубежом. Например, самыми значимыми проектами стали реставрации мавзолея Султана аз-Захира Бейбарса и музейного комплекса аль-Фараби в Сирии и Египте, а также реставрационные работы еще на двух десятках исторических объектов [Кадыров 2011]. Ведь у каждого народа и цивилизации есть святыне места, которые носят общенациональный характер и известны не только представителю этого народа, но и мировому сообществу, и восстановление памятников – дань памяти и уважения истории прошлого народа. И для Казахстана, почитающей традиции, быт, культуру и историю своих предков, это особенно важно. Казахстан – государство с богатым духовным наследием. Следует отметить комплекс памятников вокруг Улытау и мавзолеев Ходжи Ахмета Яссауи, древние сооружения Тараза и захоронения Бекет-Ата, исторические комплексы Восточного Казахстана и сакральные достопримечательности Семиречья, мавзолеев Машхур Жусупа Копеева и мавзолеевнй комплекс Хазрета Исабека Ишана в Павлодарской области и многие другие места, которые образуют каркас национальной идентичности казахского народа.

Неотъемлемой частью казахстанского общества, его истории и традиции являются археологические памятники. Комплексной археологической экспедицией Института археологии им. А. Х. Магулана, начиная с середины 80-х гг. XX в. и по сей день, ведутся целенаправленные археологические исследования по поиску и изучению памятников тюркских кочевников, расположенных на территории Жетысу Семиречья. В результате на землях, расположенных в бассейне р. Чу, открыты сотни культово-мемориальных комплексов тюркских кочевников эпохи средневековья, изучены и реконструированы десятки погребальных и ритуальных сооружений [Медеубайкызы 2007: 54].

Среди широко известных памятников Казахстана – древние города: Сайрам, Отрар, Тараз, Каялык, Сыганак, Жанкент, Жент, Туркестан, Бозок. Отрар прославился как родина выдающегося ученого, энциклопедиста и великого мыслителя Абу Насра аль-Фараби. Его развалины давно привлекали внимание ученых, и как отмечает исследователь М. Кожа, «... документы Российского Государственного архива литературы и искусства в Москве свидетельствуют о том, что академик Н. Н. Веселовский был первым из ученых, исследовавших развалины Отрара, и произвел разведочные шурфы на самом городище...» [2010: 347]. Прародительницей столицы неслучайно считают древнее городище Бозок – историко-культурный памятник республиканского значения, которому придается особое историческое и культурное значение [Бурбаева 2020]. И на наш взгляд, древние города Казахстана с исторической точки зрения – сокровищницы природных богатств и кладезь духовности казахского народа.

Духовной колыбелью казахов является Южный Казахстан. На его территории расположены значимые для истории памятники археологии и архитектуры, упоминания о которых встречаются в тюркских, арабских и персидских летописях. Одним из таких религиозных и культовых артефактов, находящихся в г. Туркестане, является мавзолеев Ходжи Ахмета Яссауи, в народе называемый «второй Меккой». Его начали возводить по велению правителя Тимура (Тамерлана) в честь известного на Востоке суфийского поэта и проповедника. Строительство мавзолеев велось в период с 1385 по 1405 г. За два десятка лет на этой территории вырос внушительных размеров комплекс, объединивший в себе функции мавзолеев, мечети и помещений административного и хозяйственного назначения. Здание мавзолеев и окрестные строения были резиденцией казахских ханов, и сегодня мавзолеев Ходжи Ахмета Яссауи вошел в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Одним из замечательных сакских памятников Семиречья является курган Исык, датируемый IV в. до н. э. Об уровне развития культуры кочевников говорит самый крупный археологический памятник сакской эпохи «Алтын адам» (Золотой человек), сакский воин в золотой одежде, обнаруженный при раскопках в кургане [Тимошин 2003: 40]. Одежда «Золотого человека» содержит около 4 тыс. украшений. Как описано в научных изданиях, они выполнены в «зверийном стиле» в виде фигур барсов, лосей, горных козлов, архаров, лошадей и птиц [Бейсенбайұлы 2015: 94]. В целом сакский «зверийный стиль» сложился как закономерное отражение мировоз-

зрения сакских племен, как воплощение в изобразительном искусстве их мифологии, как особая знаковая система для выражения идеологии кочевников.

Большого внимания историков заслуживает объект «Ақыртас» – «Последний камень», располагающийся в степи вблизи г. Тараза Джамбульской области. Строение напоминает древний античный город с жилыми постройками, складскими помещениями и водопроводом. В истории древней архитектуры Казахстана, как утверждают археологи, сооружению Ақыртас нет аналогов. По площади оно превосходит древнеримский Колизей, а по объему каменных работ равно Египетской пирамиде [Нитченко 2015]. Оно представляет собой культурное сооружение и сакральное место для посещения туристов.

Другим не менее важным памятником, привлекающим особое внимание археологов, является галерея наскальных рисунков «Тамгалы тас» – «Камни со знаками» вблизи Алматы, где сохранилось множество петроглифов, изображений таинственных божеств, поздних буддистских надписей [Амиргалиев 2021]. В далеком прошлом Тамгалы тас фактически служил точкой соприкосновения кочевий трех казахских жузов. Известный ученый-археолог А. Х. Маргулан провел в свое время сравнительный анализ тамг. Уникальным является древняя арабская надпись, которая подтверждает казахское предание о том, что именно здесь произошло объединение племен, составивших ядро Казахского ханства. И как отмечает исследователь Ж. Артыкбаев: «... с памятником Тамгалы тас, казахи связывали начало своего будущего и почитали данную местность. Так как, Тамгалы тас у казахов являлся культовым местом, символизовавшим начало казахской государственности, позволившее всем казахским племенам и родам ощущать общность своих исторических судеб – это была своеобразная, зафиксированная на камнях клятва, принесенная на верность служения своему государству – казахскому ханству...» [2015: 83]. И с этим можно согласиться, ведь в этом и заключалась важность и значимость этого уникального памятника для истории Казахстана и будущих поколений.

Таким образом, каждый из сакральных объектов уникален, это наследие и завет предков для нынешних поколений. Создание единой сети мест памяти на всей территории Казахстана, культурно-географического пояса святынь составляет один из элементов каркаса национальной идентичности и содержит мощный культурный потенциал для развития индустрии туризма и обретения международного признания. Без опоры на национально-культурные корни и без сохранения уникальных памятников и в целом сакрального наследия, которые вносят огромный вклад в мировую цивилизацию, невозможно развитие самобытной культуры казахского народа и будущего Нового Казахстана.

Литература

- Ажигали С.* Актуальное направление науки: казахское памятниковедение / С. Ажигали // Мысль. – 2013. – № 6. – С. 38–43.
- Амиргалиев М. О.* О впечатлениях посетителей урочища Танбалы / М. О. Амиргалиев // Заповедник музей «Танбалы». – 2021. – 6 окт. – Режим доступа: <https://tanbaly.kz/press-center/news/o-vpечatleniyah-posetiteley-urochishcha-tanbaly> (дата обращения: 20.07.2024).
- Артыкбаев Ж.* Тамгалы тас – памятник олицетворяющий начало казахского государства / Ж. Артыкбаев // Мәдени мұра – Культурное наследие. – 2015. – № 1. – С. 76–83.
- Байдаров Е.* Защита историко-культурного наследия – нравственный долг каждого из нас / Е. Байдаров // Мирас. – 2016. – № 4. – С. 44–49.
- Бакытова Л.* Охрана памятников в системе музейного менеджмента / Л. Бакытова // Мәдени мұра – Культурное наследие. – 2017. – № 2. – С. 113–118.
- Бейсенбайұлы Ж.* Қыңрақ – акинак «Золотого человека» / Ж. Бейсенбайұлы // Мәдени мұра – Культурное наследие. – 2015. – № 1. – С. 94–97.
- Брусиловская Е.* Статья частью мирового культурного наследия / Е. Брусиловская // Казахстанская правда. – 2014. – 25 июля. – С. 13.
- Бурбаева С.* Культурное наследие – общечеловеческое достояние / С. Бурбаева // Казахстанская правда. – 2020. – 6 янв. – С. 3.

Жумабаев Б. Е. Сакральное в сознании казахов / Б. Е. Жумабаев // Мәдени мұра – Культурное наследие. – 2020. – № 2. – С. 49–53.

Кадыров Б. Драгоценное наследие / Б. Кадыров // Казахстанская правда. – 2011. – 1 янв. – С. 5.

Кожа М. Б. Обнаружение остатков «длинной» внешней стены городища Отрартобе / М. Б. Кожа // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: сб. мат-лов междунар. науч. конф. – Алматы, 2010. – 544 с.

Кулумжанов Н. Е. Феномен сакрального в традиционной культуре тюркских кочевников / Н. Е. Кулумжанов. – Алматы, 2022. – 207 с.

Кыдыралина Ж. У. Политика памяти и сакрализации пространства как фактор национальной идентичности / Ж. У. Кыдыралина // Мәдени мұра – Культурное наследие. – 2020. – № 2. – С. 87–95.

Медеубайқызы А. Наследие тюркских племен / А. Медеубайқызы // Достық – Дружба. – 2007. – № 11. – С. 54–57.

Нитченко Ю. Общенациональный проект «Мәңгілік мұра» запустят в Казахстане // Комсомольская правда. – 2015. – 23 июля. – С. 5.

Нысанбаев А. Н. Культурное наследие и развитие философии современного Казахстана / А. Н. Нысанбаев // Вопросы философии. – 2009. – № 11. – С. 27–38.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Мир и образование, 2013. – 736 с.

Сагитова А. Сакральное в сердце / А. Сагитова // Звезда Прииртышья. – 2017. – 5 сент. – С. 4.

Сауранбаев Н. Т. Русско-казахский словарь / Н. Т. Сауранбаев, Г. Г. Мусамбаева, Ш. Ш. Сарыбаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1152 с.

Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление: учеб. пос. / А. Сейдимбек. – Алматы: Рауан, 2001. – 576 с.

Селезнева Е. Н. Культурное наследие в контексте макроисторической динамики / Е. Н. Селезнева // Обсерватория культуры. – 2006. – № 5. – С. 4–11.

Тайлор Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тайлор; пер. с англ. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989. – 573 с.

Тимошинов В. И. Культурология: Казахстан – Евразия – Восток – Запад: учеб. пос. / В. И. Тимошинов. – Алматы, 2003. – 400 с.

Харузин Н. Көшпелі және жартылай көшпелі түрік және монғол халықтарының тұрғын үйлерінің даму тарихы: толық / Н. Харузин. – 2-бас. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 183 с.

References

Azhigali S. Aktual'noe napravlenie nauki: kazahskoe pamyatnikovedenie / S. Azhigali // Mysl'. – 2013. – № 6. – С. 38–43.

Amirgaliev M. O. O vpechatleniyah posetitelej urochishcha Tanbaly / M. O. Amirgaliev // Zapovednik muzej «Tanbaly». – 2021. – 6 okt. – Rezhim dostupa: <https://tanbaly.kz/press-center/news/o-vpechatleniyah-posetiteley-urochishcha-tanbaly> (data obrashcheniya: 20.07.2024).

Artykbaev Zh. Tamgaly tas – pamyatnik olicetvoryayushchij nachalo kazahskogo gosudarstva / Zh. Artykbaev // Mәdeni mұra – Kul'turnoe nasledie. – 2015. – № 1. – С. 76–83.

Bajdarov E. Zashchita istoriko-kul'turnogo naslediya – нравstvennyj dolg kazhdogo iz nas / E. Bajdarov // Miras. – 2016. – № 4. – С. 44–49.

Bakytova L. Ohrana pamyatnikov v sisteme muzejnogo menedzhmenta / L. Bakytova // Mәdeni mұra – Kul'turnoe nasledie. – 2017. – № 2. – С. 113–118.

Bejsenbajly Zh. Қуңрақ – akinak «Zolotogo cheloveka» / Zh. Bejsenbajly // Mәdeni mұra – Kul'turnoe nasledie. – 2015. – № 1. – С. 94–97.

Brusilovskaya E. Stat' chast'yu mirovogo kul'turnogo naslediya / E. Brusilovskaya // Kazahstanskaya pravda. – 2014. – 25 iyulya. – С. 13.

Burbaeva S. Kul'turnoe nasledie – obshchechelovecheskoe dostoyanie / S. Burbaeva // Kazahstanskaya pravda. – 2020. – 6 yanv. – С. 3.

Zhumabaev B. E. Sakral'noe v soznanii kazahov / B. E. Zhumabaev // Mәdeni mұra – Kul'turnoe nasledie. – 2020. – № 2. – С. 49–53.

Kadyrov B. Dragocенное nasledie / B. Kadyrov // Kazhstanskaya pravda. – 2011. – 1 yanv. – S. 5.

Kozha M. B. Obnaruzhenie ostatkov «dlinnoj» vneshnej steny gorodishcha Otrartobe / M. B. Kozha // Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo naslediya Kazhstana. Nauchnye chteniya pamyati N. E. Masanova: sb. mat-lov mezhdunar. nauch. konf. – Almaty, 2010. – 544 s.

Kulumzhanov N. E. Fenomen sakral'nogo v tradicionnoj kul'ture tyurkskih nomadov / N. E. Kulumzhanov. – Almaty, 2022. – 207 s.

Kulumzhanov N. E. Fenomen sakral'nogo v tradicionnoj kul'ture tyurkskih nomadov / N. E. Kulumzhanov. – Almaty, 2022. – 207 s.

Kydyralina Zh. U. Politika pamyati i sakralizacii prostranstva kak faktor nacional'noj identichnosti / Zh. U. Kydyralina // Mәdeni mұra – Kul'turnoe nasledie. – 2020. – № 2. – S. 87–95.

Medeubajkyzy A. Nasledie tyurkskih plemen / A. Medeubajkyzy // Dostyk – Druzhba. – 2007. – № 11. – S. 54–57.

Nitchenko Yu. Obshchenacional'nyj proekt «Mәngilik mұra» zapustyat v Kazhstane // Komsomol'skaya pravda. – 2015. – 23 iyulya. – S. 5.

Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov. – M.: Mir i obrazovanie, 2013. – 736 s.

Sagitova A. Sakral'noe v serdce / A. Sagitova // Zvezda Priirtysh'ya. – 2017. – 5 sent. – S. 4.

Sauranbaev N. T. Russko-kazahskij slovar' / N. T. Sauranbaev, G. G. Musambaeva, Sh. Sh. Sarybaeva. – Almaty: Dajk-Press, 2005. – 1152 s.

Sejdimbek A. Mir kazahov. Etnokul'turologicheskoe pereosmyslenie: ucheb. pos. / A. Sejdimbek. – Almaty: Rauan, 2001. – 576 s.

Selezneva E. N. Kul'turnoe nasledie v kontekste makroistoricheskoy dinamiki / E. N. Selezneva // Observatoriya kul'tury. – 2006. – №5. – S. 4–11.

Tajlor E. B. Pervobytnaya kul'tura / E. B. Tajlor; per. s angl. – M.: Izd-vo polit. lit-ry, 1989. – 573 s.

Timoshinov V. I. Kul'turologiya: Kazhstan – Evraziya – Vostok – Zapad: ucheb. pos. / V. I. Timoshinov. – Almaty, 2003. – 400 s.

Haruzin N. Kөshpeli zhәne zhartylaj kөshpeli tүrik zhәne monғol halыqtaryнuң tүргyn үjleriniң damu tarihy: tolyқ / N. Haruzin. – 2-bas. – Astana: Altyn kitap, 2007. – 183 s.

УДК 294.3(517.3)

ББК 86.39(5Мо)

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-114-118

Н. Д. Цыренова

БУДДИЙСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ В ЧЕСТЬ БЕЛОГО МЕСЯЦА
ПО МАТЕРИАЛАМ «РЕГЛАМЕНТА МОНАСТЫРЯ
ГАНДАН ОТ 1840 Г.»

Статья вводит в научный оборот ранее не исследованный источник «Регламент монастыря Гандантегченлина 1840 г.» на старомонгольской письменности. На основе перевода фрагментов текста из данного источника приводятся и анализируются некоторые религиозно-этнографические данные, связанные с подготовкой и проведением богослужений в честь монгольского Нового года Цагаан сар (Белый месяц) в монастыре Гандантегченлин эпохи Цин.

Ключевые слова: Монголия, монастырь, Гандан, богослужение, этнография, реалии и практики, музыкальные инструменты, источниковедение.

N. D. Tsyrenova

BUDDHIST WORSHIPS IN HONOR OF THE WHITE MOON
HOLIDAY BASED ON THE “REGULATIONS
OF THE GANDAN MONASTERY OF 1840”

The article introduces a previously unexplored source “Regulations of the Gandantegchenlin Monastery 1840” into scientific circulation in Old Mongolian script. Based on the translation of text fragments from this source, some religious and ethnographic data related to the preparation and conduct of worships in honor of the Mongolian New Year Tsagaan Sar (White Month) in the Gandantegchenlin monastery of the Qing era are presented and analyzed.

Keywords: Mongolia, monastery, Gandan, worship, ethnography, realities and practices, musical instruments, source studies.

Письменные архивные документы по истории монгольских монастырей эпохи Цин являются важными источниками сведений об этнографических реалиях духовной и материальной культуры монгольского буддизма, буддийской сангхи, а также о специфике ритуально-хозяйственных и управленческих практик буддийского сообщества той эпохи. Изучение конкретных религиозных систем дает картину истории общества, образа жизни народа, социальных, духовных ценностей и потребностей людей, закономерностей развития духовной культуры. Одним из важнейших источников такого рода является «Регламент монастыря Гандантегченлин от 1840 г.». Машинописная копия хранится в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН под шифром БМ 626 (тетрадь, китайская тонкая бумага, 26,5x26 см) [Ванчикова 2016: 9]. Оригинал источника находится в библиотеке монастыря Гандантегченлин. Документ представляет собой рукописный текст, написанный на классической монгольской письменности кистью (черной тушью) каллиграфическом почерком, расположенный в две вертикальные колонки на 170 листах с одной стороны, сложенных вдвое и сшитых по левому краю в виде квадратной тетради, в твердой обложке, наружная часть обложки обшита желтой тканью, внутренняя – красной. Размер тетради составляет 26,5x26 см, размер текста – 10x18 см. Тонкая китайская бумага, цвет белый, с вкраплениями растительных волокон, края листов ровные. Источник написан в период, когда главами монгольского буддизма были V Богдо-гэгэн и Агванбалдан

ЦЫРЕНОВА Номинь Дондоковна – аспирант, младший научный сотрудник лаборатории Центра переводов с восточных языков Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: nomin_n@mail.ru.

цоржи [I]. В общей сложности описание весенних хуралов в «Регламенте» занимает 48 листов, из них 23 листа – описание ежедневных хуралов с 1-го дня (новолуние) до 15-го дня (полнолуние) 1-го месяца года (Белого месяца). При этом хуралы описаны с разной степенью подробности, что, по всей видимости, связано с важностью того или иного хурала.

В рамках статьи мы выявили и представили процедурные особенности проведения подготовительных храмовых мероприятий, связанных с празднованием и отправлением ритуалов, относящихся к *Цагаан сар*, или к Белому месяцу.

Следует сказать, что большой вклад в изучение вопросов, связанных с богослужениями монастыря Гандан, внес российский монголовед А. М. Позднеев. В своей монографии «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу» он отмечает, что «Цаган сара считается новолетием и главнейшим из годовых праздников в общественной жизни монголов; назначение же совершения великого хурала именно в течение шестнадцати суток обуславливается в ламской канонике необходимостью принесения молитв во 1-х, по случаю новолетия; во 2-х, по случаю воспоминания о совершении в эти дни Буддою Шигэмунием различных чудес в доказательство истинности проповедуемой им веры и божественности ей происхождения; и в 3-х, наконец, по случаю воспоминаний о победах, одержаны Буддою над шестью лжеучителями, которые в Энэтхэк (Индии) начали вооружать народ против новой веры и желали торжественно опровергнуть шигэмуниево учение» [1993: 276–277]. Также важно отметить, что все зарубежные монголоведы в своих исследованиях опираются именно на научные изыскания проф. А. М. Позднеева.

В процессе анализа и перевода названий хуралов было установлено, что составители «Регламента» в ряде случаев допускали отдельные ошибки при передаче в старомонгольской транслитерации тибетских названий хуралов Нового года.

Ниже мы приводим перевод фрагмента «Регламента», дающий ясное представление о специфике подготовки и проведении новогодних богослужений.

«Первый день первого весеннего месяца по лунному календарю. Порядок проведения хурала Цэдор-Лхамо» [Töri gereltü-yin... 1840: 2r–13v].

В час мыши (промежуток времени ночью между 00:00 и 02:00) лама-посыльный (*мэдээчи*) [II] должен сообщить во дворец *Дэчэнгалав* [III] о том, что настало время дать сигнал трубы, чтобы разбудить всех (*seregülge бүрийе*). После получения сообщения трубач трубит в духовой инструмент *дархан-ганлин* (*darqan yaling*) [IV] или *мунгут* три раза, после сигнала трубы аймаки и отоки (*орон*) подают ответные сигналы трубы [Ibid.: 2v].

Далее из «Регламента» следует, что хуралы читают следующие ламы: хамбо, цоржи хубилганы, цогчен-гэбкуй, умзад, умзад *гурэм* [V], *тойны*, *шингээгчид* (монг. *singgečüd*, новые послушники, хуараки первого или второго года), *ганданчин* и др. [Ibid.]. Очередность перечисления лам-участников, по всей видимости, отражает их статус.

Примечательно, что «Регламент» предписывал монахам ношение конкретных видов монашеской одежды, однако предписания касались только хуараков. Они должны были надевать чистую одежду и жанчи (*čigmel jangči*) с шапкой-оводой [VI].

Затем авторы «Регламента» приводят перечень молитв первого дня Нового года: «в полном объеме читать молитву *ламачодба* (*bla ma'i mchod pa*) и *жигжид* с музыкальным сопровождением [VII] (*dbyangs gdangs*), *ламачодба* с *дуншиг* (*ltung bshags*), *тунраб* (*'khrungs rabs*) с *даншуг* (*brtan bzhugs*), полное старое музыкальное сопровождение *Лхамо*, байлхин [?]. Во время молитвы *лхалайванзур* (*Lha las dbang*) без *дүйнзэна* извещают о приходе гэбкуй, который появляется во время молитвы *мэгзэм*. Богдо-гэгэн начинает *лхалайванзур*, далее умзад начинает чтение четверостиший (*dörben soluy-a*). Богдо-гэгэн начинает *baljisügle* (*dpal gyi gzugs la*), еще один умзад начинает *чодлодо[д]жин* (*khyod la bstod cing*)» [Ibid.]. В особых случаях, когда в тексте источника упоминается имя Богдо-гэгэна, авторы используют термин-заместитель «высочайший». При этом строка с этим словом выносится выше уровня остального текста. Например, «одобрение высочайшего» (*deger-e ailadqaqu*), «высочайший делает под-

ношение» (*deger-e ningder ergükü*) и т. д. [Törü gereltü-yin... 1840: 2v–3r]. Данная особенность в оформлении текста источника красноречиво говорит о высочайшем сакральном статусе Богдо-гэгэна в глазах буддийского сообщества.

Сразу после перечня молитв первого дня авторы источника отмечают, что после того, как умзад-лама начинает молитву *чодлодо[д]жин*, помощники подают чай *манжи* (*cai-yin joo ergüjü mangji bariqu*). Все встают, подносят *танраг* (тиб. *gtang-rag*), после этого гэбкуй разбрасывает горсти-зерна. Далее ламы читают следующие тексты: *сарсибалжир* (*srid zhi dpal 'byor*), *лодойсамбуу* (*blo gros bzang po*), *жибзундамба* (*rje btsun dam pa*), *жанчогдоби* (*byang 'gro ba'i*), *балдандоби* (*dpal ldan 'gro ba'i*), *эрибогежи* (*ri bo dge rgyas*), *жибзонблама* (*rje btsun bla ma'i sku tshe*). А хуралы *жалдуннид* (*rgyal bsan nyid*), *ламичогсум* (*bla ma mchog gsum*), *додгужурва* (*'dod dgu 'byor ba*) исполняются с музыкальным сопровождением [Ibid.: 3r]. В оригинале вместо слова «хурал» стоит слово «четверостишья» (*dörben soluy-a*). Названия текстов не имели заголовков как таковых, поэтому они именовались по первым строкам (четверостишиям) самих хуралов.

При поднесении Богдо-гэгэном божествам *няндар* (монг. *ningdar*, занавеска перед фигурой бурхана) все ламы держат хадаки, затем *човомбо*-лама забирает *няндар* у Богдо-гэгэна и подносит божествам. В это время ламы читают молитву *ова* (*bsngo ba*) и *танраг*, *ерөөл жигжид* – *дидаржиби* (*'di ltar bgyi ba'i*), гэбкуй подносит зерно. Ламы читают три раза молитву *базарсада* (*yig brgya*). После окончания молитв ламы-помощники подают ламам горячее питание (*уураг таташ* – суп с лапшой). Далее авторы «Регламента» отмечают, что после подачи питания не следует читать молитву *жамчод*. После этого двое или четверо лам проводят диспут (монг. *čangnada*, *ном хаях* или *дасгал*), ламы, гэбкуй, умзад и хубилганы совершают поклоны, возносят слова пожелания счастья. Далее читают молитву *Даши Жигжид* (заключительная часть текста Ямантаки), *Даши Лхамо* (заключительная часть текста богини Лхамо), *дамбарма* (*bstan 'bar ma*), *бандэжунби* (*phan bde 'byung ba'i*), *дагдансанжи* (*bdag dang sangs rgyas*). На этом богослужение завершается. Далее идет описание музыкального сопровождения во время богослужений.

Для обряда *явдар* [VIII] необходим один белый соном-хадак и один черный даши-хадак. Во время молитвы *жандан* (*sruan drang*) четыре раза звучит труба *гандан*. Ламы призывают сахюусанов во время чтения молитвы *чанайбужи* [?], четверостишья – *шинчинлегсуг* [?] и *буйбачана* [?].

Затем следует специальный ритуал подношения чая *жамчод* (*цай өргөх ном*), сопровождающийся специальными молитвами. Чай в первый раз подают во время молитвы *хамсумба* (*khams gsum pa*) *Жигжиды* (*'jigs byed*). Во время чаепития читают молитвы *жамчод дэнбанимэд* (*'dren pa mnyam med*). Второе чаепитие – в начале молитв *жандан*, *жамчод бунчогсум* (*phun tshogs sku gsum*). Третий раз – во время *гансу* (*bskang so*), *жамчод дубабула* (*sgrub pa po la*). Горячее питание (монг. *чаб*) подается во время восхвалений-*магталов*, *омлайдая* (*aom las*). Четвертое чаепитие предусмотрено в начале молитв *лхалайванжор*, *жамчод гусунлхундуб* (*sku gsung lhun grub*). Последнее чаепитие проходит во время ужина. Таким был распорядок богослужений во время первого дня *Цагаан сара*.

В источнике подробно описана подготовка музыкальных инструментов для проведения богослужений. Среди них авторы «Регламента» упомянули трубы-*бурэ*, рожки-*бишгүүр*, большие зеленые барабаны (*kenggerег*), большой селнин (*selning*), белое *бурэ* с одной парой *цан* [Ibid.: 2v, 3v]. В роли трубачей и горнистов выступали хуваракы, выбираемые из землячеств-аймаков, при этом у каждого аймака был свой сторож-*дуганчи*, который приносил и уносил трубы и рожки из казначейства (*Их-сан*) [Ibid.: 4r]. Подробная информация об инструментах приведена в работе А. М. Позднеева [1993: 104, 106, 161, 165].

Также важно отметить, что аймачные дуганчи и их-ламы-*мэдээчи* должны были за день до проведения ночных хуралов уточнить списки лам, подтвердивших личное участие в предстоящих хуралах. Это делалось для подготовки соответствующего количества *циновок-дэвсгэр* для участников богослужений, что свидетельствует о том, что наличие *циновок* было важным элементом богослужебного протокола.

Обычно, когда проводят большие богослужения в храме *Баруун-өргөө*, умзад начинает молитву, когда соберутся все цоржи-ламы. Лама-*өргөөчин* отвечает за питание хамбо-лам; за питание цоржи, гэбкуй и умзада отвечает лама в должности цогчен-*дуганчин*. В случае отсутствия кого-либо на богослужении за питание всех лам в храме Баруун-өргөө отвечает лама-*өргөөчин* [Törgü gereltü-yin... 1840: 4г–4в]. *Дуганчи* приносит и уносит сидения (*эсгий*), а *өргөөчин* (ответственный за уклад жизни) готовит циновки. Когда гэбкуй приходит в *Баруун-өргөө*, он держит в руках курительные палочки-*хужэ*, которые получает *өргөөчин* во внутреннем казначействе-*сане*. *Човомба* из храма *Баруун-өргөө* расставляет блюда с зерном для подношения (*motur-un tariy-a*) по краю стола. Он получает из внутреннего казначейства-*сана* сосуд-*капала* и накидки-*дингав* для подношения *нанчид*, их расставляет *сойвон* [IX] – сопровождающий лама (*baraу-a boluуаcin*).

На богослужении в честь Жигжида и Лхамо подносят 21 часть (*йу-е*) *балин*, 100 чашек-*тахил*, 7 чашек с молозивом-*уураг* [X], 7 чашек-*сугсэ* (на ножке) с *жимс*, 7 чашек риса.

Завершающий этап богослужений в честь Нового года в «Регламенте» описан следующим образом: «16-го числа после вечернего богослужения гэбкуй докладывает шанзодба-нойону, что все хуралы провели успешно, и подносит 4 лошади» [Ibid.: 24г].

Таким образом, в статье представлен авторский перевод старописьменного монгольского источника по богослужениям первого весеннего месяца в монастыре Гандан, а также приведен перечень терминов, обозначающих этнографические реалии и практики того времени, монастырские должности, буддийскую ритуальную утварь, музыкальные инструменты и элементы одежды. Это позволяет расширить представление об особенностях жизни и быта монастырей, их административного устройства, литургических ритуалов и обрядов, символики и многих других вопросов, связанных с монастырским укладом. Вместе с тем очевидно, что семантика целого ряда этнографических терминов все еще остается малоизученной и требует дальнейших источниковедческих и справочных изысканий.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI в. в контексте межцивилизационного взаимодействия»)
№ 121031000302-9.

Примечания

I. Лхарамба Агванбалдан (Лувсанбалдан) с 1838 г. был цоржи-ламой Их-хурэ [Монголын... 2012: 150].

II. Оповещающие ламы, которые должны призывать к богослужениям или ударами в харанга, или трубя в бурэ и раковину [Позднеев 1993: 161].

III. Монг. *dicingyalab*, тиб. *bde chen skal pa*. Богдын-шар-ордон, дворец Богдо-гэгэна [Богдын ордны... 2019: 8]. Храм Дэчэнгалав, тантрический факультет, был основан в 1739 г. [Пурэвжав 1961: 17].

IV. *Ганлин* – монг. *ṣimügen büriy-e* – духовой инструмент, состоящий из трех частей, причем средняя делается из берцовой человеческой кости, а две крайние – из серебра. Звуки *ганлина* должны напоминать собою ржание мифического коня «ачжинай морин», который переносит верующих из этого мира в блаженные обители Сукхавади [Позднеев 1993: 106]. *Дархан-ганлин* является, возможно, одной из разновидностей.

V. Храм или место, где ламы читают молитвы по требам верующих и где проводят обряд *гурэм*.

VI. *Обоодай* – монашеский головной убор с тканью красного цвета внутри, желтого – снаружи, сшита из восьми частей, с кисточками.

VII. Монг. *эгшиг аялга*. тиб. *yang dang*. Музыкальное сопровождение культовых текстов, читаемых ламами при проведении разных ритуалов.

VIII. *Явдар* – обряд призвания сахиюсанов. В «твердых» деяниях отмахивают прочь черным хадаком, в умиротворяющих деяниях белым хадаком призывают к себе [Богдын ордны... 2019: 58].

IX. Заведующий личным штатом хутухты. «Собственно должность начальника хутухтинского штата исполняет один лама и только у ургинского Джебзундамба хутухты сойбун полагается четыре ламы. Но в последнее время должность сойбун в Халхе стала обозначать в ведомстве каждого хутухты и при каждом хутухтинском монастыре можно встретить несколько» [Богдын ордны... 2019: 168].

X. Молозиво коровье – раннее молоко, получаемое в первые несколько дней после начала лактационного периода.

Источник и литература

Törü gereltü-yin qoriduᠭar on qabur-un dumdadu sarayin arban tabun-u delgeregsen sayin edüre rebogijiyigangdangšaddubling-yin eldeb qural nom-un ᠶurim deglem kiged baling takil ba manji čab jed terigüten-yi čuqum šin-e qaᠷučin yosuᠷar dangsa // Библиотека монастыря Гандантегченлин. – 170 л.

Ванчикова Ц. П. О монастырских уставах на монгольском языке / Ц. П. Ванчикова // Культура Центральной Азии: письменные источники. – 2016. – № 9. – С. 5–35.

Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу / А. М. Позднеев. – Изд. репринт. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 512 с.

Богдын ордны тахилч албаны хүмүүсний алба ба хэрэглэлийн данс / перелож., коммент. Няммягмар. – Улаанбаатар: Би Си Ай, 2019. – 112 х.

Монголын сүм хийдийн түүхээс / эмхэтгэсэн: Б. Эрдэнэбилэг, Ш. Сонинбаяр, Н. Амгалан. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. – 341 х.

Пүрэвжав С. Хувьсгалын өмнөх их хүрээ / С. Пүрэвжав. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхэлэх хороо, 1961. – 165 х.

References

Törü gereltü-yin qoriduᠭar on qabur-un dumdadu sarayin arban tabun-u delgeregsen sayin edüre rebogijiyigangdangšaddubling-yin eldeb qural nom-un ᠶurim deglem kiged baling takil ba manji čab jed terigüten-yi čuqum šin-e qaᠷučin yosuᠷar dangsa // Biblioteka monastyrya Gandantegchenlin. – 170 l.

Vanchikova C. P. O monastyrskih ustavah na mongol'skom yazyke / C. P. Vanchikova // Kul'tura Central'noj Azii: pis'mennye istochniki. – 2016. – № 9. – S. 5–35.

Pozdneev A. M. Oчерki byta buddijskih monastyrej i buddijskogo duhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniem sego poslednego k narodu / A. M. Pozdneev. – Izd. reprint. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1993. – 512 с.

Bogdyn ordny tahilch albany хүмүүсний алба ба hereglelijн данс / perelozh., komment. Nyammyagmar. – Ulaanbaatar: Bi Si Aj, 2019. – 112 h.

Mongolyn сүм hijdijn түүhees / emhetgesen: B. Erdenebileg, Sh. Soninbayar, N. Amgalan. – Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2012. – 341 h.

Purevzhav S. Huv'sgalyn өмнөх ih hyree / S. Pyrevzhav. – Ulaanbaatar: Ulsyn hevlelijн hereg erhelekh horoo, 1961. – 165 h.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-119-123

В. П. Тараруев

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ВОСТОКОВЕДА Э. Э. УХТОМСКОГО

В статье рассматриваются геополитические идеи известного в конце XIX в. русского дипломата и востоковеда князя Э. Э. Ухтомского относительно перспектив усиления влияния России на Дальнем Востоке. Рассматриваются его работы, посвященные внешней политике России в данном регионе, в контексте развития на рубеже XIX–XX вв. отечественной геополитической мысли, в т. ч. ее проазиатского направления, получившего название «восточничество», видным представителем которого и был Э. Э. Ухтомский.

Ключевые слова: восточники, Э. Э. Ухтомский, Дальний Восток, Маньчжурия, Китай.

V. P. Tararuev

GEOPOLITICAL VIEWS OF ORIENTALIST E. E. UKHTOMSKY

The article deals with the geopolitical ideas of Prince E. E. Ukhtomsky, a well-known Russian diplomat and orientalist of the late 19th century, regarding the prospects of strengthening Russia's influence in the Far East. His works devoted to Russia's foreign policy in this region are considered in the context of the development at the turn of the 19th – 20th centuries domestic geopolitical thought, including its pro-Asian direction, called "Orientalism", of which E. E. Ukhtomsky was a prominent representative.

Keywords: Orientalists, E. E. Ukhtomsky, Far East, Manchuria, China.

С 2014 г. в России, в контексте обострения отношений со странами Запада, возникла необходимость так называемого «поворота на Восток». В первую очередь речь идет о расширении партнерских отношений с Китаем, Северной Кореей, Монголией – теми государствами, с которыми Российская империя активно взаимодействовала, укрепляясь на Дальнем Востоке. В связи с этим представляет интерес исторический опыт взаимодействия на этих направлениях и геополитические идеи, выдвигаемые в начале XX в. русскими публицистами, дипломатами и военными деятелями.

Геополитическая мысль России, связанная с Дальним Востоком, начала активно развиваться в XIX в. в связи с расширением империи в сторону Тихого океана, активным освоением сибирских и дальневосточных территорий, а также конфликтом интересов на этом направлении с другими державами. Требовались различные проекты освоения новых территорий и их защиты от притязаний иных государств. В России стали развиваться собственные «школы» геополитики, одной из которых стало так называемое «восточничество». Этим термином обозначают зародившееся в XIX в. ответвление «проазиатски» настроенных славянофилов или русских ориенталистов, чьим основным объектом интереса выступали страны Дальнего Востока и Южной Азии. Это были сторонники мирного сближения, мыслители, романтизовавшие Восток и продвигающие идеи особой культурно-цивилизационной близости России и народов Азии. Отметим, что экспансия России на Восток вынуждала к поискам некоего идеологического обоснования, а площадь восточных приобретений намного превышала «метрополию» на Западе, что закономерно ставило вопрос, является ли Россия Европой, или уже Азией? «Появление в конце XIX – начале XX вв. таких

ТАРАРУЕВ Василий Павлович – соискатель ученой степени ЦИПТ Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: Fragat5@mail.ru.

представлений стало ярким выражением поворота к Востоку в интеллектуальной и духовной жизни российского общества. Являясь обоснованием устремления России на Дальний Восток, «восточничество» выступает и как имперская идеология» [Суворов 2015: 5].

Самой видной фигурой среди «восточников» стал князь Эспер Эсперович Ухтомский – дипломат, востоковед, советник императора. Он сопровождал цесаревича в путешествии по Азии, изучал буддизм и активно продвигал идею особой общности России с Востоком. Его, как самого яркого представителя одного из четырех основных «дальневосточных» геополитических учений рубежа XIX–XX вв., выделял канадский историк Дэвид Схиммельпенник ван дер Ойе [2009: 31].

Наиболее полно идеи Э. Э. Ухтомского выражены в труде «К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку» [1900]. Работа по сути своей – манифест о культурной и ментальной близости России и стран Востока. «Восток» Э. Э. Ухтомский определял как «совокупность культурных особенностей ислама, браманизма, буддистских разветвлений, конфуцианства и т. п.» [1895: 3] и подчеркивал его сильное отличие от «западных наций». Книга пронизана рассуждениями о том, что Россия, в отличие от стран Европы, не ощущает Восток чуждым, что русским легче понимать древние культуры Азии. Э. Э. Ухтомский утверждал: «Ничего нет легче для русских людей, как ладить с азиатами. Между ними и нами – такое сочетание единомыслия по существеннейшим жизненным вопросам, что некоторого рода родство душ всегда определяется быстро и самым тесным образом. При глубоком, почти коренном различии психофизического облика, японец и простого звания русский все как-то братски ближе друг к другу, чем к европейцам» [1900: 82].

Э. Э. Ухтомский особое внимание уделяет жесткой критике обращения с коренным населением, которое допускали в своих азиатских владениях Англия, Франция и другие европейские державы. Он приводит случаи жестоких расправ над непокорными аборигенами, произвола солдат по отношению к населению колоний, между делом отмечая, что Россия не позволяла себе подобных инцидентов на присоединяемых азиатских территориях, даже при суровых нравах XVI в. Напомним, XIX в. – эпоха расцвета европейских колониальных империй, фактически разделивших между собой территории Африки и Азии и продолжавших конкурировать за доминирование в Китае. И заявления, которые делал Э. Э. Ухтомский, можно рассматривать как обоснование возможности России возглавить в мире антиколониальное движение, что ослабило бы ее соперников на мировой арене. Сходная критика колониальной политики западноевропейских стран имела место и в работе правоведа Ф. Ф. Мартенса «Россия и Китай», где осуждалась практика английской торговли опиумом [1881: 63–67].

Но главная задача труда Э. Э. Ухтомского – дать некое культурно-историческое и морально-философское обоснование движения России на Дальний Восток. По его мнению, «наше поступательное движение в Азии» было естественным и еще не завершенным процессом, обусловленным исторической и культурной близостью с Востоком. «Когда европейцы устремлялись искать приключений и наживы, пришельцев встречали там диковинные для них иноверно-иноязычные расы, с диаметрально противоположной цивилизацией, такие начала, естественно тотчас же вступали в борьбу не на жизнь, а на смерть – в результате чего получалась гибель слабейших элементов. Между тем, наши восточно-русские пионеры (полупромышленники, полуразбойники) – невольно расширяя черту окраин, – на каждом шагу открывали не новый, и по временам безусловно враждебный мир, но зачастую с детства знакомый по облику и речи, по обычаям и повадкам добродушный инородческий люд, с которым вовсе не трудно было, смотря по обстоятельствам – сражаться или ладить, по мере похода вглубь азиатского материка» [1900: 79]. Отсюда князь выводил и более гуманное отношение русских первопроходцев к автохтонному населению азиатских территорий, затрагивал тему смешения русских с коренными народами Азии, подчеркивал ментальную близость и отсутствие конфликтов с восточными цивилизациями на религиозной почве. Все это было подводкой к своего рода манифесту русской экспансии на Восток, которым он завершал работу. «В Азии для нас в сущности нет и не может быть границ,

кроме необузданного, как и дух Русского народа, свободно плещущего у ее берегов необъятного синего моря. ... Но для Всероссийской державы нет другого исхода: или стать тем, чем она от века призвана быть (мировою силою, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения, потому что Европа, в конце концов подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы для русских со временем будут еще опаснее, чем западные иноплеменники. Погибели нашей, или унижения грядущего естественно и в помыслах допускать нельзя!» [Ухтомский 1900: 84–85]. То есть необходимость экспансии здесь обосновывается алармистским призывом опередить европейских конкурентов, иначе те сумеют настроить народы Азии против России. Попутно автор отвечает также на аргументы тех, кто считает, что Россия и так присоединила слишком много территорий, которыми сложно и дорого управлять.

Он отмечал, что Россия могла бы легко аннексировать китайские территории, но не делает этого из принципов и великодушия. «Из всех государств, могущих оказывать подавляющее влияние на империю богдыханов по географическому положению, Россия занимает первенствующее место. Захоти она, и завтра же Кашгария, Монголия свободно окрасятся в наши цвета, лишая китайских правителей не только половины владений, но и остатков престижа в Азии», – писал князь в публикации «Из китайских писем» [Он же 1901: 27].

Там же он отмечал, что своими прозападными настроениями и некоторым пренебрежением интересами России, которая помогла правящему китайскому дому подавить «боксерское восстание», Китай может побудить Россию «совершить многое исторически predetermined» и наперекор «искренне миролюбивым и консервативным намерениям» [Там же]. Оценки Э. Э. Ухтомского и его современников (Н. М. Пржевальский, П. А. Бадмаев, И. И. Попов) относительно возможности легкой вооруженной аннексии китайских территорий 20 лет спустя подтвердил барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг, чья сравнительно малочисленная дивизия, испытывавшая сложности со снабжением, легко разгромила в Монголии китайские войска.

Что касается прогнозов князя о «пробужденных не нами азиатских народах», их в какой-то мере подтвердила Русско-японская война. Япония, долго контактировавшая с западными державами, стала враждебна России, Англия и США оказывали в этой войне ей поддержку. Причину конфликта с Японией князь во многом видел в неиспользованной возможности сблизиться ранее. «Вот уже десятки лет, как нам надо было быть с японцами *aux petits soins*, привязывать их к себе, руководить ими как младшими братьями, видеть в них естественных союзников против Запада, напирającego на просыпающийся Восток. Между тем, происходило диаметрально противоположное», – писал он в работе «Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению» [Он же 1904б: 7]. В итоге Япония, воспитавшая своих интеллектуалов в европейских странах, «постепенно проникалась слепую, неизъяснимую неприязнью к России, олицетворяющей будто бы собой одну грубую силу, вероломство и произвол» [Там же: 7].

Следует также отметить, что Э. Э. Ухтомский считал важным геополитическим фактором сохранение самодержавия, ведь народы Азии уважают образ «Белого царя», иначе «Без него Азия не способна искренне полюбить Россию и отождествиться с нею» [Он же 1900: 87].

Идею, что для России в Азии нет границ, князь излагал и в более ранних трудах.: «Мы до сих пор не имеем, да и не можем найти за Каспием, Алтаем и Байкалом ясно очерченного рубежа, естественно точной демаркационной линии, за которой бы кончалось собственно “наше”. Оттенки перехода, особенно от русских владений к китайским, столь неуловимы, что и выразить нельзя», – говорилось в его трехтомнике о путешествии цесаревича Николая II на Восток [Он же 1895: 132].

Можно добавить, что Э. Э. Ухтомский большое внимание уделял изучению буддизма, выступал против принудительных мер в русификации населения Забайкалья и рассматривал буддистов, оказавшихся подданными России, как своего рода инструмент для расширения русского влияния в Азии. Но и тут, по его мнению, Россия упустила возможность взять под влияние мировой центр буддизма, и ее вновь опережает

Англия. «Мы же опоздали со своим смутно осуществляемым стремлением войдти в более интимное общение с царством Далай-ламы. Россия, имеющая все данные быть первой в этом отношении, благодаря своим бурятам и калмыкам, благодаря своим монголистам и путешественникам по Центр. Азии, – Россия, имеющая таких разносторонних знатоков буддизма как С. Ф. Ольденбург, таких замечательных этнографов как Д. А. Клемонц, теперь чуть ли не из чужих рук станет получать важнейшие сведения о тяготевшем к нам Тибете», – писал он в работе «Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет» [Ухтомский 1904а: 128].

Уже при жизни его идеи подвергались жесткому осуждению. Так, историк и географ П. М. Головачев в работе «Россия на Дальнем Востоке» немало внимания отвел критике как восточничества в целом, так и конкретно построений Э. Э. Ухтомского. Он давал им такие оценки, как «сентиментальные фикции», «праздная игра ума», «фантазии, созданные искусственно, на почве мистицизма, недостаточной осведомленности, и просто “пленной мысли раздраженья”» [1904: 15–16]. П. М. Головачев отмечал, что народам Востока логичнее воспринимать европейскую культуру от «первоисточников», а не от носителей, по Э. Э. Ухтомскому же, «тусклого отражения». В пример приводилась Япония, которая, недавно восприняв западные достижения, уже начала опережать Россию. Также подчеркивалось, что европейские державы активно продвигают в Азии свою культуру, занимаются миссионерством, строят инфраструктуру и внедряют образование. Но главное – активно изучают Восток через многочисленные научные учреждения, тогда как в России имеется лишь «юный и жалкий институт во Владивостоке». «Подобные фантастические идеи не только свили себе прочное гнездо в умах людей известной психической категории, но имели значение и для активной политики России на Дальнем Востоке, и беспристрастная история русско-японской войны, которая будет располагать всеми необходимыми условиями для полного восстановления истины, укажет долю влияния этих фантастических идей в подготовке событий, происходящих теперь на Дальнем Востоке» [Там же: 17].

Уже позже советский историк Б. А. Романов охарактеризовал князя так: «Наивно-восторженный газетный воспеватель русского будущего в Китае» [1928: 108].

Следует отметить, что именно Русско-японская война поставила под сомнение идеи дальнейшей экспансии в Азию, в т. ч. и «восточничество». Но при другом ее исходе идеи Э. Э. Ухтомского, при всей их склонности к отвлеченному романтизму, стали бы важным идеологическим базисом для освоения новых территорий и воспринимались бы совсем иначе. Вскоре же началась Первая мировая война, завершившаяся крушением Российской империи в результате революции, и планы расширения на Дальнем Востоке утратили актуальность. Тем не менее именно Э. Э. Ухтомский максимально популяризировал идею духовного родства России и Востока, что было очень революционным для указанного периода, когда Европа воспринималась как светоч цивилизации, а Азия – как нечто отсталое и варварское. Тем не менее князь и другие «восточники» сумели добиться того, что их воззрения не стали какой-то маргинальной позицией, а, напротив, вызвали интерес у самого российского императора.

В построениях Э. Э. Ухтомского центральное место занимает именно Китай – в то время крупная страна и формально суверенное государство, поставленное в сильную зависимость от европейских держав и слабое в военном отношении ввиду отсталости армии. Тогда имелась возможность аннексии спорных пограничных территорий, а также усиления российского влияния в Китае, обойдя европейских соперников. В настоящее время внешнеполитическая ситуация на Дальнем Востоке уже совершенно иная, нежели в конце XIX в., проекты расширения территорий России на этом направлении в настоящее время уже неактуальны и стали лишь памятником отечественной геополитической мысли.

Тем не менее сложившаяся с 2014 г. тенденция к сближению со странами дальневосточного региона заставляет присмотреться к построениям мыслителей начала прошлого века, дабы извлечь необходимые уроки для современных политических решений. И здесь старые идеи Э. Э. Ухтомского неожиданно могут получить

«вторую жизнь» – хотя бы в качестве идеологического обоснования для развития внешнеполитических связей, что сейчас очень важно.

В заключение отметим, что хотя князя Э. Э. Ухтомского многие современники оценивали как непрактичного мечтателя, он «вписал золотыми буквами» свое имя в историю развития отношений России и дальневосточных государств. И всякий, посвятивший себя изучению этой темы, неизбежно должен ознакомиться с трудами Э. Э. Ухтомского, чтобы составить полную картину ситуации тех лет.

Литература

- Головачев П. М.* Россия на Дальнем Востоке. / П. М. Головачев. – СПб., 1904. – 216 с.
- Мартенс Ф. Ф.* Россия и Китай. Историко-политическое исследование / Ф. Ф. Мартенс. – СПб.: тип. И. Габермана, 1881. – 90 с.
- Романов Б. А.* Россия в Манчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма / Б. А. Романов. – Л.: Изд. Ленингр. вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1928. – 108 с.
- Суворов В. В.* Восточничество: культурно-историческая концепция и имперская идеология / В. В. Суворов. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. мед. ун-та, 2015. – 105 с.
- Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе. – М: Новое литературное обозрение, 2009. – 421 с.
- Ухтомский Э. Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891: в 3 т. Т. II / Э. Э. Ухтомский. – СПб.; Лейпциг: Ф. А. Брокгауз, 1895. – 132 с.
- Ухтомский Э. Э.* К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку / Э. Э. Ухтомский. – СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1900. – 87 с.
- Ухтомский Э. Э.* Из китайских писем / Э. Э. Ухтомский. – СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1901. – 31 с.
- Ухтомский Э. Э.* Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет / Э. Э. Ухтомский. – СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1904а. – 128 с.
- Ухтомский Э. Э.* Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению / Э. Э. Ухтомский. – СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1904б. – 28 с.

References

- Golovachev P. M.* Rossiya na Dal'nem Vostoke / P. M. Golovachev. – SPb., 1904. – 216 s.
- Martens F. F.* Rossiya i Kitaj. Istoriko-politicheskoe issledovanie / F. F. Martens. – SPb.: tip. I. Gabermana, 1881. – 90 s.
- Romanov B. A.* Rossiya v Manchzhurii (1892–1906). Oчерki po istorii vneshnej politiki samoderzhaviya v epohu imperializma / B. A. Romanov. – L.: Izd. Leningr. vost. in-ta im. A. S. Enukidze, 1928. – 108 s.
- Suvorov V. V.* Vostochnichestvo: kul'turno-istoricheskaya koncepciya i imperskaya ideologiya / V. V. Suvorov. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo gos. med. un-ta, 2015. – 105 s.
- Skhimmel'pennink van der Oje D.* Navstrechu voskhodyashchemu solncu. Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k vojne s Yaponiej / D. Skhimmel'pennink van der Oje. – M: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. – 421 s.
- Uhtomskij E. E.* Puteshestvie na Vostok Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarya Naslednika Cesarevicha. 1890–1891: v 3 t. T. II / E. E. Uhtomskij. – SPb.; Lejpcig: F. A. Brokgauz, 1895. – 132 s.
- Uhtomskij E. E.* K sobyitijam v Kitae. Ob otnosheniyah Zapada i Rossii k Vostoku / E. E. Uhtomskij. – SPb.: Parovaya skoropechatnya «Vostok», 1900. – 87 s.
- Uhtomskij E. E.* Iz kitajskih pisem / E. E. Uhtomskij. – SPb.: Parovaya skoropechatnya «Vostok», 1901. – 31 s.
- Uhtomskij E. E.* Iz oblasti lamaizma. K pohodu anglichan na Tibet / E. E. Uhtomskij. – SPb.: Parovaya skoropechatnya «Vostok», 1904a. – 128 s.
- Uhtomskij E. E.* Pered groznym budushchim. K russko-yaponskomu stolknoveniyu / E. E. Uhtomskij. – SPb.: Parovaya skoropechatnya «Vostok», 1904b. – 28 s.

УДК 94 (510)
ББК 63.3 (5Кит)
DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-124-130

В. Э. Цыремпилова

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ НА КВЖД В КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В.

(на материалах научной онлайн-базы данных Wanfang Data)

Китайские исследователи уделяют достаточное внимание причинам и значению военного конфликта на КВЖД. Анализ материалов научной онлайн-базы данных Wanfang Data помог выявить значительное количество работ, посвященных данной проблеме. Кроме того, в этих работах раскрывается роль Японии в конфликте.

Ключевые слова: КВЖД, Китай, СССР, Япония, китайские исследователи, Чжан Сюэлян, онлайн-база данных Wanfang Data.

V. E. Tsyrempilova

THE SINO-SOVIET CONFLICT OF 1929 IN CHINESE HISTORIOGRAPHY OF THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY (based on the materials of the scientific online-database Wanfang Data)

Chinese researchers give a lot of attention to the reasons and meaning of the Sino-Soviet conflict of 1929. The analysis of materials of the scientific online-database Wanfang Data helped to reveal a considerable amount of works which were dedicated to the problem. Moreover, these works revealed the role of Japan in this conflict.

Keywords: the Chinese Eastern railway (the CER), China, USSR, Japan, Chinese researchers, Zhang Xueliang, online-database Wanfang Data.

Китайская-Восточная железная дорога (КВЖД) имеет долгую и богатую на события историю. Основной идеей строительства КВЖД было усиление влияния царской России и позднее СССР в восточном направлении, что стало причиной нескольких международных конфликтов, одним из которых является Дальневосточный.

Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге был неизбежен. Разразившись в июле 1929 г., он проверил на прочность армии СССР и гоминьдановского правительства. После полугодия активной пропаганды между противоборствующими сторонами был подписан Хабаровский протокол, по которому обе стороны вновь признавали КВЖД совместным китайско-советским предприятием. Кроме того, конфликт также повлиял на международную и внутривосточную, дипломатическую и экономическую ситуации в Северо-Восточном Китае.

История конфликта, его причины и результаты являются объектом изучения со стороны российских и китайских исследователей. В рамках настоящей статьи нами вводятся в научный оборот работы, получившие отражение в онлайн-базе данных Wanfang Data по поисковому запросу «Конфликт на КВЖД/Дальневосточный конфликт» – «中东路事件».

Анализ материалов показал, что китайские ученые придерживаются схожих мнений о причинах, ходе и результатах конфликта. При детальном изучении можно выделить несколько направлений.

В первую очередь можно выделить работы, посвященные непосредственно причинам, ходу и результату конфликта. Так, историография проблемы отражена в статье Тун Сывеня, Ван Цзинцзе (Северо-Восточный педагогический университет, Университет

ЦЫРЕМПИЛОВА Виктория Эдуардовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: vikaliv21@yandex.ru.

Бэйхуа) «Историография Дальневосточного конфликта», в которой авторы проанализировали работы китайских исследователей с 80–90-е гг. XX в. по настоящее время и определили дальнейшие направления изысканий [佟斯文, 王景泽 2016: 80–83].

В работе Хэ Чжэжэнь (Хунаньский университет) «Причины и влияние конфликта» выделены следующие причины: поддержка националистическим правительством развития конфликта, негативное отношение националистического правительства к коммунизму, ошибочная оценка Чжан Сюэляном ситуации в Северо-Восточной Азии, а также амбиции японского империализма [贺哲人 2010: 71–73].

В ряде работ описывается значение конфликта в современной истории Китая: Го Жуймин, Ван Юйся (Музей истории Маньчжурии) «Произошедший в Маньчжурии конфликт на КВЖД 1929 г.» [郭瑞明, 王玉霞 2013: 311, 313], Гао Шивэй (Технологический университет Чжунюань) «Еще раз переосмысливая причины Дальневосточного конфликта» [高世伟 2010: 81–83, 87], Гу Шуцэн «Краткое изложение Дальневосточного конфликта» [贾书曾 2009: 46–47] и др.

В статье Шэнь Сяюяня (Нанкинский университет) «Новое видение конфликта на КВЖД» выдвигается альтернативное мнение о причине возникшего конфликта: противостояние было следствием подстрекательства Чжан Сюэляна с целью вернуть себе права на данном участке [申晓云 2002: 40–49].

В статье Лю Айхуа (Хэйлуцзянский университет) «Обсуждая Дальневосточный конфликт» указывается на необходимость переосмысления причин, характера и оценки настоящего конфликта [刘爱华 2009: 70–72]. Похожая мысль выражена в исследовании Чжан Чжихая «В переломной точке истории – обзор и размышление о Дальневосточном конфликте» [张智海 2010: 4–5].

Следует отметить также магистерское исследование Юй Баочэнь (Яньбяньский университет) «Работа парткома Маньчжурии с населением во время конфликта на КВЖД», которое раскрывает факт, что еще незрелый партком Маньчжурии занимался пропагандистской деятельностью с целью укрепления своих позиций. Автором детально изучена работа парткома в период до и во время конфликта, а также дается ее оценка со стороны международного сообщества [于宝辰 2017].

В работе Сюй Цзинься (Пекинский университет Geely) «Анализ ответной стратегии на Дальневосточный конфликт» раскрывается стратегия проблемы, когда еще неокрепшая Коммунистическая партия Китая (КПК) обратилась за помощью к Коминтерну в отношении происходившего конфликта. Стратегия основывалась на необходимости развития партии, контратаки на гоминьдановский режим и защиты пролетарской родины [许金霞 2014: 49, 51].

Немалое количество исследований посвящено теме роли Чан Кайши и Чжан Сюэляна в Дальневосточном конфликте. Так, в магистерской работе Ван Цзя (Шаньсийский педагогический университет) «Чан Кайши, Чжан Сюэлян и Дальневосточный конфликт» отражаются основные мотивы двух высокопоставленных лиц в отношении конфликта [王佳 2007].

В статье Сяо Цзянцзе и Би Ваньвэня (Кафедра истории партии Китайского народного университета, Академия социальных наук пров. Цзилинь) «Чжан Сюэлян, Чан Кайши и Дальневосточный конфликт: неправильные решения привели к негативным последствиям для страны» рассматривают причинами конфликта неправильную оценку ситуации со стороны Чжан Сюэляна и давление на него, исходящее от Чан Кайши. Эти действия, по мнению автора, стали решающими в развитии конфликта [肖建杰, 毕万闻 2005: 181–186].

В статье Цуй Пиня «Чжан Сюэлян и Дальневосточный конфликт» на материалах биографии самого Чжан Сюэляна раскрываются причины и последствия произошедшего конфликта, а также роль самого Чжан Сюэляна [崔萍 2005: 125–128].

В работе Хэ Чжимина и Сунь Юаня (Сычуаньский педагогический университет) «Новое прочтение причин Дальневосточного конфликта» [何志明, 孙圆 2008: 56–59] также отражается то, каким образом действия Чжан Сюэляна сыграли значительную роль в разжигании конфликта.

Следует подчеркнуть, что все исследования, рассматривающие роль Чжан Сюэляна в произошедшем конфликте, объединяются мнением о его опрометчивых решениях, приведших к возникновению столкновений между СССР и Китаем.

Среди работ китайских исследователей можно проследить тему о роли Японии в произошедшем конфликте. Так, статья Цзинь Лунюня и Бянь Ци (Чанчунский педагогический университет) «Анализ роли Японии в военном конфликте на КВЖД 1929 г.» раскрывает выгоды Японии от конфликта на КВЖД, позволившие ей укрепить свои позиции на Северо-Востоке [金龙云, 边琦 2020: 96–98].

Статья Дон Хуэйя (Аньхойский институт истории) «Анализ позиций СССР, Китая, Японии и США в отношении конфликта» раскрывает позиции руководства стран-участниц конфликта, подчеркивая при этом роль Японии и ее интересы на Северо-Востоке Китая [董慧 2016: 100–103].

Чжан Хунцзюнь и Юй Чживей (Институт истории партии, Ляонинская академия социальных наук) в статье «Дальневосточный конфликт и реакция Японии» рассматривают политику Японии в период конфликта. При этом, по мнению авторов, инцидент подчеркнул значимость железной дороги в развитии международных отношений между Китаем, СССР и Японией [张洪军, 于之伟 2009: 100–103].

Гао Жун (Аньшаньский педагогический университет) в работе «Влияние конфликта КВЖД на инцидент 18 сентября (Мукденский инцидент)» указывает на причины возникновения конфликта на КВЖД, а также на то, каким образом укрепились интересы Японии на Северо-Востоке, что привело к Мукденскому инциденту [高荣 2004: 110–112].

Эти идеи созвучны с точкой зрения Лю Цюаньшуня (Исследовательский институт истории, Академия общественных наук, Хэйлунцзянский филиал) в статье «Состояние Северо-Востока после Дальневосточного конфликта и оккупация Японией Северо-Востока» [刘全顺 2012: 168–170]; Гао Шаня (Хэйлунцзянский университет) в статье «Краткий анализ причин Дальневосточного конфликта и влияние Японского вторжения на Северо-Восток» [高珊 2016: 47–51]; Яо Гунмина, Чжэн Ятина (Ляонинский педагогический университет, Педагогический университет Шэньси) в статье «Попытка изучения влияния японских настроений на конфликт КВЖД» [姚宫明, 郑雅婷 2022: 149–152] и Шень Цзуняня (Музей событий 18 сентября, г. Шеньян) в статье «Влияние конфликта на отношения между Китаем, СССР и Японией» [沈宗艳 2013: 302–313] и др.

Можно также отметить работу Лю Сяньчжуна «Несколько вопросов в процессе изучения Дальневосточного конфликта», в которой приводятся факты неудавшихся попыток западных стран навязать свои идеи в развитие конфликта. Также отмечается, что наличие внешних сил не дало результатов для его разрешения, а лишь способствовало укреплению положения Японии на Северо-Востоке, вплоть до 1945 г. [刘显忠 2009: 79–100].

Особняком стоит исследование Цао Сюмэя (Институт марксизма, Хэйлунцзянский университет) «Анализ политики США и Китая в ходе Дальневосточного конфликта», в котором раскрываются основные цели американского правительства в регулировании конфликта, такие как сохранение статуса Конвенции и проведение политики открытых дверей на Северо-Востоке Китая [曹雪梅 2012: 98–100].

Магистерская работа Хэ Чжэжэня (Хунаньский педагогический университет) «Интеллигенция и Дальневосточный конфликт» занимает особое место среди остальных работ своей новизной и значимостью. Диссертация раскрывает анализ взглядов интеллигентных кругов Советского Союза, а также их эволюцию в ходе конфликта [贺哲人 2010].

Таким образом, анализ материалов онлайн-базы данных по теме конфликта на КВЖД 1929 г. за первую четверть XXI в. показывает интерес со стороны китайского научного сообщества, который выражается в пристальном изучении причин возникновения конфликта, роли Чжан Сюэляна, а также в полной мере раскрывает место Японии в этом конфликте и ее дальнейшее пребывание на Северо-Востоке. Однако, несмотря на достаточную изученность проблемы, некоторыми авторами подчеркивается необходимость более глубоких и тщательных исследований.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.» 22-68-00054.

Литература

Ван Цзя 王佳. Цзян Цзеши, Яжан Сюэлян юй чжундунлу шицзянь [Чан Кайши, Чжан Сюэлян и Дальневосточный конфликт] / Цзя Ван. – Шэньси: Педагогический университет Шэньси, 2007.

Гао Жун 高荣. Чжундунлу шицзянь дуй «цзю и ба» шибяньдэ инсян [Влияние конфликта КВЖД на инцидент 18 сентября (Мукденский инцидент)] / Жун Гао // Ляонин шифан да-сюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэбао) [Вестник Ляонинского педагогического университета. Сер. Социология]. – 2004. – С. 110–112.

Гао Шань 高珊. Цяньси «Чжундунлу шицзянь» цинь ицзи дуй жибэнь циньлюэ дунбэйдэ инсян [Краткий анализ причин Дальневосточного конфликта и влияние Японского вторжения на Северо-Восток] / Шань Гао // Хэйлунцзян шичжи [Исторические записки Хэйлунцзяна]. – 2016. – С. 47–51.

Гао Шивэй 高世伟. Чжундунлу шицзянь чжи юаньбинь цзай жэньши [Еще раз переосмысливая причины Дальневосточного конфликта] / Шивэй Гао // Чунцинцзяотундасюэ сюэбао [Вестник Чунцинского университета путей и сообщений]. – 2010. – С. 81–87.

Го Жуймин 郭瑞明. Фашэн цзай Маньчжоулидэ «Чжундунлу шицзянь» [Произошедший в Маньчжурии конфликт на КВЖД 1929 г.] / Жуймин Го, Юйся Ван // Хэйлунцзян шичжи [Исторические записки Хэйлунцзяна]. – 2013. – С. 311–313.

Гу Шуцэн 贾书曾. Чжундунлу шицзянь гайшу [Краткое изложение Дальневосточного конфликта] / Шуцэн Гу // Хэйлунцзян шичжи [Исторические записки Хэйлунцзяна]. – 2009. – С. 46–47.

Дон Хуэй 董慧. Чжундунлу шицзянь хоудэ гэфан тхайду цзи фэнси [Анализ позиций СССР, Китая, Японии и США в отношении конфликта] / Хуэй Дон // Суйхуа сюэюань сюэбао [Вестник университета Суйхуа]. – 2016. – С. 100–103.

Лю Айхуа 刘爱华. Пин Чжундунлу шицзянь [Обсуждая Дальневосточный конфликт] / Айхуа Лю // Хаэрбинь шивэй дан сяо сюэбао [Вестник Харбинской партийной школы]. – 2009. – С. 70–72.

Лю Сяньчжунь 刘显忠. Чжундунлу шицзянь яньцзючжундэ цзигэ вэньти [Несколько вопросов в процессе изучения Дальневосточного конфликта] / Лю Сяньчжунь // Лиши яньцзю [Исследование истории]. – Пекин, 北京, 2009. – С. 79–100.

Лю Цюаньшунь 刘全顺. Чжундунлу шицзянь хоудэ дунбэй цзюшт юй жибэнь циньчжань дунбэй [Состояние Северо-Востока после Дальневосточного конфликта и оккупация Японией Северо-Востока] / Цюаньшунь Лю // Бяньцзян цинцзи юй вэньхуа [Приграничная экономика и культура]. – Харбин, 哈尔滨, 2012. – С. 168–170.

Сюй Цзинься 许金霞. «Чжундунлу шицзянь» индуй цэлю фэнси [Анализ ответной стратегии на Дальневосточный конфликт] / Цзинься Сюй // Хэйлунцзян шичжи [Исторические записки Хэйлунцзяна]. – 2014. – С. 49–51.

Сяо Цзянцзе 肖建杰. Чжан Сюэлян Цзян Цзеши юй чжундунлу шицзянь – цхоу цзюцэ гэй гоцзя дайдалэ эго [Чжан Сюэлян, Чан Кайши и Дальневосточный конфликт: неправильные решения привели к негативным последствиям для страны] / Цзянцзе Сяо, Ваньвэнь Би // Шэхуэй кхэсюэ чжаньсянь [Фронт социальных наук]. – 2005. – С. 181–186.

Тун Сывэнь 佟斯文. Чжундунлу шицзянь яньцзю шупин [Историография Дальневосточного конфликта] / Сывэнь Тун, Цзинцзе Ван // Бэйцзиндасюэ сюэбао [Вестник Пекинского университета]. – 2016. – С. 80–83.

Хэ Чжимин 何志明. Чжундунлу шицзянь фашэн чжи юаньбинь синьлунь [Новое прочтение причин Дальневосточного конфликта] / Чжимин Хэ, Юань Сунь // Ибинь сюэюань сюэбао [Вестник Ибиньского института]. – 2008. – С. 56–59.

Хэ Чжэжэнь 贺哲人. Чжундунлу шицзяньдэ цинь цзи инсян [Причины и влияние конфликта] / Чжэжэнь Хэ // Хунаньчэньшидасюэ сюэбао [Вестник Хунаньского университета]. – 2010. – С. 71–73.

Хэ Чжэжэнь 贺哲人. Чжишицзе юй чжундунлу шицзянь [Интеллигенция и Дальневосточный конфликт] / Чжэжэнь Хэ. – Хунань: Изд-во Хунаньского пед. ун-та, 2011.

Цао Сюэмэй 曹雪梅. Чжундунлу шицзянь чжунмэйго чжэнцхэ таньсы [Анализ политики США и Китая в ходе Дальневосточного конфликта] / Сюэмэй Цао // Тунхуашифаньдасюэ сюэбао [Вестник Педагогического университета Тунхуа]. – 2012. – С. 98–100.

Цзинь Лунюнь 金龙云. Жибэнь цзай чжундунлу шицзянь чжундэцзяосэ фэнси [Анализ роли Японии в военном конфликте на КВЖД 1929 г.] / Лунюнь Цзинь, Ци Бянь // Чханчхунь шифань дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэхуэй кхэсюэбао) [Вестник Чанчуньского педагогического университета. Сер. Социально-гуманитарные науки]. – 2020. – С. 96–98.

Цуй Пин 崔萍. Чжан Сюэлян юй чжундунлу шицзянь [Чжан Сюэлян и Дальневосточный конфликт] / Пин Цуй // Шисюэ юэкань [Вестник исторических исследований]. – 2005. – С. 125–128.

Чжан Хунцзюнь 张洪军. Чжундунлу шицзянь юй жибэньдэ иньбин [Дальневосточный конфликт и реакция Японии] / Хунцзюнь Чжан, Чживей Юй // Лилунь сюэкан [Теория]. – 2009. – С. 100–103.

Чжан Чжихай 张智海. Цзай лишидэ дуаньлечу – Чжундунлу шицзяньдэ хуэйгуй юй фаньсы [В переломной точке истории – обзор и размышление о Дальневосточном конфликте] / Чжихай Чжан // Данши боцай [История партии]. – Пров. Хэнань, 河南省, 2010. – С. 4–5.

Шэнь Сяюнь 申晓云. Чжундунлу шицзянь синьтань [Новое видение конфликта на КВЖД] / Сяюнь Шэнь // Наньциньдасюэ сюэбао [Вестник Нанькинского университета. Философия, гуманитарные и общественные науки]. – 2002. – С. 40–49.

Шэнь Цзунянь 沈宗艳. Чжундунлу шицзянь дуй чжун, су, жи гуансидэ инсян [Влияние конфликта на отношения между Китаем, СССР и Японией] / Цзунянь Шэнь // Далян-бэцзиньдайши яньцзю [Исследования новейшей истории Даляня]. – Далянь, 大连, 2013. – С. 302–313.

Юй Баочэнь 于宝辰. Чжундунлу шицзяньдэ маньчжоулишэнвэйцюньчжун гунцзо [Работа парткома Маньчжурии с населением во время конфликта на КВЖД] [магистерская диссертация] / Баочэнь Юй. – Яньбан: Изд-во Яньбянского ун-та, 2017.

Яо Гунмин 姚宫明. Шиси чжундунлу шицзянь дуй жибэнь циньлюэ дунбэй цхэлюэ инсян [Попытка изучения влияния японских настроений на конфликт КВЖД] / Гунмин Яо, Ятин Чжэн // Цзямусы дасюэ шэхуэй кэсюэ сюэбао [Вестник социологии университета Цзямусы]. – 2022. – С. 149–152.

References

Van Czya 王佳. Czyan Czeshi, Yazhan Syuelyan yuj chzhundunlu shiczyan' [Chan Kajshi, Chzhan Syuelyan i Dal'nevostochnyj konflikt] / Czya Van. – Shen'si: Pedagogicheskij universitet Shen'si, 2007.

Gao Zhun 高荣. Chzhundunlu shiczyan' duj «czyu i ba» shibyan'de insyan [Vliyanie konfliktka KVZhD na incident 18 sentyabrya (Mukdenskij incident)] / Zhun Gao // Lyaonin shifan dasyue syuebao (shekhuej kesyuebao) [Vestnik Lyaoninskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Sociologiya]. – 2004. – S. 110–112.

Gao Shan' 高珊. Cyan'si «Chzhundunlu shiczyan'» ciin' iczi duj zhiben' cin'lyue dunbejde insyan [Kratkij analiz prichin Dal'nevostochnogo konfliktka i vliyanie Yaponskogo vtorzheniya na Severo-Vostok] / Shan' Gao // Hejlunczyan shichzhi [Istoricheskie zapiski Hejlunczyana]. – 2016. – S. 47–51.

Gao Shivej 高世伟. Chzhundunlu shiczyan' chzhi yuan'in' czaj zhen'shi [Eshche raz pereosmyslivaya prichiny Dal'nevostochnogo konfliktka] / Shivej Gao // Chuncinczyaotundasyue syuebao [Vestnik Chuncinskogo universiteta putej i soobshchenij]. – 2010. – S. 81–87.

Go Zhujmin 郭瑞明. Fashen czaj Man'chzhoulide «Chzhundunlu shiczyan'» [Proizoshedshij v Man'chzhurii konflikt na KVZhD 1929 g.] / Zhujmin Go, Yujsya Van // Hejlunczyan shichzhi [Istoricheskie zapiski Hejlunczyana]. – 2013. – S. 311–313.

Gu Shucen 贾书曾. Chzhundunlu shiczyan' gajshu [Kratkoe izlozhenie Dal'nevostochnogo konfliktka] / Shucen Gu // Hejlunczyan shichzhi [Istoricheskie zapiski Hejlunczyana]. – 2009. – S. 46–47.

Don Huej 董慧. Chzhundunlu shiczyan' houde gefan thajdu czi fensi [Analiz pozicij SSSR, Kitaya, Yaponii i SShA v otnoshenii konflikta] / Huej Don // Sujhua syueyuan' syuebao [Vestnik universiteta Sujhua]. – 2016. – S. 100–103.

Lyu Ajhua 刘爱华. Pin Chzhundunlu shiczyan' [Obsuzhdaya Dal'nevostochnyj konflikt] / Ajhua Lyu // Haerbin' shivej dan syao syuebao [Vestnik Harbinskoj partijnoj shkoly]. – 2009. – S. 70–72.

Lyu Syan'chzhun' 刘显忠. Chzhundunlu shiczyan' yan'czyuchzhunde czige ven'ti [Neskol'ko voprosov v processe izucheniya Dal'nevostochnogo konflikta] / Lyu Syan'chzhun' // Lishi yan'czyu [Issledovanie istorii]. – Pekin, 北京, 2009. – S. 79–100.

Lyu Cyuan'shun' 刘全顺. Chzhundunlu shiczyan' houde dunbej czyusht yuj zhiben' cin'chzhan' dunbej [Sostoyanie Severo-Vostoka posle Dal'nevostochnogo konflikta i okkupaciya Yaponiej Severo-Vostoka] / Cyuan'shun' Lyu // Byan'czyan' cinczi yuj ven'hua [Prigranichnaya ekonomika i kul'tura]. – Harbin, 哈尔滨, 2012. – S. 168–170.

Syuj Czin'sya 许金霞. «Chzhundunlu shiczyan'» induj celyu fensi [Analiz otvetnoj strategii na Dal'nevostochnyj konflikt] / Czin'sya Syuj // Hejlunczyan shichzhi [Istoricheskie zapiski Hejlunczyana]. – 2014. – S. 49–51.

Syao Czyancze 肖建杰. Chzhan Syuelyan Czyan Czeshi yuj chzhundunlu shiczyan' – khkou czyuce gej goczya dajlale ego [Chzhan Syuelyan, Chan Kajshi i Dal'nevostochnyj konflikt: nepravil'nye resheniya priveli k negativnym posledstviyam dlya strany] / Czyancze Cyao, Van'ven'Bi // Shekhuej khesyue chzhan'syan' [Front social'nyh nauk]. – 2005. – S. 181–186.

Tun Syven' 佟斯文. Chzhundunlu shiczyan' yan'czyu shupin [Istoriografiya Dal'nevostochnogo konflikta] / Syven' Tun, Czincze Van // Bejczindasyue syuebao [Vestnik Pekinskogo universiteta]. – 2016. – S. 80–83.

He Chzhimin 何志明. Chzhundunlu shiczyan' fashen chzhi yuan'in' sin'lun' [Novoe prochtenie prichin Dal'nevostochnogo konflikta] / Chzhimin He, Yuan' Sun' // Ibin' syueyuan'syuebao [Vestnik Ibin'skogo instituta]. – 2008. – S. 56–59.

He Chzhezhen' 贺哲人. Chzhundunlu shiczyan'de ciin' czi insyan [Prichiny i vliyanie konflikta] / Chzhezhen' He // Hunan'chen'shidasyue syuebao [Vestnik Hunan'skogo universiteta]. – 2010. – S. 71–73.

He Chzhezhen' 贺哲人. Chzhishicze yuj chzhundunlu shiczyan' [Intelligenciya i Dal'nevostochnyj konflikt] / Chzhezhen' He. – Hunan': Izd-vo Hunan'skogo ped. un-ta, 2011.

Cao Syumej 曹雪梅. Chzhundunlu shiczyan' chzhunmejgo chzhenckhe tan'sy [Analiz politiki SShA i Kitaya v hode Dal'nevostochnogo konflikta] / Syumej Cao // Tunhuashifan' dasyue syuebao [Vestnik Pedagogicheskogo universiteta Tunhua]. – 2012. – S. 98–100.

Czin' Lunyun' 金龙云. Zhiben' czaj chzhundunlu shiczyan' chzhundeच्याose fensi [Analiz roli Yaponii v voennom konflikte na KVZhD 1929 g.] / Lunyun' Czin', Ci Byan' // Chkhanchkhun' shifan' dasyue syuebao (zhen'ven' shekhuej khesyuebao) [Vestnik Chanchun'skogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Social'no-gumanitarnye nauki]. – 2020. – S. 96–98.

Cuj Pin 崔萍. Chzhan Syuelyan yuj chzhundunlu shiczyan' [Chzhan Syuelyan i Dal'nevostochnyj konflikt] / Pin Cuj // Shisyue yuekan' [Vestnik istoricheskikh issledovanij]. – 2005. – S. 125–128.

Chzhan Hunczyun' 张洪军. Chzhundunlu shiczyan' yuj zhiben'de in'in [Dal'nevostochnyj konflikt i reakciya Yaponii] / Hunczyun' Chzhan, Chzhivej Yuj // Lilun' syuekan [Teoriya]. – 2009. – S. 100–103.

Chzhan Chzhijaj 张智海. Czaj lishide duan'lechu – Chzhundunlu shiczyan'de huejguj yuj fan'sy [V perelomnoj tochke istorii – obzor i razmyshlenie o Dal'nevostochnom konflikte] / Chzhijaj Chzhan // Danshi bocaj [Istoriya partii]. – Prov. Henan', 河南省, 2010. – S. 4–5.

Shen' Syaoyun' 申晓云. Chzhundunlu shiczyan' sin'tan' [Novoe videnie konflikta na KVZhD] / Syaoyun' Shen // Nan'czin'dasyue syuebao [Vestnik Nan'kinskogo universiteta. Filosofiya, humanitarnye i obshchestvennye nauki]. – 2002. – S. 40–49.

Shen' Czunyan' 沈宗艳. Chzhundunlu shiczyan' duj chzhun, su, zhi guanside insyan [Vliyanie konflikta na otnosheniya mezhdou Kitaem, SSSR i Yaponiej] / Czunyan' Shen // Dalyanbczin'dajshi yan'czyu [Issledovaniya novejshej istorii Dalyanya]. – Dalyan', 大连, 2013. – S. 302–313.

Yuj Baochen 于宝辰. Chzhundunlu shiczyan'de man'chzhoulishenjejcyun'chzhun gunczo [Rabota partkoma Man'chzhurii s naseleniem vo vremya konflikta na KVZhD] [magisterskaya dissertaciya] / Baochen' Yuj. – Yan'ban: Izd-vo Yan'byanskogo un-ta, 2017.

Yao Gunmin 姚宫明. Shisi chzhundunlu shiczyan' duj zhiben' cin'lyue dunbej ckhelyue insyan [Popytka izucheniya vliyaniya yaponskih nastroenij na konflikt KVZhD] / Gunmin Yao, Yatin Chzhen // Czymusy dasyue shekhuej kesyue syuebao [Vestnik sociologii universiteta Czymusy]. – 2022. – S. 149–152.

УДК 94(47+57)

ББК 63.2+63.3(2)722

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-131-137

А. В. Пашинин

26-я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассмотрены источниковедческие возможности и особенности общедоступных архивных документов Центрального архива МО РФ по восстановлению боевого пути в 1941–1945 гг. стрелковой дивизии, имеющей в своем составе в т. ч. и призывников субъектов Байкальского региона: Иркутской области, Забайкальского края (Читинской области) и Республики Бурятия (Бурят-Монгольской АССР).

Ключевые слова: призывники, источниковедческий потенциал, боевой путь, общедоступный электронный банк данных.

A. V. Pashinin

THE 26TH RIFLE DIVISION: A SOURCE ANALYSIS

The article considers the source-finding potential and peculiarities of the publicly available archival documents of the Central Archive of the Defense Ministry of the Russian Federation on the restoration of the combat path in 1941–1945 of the rifle division, including conscripts of the subjects of the Baikal region: Irkutsk region, Transbaikal Territory (Chita region) and the Republic of Buryatia (Buryat-Mongol ASSR).

Keywords: conscripts, source potential, military service, publicly available electronic data bank.

Объектом исследования явились 919 призывников 26-й стрелковой дивизии из Читинской области (384 чел.), Иркутской области (356 чел.) и Бурят-Монгольской АССР (179 чел.).

В Великой Отечественной войне дивизия воевала в период 1941–1945 гг. в оборонительных и наступательных сражениях на территории Ленинградской, Новгородской, Псковской, Ржевской и Калининградской областей, Литовской и Белорусской ССР и т. д. Часть воинов принимала участие в гражданской войне в 1918–1923 гг. и в боевых событиях 1929 г. на КВЖД [Пашинин: 2013: 16–44; Пашинин, Колесов 2017: 68–71].

В исследованиях, непосредственно касающихся в т. ч. боевого пути дивизии, принимали участие М. М. Агапов [2011], П. И. Батов [2000], Н. С. Бубнов [2012], Б. Дабаин [2020], Б.-Ж. Б. Дармаев [2001], А. К. Золотоев [1963], П. Г. Кузнецов [1959], В. В. Лохов [2015], И. П. Молочаев [2005], А. В. Пашинин [2013; Пашинин, Колесов 2017], Д. М. Цыренов [1995], Г. А. Шигин [2005] и др.

Предмет изучения – документальные материалы в отношении призывников Байкальского региона, воевавших в годы Великой Отечественной войны в составе 26-й стрелковой дивизии.

Цель исследования – поиск, выявление и анализ архивных и прочих источников, для реализации которой ставились следующие задачи:

1) установить источниковедческий потенциал архивных и ранее опубликованных документов в отношении сражавшихся в составе указанного воинского соединения;

2) осуществить систематизацию и выявить репрезентативность источников с применением компаративистского, типологического, системного и других методов исследования;

3) восстановить боевой путь стрелковой дивизии с момента ее создания на основе обнаруженных, систематизированных и исследованных документальных архивных и прочих источников.

ПАШИНИН Александр Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: a.v.pashinin@yandex.ru.

Хронологические рамки исследования в основном охватывают события периода Великой Отечественной войны. Территориальные рамки включают в себя только те населенные пункты, которые входили в административно-территориальный состав трех регионов по состоянию на 1941–1945 гг., в т. ч. несколько районов Читинской области, ныне значащихся в Амурской области.

Источниковедческая база представлена обширным и комплексным массивом различных видов источников из личных архивов населения Забайкальского края, Иркутской области и Республики Бурятия, а также официальных интернет-сайтов Министерства обороны РФ – общедоступных электронных банков данных (ОБД) «Мемориал», «Подвиг народа» и «Память народа». Для получения новых и перепроверки имеющихся сведений применялись дополнительно специализированные региональные и общероссийские сайты «Бессмертного полка», «Дорога Памяти» и «Помни меня» [Пашинин: 2013: 129–131; Пашинин, Колесов 2017: 40–54].

В настоящем исследовании использовались следующие документальные материалы (изложены в алфавитном порядке):

1) 19 актов 1944–1957 гг.: а) 2 полков (телеграфно-телефонный, зенитно-артиллерийский) – 2; б) 2 бригад (артиллерийская, морской пехоты) – 2; в) 2 дивизий (стрелковая, авиационная) – 2; г) 1 автобазы – 1; д) 9 военкоматов (Иркутская область – 8 военкоматов, Красноярский край – 1) – 12 актов;

2) 19 анкет розыска (розыска и на семью, получающей пособие) 1946–1963 гг. 15 военкоматов (Бурятская АССР – 1 военкомат, Иркутская обл. – 6, Краснодарский край – 1, Красноярский край – 1, Марийской АССР – 1, Читинская обл. – 6 военкоматов);

3) 4 боевых пути 1943–1945 гг. стрелковых и артиллерийского полков 26-й СД;

4) 1 выписка из архивного документа ЦАМО СССР 1969 г.;

5) 224 донесения (о безвозвратных потерях) 1941–1962 гг. (13 % от общего количества): а) 9 медицинских и эвакуационных подразделений – 12 донесений (30-го ОМСБ 26-й СД – 5); б) 4 бригад (стрелковые, механизированная, танковая) – 4; в) 2 полков 26-й СД – 2; г) 30 дивизий (стрелковые) – 145 (26-й СД – 110); д) 10 армий (общевойсковые) – 30 (1-я уд. армия – 2, 6-я гв. армия – 1, 11-я армия – 9, 22-я – 2, 30-я – 1, 34-я – 10, 43-я – 1, 57-я – 1, 65-я – 1, 67-я армия – 2); е) 3 фронтов – 10 (2-й Прибалтийский – 2, Северо-Западный – 7, 1-й Украинский – 1); ж) 1 флота (Северный) – 1; з) ГВСМУ НКО – 2; и) 4 военных округов (Белорусский, Московский, Таврический, Уральский) – 8; к) 7 военкоматов (БМАССР – 4 военкомата, Иркутская обл. – 1, Читинская обл. – 2) – 10 донесений;

6) 72 журнала боевых действий (выписок из них) 1941–1945 гг. (4,2 % от общего количества): а) 26-й СД (в т. ч. 9 отд. сап. бат-на) – 5 журналов; б) 4 стрелковых корпусов (12 гв., 14 гв., 44-й и 90-й) – 10; в) 5 армий (11, 22, 27, 34, 43-я) – 23; г) 4 фронтов (2-й Белорусский, 2-й Прибалтийский, 3-й Белорусский, Северо-Западный) – 34 журнала;

7) 29 запросов 1946–1960 гг. 24 РВК/ОВК/ГВК: Алтайский край, БМАССР – 3 РВК/ГВК (Джидинский, Курумканский, Кяхтинский), Иркутская область – 8 РВК (Бодайбинский, Куйтунский, Нижнеудинский, Осинский, Тулунский, Усть-Кутский, Черемховский, Эхирит-Булагатский), Казахская ССР, Краснодарский, Красноярский края, Тюменская, Читинская области – 7 РВК (Агинский, Карымский, Оловянинский, Чернышевский, ж/д г. Чита, Читинский, Шахтаминский);

8) 14 извещений (их копии) 1942–1949 гг.: а) подразделений 26-й СД (312-го СП, 349-го СП, 19-го АртП, штаба 26-й СД) – 10 извещений; б) 2 госпиталей – 2; в) 1 в/ч п/п – 1; г) Шахтаминского РВК Читинской области – 1 извещение;

9) 9 информаций 1945–2013 гг.: а) ГУК МО СССР/ ЦАМО РФ – 5 информаций; б) 4 РВК/ОВК: БМАССР (Баунтовский РВК), Красноярский край, Новгородская и Читинская (Акшинский РВК) области – 4 информации;

10) 8 картотек 1941–1945 гг.: политработников/политруков, медицинских работников, учетно-послужная, личных дел, ранений и больных (с карточками на раненых и статкартами на умерших), партизан, моряков;

11) 145 карточек 1941–2014 гг. (8,4 % от общего количества): а) учета воинских захоронений – 106 карточек (ССР: Белорусская, Латвийская, Литовская, Украинская;

области: Архангельская, Волгоградская, Калининградская, Калужская, Кировская, Костромская, Курская, Ленинградская, Московская, Мурманская, Новгородская, Пермская, Псковская, Ростовская, Свердловская, Смоленская, Тверская, Тульская, Челябинская, Ярославская; республики: Карелия, Татарская, Удмуртская; иностранные государства: Китай, КНДР, Польша); б) на военнослужащих МО СССР – 39 карточек;

12) 28 карт 1941–2014 гг. (алфавитные политруков, учетно-регистрационные карточки, на погибшего воина советской армии, советского военнопленного): а) 7 ВПП (Горьковский, Ивановский, Ленинградский, Молотовский, Московский, Пензенский, Сочинский, Челябинский) – 18 карт; б) 6 РВК/ОВК (Иркутская, Кировская, Ленинградская, Новгородская области, Красноярский край) – 7; в) партизанского полка – 1; г) запасной стрелковой дивизии – 1; д) концлагеря – 1 карта;

13) 1 каталог воинских захоронений на территории Республики Татарстан;

14) 65 книг 1941–1945 гг. (3,8 % от общего количества): а) алфавитные, погребения, протоколов вскрытия учета погибших (умерших, захороненных, кремированных, пропавших без вести) воинов 33 эвакуационных пунктов и госпиталей (в т. ч. 30-го ОМСБ 26-й СД), 2 стрелковых полков (в т. ч. 312-го СП 26-й СД), 1-й стрелковой бригады, 1-го оборонительного района Северного флота, 1-го медицинского института (Московского) – 38 книг; б) прибывших и призванных 1-й роты связи, 19 запасных стрелковых и артиллерийских полков, 1-й запасной стрелковой дивизии, 6 военно-пропускных пунктов (Северо-Западный, Казанский, Московский, Ташкентский, Томский) – 27 книг;

15) 114 Книг Памяти и томов КП 1990–2021 гг. (6,6 % от общего количества): а) 37 регионов и субъектов РФ (края: Алтайский, Забайкальский – 6 книг, Красноярский, Приморский; области: Амурская, Брянская, Воронежская, Иркутская – 15, Калининградская, Калужская, Костромская, Курганская, Курская, Московская, Мурманская, Новгородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Псковская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская; Коми-Пермяцкий округ; республики: Башкортостан, Бурятия – 15, Мордовия, Северная Осетия – Алания, Татарстан) – 105; б) 2 отдельных городов: Ленинград и Москва – 4; в) воинов-евреев – 2; г) фонда ветеранов дипломатической службы РФ («Латвия») – 1; д) иностранных государств: Белоруссия, Украина – 2 книги;

16) 1 книга «Имена из солдатских медальонов»;

17) 1 книга-мемориал умерших воинов г. Киров Кировской области;

18) 312 наградных листов 1941–1950 гг. (18 % от общего количества): а) 21 должностного лица и подразделений 26-й СД – 209 наградных листов; б) 29 взводов, рот, дивизионов, батальонов, баз, мастерских, клубов, отрядов, ОКР «Смерш» (музыкальная, разведывательные, охранные, штрафная, связи, зенитно-пулеметные, артиллерийские, медицинский, минометные, мотоциклетный, инженерно-саперный, автомобильная, авиаобслуживания, танковая, контрразведывательные, заградительные) – 37; в) 30 полков (автомобильный, артиллерийские, кавалерийские, минометные, стрелковые, офицерского резерва) – 38; г) 3 дивизий (артиллерийская, кавалерийская, стрелковая) – 3; д) 1-го стрелкового корпуса – 1; е) 5 армий – 6; ж) 1-го фронта – 1; з) 1-й школы радиотелеграфистов РККА – 1; и) 1-го медицинского подразделения – 1; к) 13 военкоматов БМАССР (Бичурский, Иволгинский), областей: Амурской, Иркутской (Заларинский, Тайшетский, Черемховский), Кировской, Читинской (Агинский, Биркинский, Дульдургинский, Нерчинско-Заводской, Тыгдинский) – 15 наградных листов;

19) 5 обзоров боевых операций 1941–1945 гг.: 11, 34 и 43-й армий;

20) 1 опись анкет погибших ГУК МО ССР 1956 г.;

21) 1 отчет о боевых действиях 26-й СД 1943 г.;

22) 13 паспортов воинских захоронений (области: Вологодская, Калининградская, Новгородская, Псковская, Тверская);

23) 6 писем с фронта 1941 г.;

24) 343 приказа 1942–1951 гг. (19,9 % от общего количества): а) 22 полков (стрелковые, кавалерийский, артиллерийские, минометные) – 85 приказов (по 4 полкам 26-й

СД – 62 приказа); б) 8 бригад (артиллерийские, механизированная, минометная, морской пехоты, танковая) – 12; в) 25 дивизий (стрелковые, авиационная, зенитная) – 106 (26-й СД – 77); г) 12 корпусов (стрелковые, кавалерийский, танковые) – 29; д) 15 армий (общевойсковые, воздушные, танковая) – 47 (по 22-й армии – 6, по 27-й – 11, по 43-й – 12); е) 6 фронтов – 24 (1, 2 и 3-й Белорусские, Воронежский, Ленинградский, 2-й Прибалтийский, Северо-Западный – 13); ж) ГУК НКО (ВС) СССР – 40 приказов;

25) 1 рапорт НКО СССР 1944 г.;

26) 2 реестра воинских захоронений (Вологодская обл., Республика Татарстан);

27) 29 свидетельств 28 медицинских подразделений (о болезни, проходное) 1941–1945 гг.;

28) 1 свидетельство сослуживца 1949 г.;

29) 28 сводок обобщенного боевого опыта 1943–1945 гг.: а) 26-й СД – 2 сводки; б) 3 армий (1-я ударная, 22-я и 43-я) – 12; в) 4 фронтов (3-й Белорусский, 1-й и 2-й Прибалтийские, Северо-Западный) – 14 сводок;

30) 172 списка 1941–1951 гг. (именные безвозвратных потерь, награждений, призванных, погибших, извещений, курсантского состава, демографические, соцдемографические, алфавитные, формулярные, убывших, штатных должностей и т. д.) (10 % от общего количества): а) 56 военкоматов (ССР: Таджикская; АССР: Бурят-Монгольская (Баргузинский – 1, Баунтовский – 3, Бичурский – 2, Джидинский – 7, Закаменский – 3, Иволгинский – 1, Кабанский – 4, Кижингинский – 1, Курумканский – 1, Кяхтинский – 2, Мухоршибирский – 2, Селенгинский – 2, Тарбагатайский – 1, Улан-Удэнский ГВК – 7, Железнодорожный РВК г. Улан-Удэ – 1, Хоринский – 1), Якутская; края: Алтайский, Краснодарский, Красноярский; области: Воронежская, Иркутская (Аларский – 1, Баяндаевский – 1, Боханский – 1, Зиминский – 1, Иркутский РВК – 1, Кировский г. Иркутск – 2, Куйтунский – 4, Нижнеилимский – 1, Нижнеудинский – 1, Ольхонский – 1, Осинский – 1, Тангуйский – 5, Тулунский – 4, Тугдинский – 1, Усольский – 1, Усть-Ордынский – 2, Шиткинский – 1), Оренбургская, Пензенская, Рязанская, Тверская, Ульяновская, Читинская (Балейский – 5, Дульдургинский – 3, Калганский – 2, Карымский – 1, Могочинский – 1, Нерчинско-Заводской – 1, Оловянинский – 3, Ононский – 1, Тунгино-Олекминский – 2, Улетовский – 1, Читинский ГВК – 2, Читинский ОВК – 1) – 104; б) 11 госпиталей – 15 (в т. ч. 30-го ОМСБ 26-й СД – 3); в) 11 запасных стрелковых полков – 14; г) 7 воинских подразделений (стрелковые полки (в т. ч. 312-го СП – 1 список), партизанская бригада, стрелковая дивизия, в/ч) – 11; д) 9 ВПП и СПП (Армавирский, Иркутский, Московский, Одесский, Читинский, Улан-Удэнский, Череповецкий, Северо-Западного фронта, 6319 ВПП) – 23; е) НКО И МО СССР – 7; ж) захороненных: в Добельском районе Латвийской ССР – 1; з) репатриированных – 1;

31) 33 справки о ранении (гибели) 1942–2011 гг.: а) НКО/МО (ГУК МО, ЦАМО) СССР/РФ – 29 справок; б) 2 военкоматов (Иркутская область: Иркутские) и 1-го ВПП (Читинская область: Карымский) – 3; в) 26 СД – 1 справка;

32) 2 удостоверения Заларинского РВК Иркутской области и ВПП г. Иркутск 1941–1942 гг.;

33) 20 указов Президиума ВС СССР 1944–1951 гг.

34) 2 формуляра (исторические) 87-го СП 26-й СД 1945 и 1947 гг.;

35) 2 характеристики (боевая) 26-й СД 1943 г.;

36) 1 циркуляр о погибших Северного флота 1943 г.

Итого с применением возможностей в первую очередь электронных баз данных МО РФ, личных, государственных и краеведческих архивов непосредственно в данном исследовании использовалось 1728 документальных источников 36 видов за период их составления в 1941–2021 гг. Изученный документооборот затронул свыше 500 воинских частей и подразделений в составе отдельных рот, дивизионов, батальонов, полков, бригад, дивизий, корпусов, армий, групп войск, фронтов, округов, военно-пропускных пунктов, медико-санитарных заведений (госпитали, медсанбаты, эвакуационные пункты), военкоматов, депо, военно-исторических музеев, хлебопекарней, мастерских, полевых касс, отрядов, военно-пропускных и сборных пунктов, в/ч п/п (без наименований) и др.

Обращает на себя внимание внешнее оформление и состояние документации, ведение которой производилось в состоянии фронтальной обстановки. Документы, как правило, составлялись различными цветами чернил и «химических» карандашей на стандартных типографских бланках, листках от ученических тетрадей и с использованием школьных журналов или колхозных бухгалтерских и трофейных книг.

Некоторые документы из-за подтоплений и механических повреждений сохранились в усеченном и частично разрушенном состоянии, с трудом читаемы. На ряде оцифрованных документов имеются подлинные росписи видных советских военных и государственных деятелей.

В целом исследование позволило обобщить и ввести в научный оборот неизвестные документы и факты, дополнить и систематизировать ранее опубликованные материалы по линии Министерства обороны России, проанализировать основные направления и особенности участия на различных фронтах Великой Отечественной войны в составе 26-й стрелковой дивизии призванных воинов из Читинской области (Забайкальского края), Иркутской области и Республики Бурятия.

В настоящем исследовании практически у каждого лица имеется ссылка на наличие на него какого-либо документа в фондах ЦАМО. Фонды по Приложению II: 33 (104 дела в 19 описях – 28,6 %), 58 (113 дел в 15 описях – 31 %), 221 (25 дел в 1 описи – 6,7 %), 235 (2), 239 (16), 241 (3), 242 (1), 243 (1), 354 (1), 357 (5), 376 (4), 381 (2), 389 (10), 398 (7), 405 (1), 406 (1), 838 (3), 844 (1), 859 (1), 925 (2), 942 (1), 983 (2), 985 (2), 986 (1), 995 (1), 1103 (2), 1253 (1), 1621 (1), 1691 (1), 6369 (12), 6864 (8), 6935 (1), 8299 (1), 8389 (1), 8468 (1), 8478 (1), 8498 (2), 8500 (1), 30 ОМСБ 26 СД (2), 70 ОБС 26 СД (1), Горьковский ВПП (2), Ленинградский ВПП (4), СПП Северо-Западного фронта (7), Ташкентский ПП (1), Челябинским ВПП (1). Всего 47 фондов (364 дела) и 1 шкаф (1 ящик) ЦАМО.

Весь фонд 33, за исключением описи 11458, представляет собой многочисленные и разнообразные наградные документы, в т. ч. с описями 744807–744809 по материалам военкоматов различных регионов страны после войны.

В фонде 58 сосредоточены материалы безвозвратных потерь. Уникальными, например, по факту первых списочных и системных внесений сведений в отношении призывников исследуемых трех регионов (год и место рождения, подразделение, звание и должность, военкомат призыва, причина включения в документ (погиб, пропал без вести, ранен и т. д.), дата и место случившегося, родственники и место их жительства) являются донесения о безвозвратных потерях 26-й СД за 1941–1942 гг.: от 15 октября 1941 г. № 046 (от 9 ноября 1941 г. № 1397), от 4 ноября 1941 г. № 0123 (от 24 ноября 1941 г. № 1730), от 22 ноября 1941 г. № 0207 (от 14 декабря 1941 г. № 2218), от 5 декабря 1941 г. № 0272 (от 21 декабря 1941 г. № 2353), от 3 января 1942 г. № 014 (от 18 января 1942 г. № 553), от 15 января 1942 г. № 095 (от 22 января 1942 г. № 2167), от 17 января 1942 г. № 0133 (от 9 февраля 1942 г. № 1284), от 30 января 1942 г. № 0202 (от 4 февраля 1942 г. № 1282), от 30 января 1942 г. № 0203 (от 4 февраля 1942 г. № 1283), от 7 февраля 1942 г. № 0251 (от 12 февраля 1942 г. № 1644), от 20 февраля 1942 г. № 0360 (от 28 февраля 1942 г. № 2284), от 27 февраля 1942 г. № 0350 (от 5 марта 1942 г. № 2693), от 27 февраля 1942 г. № 0351 (от 5 марта 1942 г. № 2692), от 7 марта 1942 г. № 0422 (от 11 марта 1942 г. № 2975), от 7 марта 1942 г. № 0423 (от 11 марта 1942 г. № 2972), от 17 марта 1942 г. № 0496 (от 20 марта 1942 г. № 3473), от 28 марта 1942 г. № 0507 (от 1 апреля 1942 г. № 4157) и др.

В данном фонде много интересной информации за 1941–1981 гг. также сосредоточено в делах с донесениями различных воинских подразделений, со справками и перепиской Министерства обороны с приложенными анкетами розыска и именными списками военкоматов в послевоенное время и т. д.

Содержательные документы находятся и в фондах: а) 56 (приказы ГУК НКО и 26-й СД в 1942–1947 гг.); б) 838, 1621, 6369 и 6864 (боевой путь 19-го АртП, 87-го СП, 312-го СП и 349-го СП за 1941–1945 гг., исторический формуляр 87-го СП за 1918–1947 гг.; книга учета погибших 312-го СП за 1941–1945 гг.); в) ВПП (Горьковский, Ле-

нинградский и другие ВВП в 1942–1945 гг.). В филиале ЦАМО размещены военно-медицинские документальные источники со статкартами, свидетельствами о болезни и карточками учета умерших ГВМСУ РККА.

В ряде донесений 26-й СД у отдельных воинов отметки о годах их рождения и привязке к конкретным воинским подразделениям данной дивизии отсутствуют. Не проходят, например, по фондам ЦАМО: извещения, паспорта и учетные карточки воинских захоронений.

Фотографически охвачено 172 призывника, родственники (жены, матери, отцы и др.) зафиксированы у 513 воинов.

Таким образом, в ОБД «Мемориал», «Подвиг народа» и «Память народа» МО РФ в различной степени сохранности отложены многообразные виды архивных документов, позволяющие при их комплексном использовании с личными и региональными архивными источниками осуществлению аналогичных исследований по военной тематике и изучению родословных истоков в различных российских субъектах. Подобные исследования способствуют противодействию попыткам фальсификации итогов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и военно-патриотическому воспитанию подрастающего и современного поколения в России.

Литература

Агапов М. М. О роли Северо-Западного фронта в проведении Любанской операции / М. М. Агапов // Военно-исторический архив. – 2011. – № 6. – С. 101–118.

Батов П. И. В походах и боях / П. И. Батов. – М.: Голос, 2000. – 510 с.

Бубнов Н. С. Солдатская слава и боль / Н. С. Бубнов. – Чита: Экспресс-изд-во, 2012. – 372 с.

Дабаин Б. Герои со звездами и без звезд / Б. Дабаин. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2020. – 224 с.

Дармаев Б.-Ж. Б. Героические сыновья Зуткулея / Б.-Ж. Б. Дармаев. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2021. – 352 с.

Золотоев А. К. Воины Бурятии в Отечественной войне / А. К. Золотоев. – Улан-Удэ: БКИ, 1963. – 181 с.

Краткий исторический очерк 26-ой Златоустовской стрелковой дивизии. – Красноярск, 1925. – 72 с.

Кузнецов П. Г. Дни боевые. – М.: Воениздат, 1959. – 330 с.

Лохов В. В. Усольчане на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945) / В. В. Лохов. – Иркутск: Отгиск, 2015. – 372 с.

Молочаев И. П. Боевой путь сибирских дивизий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / И. П. Молочаев. – Новосибирск: СО РАН, 2005. – 323 с.

Пашинин А. В. Информационный потенциал Интернет-ресурсов МО РФ как источник изучения родословных / А. В. Пашинин // Власть. – 2013. – № 1. – С. 129–131.

Пашинин А. В. Защитники Родины (призывники Тарбагатайского райвоенкомата в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / А. В. Пашинин, А. А. Сапунов. – Иркутск: Отгиск, 2013. – 80 с.

Пашинин А. В. Память (призывники Тарбагатайского райвоенкомата в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / А. В. Пашинин, В. Ю. Колесов. – Иркутск: Отгиск, 2017. – 432 с.

Цыренов Д. М. Герои Бурятии / Д. М. Цыренов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1995. – 224 с.

Шигин Г. А. Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери. – СПб.: Полигон, 2005. – 316 с.

References

Agapov M. M. O roli Severo-Zapadnogo fronta v provedenii Lyubanskoj operacii / M. M. Agapov // Voенno-istoricheskij arhiv. – 2011. – № 6. – S. 101–118.

Batov P. I. V pohodah i boyah / P. I. Batov. – M.: Golos, 2000. – 510 s.

- Bubnov N. S. Soldatskaya slava i bol' / N. S. Bubnov. – Chita: Ekspres-izd-vo, 2012. – 372 s.*
- Dabain B. Geroi so zvezdami i bez zvezd / B. Dabain. – Ulan-Ude: NovaPrint, 2020. – 224 s.*
- Darmaev B.-Zh. B. Geroicheskie synov'ya Zutkuleya / B.-Zh. B. Darmaev. – Ulan-Ude: NovaPrint, 2021. – 352 s.*
- Zolotoev A. K. Voiny Buryatii v Otechestvennoj vojne / A. K. Zolotoev. – Ulan-Ude: BKI, 1963. – 181 s.*
- Kratkij istoricheskij ocherk 26-oj Zlatoustovskoj strelkovoj divizii. – Krasnoyarsk, 1925. – 72 s.*
- Kuznecov P. G. Dni boevye. – M.: Voenizdat, 1959. – 330 s.*
- Lohov V. V. Usol'chane na frontah Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) / V. V. Lohov. – Irkutsk: Ottisk, 2015. – 372 s.*
- Molochaev I. P. Boevoy put' sibirskih divizij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. / I. P. Molochaev. – Novosibirsk: SO RAN, 2005. – 323 s.*
- Pashinin A. V. Informacionnyj potencial Internet-resursov MO RF kak istochnik izucheniya rodoslovnnyh / A. V. Pashinin // Vlast'. – 2013. – № 1. – S. 129–131.*
- Pashinin A. V. Zashchitniki Rodiny (prizyvniky Tarbagatajskogo rajvoenkomata v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.) / A. V. Pashinin, A. A. Sapunov. – Irkutsk: Ottisk, 2013. – 80 s.*
- Pashinin A. V. Pamyat' (prizyvniky Tarbagatajskogo rajvoenkomata v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.) / A. V. Pashinin, V. Yu. Kolesov. – Irkutsk: Ottisk, 2017. – 432 s.*
- Cyrenov D. M. Geroi Buryatii / D. M. Cyrenov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1995. – 224 s.*
- Shigin G. A. Bitva za Leningrad: krupnye operacii, «belye pyatna», poteri. – SPb.: Poligon, 2005. – 316 s.*

УДК 294.3

ББК 86.35(5Кит)

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-138-142

А. Е. Янгутов

БУДДИЗМ И КОНФУЦИАНСТВО – ПРОТИВОСТОЯНИЕ И СИНТЕЗ

В статье рассматриваются взаимоотношения буддизма и конфуцианства с эпохи Хань (202 г. до н. э. – 220 г.), когда буддизм начал проникать в Китай, до конца его императорской истории. Рассматриваются причины враждебного отношения к буддизму со стороны конфуцианства, а также их постепенное сближение в политической, социальной и философско-мировоззренческой сферах. Показан процесс синтеза трех учений (三教, саньцзяо) – конфуцианства, буддизма и даосизма, ставшего неотъемлемым компонентом социальной, политической и философско-мировоззренческой культуры императорского Китая и не потерявшего своей значимости на сегодняшний день.

Ключевые слова: конфуцианство, буддизм, даосизм, синтез, единство, противостояние, сыновняя почитательность.

L. E. Yangutov

BUDDHISM AND CONFUCIANISM – CONFRONTATION AND SYNTHESIS

The article examines the relationship between Buddhism and Confucianism from the Han era (202 B.C. – 220 A.D.), when Buddhism began to penetrate China, to the end of its imperial history. The reasons for Confucianism's hostile attitude to Buddhism and their gradual convergence in political, social, philosophical and worldview spheres are considered. The process of formation of synthesis of three doctrines – Confucianism, Buddhism and Daoism, which entered the history as sanjiao (三教) and became an integral component of social, political and philosophical-worldview culture of imperial China, as well as has not lost its significance in today's China, is shown.

Keywords: Confucianism, Buddhism, Taoism, synthesis, unity, opposition, filial piety.

История взаимоотношений буддизма и конфуцианства восходит к самым первым временам распространения буддизма в Китае. Конфуцианство, занимавшее господствующее положение в идеологической, политической и социальной сферах, встретило новое иноземное учение весьма враждебно, поскольку почувствовало с его стороны угрозу своему положению.

В политической сфере на момент вхождения буддизма в Китай положение конфуцианства было достаточно прочным и устоявшимся благодаря тому, что, будучи официальной идеологией ханьской империи, оно выстроило достаточно эффективную бюрократическую систему управления государством, которая успешно функционировала на протяжении всего ханьского периода (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.).

В социальной сфере все было подчинено конфуцианским принципам сыновней почитательности (孝), которые затрагивали не только семейно-бытовые отношения, но и отношения между правителем и подданными. Все это закреплялось правилами ли (礼), которые трактовались гораздо шире, чем просто этикет и ритуал.

Однако на рубеже нашей эры крушение Ханьской империи обусловило постепенную утрату конфуцианцами позиций в сфере идеологии. Крах совпал с проникновением буддизма. Сложившаяся политическая и социальная обстановка, приведшая к голоду и разрухе, способствовала распространению буддизма, поскольку его про-

поведь о нирване как будущем блаженстве и всяческих благах в будущем перерождении стала созвучной настроениям масс. Продвижение буддизма было столь успешным, что его идеи стали проникать не только в широкие массы, но и в высшие слои общества. Он все более укреплял позиции в сформированных на обломках некогда могущественной империи Хань трех царств – Вэй (魏, 220–265), Шу (蜀, 221–263) и У (吳, 222–280). Правители царства Вэй, если и не поддерживали распространяющееся учение Будды, но и не препятствовали его продвижению [Чжунго фоцзяо тун ши 2010: 125]. А правитель соседнего царства У Сунь Цюань глубоко проникся идеями буддизма и во многом способствовал укреплению его позиций в своем царстве. И согласно библиографической летописи буддийских монахов «Гао ээн чжуань», Сунь Цюань «возвел ступу и поместил в нее шарира (моши). Поскольку то был первый монастырь, его назвали Цзяньчусы (монастырь, положивший начало). Окрестные земли поименовали деревней Будды. Великий закон (учение Будды) дал всходы в землях Цзянцзо» [Хуэйцзяо 1991: 112].

Благосклонность к буддизму проявляли и императоры династии Западная Цзинь (265–316), объединившей три царства. Однако, несмотря на это, конфуцианство продолжало сохранять позиции в политической сфере. Бюрократический аппарат управления государством, созданный по конфуцианскому образцу, доказал свою эффективность и оставался незыблемым на протяжении всей истории императорского Китая. Свои позиции в сфере управления государством конфуцианство не уступило даже тогда, когда императоры Восточной Цзинь (317–420), Суй (581–618) и Тан (618–907) принимали буддизм в качестве идеологической базы своего правления, – управленческий аппарат оставался конфуцианским. И даже в период монгольской и маньчжурской династий Юань (1271–1368) и Цин (1644–1911) его положение в этом отношении оставалось прочным. Однако, сохраняя позиции в бюрократическом аппарате и в идеологической сфере, конфуцианство вынуждено было потесниться, уступая, в зависимости от симпатий государя, то буддизму, то даосизму.

Возникший в период Западная Цзинь диалог между буддийской сангхой и имперской бюрократией, инициированный конфуцианцами и касавшийся споров относительно того, должны ли монахи совершать поклон государю или не должны, на самом деле решал вопрос о подчинении сангхи государственной власти или о сохранении ее независимого статуса, как это было на родине буддизма, в Индии. Диалог между сангхой и имперской бюрократией продолжался вплоть до танского периода (618–907) и закончился полной победой имперской бюрократии. Конфуцианство не уступило буддизму, как и даосизму, сферу управления государством.

Однако в социальной сфере, куда более всего проникал буддизм, конфуцианству пришлось постепенно уступить. Несмотря на принцип сыновней почтительности, запрещающий «повреждать кожу, тело, волосы, как данные ему его родителями и обязывающий заботиться о родителях при их жизни, а после их смерти совершать молебствия и жертвоприношения в их честь» [Бяньвэнь о воздаянии за милости 1972: 72–73], китайцы, проникнувшиеся идеями буддизма, стали постригаться, уходить из семьи в монастыри и давать обет безбрачия. Это обстоятельство не могло не вызвать сопротивления со стороны конфуцианцев. Монашество они называли извращением, а монахов считали евнухами [Алексеев 1966: 136]. Поэтому неудивительно, что они встретили враждебно вхождение буддизма в социокультурное пространство Китая с первых же его шагов в стране. По словам академика В. М. Алексеева, «главным препятствием к внедрению буддизма в вероисповедание китайского народа была конфуцианская настороженность китайской служилой интеллигенции, атеистической и националистической, считавшей Китай центром земли и культуры. Буддизм был сразу же отринут конфуцианцами, как вообще все иностранное, т. е. некультурное. Конфуцианство относилось к нему с полным презрением как к варварской затее, ибо пророк явился не в своем отечестве» [Там же].

Буддизму для дальнейшего продвижения необходимо было отстаивать право на пребывание на исторической родине Конфуция. Важнейшим аргументом буддизма стало доказательство того, что учение Будды не противоречит конфуцианским принци-

пам. И действительно, учение о карме имело исключительно морально-этический аспект, на котором настаивало и конфуцианство. Улучшение кармы для продвижения к нирване понималось как нравственное поведение, в основе которого лежали 10 добродетельных деяний. Это:

Три добродетели тела, включающие:

Запрет на умерщвление живого;

Запрет на воровство и не-грабеж;

Запрет на разврат.

Четыре добродетели рта, включающие:

Запрет на ложные речи;

Запрет на двусмыслие (лицемерие);

Запрет на ругательство;

Запрет на велеречивую речь.

Три добродетели сознания, включающие:

Запрет на желания и страсти;

Запрет на раздражение;

Запрет на видение зла (см.: [Чжи И. Т46п1925_p0669с18–24]).

В этих добродетельных деяниях китайцы не могли не увидеть характерные черты учения Конфуция о человеколюбии (仁, жэнь). Важнейшей характеристикой понятия *жэнь*, по словам А. М. Мартынова, является то, что «Конфуцию принадлежит несомненная заслуга принесения в общественное сознание главной идеи “абстрактного гуманизма”: к “другому” вне зависимости от того какое место он занимает в обществе, надо подходить как к самому себе, с позиций равенства и помнить, этот другой достоин любви» [1996: 37–40].

Эта характеристика понятия *жэнь* весьма схожа с теми же характеристиками, которые провозглашались 10 буддийскими добродетелями. В их основе лежат буддийский принцип – «не навреди другому» и конфуцианский – «не желай другому того, что не желаешь себе».

Менталитет китайцев, воспитанный в рамках конфуцианского человеколюбия, благожелательно воспринял буддийские добродетельные деяния. Принципу сыновней почтительности они дали новое истолкование – как приведение «родителей на путь истинный», к буддизму, к достижению идеала «удаления от соблазнов, скверны и страданий бренного мира» [Бяньвэнь о воздаянии за милости 1972: 313].

Буддисты стали приспособлять к своему учению не только важнейший для китайцев принцип сыновней почтительности, но и принцип социального воздействия конфуцианцев – его ритуальную практику, определявшую внешнюю сторону социальной установки, предписываемой конфуцианцами. Буддисты не могли не видеть всей значимости этой практики для китайцев и не приспособлять ее к себе, тем более что она не противоречила их учению.

Тем не менее нападки на буддизм со стороны конфуцианцев продолжались. Особенно остро они были направлены на положение о реинкарнации. Конфуцианцы доказывали, что душа смертна, умирает вместе с телом. Буддисты в ответ приводили примеры из древних представлений китайцев эпохи Чжоу (ок. 1046–221 гг. до н. э.) о душах *по* (魄), *хунь* (魂), *шэнь* (神), настаивая на бессмертности души *шэнь* (神). Споры о душе касались главным образом философско-мировоззренческой сферы, но и здесь начиналось постепенное сближение позиций.

Дело в том, что распространение буддизма в Китае было тесно связано с деятельностью миссионеров, переведивших тексты с санскрита на китайский язык. О трудностях перевода, связанных с особенностями китайского языка, говорилось в научной литературе уже много раз. Здесь стоит сказать лишь о том, что в связи с отсутствием буквенной письменности в китайском языке переводчики были вынуждены использовать понятийный аппарат традиционной китайской философии, что не могло не оказать влияние на содержание буддийских текстов. По мере укрепления позиций буддизма в философско-мировоззренческой сфере и формирования школ ки-

тайского буддизма в сочинения патриархов этих школ стали вводиться понятия традиционной философии не только в качестве эквивалентной замены буддийских понятий, но и в их самостоятельном значении с буддийским контекстом, что не могло не сказаться на содержательном аспекте буддийских теорий. Так понятие *ли* (理), означающее в традиционной философии «принцип», «закон», «высший закон», «упорядочивание» и т. п., стало в сочинениях первого патриарха школы хуаянь Ду Шуня обозначать «Абсолют», «абсолютную реальность» в противовес множеству феноменальных явлений и вещей, означаемых Ду Шунем иероглифом «ши» (事), переводимом как «дело», «событие», «обстоятельство». Вследствие широкого использования понятий традиционной китайской философии, наполненных натурфилософским содержанием, как в качестве перевода терминов с санскрита, так и в их самостоятельном значении, философское содержание буддийских теорий в китайских школах постепенно онтологизировалась. В свою очередь, конфуцианское учение, изначально направленное на решение этико-политических проблем, под влиянием буддизма и даосизма стало включать в свое учение онтологическую проблематику. Это было связано с тем, что с вхождением буддизма в Китай и попытками его приспособления к социокультурной среде страны, где наличествовали древние, богатые культурные традиции и устоявшийся менталитет жителей, начались не только противостояние с его традиционными учениями, главным образом с конфуцианством, но и притирки друг к другу. Конфуцианство и даосизм не могли не увидеть богатый потенциал иноземного учения, упорно продвигающегося в социокультурное пространство их страны. Постепенно сформировался синтез трех учений, вошедший в историю как «саньцзяо» (三教). Вначале сближение происходило между буддизмом и даосизмом, затем между конфуцианством и буддизмом, а в конечном итоге между всеми тремя учениями. Этот синтез также называют единством учений трех школ (三教合一论, сань цзяо хэ и лунь).

Введение в конфуцианство буддийской и даосской онтологической проблематики началось еще в танский период, когда известный философ и государственный деятель Дун Чжуншу (董仲舒; 179–104 гг. до н. э.), прославившийся тем, что ввел экзамены на государственную должность, в основе которых было знание конфуцианских канонов, «создал в рамках конфуцианства высокоразвитую натурфилософию, в которой использовал идеи даосизма и иньян-цзя» [Кобзев 2006: 254]. Позже буддийскую тематику в конфуцианскую философию ввел Чжу Си (朱熹, 1130–1200).

Процесс формирования синтеза трех учений, завершившийся в сунский период, был неотъемлемой частью социальной, политической и духовной культуры Китая на всем протяжении истории императорского Китая. По словам академика В. М. Алексеева, к XX в. этот процесс зашел так далеко, что в Китае невозможно было обнаружить в более или менее чистом виде ни буддизма, ни даосизма, ни конфуцианства [1947: 453].

Однако в современный период этот синтез не утратил своей значимости и продолжает сохраняться как часть менталитета китайцев. И на высшем уровне, где официальной идеологией страны выступает марксизм, три учения тем не менее не теряют своих позиций, более того, намечается их сближение с марксистской философией в вопросах построения гармоничного мира и реализации «китайской мечты» (Чжунго мэн, 中国梦), провозглашенной нынешним руководством Китая.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)») № 121031000261-9.

Литература

Алексеев В. М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях / В. М. Алексеев. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1966. – 260 с.

Алексеев В. М. Глава из истории китаизации буддизма / В. М. Алексеев // Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка. – 1947. – Т. VI. – Вып. 5. – С. 453–455.

Бяньвэнь о воздаянии за милости (рукопись из Дуньхуанского фонда Института востоковедения). Ч. 1 / факс. рукописи, исслед., пер. с кит., коммент. и табл. Л. И. Меньшикова; отв. ред. Б. Л. Рифтин. – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1972. – 420 с.

Кобзев А. И. Дун Чжуншу / А. И. Кобзев // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 1. Философия / под. ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова. – М.: Вост. лит-ра, 2006. – С. 254.

Мартынов А. С. Гуманизм Конфуция / А. С. Мартынов // Вестник Восточного института. – 1996. – № 2(4). – Т. 2. – С. 37–40.

Хуэй-цзяо. Жизнеописания достойных монахов: в 3 т. Т. I / Хуэй-цзяо; пер. с кит., исслед., коммент. М. Е. Ермакова; отв. ред. Л. Н. Меньшиков. – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1991. – 251 с.

Чжи И. Фацзе цы ди чу мэнь / И. Чжи // Да чжэн синь сю да цзан цзин 第四十六册. No. 1925 [Чжи И. Первоначальные врата ступеней мира дхарм / И. Чжи // Новая редакция Трипитаки времен Тайсё. – Т. 46. – № 1925].

Чжунго фочзяо тун ши [Всеобщая история китайского буддизма]: в 15 т. Т. 1. – Нанкин, 2010. – 621 с.

References

Alekseev V. M. Kitajskaya narodnaya kartina. Duhovnaya zhizn' starogo Kitaya v narodnyh izobrazheniyah / V. M. Alekseev. – M.: Gl. red. vost. lit-ry, 1966. – 260 s.

Alekseev V. M. Glava iz istorii kitaizacii buddizma / V. M. Alekseev // Izvestiya AN SSSR. Otd-nie literatury i yazyka. – 1947. – Т. VI. – Вып. 5. – С. 453–455.

Byan'ven' o vozdayanii za milosti (rukopis' iz Dun'huanskogo fonda Instituta vostokovedeniya). Ch. 1 / faks. rukopisi, issled., per. s kit., komment. i tabl. L. I. Men'shikova; otv. red. B. L. Riftin. – M.: Nauka; Gl. red. vost. lit-ry, 1972. – 420 s.

Kobzev A. I. Dun Chzhunshu / A. I. Kobzev // Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya: v 5 t. Т. 1. Filosofiya / pod. red. M. L. Titarenko, A. I. Kobzeva, A. E. Luk'yanova. – M.: Vost. lit-ra, 2006. – S. 254.

Martynov A. S. Gumanizm Konfuciya / A. S. Martynov // Vestnik Vostochnogo instituta. – 1996. – № 2(4). – Т. 2. – С. 37–40.

Huej-czyao. Zhizneopisaniya dostojnyh monahov: v 3 t. Т. I / Huej-czyao; per. s kit., issled., komment. M. E. Ermakova; otv. red. L. N. Men'shikov. – M.: Nauka; Gl. red. vost. lit-ry, 1991. – 251 s.

Chzhi I. Facze cy di chu men' / I. Chzhi // Da chzhen sin' syu da czan czin 第四十六册. No. 1925 [Chzhi I. Pervonachal'nye vrata stupenej mira dharm / I. Chzhi // Novaya redakciya Tripitaki vremen Tajsyo. – Т. 46. – № 1925].

Chzhungo foczyao tunshi [Vseobshchaya istoriya kitajskogo buddizma]: v 15 t. Т. 1. – Nankin, 2010. – 621 s.

УДК 294.3

ББК 86.35-3

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-143-148

А. П. Лугавцова

«КРИТИЧЕСКИЙ БУДДИЗМ» – ПОПЫТКА ПРЕЛОМЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ ЯПОНИИ В ПРИЗМЕ РЕЛИГИИ

В статье рассматривается направление в японской буддийской философии, сформировавшееся в 1980-е гг. и получившее название «критический буддизм», в частности его социально-нравственный аспект. Показано, как в работах главных идеологов «критического буддизма» (Хакамаэ Нориаки и Мацумото Сиро:) отразилось их неприемлимое отношение к двум ключевым буддийским доктринам японского буддизма – доктрине Татхагатагарбхи («природы Будды») и «исконной просветленности», в которых основатели «критического буддизма» видели причину существования социальной дискриминации в Японии, поскольку именно они, пропагандируя мнимое равенство, привели к утрате верующими четких моральных ориентиров. Выявлено, что залогом оздоровления японского общества Мацумото и Хакамаэ видели полное реформирование буддизма через избавление от навязываемых веками идей «природы Будды» и «исконной просветленности» ввиду их грубых расхождений с индийскими корнями учения и молчаливого оправдания социальной дискриминации.

Ключевые слова: Япония, буддизм, «критический буддизм», общество, религия, современность.

А. P. Lugavtsova

“CRITICAL BUDDHISM” AS AN ATTEMPT TO REFRACT CONTEMPORARY SOCIAL PROBLEMS IN JAPAN THROUGH THE PRISM OF RELIGION

The article deals with the trend in Japanese Buddhist philosophy formed in the 1980s and called “critical Buddhism”, in particular, its socio-moral aspect. It is shown how the works of the main ideologists of “critical Buddhism” (Hakamaya Noriaki and Matsumoto Shirō) reflected their irreconcilable attitude to the two key Buddhist doctrines of Japanese Buddhism – the doctrine of Tathagatagarbha (“Buddha-nature”) and “original enlightenment”. The founders of “critical Buddhism” saw in those doctrines the reason for the existence of social discrimination in Japan, because their promotion of a supposed equality led to the loss of clear moral guidelines for believers. It is revealed that Matsumoto and Hakamaya saw the key to the improvement of Japanese society as the complete reformation of Buddhism through getting rid of the ideas of “Buddha nature” and “original enlightenment” imposed for centuries because of their gross discrepancies with the Indian roots of the doctrine and their tacit justification of social discrimination.

Keywords: Japan, Buddhism, Critical Buddhism, society, religion, modernity.

«Критический буддизм» (批判仏教, *хихан буккё:*) – направление в японской буддийской философии, сформировавшееся в 80-е гг. XX в. благодаря деятельности Хакамаэ Нориаки (1943 – по н. в.) и Мацумото Сиро: (1950 – по н. в.), профессоров университета Комадзава, санскритологов и буддологов, а также буддистов школы Со:то:-сю: (曹洞宗, далее – Со:то:) учения Дзэн. «Критический буддизм» отвергает всю дальневосточную традицию буддизма, частью которой выступает и японский буддизм, как не соответствующую подлинному учению Будды Шакьямуни, к кото-

рому, по мнению идеологов течения, относится только индийский буддизм. Причиной расхождения китаизированной ветви учения с «истинным» вариантом, как считали Мацумото и Хакамаэ, послужило ее центрирование на доктрине о Татхагатагарбхе (如来藏, *нэ:райдо:о:*; зародыш Татхагаты, наличие «природы Будды» в каждом существе), из которой выросла идея *хонгаку сисо*: (本覚思想, философия *хонгаку*), гласившая, что все существа изначально обладают «исконной просветленностью». Эти две идеи, по мнению Хакамаэ и Мацумото, имеют откровенно антибуддийский характер, более того, напрямую вредят японскому обществу, поощряя существующую в нем социальную дискриминацию. Социально-нравственная критика ключевых доктрин японского буддизма занимает существенное место в идеологии «критического буддизма» и выступает его яркой особенностью.

Критику Мацумото и Хакамаэ «еретических» идей японского буддизма не представляется возможным полноценно представить без их видения качеств, которые определяют «подлинность» буддизма. Ими выступали опора на закон причинности, «взаимозависимого возникновения» (縁起, *энги*), по которому существование чего-либо в абсолютной независимости от других вещей или спонтанное возникновение невозможно, а также отречение от самости, бескорыстное превознесение другого над собой, являющееся незыблемым моральным императивом буддизма. Кроме того, отдельно подчеркивалась ценность Слова, которое выступало «искусным средством» (方便, *хо:бэн*) для достижения просветления. Уже на этом, сугубо философском этапе, Мацумото и Хакамаэ пришли к выводу, что доктрины японского буддизма о Татхагатагарбхе и «исконном просветлении» не соответствуют подлинной буддийской традиции. Подразумеваемая в них «природа Будды», которая фактически выступала первоосновой мира (Мацумото дал ей название *дхату*), противоречила 12-звенной цепи причинности, а значит, являлась псевдобуддизмом, учением о *дхату*, *дхатувадой* [Swanson 1993: 120]. Культивируемая философией *хонгаку*, пресловутая невыразимость «таковости» пренебрегала Словом, а уравнивательные идеи, что «травы, деревья, горы и реки – все стали буддами», попирали нравственные ориентиры верующих, лишая их необходимости соблюдать моральный императив буддизма об отречении от собственной самости. Более того, именно на понимании философии *хонгаку* как учения о равенстве основывалась ее критика как оправдывающей дискриминацию, прежде всего многовековую дискриминацию *буракуминов* (部落民) – потомков людей, занимающихся «нечистыми» для буддизма занятиями (забоем скота, выделкой кож и др.).

Несмотря на отмену кастовой системы еще в 1871 г., большинству *буракуминов* в Японии до сих пор затруднительно получить среднее образование, не говоря о высшем, овладеть желаемой профессией или вступить в брак с уроженцем обычного района, и во многом подобное обращение обосновано многовековой молчаливой поддержкой их угнетения со стороны японского буддизма. Раз, согласно учению о *хонгаку*, все явления равно основаны на единой, абсолютной, вечной реальности, и во всем, что есть в мире, проявлено просветление, то социальная дискриминация также может восприниматься как выражение истины! [Торчинов 2000]. Иначе говоря, именно идея о всеобщем равенстве и спасении парадоксально укрепляет закоснелые стереотипы японского общества и не дает ему оздоровиться. На протяжении столетий, воспевая «природу Будды» в деревьях и травах, представители буддизма (в особенности институционального) отказывали целому пласту населения в элементарных правах и уважении и при жизни, и после смерти. Примером этого, в частности, являлась постыдная традиция, существовавшая до недавнего времени, когда буддийские священники школы Со:то и других традиций давали умершим «неприкасаемым» дискриминационные посмертные имена (戒名, *каймё*), включающие в себя иероглифы со значением «зверь», «ничтожный», «слуга» и др. [Bodiford 1996: 9]. Буддийские храмы, расположенные в общинах *буракуминов*, назывались нечистыми храмами (яп. 穢多寺, *эта-дэра*), и им не разрешалось поддерживать связь с храмами в районах, не относящихся к жительству *буракуминов*. Кроме того, буддийские священники учили *буракуминов*, что именно дурная карма помещает их в эту жестокую жизнь, а терпение необходимо для того,

чтобы следующая жизнь была благоприятной. Среди буддийского духовенства вполне обыденными были убеждения, что *буракумины*, как *иччантика* (一闍提, *иссэндай*), существа, лишенные природы Будды, вообще не способны спастись и обрести нирвану [Alldritt 2000].

Несмотря на то что подобные вещи существовали в японском обществе издревле, они замалчивались, и ощутимо меняться ситуация начала только во второй половине XX в. усилиями общественных организаций, таких как Лига освобождения бураку (部落解放同盟, *Бураку кайхо: до:мэй*). Именно их активность привела к тому, что постыдные факты прошлого стали явными, и связано это было с так называемым «инцидентом Матида». На III Всемирной конференции по религии и миру в Принстоне в 1979 г. Матида Мунэо, тогдашний генеральный секретарь школы Со:то:, а также президент Федерации буддизма Японии, яро отрицал существование дискриминации в отношении «изгоев» в современной Японии. Это отрицание вызвало решительные протесты Лиги освобождения бураку. Руководство школы вскоре признало ошибку и принесло публичные извинения, Матида и другие лидеры Со:то: были допрошены и подвергнуты публичному порицанию лигой на пяти собраниях, в ходе которых были представлены доказательства многовековых дискриминационных действий со стороны буддийских священников по отношению к *буракуминам*. На последнем собрании в 1983 г., проходившем в Административном штабе школы Со:то:, Матида зачитал заявление, в котором признал личную предвзятость и обязался ликвидировать все формы социальной дискриминации в школе Со:то: [Bodiford 1996: 4]. Этот инцидент фактически лег в основу «критического буддизма» – статья Хакамае Нориаки «Некоторые размышления об идеологической подоплеке социальной дискриминации» была написана именно по следам «инцидента Матида» [Matsumoto 2001: 373]. Мацумото и Хакамае прекрасно понимали, что это не проблема лишь школы Со:то:, а буддийских традиций Японии в целом, поэтому и решили выяснить идеологическую основу дискриминационных практик в ключевых буддийских доктринах.

Выдвинув и обосновав претензии к дальневосточной традиции буддизма на буддологическо-философском уровне, Мацумото и Хакамае распространили их дальше – в сферу этики, утверждая, что изначально буддизм стоял на страже социальной справедливости, о чем в «Рассуждении о постижении Пути» (弁道話, *Бэндо:ва*, 1231 г.) писал еще основатель традиции Со:то: До:гэн (1200–1253), делая акцент на важности кармы и кармического воздаяния [Ibid.]. Однако японские буддисты неверно истолковали труды своего же патриарха и транслировали далее уже искаженное их понимание. Извращение замыслов До:гэна привело к тому, что вместо следования концепции кармы, которая соответствовала духу «истинного» буддизма и его теории причинности, среди населения стали насаждаться идеи о «природе Будды» и «исконной просветленности», по сути своей ставившие верующих выше кармического воздаяния (и необходимости совершать добрые дела) за счет залога гарантированного спасения. Подразумеваемая ими фундаментальная единая основа просветления фактически привела верующих к неспособности иметь дело с проявлениями инаковости и делать конкретный этический выбор. Ведь если все основано на едином первоначале, то добро и зло, богатство и бедность, правда и ложь – на самом деле одно и то же, и нет никакой необходимости пытаться исправить то, что несправедливо. Таким образом, под знаменем всеобщей свободы и равенства пропал стимул как-либо реагировать на неблагоприятные деяния, имеющиеся в обществе проблемы, произошло принятие вещей как они есть, без моральной аутентификации или оценочного суждения [Мацумото 1989: 2–8].

Развивая социальную критику доктрин о Татхагатагарбхе и «исконной просветленности», Мацумото и Хакамае напрямую утверждали, что многовековое подавление ими возможности верующих занимать сколь-либо независимую моральную позицию привело к поощрению «мифа об уникальности Японии» и милитаризму. Помимо буддийских доктрин, они также подчеркивали ту роль, которую в превознесении социальной гармонии над индивидуальностью сыграл идеал *ва* (和), пропагандировавшийся в Японии еще со времен правления Сётоку-тайси (ок. 574 – ок. 622). *Ва* и есть

«гармония», мир, уравновешенность, понятие в японской культуре, связанное с установлением равных и бесконфликтных отношений человека и социальной группы. На самом же деле за красивым фасадом, как писали Мацумото и Хакамая, скрывались жесткая иерархичность и всемерное подавление низших высшими, вылившиеся в молчаливое непротивление и поддержание тоталитарных и националистических идеологий. Мацумото активно полемизировал с представителями так называемого «японизма», или «науки о Японии» (日本学, *нихонгаку*), в частности с японским философом Умэхара Такэси (1925–2019), который превозносил японский буддизм как олицетворение *ва* за его подлинно уравнилительный характер, видение «природы Будды» даже в неживых вещах. Мацумото же настаивал, что ключевые идеи японского буддизма основаны на доктрине Татхагагарбхи и концепте *хонгаку*, и только отрицание учения о «ложном» равенстве, приведшего к тому, что в угоду политической повестке японский буддизм утратил моральные ориентиры, поощрял этническую и социальную дискриминацию, сотрудничал с японским милитаризмом, может дать толчок решению социальных проблем, которые продолжают существовать и замалчиваться даже в XXI в. [Swanson 1993: 120–122]. Хакамая также яростно осуждал *ва*, говоря о том, что *ва* (наравне с философией *хонгаку*) выступает не более чем мерой принуждения, используемой влиятельными людьми для поддержания статуса-кво в обществе и ограничения любой критики. По мнению Хакамая, именно эти идеалы, выставляемые в авангарде так называемой «японской идентичности», привели к тому, что в Японии перед Второй мировой войной (1941–1945) люди бездумно клали свои жизни на алтарь милитаризма и политических репрессий. На самом же деле все эти концепции (и «природа Будды», и «исконная просветленность», и «социальная гармония») являются врагами буддизма и подлинного мира, к которому он стремится. Они культивируют ложное чувство всеобщего равенства, благодаря чему атрофируется изначальная альтруистическая мораль, что и приводит к тому, что верующие смотрят на имеющиеся в обществе проблемы сквозь пальцы вместо того, чтобы критически относиться к несправедливым деяниям, противостоять им словом и делом [Хакамая 1990: 110; Swanson 1993: 134–135].

Единственно возможным вариантом оздоровления общества и самого японского буддизма, веками наносившего обществу тяжкий вред ввиду «еретического» характера его ключевых идей, Мацумото и Хакамая видели модернизацию учения за счет полного отрицания ценности концепций «природы Будды» и «исконной просветленности». Все японские буддийские направления также признавались псевдобуддийскими за их опору на «ложные» идеалы, в особенности яростной критике подвергся Дзэн, многими превозносимый как квинтэссенция японского буддизма. Для Мацумото и Хакамая это направление с его опорой на созерцание, интуитивное постижение истины и пренебрежением к письменным знакам представляло собой не пик развития учения, а пример его деградации [Swanson 1993: 120–122; 134–135]. По их мнению, для современного японского буддизма не оставалось ни одного выхода, кроме тотальной переоценки философской и нравственной составляющей, в противном случае он попросту не мог считаться частью подлинной индийской традиции и нести знамя гибкого защитника справедливости и реформ, а был обречен и дальше отравлять общество неверными установками, поощряя социальную несправедливость. Только возврат к акцентированию на нравственной составляющей кармической причинности, о которой писал До:гэн, по мнению идеологов «критического буддизма», смог бы повысить необходимость осознания социальной ответственности и одновременно снизить уровень разочарования в учении в японском обществе, многим членам которого буддизм давно уже представлялся устаревшим, авторитарным, догматическим и социально жестким институтом [Heine 1994: 47–48].

Однако, несмотря на значительность эффекта, произведенного «критическим буддизмом» в первые годы активности его идеологов, этот эффект был весьма непродолжительным – к началу XXI в. острота дискуссий значительно снизилась, окончательно уйдя в дебаты между членами академического сообщества. Несмотря на очевидную ценность поднятия многих спорных вопросов и обнажения насущных проблем, к социальному аспекту критического буддизма оппоненты, как религиозные, так и светские,

отнесли наиболее неоднозначно, указывая, что обвинение абстрактных доктрин во вполне конкретных общественных проблемах не затрагивает сути проблем, поскольку путь от доктрины до идеологии крайне сложен, и для его понимания нужно исследовать весь процесс превращения – исторические, социальные, психологические, культурные и иные факторы. Вне контекста интерпретации идей о «природе Будды» и «исконном просветлении» однозначно возлагать ответственность на них за социальную дискриминацию в японском обществе было бы несколько однобоко [Hubbard, Swanson 1997: 291]. К тому же с течением времени пути Мацумото и Хакамаэ разошлись, что совсем подкосило движение: первый отошел от «критического буддизма» в сторону более абстрактной «критической теологии», второй занялся исследованием японского амидаизма, а после – литературоведением. Тем не менее, указав на важность критического духа учения, его равнодушие к общественным проблемам, Мацумото Сиро и Хакамаэ Нориаки обозначили необходимость реформирования японского буддизма в соответствии с духом времени. Согласно этому движению, модель для «перерождения» буддизма должна исходить из самой традиции, изначально человекоориентированной и альтруистичной, и ключевой целью реформирования учения должно стать целительное воздействие на современное общество. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что «критический буддизм» сыграл значительную роль в переоценке этического аспекта японского буддизма, и поднятые им вопросы и проблемы не теряют свою актуальность даже спустя 30 лет.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности. Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)») № 121031000261-9.

Литература

Торчинов Е. А. Введение в буддологию: курс лекций / Е. А. Торчинов. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – 304 с.

Alldritt L. D. The Burakumin, The Complicity of Japanese Buddhism in Oppression and an Opportunity for Liberation [Электронный ресурс] / L. D. Alldritt // Journal of Buddhist Ethics: On-line Conference on “Socially Engaged Buddhism” (April 7–14, 2000). – Режим доступа: <http://kusala.online-dhamma.net/文字資料/南傳佛教圖書館 Theravada Buddhism E-Library/054 雜誌 Magazine/Journal of Buddhist Ethics/JBE/www.jbe.gold.ac.uk/7/alldritt001.html> (дата обращения: 20.07.2024).

Bodiford W. Zen and the Art of Religious Prejudice: Efforts to Reform A Tradition of Social Discrimination / W. Bodiford // Japanese Journal of Religious Studies. – 1996. – Vol. 23 (1–2). – P. 1–27.

Heine S. “Critical Buddhism” (Hihan Bukkyō) and the Debate Concerning the 75-fascicle and 12-fascicle Shōbōgenzō Texts / S. Heine // Japanese Journal of Religious Studies. – 1994. – Vol. 21(1). – P. 37–72.

Hubbard J. Pruning the Bodhi Tree: The Storm Over Critical Buddhism / J. Hubbard, P. L. Swanson. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 1997. – 544 p.

Matsumoto S. Critiques of Tathāgatagarbha Thought and Critical Buddhism [Электронный ресурс] / S. Matsumoto // Public lecture at the Divinity School, the University of Chicago (May 2, 2001). – Режим доступа: <http://repo.komazawa-u.ac.jp/opac/repository/all/14431/jbs033-20.pdf> (дата обращения: 07.07.2024).

Swanson P. L. “Zen is Not Buddhism”: Recent Japanese Critiques of Buddha-Nature / P. L. Swanson // Numen. – 1993. – Vol. 40(2). – P. 115–149.

Мацумото С. Эни то ку: Нё:райдо: сисо: хихан [Причинность и пустота: критика идеи о Татхагатагарбхе] / С. Мацумото. – Токио: Дайдзо: сюппан, 1989. – 372 с. (на яп. яз.)

Хакамаэ Н. Хихан буккё: [Критический буддизм] / Н. Хакамаэ. – Токио: Дайдзо: сюппан, 1990. – 382 с. (на яп. яз.)

References

Torchinov E. A. Vvedenie v buddologiyu: kurs lekcij / E. A. Torchinov. – SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2000. – 304 s.

Alldritt L. D. The Burakumin: The Complicity of Japanese Buddhism in Oppression and an Opportunity for Liberation [Elektronnyj resurs] / L. D. Alldritt // Journal of Buddhist Ethics: Online Conference on “Socially Engaged Buddhism” (April 7–14, 2000). – Rezhim dostupa: <http://kusala.online-dhamma.net/文字資料/南傳佛教圖書館 Theravada Buddhism E-Library/054 雜誌 Magazine/Journal of Buddhist Ethics/JBE/www.jbe.gold.ac.uk/7/alldritt001.html> (data obrashcheniya: 20.07.2024).

Bodiford W. Zen and the Art of Religious Prejudice: Efforts to Reform A Tradition of Social Discrimination / W. Bodiford // Japanese Journal of Religious Studies. – 1996. – Vol. 23 (1–2). – P. 1–27.

Heine S. “Critical Buddhism” (Hihan Bukkyō) and the Debate Concerning the 75-fascicle and 12-fascicle Shōbōgenzō Texts / S. Heine // Japanese Journal of Religious Studies. – 1994. – Vol. 21(1). – P. 37–72.

Hubbard J. Pruning the Bodhi Tree: The Storm Over Critical Buddhism / J. Hubbard, P. L. Swanson. – Honolulu: University of Hawai’i Press, 1997. – 544 p.

Matsumoto S. Critiques of Tathāgatagarbha Thought and Critical Buddhism [Elektronnyj resurs] / S. Matsumoto // Public lecture at the Divinity School, the University of Chicago (May 2, 2001). – Rezhim dostupa: <http://repo.komazawa-u.ac.jp/opac/repository/all/14431/jbs033-20.pdf> (data obrashcheniya: 07.07.2024).

Swanson P. L. “Zen is Not Buddhism”: Recent Japanese Critiques of Buddha-Nature / P. L. Swanson // Numen. – 1993. – Vol. 40(2). – P. 115–149.

Macumoto S. Engi to ku: Nyo:rajdzo: siso: hihan [Prichinnost’ i pustota: kritika idei o Tathagatagarbhe] / S. Macumoto. – Tokio: Dajdzo: syuppan, 1989. – 372 s. (na yap. yaz.)

Hakamaya N. Hihan bukkyo: [Kriticheskij buddizm] / N. Hakamaya. – Tokio: Dajdzo: syuppan, 1990. – 382 s. (na yap. yaz.)

УДК 294.311 + 338.001.36

ББК 86.35 + 65.9 (4/8)

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-149-153

С. Ю. Лепехов

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ
БУДДИЗМА ДЛЯ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В статье обсуждаются различные подходы западных и буддийских экономистов к принципам организации производства и потребления. Рассматривается влияние традиционных буддийских ценностей на формирование образа жизни в буддийских странах и те последствия для окружающей среды, которые проистекают из него. Анализируются предлагаемые буддизмом альтернативы в контексте современности.

Ключевые слова: традиционные буддийские ценности, современные буддийские экологические и экономические подходы.

S. Yu. Lepekhov

BUDDHIST ECOLOGICAL AND ECONOMIC ALTERNATIVES
FOR THE THIRD MILLENNIUM

The article discusses the various approaches of Western and Buddhist economists to the principles of organizing production and consumption. The influence of traditional Buddhist values on the formation of the way of life in Buddhist countries and the consequences for the environment that arise from it are considered. The alternatives offered by Buddhism in the context of modernity are analyzed.

Keywords: traditional Buddhist values, modern Buddhist ecological and economic approaches.

Принципы и ценности буддизма, зафиксированные в религиозных памятниках, чаще всего предназначались адептам, непосредственно осуществляющим религиозную практику и в той или иной степени удаленным от мира. Пожелания для мирян ориентировались на то, что и они, в конечном счете, максимально ограничат свою связь с миром и посвятят себя практике, ведущей к пробуждению. В полной мере эти принципы и ценности должны были осуществляться только монахами с присутствием для них образом жизни. Вместе с тем реальные потребности производства и потребления должны были предусматривать корректировку подходов буддизма, исходя из природных и климатических условий, сложившихся традиционных способов ведения хозяйства, особенностей баланса биологических ресурсов в конкретных регионах. Например, один их ключевых принципов буддизма *ахимса* (непричинение вреда живому) невозможно было соблюдать кочевникам Монголии и Тибета в силу особенностей их образа жизни и традиционного хозяйственного уклада. Более того, этот принцип на практике не применялся ни в одну эпоху, ни в одной стране. Во всех случаях приходилось искать убедительные аргументы для обоснования возможных исключений из правил.

Означает ли это, что принцип ненасилия следует признать неэффективным и считать его влияние на реальную историю, экономику, политику стран буддийского ареала несущественным? Такой вывод был бы слишком категоричным и даже неверным по существу. В действительности принцип ненасилия сыграл значительную роль в уменьшении влияния негативного воздействия человека на окружающую среду, сохранении разнообразия животного мира; оказал благоприятное воздействие на создание прочных мирных отношений целого ряда буддийских стран в течение длительного времени; способствовал формированию условий в этих странах для устойчивого экономи-

ческого роста. Все это происходило потому, что принцип ненасилия даже в условиях ограниченного применения формировал некие ограничительные рамки допустимого поведения и идеалы отношения к другим существам, окружающей природе и миру в целом и полностью исключал образ мыслей и поступки, продиктованные эгоистическими мотивами и игнорированием всего, что им препятствует.

Проблема заключается не столько в том, признавать или не признавать разумность и опыт положительного воздействия буддийских ценностей и принципов в области формирования эффективного экологического сознания, сколько в том, каким образом и какими путями эти ценности и принципы могли быть применены на практике. Причем прежде всего в мире, ориентирующемся на совсем другие принципы и ценности. В какой степени буддизм способен адаптировать свои подходы к современным условиям? Где будут проведены ограничительные линии? Останется ли буддизм при такой адаптации по-прежнему буддизмом или существует опасность лишиться в критической степени своей самобытности?

Ценности современной западной цивилизации фактически основаны на безудержном эгоизме, превалировании собственных потребностей и интересов в ущерб окружающим, игнорировании всего и всех, что им противоречит и сдерживает, вплоть до полного физического уничтожения. Такие подходы формировались не на основе каких-то религиозных догматов. В действительности во всех древних культурах и в большинстве религий содержались представления о едином взаимосвязанном мире, необходимости справедливого и равного обмена со всеми представителями живого и даже неживого мира. Многие экологические принципы в той или иной степени осознавались и соблюдались во многих культурах еще до того, как они были сформулированы научным сообществом.

Если восточная цивилизация и отличалась от западной, то в основном тем, что в ней не было такого количества культурных и идеологических надломов, как в последней. Сохранялась преемственность и постепенность, а вместе с ними и культурная идентичность. Оставались неизменными традиционные ценности и накопленный опыт многих поколений как в области производственных и хозяйственных навыков, так и в области межличностных, межстратовых, межкультурных и межнациональных отношений. Буддизм вобрал достижения и опыт многих культур и этносов, сумел стать мировой религией и распространил ненасильственный подход не только на представителей различных традиций, но и на весь окружающий мир.

Поскольку в основе такого подхода лежало превалирование блага других, служение другим, вплоть до полного отказа от собственного блага, то и в хозяйственном укладе значительное место занимал принцип «отдачи», механизмы перераспределений, равномерного удовлетворения потребностей, причем не только людей, но и всех живых существ. Так, например, в обязанности монахов любого буддийского монастыря входила забота о животных, обитающих рядом с монастырем. Представление о том, что природа Будды может присутствовать даже в деревьях и камнях, способствовала в странах Восточной Азии сохранению не только памятников культуры, но и природы, ландшафтных пейзажей.

Стремление к достижению идеалов высокой общей этики способствовало установлению высоких стандартов и трудовой этики. Все это способствовало постепенному формированию принципов буддийской экономики, основанной на рациональном, нерасточительном потреблении и распределении ресурсов.

Анализируя особенности буддизма Тхеравады, в т. ч. бирманского буддизма, Мелфорд Спиро выделил три его разновидности, или три системы. Две из них, так или иначе, имеют отношение к религии спасения и поэтому обозначаются как сотериологические. Одна из форм – несотериологическая – связана с мирским благополучием человека, в т. ч. с лечением болезней, защитой от демонов, предотвращением засух и т. д. Две сотериологические системы делятся по своей основной направленности и используемым практикам на буддизм «радикального освобождения», или *нирванический*, и «постепенно освобождающий», или *кармический*. Несотериологическая система, «ос-

вобождающая от опасностей», обозначается им как *апотропеический* буддизм [Spigo 1982: 12]. Эти три типа не являются полностью изолированными друг от друга и взаимосвязаны общей системой ценностей, но ориентированы на различные слои общества, т. е. на определенные страты среди монахов, а также отдельно на мирян. Существующая между этими слоями экономическая активность регулируется преимущественно буддийскими ценностями и идеалами и предусматривает перераспределение не только и не столько материальных ресурсов, сколько духовных заслуг. Возникшее в буддизме представление о возможности «перераспределения духовных заслуг» впоследствии трансформировалось в представление о возможности и желательности перераспределения и материальных ценностей как сопутствующее процессу перераспределения заслуг. Как отмечает М. Спиро, механизм этот, вовлекающий в свою орбиту как духовное, так и материальное (от 30 до 40 % всего совокупного продукта), становился интегрирующим фактором общественной жизни [Ibid.: 453–467].

Вместе с тем ценности могут не только перераспределяться, расходоваться, но и аккумулироваться, например, в значимых культовых сооружениях, тех же монастырях. В предметах искусства, хранящихся в этих монастырях. Такое выведение средств из оборота только на первый взгляд выглядит нерациональной с экономической точки зрения тратой. В действительности для стабильной экономики такое периодическое выведение средств из оборота даже необходимо, поскольку, в соответствии с «правилом Фишера», рост денежной массы только до определенного предела способствует увеличению скорости денежного обращения и, следовательно, прибыли. При превышении этого предела это влияние уменьшается, становится выгодным вывести часть денежной массы и ее «заморозить», вложив, например, в предметы искусства, в которых они сохраняют и даже увеличивают ценность, будучи не подверженными инфляции.

Буддийские монастыри, также как монастыри других конфессий, традиционно выполняли функцию банков, но поскольку они организованы по иному принципу, чем коммерческие банки, то и свободны от многих недостатков последних. Прежде всего по причине отсутствия ориентации на прибыль как конечную и единственную цель. Следующая полезная функция, которую в экономике и экологии выполняют буддийские монастыри – это функция демографического регулятора в обществе. Поскольку в монастырях веками сохраняется неизменная хозяйственная деятельность, то с окружающей средой поддерживается баланс. Как правило, в монастырях не используются энерго- и ресурсозатратные производства и предпочтение отдается экологически чистым продуктам.

Многие экономисты в поисках выхода из тупика, в который зашла западная экономика, обращают внимание на традиционные восточные ценности и находят именно в буддийской экономике некое подобие совершенства и приближение к идеалу, при котором максимально возможное благосостояние достигается при минимальном потреблении и отсутствии принуждения. Следует добавить, что принципы и результаты такой экономики не нуждаются в каких-либо затратных экспериментах, так как проверены вековой практикой во многих странах.

Эрнст Фридрих Шумахер отмечает, что «в Новой Бирме нет конфликта между религиозными ценностями и экономическим прогрессом» – бирманские экономисты, считают, что они могут успешно сочетать религиозные и духовные буддийские ценности с преимуществами современных технологий [Schumasher 1973: 35].

Вся западная экономика основана на расчетах стоимости вовлеченных в производство ресурсов и стоимости произведенных товаров и услуг. При таком подходе ценность имеют только материальные факторы (включая и заработную плату), но ценность самой человеческой жизни из расчетов полностью выпадает. Заменят ли человека роботом, зависит только от того, насколько это может увеличить прибыль.

С буддийской точки зрения люди важнее благ, а созидательная деятельность важнее потребления. «С самого начала буддийское экономическое планирование было бы планированием полной занятости, и основной целью этого было бы обеспечение занятости для всех ... поскольку потребление – это всего лишь средство достижения че-

ловеческого благополучия, то целью должно быть достижение максимального благосостояния при минимуме потребления» [Schumasher 1973: 38].

Вместе с тем следует отметить, что все успехи экономики буддийских стран имели место в условиях традиционного производства и потребления, хозяйственных связей, которые также формировались веками. А современность характеризуется такими факторами, как перенос производства, в т. ч. загрязняющего, из развитых стран Запада в развивающиеся страны Востока и Юга, и перенесение основных промышленных потоков, в то время как финансовые потоки направляют основную прибыль на Запад. Основная рабочая сила и все издержки производства аккумулируются на Востоке и Юге, а финансовые активы – на Западе. Кроме того, развивающиеся страны должны еще возмещать ущерб экологии, который возникает, собственно, не по их вине, а по воле крупнейших международных транснациональных корпораций.

В этих условиях призывы возродить принципы буддийской экономики выглядят несколько утопично, это потребует коренной перестройки всех сложившихся на данный момент мирохозяйственных связей принципов финансирования, извлечения и реализации прибыли, организации производства и потребления. К благим пожеланиям потребуются приложить еще и политическую волю, иначе они так и останутся благими пожеланиями.

Предложения западной либеральной демократии в этом плане, несмотря на широкую и агрессивную рекламу, на деле весьма ограничены. Это хорошо понимают и западные ученые. Профессор университета Барри (США) Сандра Фэйрбэнкс выделяет три противоречия, присущих либеральной демократии: 1) разделение экономического класса; 2) разрушение свободы в системе, выступающей за свободу; 3) разрушение природы, подрывающее перспективы процветания человека [Fairbanks 2017: 33].

По этой причине буддистам следует ориентироваться в большей степени на антиглобалистскую повестку и в качестве возможных союзников рассматривать те силы, которые реально заботятся о сохранении традиционных ценностей, традиционного образа жизни, традиционных экономических укладов, о сохранении окружающей среды и биологического разнообразия.

Очевидно также, что в процессе подобного диалога потребуется продумать и разработать такую систему аргументации, которая, используя в качестве основы классические буддийские тексты, могла бы предложить современный текст, понятный буддистам и пригодный для дальнейшей работы и обсуждения среди достаточно широкой аудитории.

Буддийские монахи нечасто участвуют в обсуждении проблем на экономических конференциях и правительственных совещаниях (хотя в ряде буддийских стран это вполне возможно). Кроме того, буддийские монахи, в силу особенностей своего образа жизни, к такому и мало готовы. Но существует целый ряд крупных буддийских университетов, в которых ведутся научные исследования и разработки, где возможно и уместно готовить специалистов такого профиля.

Таким образом, продвижение буддийских принципов и ценностей в современное общество требует большой, скоординированной на многих уровнях работы, вовлекающей в свою орбиту множество специалистов высокого класса, значительная часть которых не будет иметь никакого отношения непосредственно к буддизму и вообще к религии. Важно при этом, чтобы голос самих буддистов был услышан, принят во внимание и им была предоставлена необходимая возможность контроля над ходом выработки и реализации принятых решений.

В конечном счете от способности или неспособности осуществлять такую деятельность в современном мире зависит степень выживаемости самого буддизма как мировой религии, влиятельного философского течения, покровителя национальной и этнической культуры. Остается также существенным вопрос, как определить, где проходят грани, за пределами которых буддизм утрачивает свою идентичность. Что именно обречено на постепенное вымирание и разрушение, а что требует приложения всех возможных усилий для своего сохранения? Ответы на эти вопросы должны быть найдены и определены самими буддистами.

Многие буддисты хорошо осознают необходимость вовлечения в деятельность, способную предотвратить ухудшение качества жизни для большинства людей, загрязнение окружающей среды, негативное воздействие на биосферу в целом. Многие из них разделяют взгляд, подвергающий сомнению благотворность и правомерность построения культуры постоянно развивающейся экономики, поскольку она «способствует росту неудовлетворенности, с которым приходит и множество проблем, как социальных, так и экологических» [Dalai Lama 1999: 166]. Отмечается, что «во всем мире растет понимание значимости окружающей среды, и все более осознается то, что ни люди по отдельности, ни даже целые нации не в состоянии решить свои проблемы в одиночку, что все мы нуждаемся друг в друге» [Ibid.: 170]. Это означает, что эгоизм и представления о собственной исключительности не могут быть оправданы никакими соображениями, так как они в нынешней ситуации могут привести только к одному неблагоприятному для всех концу.

Буддизм не только как религиозная и философская система, но и как культура и цивилизация, породившая определенный образ жизни со своими общественными и экономическими укладами, способами производства, распределения и перераспределения, коммуникациями, механизмами самосохранения, причем не только общества, но и окружающей среды, всей природы, заслуживает того, чтобы его богатый в этом отношении опыт был изучен и использован для дальнейшего, более широкого применения.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии») № 121031000263-3.

Литература

Fairbanks S. Challenges to Liberal Democracy / S. Fairbanks // 12th Annual International Conference on Philosophy 23–26 May 2016, Athens, Greece / ed. by Gregory T. Papanikos. – Athens, 2017. – P. 33.

His Holiness the Dalai Lama. Ethics for the New Millennium / His Holiness the Dalai Lama. – New York: Riverhead Books, 1999. – 238 p.

Schumacher E. F. Small is Beautiful: A Study of Economics as a People Mattered / E. F. Schumacher. – London: Blond & Briggs, 1973. – 223 p.

Spiro M. E. Buddhism and Society. A Great Tradition and its Burmese Vicissitudes / M. E. Spiro. – Second, expanded edition. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1982. – 510 p.

УДК 1

ББК 87

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-154-160

Р. Б. Нагмитова

**БУДДИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ДОСТУПНОСТЬ И ГЛУБИНА ОБУЧЕНИЯ В КУРСАХ НАЛАНДА
И В МОНАСТЫРЕ ДРЕПУНГ ГОМАН**

В статье проводится сравнительный анализ двух видов обучения буддийской философии: сертификационного курса Наланды и традиционной монастырской программы монастыря Дрепунг Гоман. Сертификационные курсы Наланды, рекомендованные Его Святейшеством Далай-ламой XIV в 2016 г., включают трехмесячные сертификационные, полугодовые дипломные и шестилетние магистерские программы. Основной акцент сделан на доступности обучения для широкой аудитории без необходимости монашеского посвящения. Курсы охватывают базовые темы буддийской философии и включают синхронные переводы на русский язык, что способствует их популярности среди русскоязычных слушателей. В отличие от Наланды, монастырская программа Дрепунг Гоман рассчитана на 16 лет и включает изучение пяти коренных трактатов индийских буддийских пандитов. Программа обучения в монастыре направлена на глубокое и всестороннее понимание буддийских текстов и практик через систематическое и последовательное изучение, требующее отречения от мирской жизни и принятия монашества.

Ключевые слова: Дрепунг Гоман, Наланда, монастырское образование, сертификационный курс, буддизм, обучение.

R. B. Nagmitova

**BUDDHIST EDUCATION IN THE MODERN WORLD:
ACCESSIBILITY AND DEPTH OF EDUCATION IN NALANDA
COURSES AND DREPUNG GOMAN MONASTERY**

The article provides a comparative analysis of two types of training in Buddhist philosophy: the Nalanda certification course and the traditional monastic program of Drepung Gomang Monastery. The Nalanda certification courses, recommended by His Holiness the 14th Dalai Lama in 2016, include three-month certification, one-and-a-half-year diploma, and six-year master's programs. The main emphasis is on the availability of training for a wide audience without the need for monastic ordination. The courses cover the basic topics of Buddhist philosophy and include simultaneous translations into Russian, which contributes to their popularity among Russian-speaking listeners. Unlike Nalanda, the Drepung Gomang monastery program is designed for 16 years and includes the study of the five root treatises of Indian Buddhist pandits. The study program at the monastery is aimed at a deep and comprehensive understanding of Buddhist texts and practices through systematic and consistent study, requiring renunciation of worldly life and acceptance of monasticism. Thus, the Nalanda courses provide a structured and accessible training in the basics of Buddhist philosophy for a general audience, whereas the studying at Drepung Gomang is aimed at monks and involves long-term and in-depth study of Buddhist teachings.

Keywords: Drepung Gomang, Nalanda, monastic education, certification course, Buddhism, learning.

Буддийское образование, обладающее многовековой историей и традициями, продолжает развиваться в современном мире, предлагая различные подходы к изучению философии и практики. На фоне глобальных изменений и увеличения ин-

интереса к буддизму как к духовной и философской системе возникают новые образовательные программы, сочетающие традиционные методы обучения с современными технологиями. В данной статье рассматриваются два значимых образовательных пути: сертификационные курсы Наланды, рекомендованные Его Святейшеством Далай-ламой XIV, и традиционная образовательная программа монастыря Дрепунг Гоман. Эти два подхода представляют собой контрастные модели обучения, одна из которых направлена на широкую аудиторию, стремящуюся к базовым знаниям буддийской философии без необходимости принятия монашества, а другая – на глубокое и всестороннее погружение в буддийские тексты и практики в рамках многолетнего монастырского образования. Сравнительный анализ этих программ позволит выявить ключевые различия и взаимодополняющие элементы, которые способствуют сохранению и распространению буддийского учения в условиях современного мира.

По рекомендации Его Святейшества Далай-ламы XIV в 2016 г. проведены первые учебные программы по философии буддизма традиции Наланды. Основным преподавателем курса стал досточтимый геше Дордже Дамдул, директор тибетского дома в Дели [Tibet House Nalanda...].

Тибетским домом в Дели были представлены три вида курсов разных уровней: сертификационный – Nalanda Certificate Course (продолжительность 3–6 месяцев); дипломный – Nalanda Diploma Course (продолжительность 1,5 года); магистерский – Nalanda Masters Course (продолжительность 5–6 лет) [Курс философии буддизма...].

Уникальность данных курсов в том, что всем желающим предоставляется возможность изучения философии буддизма в сжатой форме. При этом обучение может пройти любой человек, который интересуется философией буддизма, независимо от религиозных взглядов, а также без необходимости поступления в монастыри.

Самым популярным и доступным стал Nalanda Certificate Course (NCC1), запущенный в 2023 г. на английском языке. 2 июня того же года более 500 чел. из общего числа участников курсов удостоились личной аудиенции Его Святейшества Далай-ламы XIV в Дхарамсале, во время которой духовный лидер буддистов высоко оценил значимость курсов Наланды и благословил всех участников [Meeting with Participants...].

Несмотря на то что обучение проходило на английском языке, волонтером, переводчиком и сертифицированным специалистом курсов Наланды Анной Ятри все материалы курса были переведены на русский. Программа оказалась довольно популярной среди русскоязычных слушателей, и уже в 2024 г. курс был запущен с синхронным переводом на русский язык при поддержке фонда «Сохраним Тибет». В настоящее время переводчиками являются Ачарья Бем Митруев, Диана Воронина, Евгений Бузятков и Ксения Смольянинова.

Сертификационный курс Nalanda Certificate Course (NCC2) рассчитан на 5 месяцев – в период с января по май 2024 г. Большая часть расходов на проведение курсов покрывается организаторами. Для обучающихся существует разовый организационный взнос. Для россиян он составляет 5000 руб. за весь период обучения. Предусмотрены скидки для определенных категорий. Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, при наличии подтверждающего документа стоимость составляет 1250 руб. за весь период обучения. Для участников других курсов Наланды льготная стоимость – 2500 руб. Монахи и монахини могут обучаться бесплатно. Участники курса два раза в неделю получают доступ к урокам, записанным для первого потока сертификационного курса. Каждая лекция длится около 2 ч. После чего проводится онлайн-встреча на платформе Webex с координатором курса, на которой разбирают вопросы и дают комментарии по основным урокам. Также несколько раз в месяц проходят живые онлайн-встречи с преподавателем курсов геше Дордже Дамдулом. О встречах заранее сообщается в онлайн-чатах и по электронной почте. В конце курса предусмотрен онлайн-тест, на прохождение которого дается одна попытка и 5 ч времени, но, как правило, это занимает 1,5–2 ч. Для получения сертификата нужно ответить правильно на 40 % вопросов [Курс философии буддизма...].

После прохождения курса все вспомогательные материалы, ссылки на занятия, аудио- и видеозаписи встреч остаются доступными в любое время.

Курс охватывает базовые темы философии буддизма. На каждую тему выделяется неделя для изучения. По усмотрению организаторов они могут меняться местами. Основными темами курса являются:

- История жизни Будды Шакьямуни. Три поворота колеса Учения.
 - Природа будды: две цели, два препятствия, два типа практикующих.
 - Три корзины и три высшие практики.
 - Четыре благородные истины. Четыре печати учений Будды.
 - Буддийская психология.
 - Бодхичитта – два метода ее развития и четыре безмерных. Практика шести/десяти парамит (совершенств).
 - Основы медитации. Цель медитации. Практика медитации однонаправленного сосредоточения и девять ступеней шаматхи.
 - Механизм работы и классификации кармы, омрачения и неверное восприятие.
 - Пять/пятнадцать путей к пробуждению. Учение о телах будды.
 - Тридцать семь факторов, ведущих к пробуждению.
 - Введение в буддийскую логику.
 - Обзор буддизма Махаяны и Тхеравады. Четыре плода и восемь членов Сангхи.
- Обзор четырех традиций тибетского буддизма.
- Колесо бытия и двенадцать звеньев зависимого происхождения.
 - Философские школы буддизма.
 - Мудрость постижения пустоты.
 - Пять совокупностей, двенадцать источников, восемнадцать элементов [Tibet House Nalanda...].

Таким образом, курсы Наланды представляют собой структурированное и доступное обучение основам буддийской философии, способствуя распространению и углублению знаний о буддизме среди широкой аудитории вне зависимости от религиозной принадлежности.

Для сравнения рассмотрим учебную программу, предназначенную для монахов в монастыре Дрепунг Гоман, расположенном в Южной Индии.

Дрепунг Гоман – одно из крупнейших и наиболее влиятельных буддийских учебных заведений тибетской традиции Гелуг. Основанный в начале XV в. в Тибете, монастырь на протяжении столетий играл центральную роль в формировании и сохранении монашеской учености, являясь оплотом классического буддийского образования. Образовательная программа включает в себя углубленное изучение пяти коренных трактатов, охватывающих основные аспекты буддийской философии, логики и метафизики. Обучение в монастыре длится 16 лет и требует строгой дисциплины, включающей заучивание текстов, участие в диспутах и регулярные экзамены [Гармаева 2020: 18–22]. Благодаря своей комплексной и глубокой образовательной системе Дрепунг Гоман продолжает оставаться важнейшим центром подготовки высококвалифицированных буддийских ученых и учителей, внося значительный вклад в сохранение и развитие буддийской мысли в глобальном масштабе.

В самом начале монахи изучают Праманавартику (тиб. tsad ma) – учение о доказательстве существования причины и следствия, прошлых и следующих жизней, достоверности познаваемого и прочего с помощью логики [Официальный сайт монастыря...]. Обучение Праманавартике длится четыре года и включает следующие разделы:

- 1-й год обучения, Дуйчун – первоначальное обучение на основе текста Срэ-Дуйра тибетского ламы Тугсре Агван Даши умению логически излагать мысли. В результате обретаются навыки логического доказательства. Также кратко затрагиваются темы, посвященные строению материи, объекта и субъекта, общего и частного, а также элементы софистики.
- 2-й год обучения, Дуйчен – продолжение изучения текста Срэ-Дуйра, а также вопросов, связанных с силлогизмами, временем, относительной и абсолютной истиной

в школе «саутрантика», особенностями восприятия объекта различными видами ума и речи, шестью видами причин, четырьмя видами следствий и т. д.

– 3-й год обучения, Дагриг – раздел логики, в котором изучаются дедуктивные рассуждения, гарантирующие истинность заключения при истинности его посылок. Разбираются виды правильных доказательств и их особенности на основе трудов Кунчена Жамьян Шадбы. Также постепенно внедряется обучение Праманвартике на основе труда «Тарлам Салджед» великого тибетского ученого Джалцапа Дарма Ринчена. В дальнейшем ежегодно на базе труда проводятся масштабные дебаты с участием нескольких тысяч монахов из разных монастырей.

– 4-й год обучения, Лориг – предмет, рассматривающий различные способы познания объектов с точки зрения их точности и уверенности. Посвящен изучению психологии и сознания всех существ. Здесь подробно изучаются виды ума: 51 ментальный фактор и 8 основных видов сознания. Постепенно начинается обучение пустотности с точки зрения читтаматры. Во второй половине годового обучения монахи изучают трактат Думта, составленный Кунченом Джигме Ванбо, где кратко рассматриваются основные положения четырех философских школ буддизма (вайбхашика, саутратика, читтаматра, мадхьямика) [Гармаева 2020: 18–22].

С пятого года начинается изучение скрытого смысла Праджняпарамиты – учения о совершенной мудрости, где описываются пути трех колесниц (Шравакаяны, Пратьекабуддаяны, Бодхисаттваяны), и продолжается на протяжении шести лет:

– 5-й год обучения, Дондунджу – здесь рассматриваются общие положения Праджняпарамиты, состоящие из 70 смыслов на основе всеведения, знания путей и основ, интуитивного познания всех форм всезнания и т. д. Также в начале курса монахи кратко знакомятся с пятью путями трех колесниц и десяти земель бодхисаттв на основе труда Салам, автора Кунчена Жигмед Ванбо.

– 6-й год обучения, Шуног – начинается подробное изучение первого раздела Абхисамаяаланкары Майтреи на основе комментариев Дже Цонкапы, Кунчена Жамьян Шадбы. Сюда входят темы: 20 разновидностей арьев, краткий обзор пустотности с точки зрения мадхьямики, нирвана. Далее монахи начинают разбор 12-членной цепи взаимозависимого происхождения.

– 7-й год обучения, Шунгон – продолжение изучения первого раздела Абхисамаяаланкары. Рассматриваются основные темы буддизма: бодхичитта, абсолютная и относительная истина, четыре благородные истины, прибежище, шесть видов ясновидения, алая-виджняна. Завершение изучения 12-членной цепи взаимозависимого происхождения.

– 8-й год обучения, Габданпо – завершение изучения первого раздела Абхисамаяаланкары. Затрагиваются темы: путь подготовки, опора на внешнего и внутреннего учителя, потенциал становления буддой, метод действия противоядий от омрачений, шесть парамит, реализация накопления заслуг. Параллельно монахи изучают фундаментальный труд Чже Цонкапы «Данней Легшед Ньинбо», посвященный вопросу сутр прямого и переносного смысла.

– 9-й год обучения, Самзуг – подробно изучаются 2, 3, 5, 6, 7, 8-й разделы Абхисамаяаланкары. Здесь рассматриваются знания путей, основ, интуитивное познание всех форм всеведения, процесс пробуждения в кульминационной стадии, постепенный процесс зарождения реализации бодхисаттва-йоги, мгновенное познание, четыре тела будды как конечный результат пути. Параллельно проводят разбор метода порождения шаматхи и випашьяны на основе труда Кунчена Жамьяна Ламы «Самзуг Ченмо».

– 10-й год обучения, Парчин – завершение изучения Абхисамаяаланкары, исследование содержания ее четвертого раздела, посвященного 173 аспектам трех форм знания, изучение 20 методов медитативной тренировки (прайога), 46 препятствий для достижения пути и т. д.

– 11-й год обучения, Ума Сарва – начало изучения труда Чандракирти «Мадхьямика-аватара» на основе комментариев Дже Цонкапы («Ума Гомба Рабсел») и Кунчена Жамьяна Шадбы («Ума Ченмо»). Рассматриваются темы: три вида сострадания, озна-

комление с объектом отрицания, особенности первых пяти парамит с точки зрения мадхьямика-прасангики.

– 12-й год обучения, Ума Ньйба – завершение изучения «Мадхьямика-аватары», посвященного опровержению воззрений других буддийских школ о бессамостности личности и дхарм; доказательству отсутствия самопознающего познания и объективно-го существования феноменов; доказательству существования внешних объектов.

– 13-й и 14-й годы обучения, Дзод и Каог – изучение труда индийского наставника Васубандху «Абхидхармакоша» на основе комментария Кунчена Жамьяна Шадбы «Дзод Тадждо». Данные трактаты посвящены систематичному и абстрактному описанию мироустройства.

– 15-й и 16-й годы обучения, Касар и Кабук посвящены разбору монашеской этики и правил проведения таких ритуалов, как летний затвор и т. д., на основе трактата индийского пандиты Гунабратхи «Виная-сутра» и комментария к нему «Дульва Тадждо» Кунчена Жамьяна Шадбы [Официальный сайт монастыря...].

Для более точного ознакомления с процессом обучения в монастыре мы взяли интервью у студента-монаха Дрепунг Гоман монастыря Баяра Дамбаева, который обучается на 10-м курсе.

Учебный день для монахов выглядит следующим образом:

1) 6:00–6:30 – подъем, утренние сборы;
2) 6:30–8:00 – заучивание тестов и повторение;
3) 8:00–8:50 – проведение утренних занятий в монастыре. У студентов каждого курса свой учитель. Для студентов 1–4-го и 13–16-го курсов занятия проводятся по утрам;

4) 9:00–11:00 – утренние диспуты (чойра);

5) 9:00–9:45 – диспуты по парам;

6) 9:45–10:15 – проведение молебнов (гурим);

7) 10:15–11:00 – диспут студентов, обучающихся на одном курсе. Два человека отвечают на вопросы остальных участников;

8) 11:00 – обед, после которого наступает небольшой отдых и дневной сон в течение 1–1,5 ч. Далее проведение индивидуальных занятий с учителями и домашнее задание;

9) 15:00–16:45 – дополнительные занятия по тибетской грамматике: письменный и разговорный язык для студентов 1–4-го курсов;

10) 17:00–18:00 – ужин;

11) 18:00–18:50 – вечерние занятия в новом комплексе монастыре для студентов 5–12-го курсов.

12) 18:00–20:00 – для студентов старших, 13–16-го, курсов проводятся занятия по математике, биологии, физике, английскому языку;

13) 19:00–23:00 – вечерние диспуты (чойра);

14) 19:00–20:00 – диспуты по парам;

15) 20:00–21:00 – вечерний молебен;

16) 21:00–21:15 – перерыв;

17) 21:15–22:45 – продолжение диспутов.

18) 22:45–23:00 – старшекурсники помогают младшим курсам.

Помимо основного обучения в монастыре проводятся такие мероприятия, как:

– ежемесячный молебен Долчог в 8-й и 30-й лунные дни.

– Туг чойра – традиционное большое мероприятие, на котором проводятся диспуты между студентами разных курсов. Тщательная подготовка к нему начинается за месяц до начала события.

– Джан гунчой – большой диспут среди монастырей. Проводится зимой в течение месяца в одном из больших монастырей по очереди (Дрепунг, Гандэн, Сера). Приезжает большое количество студентов из больших и малых монастырей.

В среднем на одном курсе обучаются от 40 до 60 монахов. В монастыре Дрепунг Гоман студентам-монахам предоставляется трехразовое питание, оказывается медицинская помощь. При необходимости операционного вмешательства монастырь по-

крывает часть расходов. Ежегодно на празднование Лунного Нового года (тиб. Лосар, бур. Сагаалган) всем студентам дарят новый комплект монашеской одежды. У представителей разных регионов и стран существуют свои общезнания, благодаря подношениям земляков у студентов поддерживаются хорошие условия для проживания.

Если по каким-то причинам не удалось сдать экзамен, то на будущий год студенту дается возможность для пересдачи. Все занятия проводятся на тибетском языке. Со слов Баяра-ламы, сначала обучение бывает трудным, но с течением времени благодаря помощи старшекурсников языковой барьер исчезает и обучение дается лучше. В настоящее время студенты 10-го курса изучают четвертую главу «Абхисамаяланкары» Майтрейи. На занятиях учитель разъясняет материалы, далее на диспутах монахи разбирают полученный материал. Домашним заданием является просмотр дополнительных материалов.

В результате сравнения двух видов обучения можно сделать вывод, что курсы Наланды более доступны для широкой аудитории и позволяют получить базовые знания о буддизме в сжатые сроки без отвлечений от мирской жизни. В то время как монастырская программа в Дрепунг Гомане требует длительного времени, а также отречения от обывательской жизни, и направлена на глубокое и всестороннее понимание буддийских текстов и практик, охватывая широкий спектр философских и логических дисциплин.

Литература

Гармаева С. П. Содержательные аспекты образовательного процесса в монастыре «Дрепунг Гоман» / С. П. Гармаева // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Образование. Личность. Общество. – 2020. – № 3. – С. 18–22.

Жабон Ю. Ж. К истории монастыря Дрепунг / Ю. Ж. Жабон // Монголоведение. – 2023. – № 5(4). – С. 512–522.

Курс философии буддизма традиции университета Наланда Nalanda Certificate Course [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://savetibet.ru/tibet/2023/ncc.php> (дата обращения: 15.06.2024).

Нестеркин С. П. Образование в буддийских монастырях Тибета / С. П. Нестеркин // Общество и государство в Китае. – 2009. – № 1. – С. 327–339.

Официальный сайт монастыря Дрепунг Гоман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drepunggomang.org/curriculum/> (дата обращения: 07.07.2024).

Уланов М. С. Буддизм перед лицом глобальных проблем современного мира / М. С. Уланов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. – 2007. – № 5. – С. 3–6.

Meeting with Participants in Tibet House's Nalanda Courses [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dalailama.com/news/2023/meeting-with-participants-in-tibet-houses-nalanda-courses> (дата обращения: 20.06.2024).

Tibet House Nalanda Certificate Course [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tibethouse.in/ncc/> (дата обращения: 17.06.2024).

References

Garmaeva S. P. Soderzhatel'nye aspekty obrazovatel'nogo processa v monastyre «Drepung Goman» / S. P. Garmaeva // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo. – 2020. – № 3. – S. 18–22.

Zhabon Yu. Zh. K istorii monastyrya Drepung / Yu. Zh. Zhabon // Mongolovedenie. – 2023. – № 5(4). – S. 512–522.

Kurs filosofii buddizma tradicii universiteta Nalanda Nalanda Certificate Course [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://savetibet.ru/tibet/2023/ncc.php> (data obrashcheniya: 15.06.2024).

Nesterkin S. P. Obrazovanie v buddijskikh monastyryah Tibeta / S. P. Nesterkin // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. – 2009. – № 1. – S. 327–339.

Oficial'nyj sayt monastyrya Drepung Goman [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://drepunggomang.org/curriculum/> (data obrashcheniya: 07.07.2024).

Ulanov M. S. Buddizm pered licom global'nyh problem sovremennogo mira / M. S. Ulanov // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Ser. Obshchestvennye nauki. – 2007. – № 5. – S. 3–6.

Meeting with Participants in Tibet House's Nalanda Courses [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.dalailama.com/news/2023/meeting-with-participants-in-tibet-houses-nalanda-courses> (data obrashcheniya: 20.06.2024).

Tibet House Nalanda Certificate Course [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://tibethouse.in/ncc/> (data obrashcheniya: 17.06.2024).

УДК 016

ББК 78.5

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-161-165

Л. А. Кушнарева

ИМБТ СО РАН – 100 ЛЕТ. РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ИЗДАНИЯ БУРЯТСКОГО КОМПЛЕКСНОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА СО АН СССР
(БКНИИ СО АН СССР)

В статье представлена библиография изданий Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (БКНИИ СО АН СССР) с 1958 по 1959 г.

Ключевые слова: ИМБТ СО РАН, Бурятский комплексный научно-исследовательский институт, библиография изданий, научная литература.

L. L. Kushnareva

IMBT SB RAS – 100 YEARS. RESULTS OF SCIENTIFIC ACTIVITY.
PUBLICATIONS OF THE BURYAT COMPLEX RESEARCH
INSTITUTE OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE ACADEMY
OF SCIENCES OF THE USSR (BCNII SB AS USSR)

The article presents a bibliography of publications of the Buryat Complex Research Institute of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR (BCNII SB AS USSR) from 1958 to 1959.

Keywords: IMBT SB RAS, Buryat Complex Research Institute, bibliography of publications, scientific literature.

В 1958 г. было принято постановление Президиума АН СССР о создании Бурят-Монгольского комплексного научно-исследовательского института, в состав которого вошел Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры и Бурят-Монгольская экономгеографическая группа Восточно-Сибирского филиала СО АН СССР.

С организацией БКНИИ развитие науки в Бурятии принимает комплексный характер. Развиваются новые научные направления, которые ранее в Бурятии не были представлены: радиофизика, геология, почвоведение, социология, экономика, востоковедение. Основной задачей института стала разработка проблем, связанных с развитием производительных сил республики и научных исследований фундаментального свойства.

Сотрудники института принимали участие в выполнении комплексных программ Академии наук СССР, во всесоюзных и международных конференциях. За годы существования БКНИИ проведены исследования по 42 темам и опубликовано 119 работ.

В настоящей публикации отражены научные работы по истории и развитию производительных сил БурАССР, по истории и филологии Центральной Азии, а также по этнографии, археологии, по русскому и бурятскому фольклору, сборники статей краеведческого характера, по культуре и искусству Бурят-Монгольской АССР.

*Издания Бурятского комплексного научно-исследовательского института
СО АН СССР (БКНИИ СО АН СССР)***1958**

Андреев В. И. Хоринская средняя школа / В. И. Андреев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Иркутск, 1958. – 43 с.

КУШНАРЕВА Людмила Леонидовна – кандидат филологических наук, начальник Научной библиотеки, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: makosh76@mail.ru.

Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья / Н. Н. Диков; [отв. ред. профессор А. П. Окладников]; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1958 (Типография Министерства культуры Бурятской АССР). – 106 с.: ил. – Библиография: С. 73–81.

Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России / Е. М. Залкинд; [отв. ред. Г. Н. Румянцев]; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. – 320 с.

Записки Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института культуры. Выпуск XXV. – Улан-Удэ: Бурят-Монгольское книжное издательство, 1958. – 280, [1] с. – Содержание: Хадалов П. И. Деятельность Института культуры за 35 лет (с. 3–56). – Цибилов Б. Д. Об изучении истории Бурятии за советский период (с. 57–80). – Тугутов И. Е. Этнографическое изучение Бурят-Монголии (с. 81–94). – Золотарева И. М. Антропологическое исследование бурят (с. 95–108). – Туйск А. Г. Исследования в области экономики БМАССР (с. 109–118). – Бураев И. Д., Хомонов М. П. Исследования говоров бурятского языка (с. 119–136). – Шагдаров Л. Ш. История разработки лексикологии и лексикография бурят-монгольского языка в советское время (с. 137–156). – Дондуков У.-Ж. Ш. Изучение грамматического строя бурят-монгольского языка (с. 157–178). – Туденов Г. О. Роль Института культуры в изучении бурятского фольклора (с. 179–196). – Сидельников В. И. Русский фольклор в программе работ Бурят-Монгольского института культуры (с. 197–208). – Дугар-Нимаев Ц.-А. Краткий обзор литературоведческих работ института (с. 209–222). – Широких-Полянская Е. А. Научная библиотека НИИК (с. 223–230). – Семичов Б. В. Рукописный отдел Института культуры (с. 231–236). – Румянцев Г. Н. Монгольский фонд Рукописного отдела НИИК (с. 237–248). – Золотоев А. К. Советский востоковед Г. Н. Румянцев (с. 249–254). – Семичов Б. В. Библиографический указатель изданий Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры за 35 лет (с. 257–299).

К 35-летию Института культуры: сборник статей / Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры; отв. ред. Д. Д. Лубсанов. – Улан-Удэ, 1958. – 305, [1] с. – Библиография: С. 258–298.

Краеведческий сборник. Выпуск 2 / редакционная коллекция: Л. Е. Элиасов, И. В. Измайлов, Б. В. Семичов [и др.]; Географическое общество СССР. Бурятский филиал. – Улан-Удэ: Бурят-Монгольское государственное издательство, 1958. – 175 с.

Краеведческий сборник. Выпуск 3 / редакционная коллекция: Л. Е. Элиасов, И. В. Измайлов, Б. В. Семичов [и др.]; Географическое общество СССР. Бурятский филиал. – Улан-Удэ: Бурят-Монгольское государственное издательство, 1958. – 162 с.

Митупов Б. М. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.) / Б. М. Митупов. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. – 143 с.

Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михайлом Татариновым / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт; подготовка к печати, введение и примечания Г. Н. Румянцева; отв. ред. Е. М. Залкинд. – Улан-Удэ, 1958. – 80 с.

Сборник трудов по филологии = Хэлэ бэшэг шэнжэлхэн худэлмэринүүд. Выпуск 3 / [ред. И. Д. Бураев, Ц. Б. Цыдендамбаев (отв. ред.), С. Ш. Чагдунов]; Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры. – Улан-Удэ, 1958. – 339 с.

Тугутов И. Е. Материальная культура бурят: Этнографическое исследование / И. Е. Тугутов; отв. ред. П. И. Хадалов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1958. – 214 с. – Библиография: С. 201–214.

Туденов Г. О. Бурятское стихосложение. Ритмическая организация бурятских стихов / Г. О. Туденов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. – 166 с. – Библиография: С. 164–166.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: [в 3 томах]. Том 1 / М. Н. Хангалов; [под ред. и с предисловием Г. Н. Румянцева]; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. – 551 с., 8 л. ил.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 томах. Том 1 / М. Н. Хангалов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. – 551 с.

Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири / Л. Е. Элиасов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1958–1960. – 2 тома. – Часть 1: Собиратели и исследователи русской народной поэзии Восточной Сибири. – 1958. – 182 с. – Библиография: С. 166–173. – Указатели: С. 174–181.

1959

Абай Гэсэр-хубуун: Бурятский народный эпос / сводный текст и литературная обработка Н. Г. Балдано; вступительная статья А. И. Уланова, иллюстрации Ф. И. Балдаева и др.; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. – 526 с. – На бурятском языке.

Аламжи Мерген: Бурятский эпос / перевод, послесловие и примечания И. Новикова; [вступительная статья П. Скосырева]. – [Москва: Гослитиздат, 1959]. – 290 с.

Археологический сборник. Выпуск I / под ред. А. П. Окладникова, Г. Н. Румянцева; Академия наук СССР, Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. – 131 с. – Содержание: Предисловие. – Окладников А. П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк. – Абрамова З. А. Памятник палеолита низовьев р. Селенги. – Ларичев В. Е. Неолит Дунбэя и его связи с культурами каменного века Северо-Восточной Азии. – Ларичев В. Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья. – Мамонова Н. Н., Тугутов Р. Ф. Раскопки гуннского могильника в Черемуховой пади. – Гарутт В. Е., Юрьев К. Б. Палеофауна Иволгинского городища по данным археологических раскопок 1949–1956 гг. – Юрьев К. Б. Остатки домашних животных из кочевнических погребений. – Гохман И. И. Антропологическая характеристика черепов Усть-Талькинского могильника в Прибайкалье. – Хамзина Е. А. Неолитическое погребение с Новой Шишковки.

Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды / С. П. Балдаев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. – 180 с.

Балдаев С. П. Руководство по собиранию бурятского фольклора / С. П. Балдаев, Г. О. Туденов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1959. – 105 с.

Бураев И. Д. Звуковой состав бурятского языка / И. Д. Бураев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1959. – 195 с.

Искусство бурятской АССР: [сборник статей] / [редакционная коллегия: И. Е. Тугутов (ред.) и др.]; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1959. – 239 с.: 5 л. ил., ноты.

История Бурятской АССР: в 2 томах. Том II / ред. П. Т. Хаптаев [и др.]; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. – 643 с.: 3 л. карты.

Конференция по изучению фольклора народов Сибири и Дальнего Востока (16–19 декабря 1959 г.): тезисы докладов и сообщений Конференции по изучению фольклора народов Сибири и Дальнего Востока (г. Улан-Удэ, 1959 г.) / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1959. – 44 с.

Краткие сообщения Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Выпуск I / [редакционная коллегия: Д. Д. Лубсанов (отв. ред.) и др.]; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1959. – 170, [2] с. – Содержание: Санжиев Г. Л. Об итогах работы института за 1958 год (с. 3–11). – Дворкин-Самарский В. А. Некоторые геологические закономерности размещения рекомендательных пегматитов Саяно-Байкальской складчатой области (с. 12–118). – Очиров Ц. О. К вопросу об угленности Гусиноозерского района (с. 19–24). – Томилов Г. М. Физико-геологическое районирование Восточного Саяна (в пределах Бурятской АССР) (с. 25–33). – Иванов И. Н. Некоторые вопросы формирования речного стока Селенги (с. 34–38). – Богоявленский В. А. К вопросу роста дельты р. Селенги (с. 39–41). – Макеев О. В. К вопросу классификации почв юга Средней Сибири (с. 42–44). – Семенов А. А. Некоторые проблемы распространения радиоволн в атмосфере (с. 45–52). – Цыдыпов Ч. Ц. О характере изменений показателя преломления воздуха с высотой (с. 58–59). – Федосеев А. Д. Основные задачи силикатной науки и промышленности в Забайкалье (с. 60–62). – Раднаев Г. Ш. К вопросу о сырьевой базе легкой промышленности Бурятской АССР (с. 63–72). – Аюшиев Б. А. Некоторые вопросы баланса производства и потребления мяса в Бурятской АССР (с. 73–79). – Аюшиев А. Д. Роль бюджета в культурном строительстве Бурятской АССР (с. 80–88). – Иваньев Л. Н. Нижняя челюсть трогонтериевого слона из кайнозойских отложений Гусиноозерского озера (Западное Забайкалье) (с. 89–92). – Иваньев Л. Н. Неолитическое погребение в Худунской впадине (с. 93–98). – Иваньев Л. Н. Гуннское погребение на р. Селенге (с. 99–102). – Залкинд Е. М. О некоторых источниках по истории бурят в XVIII в. (с. 103–108). – Дондуков У.-Ж. Ш. Предварительный отчет об экспедиционных работах по изучению говоров бурятского языка, проведенных отделом языка и письменности БКНИИ летом 1958 г. (с. 109–118). – Туденов Г. О. Наблюдения по фольклору бурят Еравнинского и Хоринского аймаков (с. 119–129). – Болдонова Т. М. Традиционные песни хоринских бурят (по материалам фольклорной экспедиции 1957 г.) (с. 130–140). – Семичев Б. В. Тибетские словарные пособия, выпущенные в КНР (с. 141–145). – Бурдукова Т. А. О книге Л. С. Пучковского «Монгольские рукописи и ксилографы Института востоковедения». Том 1. Москва; Ленинград, 1957 (с. 145–147). – Матханова Е. И. Работа о возникновении партийно-советской печати в Бурятии (рецензия на книгу: Из истории партийной организации Бурятии) (с. 147–150). – Митупов Б. М., Асалханов И. А. Серьезное исследование в Восточной Сибири (рецензия на книгу: Таганов З. Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Краткий исторический очерк) (с. 150–153). – Хадалов П. И. Первое исследование о рабочем классе Бурятии (рецензия на книгу: Митупов Б. М. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятии (1923–1937)) (с. 154–155). – Доржинов С. Н. Печатные работы БКНИИ Сибирского отделения АН СССР (с. 155–162). – Черноярова А. А. К итогам бурятского регионального совещания по развитию производительных сил (с. 163–165). – Научная сессия по вопросам легкой и пищевой промышленности Бурятской АССР (с. 165–166). – О юбилее А. И. Уланова (с. 169–170).

Макеев О. В. Дерновые таежные почвы юга Средней Сибири (Генезис, свойства и пути рационального использования) / О. В. Макеев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. – 347 с., 9 л. схемы, карты.

Материалы Бурятского регионального совещания конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. – 654, [4] с.

Найдаков В. Ц. Бурятская драматургия (Историко-литературный и критический очерк) / В. Ц. Найдаков; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1959. – 201 с.

Обручев С. В. Минеральный источник «Нилова пустынь» и его лечебное значение / С. В. Обручев, В. А. Мирошниченко; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1959. – 33 с.

Румянцев Г. Н. Архив Засак-ламы Галсана Гомбоева (Материалы из истории ламаизма в Забайкалье во второй половине XVII и первой половине XIX вв.) / Г. Н. Румянцев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1959. – 58 с.

Румянцев Г. Н. Описание архива У. Ц. Онгодова (Из собрания рукописного отдела Бурятского комплексного института) / Г. Н. Румянцев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1959. – 80 с.

Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Выпуск 1 / редакционная коллегия: Д. Д. Лубсанов (отв. ред.) и др. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. – 144, [2] с. – Содержание: Залкинд Е. М. Добровольное вхождение Бурятии в состав России и его прогрессивное значение (с. 13–20). – Асалханов И. А. Влияние вхождения Бурятии в состав России на хозяйственное и общественное развитие бурят (с. 21–38). – Хаптаев П. Т. Великая Октябрьская социалистическая революция – коренной поворот в исторических судьбах бурятского народа (с. 39–46). – Митупов Б. Н., Санжиев Г. Л. Руководящая роль русского рабочего класса в социалистическом преобразовании Бурятии (с. 47–53). – Бильтаева Н. М. Влияние русской культуры на развитие просвещения, культуры и науки Бурятии (с. 54–64). – Шунков В. И. Из истории земледелия Бурятии (с. 65–70). – Давыдова А. В. Гуннские памятники Забайкалья (с. 71–78). – Буянтуев Б. Р., Тарасов Г. Л. Изучение производительных сил Бурятской АССР (с. 79–88). – Флоренсов Н. А. О геологическом изучении Бурятии (с. 89–93). – Очиров Ц. О., Дворкин-Самарский В. А., Дмитриев Г. А. Роль русских ученых в геологическом изучении Бурятии (с. 94–99). – Цыдендамбаев Ц. Б. Влияние русского языка на развитие бурятского (с. 100–111). – Шагдаров Л. Ш. Исследование бурятского языка русскими учеными (с. 112–119). – Туденов Г. О. Влияние русской поэзии на бурятскую (с. 120–124). – Дугар-Нимаев Ц.-А. Героические образы бурятской советской литературы (с. 125–129). – Уланов А. Отражение дружбы с русскими в бурятском народном творчестве (с. 130–133). – Элиасов Л. Е. Роль русских ученых в исследовании бурятского фольклора (с. 134–138). – Хомонов М. П. Русские заимствованные слова в улигерной поэтике бурят (с. 139–145).

Туденов Г. О. С. П. Балдаев – фольклорист и этнограф: К семидесятилетию со дня рождения / Г. О. Туденов, А. И. Уланов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1959. – 27 с.

Хабаева И. М. Артисты бурятского балета (Творческие портреты) / И. М. Хабаева; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. – 59 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: [в 3 томах]. Том 2 / М. Н. Хангалов; [под ред. и с предисловием Г. Н. Румянцева]; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959 (на обложке 1960). – 444 с.

Чагдуров С. Ш. О выразительности слова в художественной прозе / С. Ш. Чагдуров; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1959. – 89 с.

УДК 003:930.25+94(47+57)"1941/45"
ББК 79.3кр+63.3(2)622,6
DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-166-170

Н. А. Махутов

ГЕНОЦИД ДЕТЕЙ – ПОСЛЕДНЯЯ СТУПЕНЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Рец. на: Л. К. Синегрибов, Е. Ю. Шаповал. Геноцид детей на оккупированных Германией территориях СССР. По материалам газеты «Судьба».
– Улан-Удэ: Республиканская типография, 2024. – 408 с.

N. A. Makhutov

GENOCIDE OF CHILDREN – THE LAST STAGE OF CRIMES AGAINST HUMANITY

Review of the book: L. K. Sinegribov, E. Yu. Shapoval. Children genocide in the territories occupied by Germany of the USSR. According to the newspaper "Destiny". – Ulan-Ude: Republican Printing House, 2024. – 408 s.

Истоки и последствия нацистского геноцида детей

В канун 80-летия Великой Победы в самой кровопролитной войне с фашизмом и нацизмом в человеческой и исторической памяти оживают не только страшные судьбы и трагедии, но и бессмертные усилия и подвиги сотен миллионов людей, ставших в 1939–1945 гг. несокрушимой преградой перед Третьим рейхом.

В числе 27 млн жертв фашизма советского народа на полях сражений, в концлагерях, гетто, тюрьмах и маршевых колоннах были безвинные дети [Тимощенко 1999; Память... 2001; Афонин 2005; Родина 2008; Синегрибов 2018; Махутов 2020]. Малолетним узникам фашизма, оставшимся в живых тогда, сегодня выпала доля стать последними живыми свидетелями преступлений фашистской Германии и ее союзников против человечности, детства и детей. Актуальность проблема сохраняет и в наши дни, когда нацизм и фашизм становятся идеологией и практикой правящих кругов. Их главная цель тогда – не только разгром Советского Союза, но и уничтожение русского народа. Но этот поход на нашу страну закончился Великой Победой и Нюрнбергским международным военным трибуналом над нацистскими преступниками [Нюрнбергский процесс 1955]. Сейчас цель объединенного Запада по своей сути практической не изменилась: нужно не только сдержать, но и нанести стратегическое поражение России. В этот ключевой момент современной истории принципиально важно напомнить и показать, чем может обернуться для России, дружественных с ней стран, русского мира и миллионов миролюбивых людей Земли это стратегическое поражение.

В течение последних 35 лет Международный союз бывших малолетних узников фашизма в сотнях книг, тысячах журнальных публикаций и выступлений, в экспонатах десятков музеев и памятниках малолетним узникам фашизма, на девяти Международных антифашистских форумах заявлял и заявляет: острее фашизма и нацизма тогда, неофашизма и неонацизма сегодня со всей бесчеловечностью направлено против России. У нашей Родины вновь нет выбора – необходимо мобилизовать все силы и предотвратить сползание мира в Третью и последнюю мировую войну.

В развернувшейся во весь рост опасности такого сценария нам, малолетним узникам фашизма, все отчетливее виден один из страшных видов геноцида – геноцид детей. Я призываю всех неравнодушных людей взять в руки новую книгу «Геноцид детей

МАХУТОВ Николай Андреевич – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт машиноведения им. А. А. Благонравова РАН, председатель Международного союза бывших малолетних узников фашизма (г. Москва, Россия). E-mail: imash-ru@mail.ru.

на оккупированных Германией территориях СССР», подготовленную по материалам газеты «Судьба» за 1993–2023 гг. и выпущенную при поддержке Фонда президентских грантов в г. Улан-Удэ [Синегрибов, Шаповал 2024]. Освещение проблемы геноцида детей в период Великой Отечественной войны осуществляется впервые. Авторство Л. К. Синегрибова, малолетнего узника концлагеря Алитус, члена Центрального совета Международного союза бывших малолетних узников фашизма, руководителя Российского союза в составе Международного, основателя и бессменного главного редактора газеты «Судьба», делает эту книгу настоящим историческим документом. Участие в подготовке книги ученого, архивиста, специалиста в области информационных архивных технологий Е. Ю. Шаповала делает содержательную часть книги отвечающей современным требованиям (в форме двуязычного, на русском и немецком языках) изложения наиболее важных сторон геноцида детей по увязке событий войны 80-летней давности и текущих военных событий на территории Донбасса.

Во вступительной части книги своими мыслями поделились председатель Комитета Государственной Думы по делам ветеранов Я. Е. Нилов и председатель Общероссийского объединения «Офицеры России», Герой России, генерал-майор С. А. Липовой. Их участие в решении многих проблем малолетних узников фашизма является важным в деле сохранения и передачи исторической памяти новым поколениям.

Текстовый и иллюстративный материал книги в значительной степени представлены воспоминаниями живущих и уже ушедших из жизни узников, материалами расследования чрезвычайными комиссиями преступлений фашистов на оккупированных территориях нашей страны, историями отдельных концлагерей и обобщений по концлагерным трагедиям. Эта часть книги заставляет всех нас, и переживших ту жестокую пору, и новые поколения, понять безмерную, звериную суть фашизма и нацизма, мерилom которой стали миллионы потерянных жизней безвинных детей, женщин, стариков.

Очень важно, что в книге отражена огромная работа малолетних узников фашизма по донесению до мирового сообщества и до наших сограждан жестоких уроков истории – войн XX и XXI вв., развязываемых в течение последнего столетия: Корея, Вьетнам, Ирак, Ливия, Сирия, Югославия, Палестина, Украина. И совсем не случайно в тревожных сводках о военных действиях в числе сотен и тысяч погибших и пострадавших обязательно указываются детские жертвы. Геноцид детей стал неотъемлемой частью войн и военных конфликтов. Поэтому вышедшая в канун 80-летия Победы в Великой Отечественной войне книга заслуживает того, чтобы стать одной из первых в серии публикаций о недопустимости и бесчеловечности военных преступлений против детей и детства.

Фактология геноцида детей

Авторы в предисловии к книге отметили, что «немецкий нацизм возродил самую радикальную и агрессивную форму фашизма с его звериным шовинизмом, средневековым варварством и необузданной агрессией в отношении других народов и стран». Из общего количества жертв нашей страны в 27 млн число мирных жителей составило 14 млн. По неполным данным, в числе последних около 2,5 млн детей. Это произошло потому, что впервые в мировой истории фашистская Германия, ее руководство и ее фюрер сделали наших детей не только объектом своей государственной политики и прямых военных действий, но и науки, промышленности, медицины и псевдомедицины, воспитания и перевоспитания в арийском духе [Там же: 6–7]. За каждой из указанных целей стояли массовые убийства и сожжения детей, голодные смерти, выкачивание крови, рабский труд, утрата родителей, Родины, имени. Об этом рассказали в книге оставшиеся в живых малолетние узники, об этом они написали в своих воспоминаниях последних лет в канун юбилея Победы и в официальных государственных и международных документах, фигурировавших на Нюрнбергском международном военном трибунале.

Понятие геноцида советских и славянских детей как самая бесчеловечная часть геноцида народов на оккупированных территориях СССР, стран Европы и самой Гер-

мании было закреплено приговором в Нюрнберге в 1945–1946 г. [Нюрнбергский процесс 1955], Конвенцией Генеральной Ассамблеи ООН в Париже в 1948 г. и вступлением этой Конвенции в силу в 1951 г. Это понятие означает «действия, совершенные с намерением уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую» [Синегрибов, Шаповал 2024: 8].

Нацеленность руководства Третьего рейха на геноцид славянского народа и детей вытекает из основных его установок. Гитлер заявлял об уничтожении славян как о своей миссии. Он считал, что к России нельзя подходить с юридическими и политическими формулировками, так как русский вопрос гораздо опаснее, чем кажется, и следует применить колонизаторские и биологические средства для уничтожения славян, ослабив русский народ до такой степени, чтобы он был не в состоянии помешать установить немецкое господство в Европе.

В «Замечаниях и предложениях по генеральному плану “Ост” рейхсфюрера войск СС» Гимmlера от 27 апреля 1942 г. речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Главная цель заключалась в том, чтобы разгромить русских как народ, внушить населению мысль, что вредно иметь много детей, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не оказывать никакой поддержки детским садам. А тем же отрядам СС давалась установка, что на другой стороне стоит 180-миллионный народ, смесь рас и народов, чьи имена непроизносимы и чья физическая сущность такова, что единственное, что с ними можно сделать – это расстреливать без всякой жалости и милосердия.

Безжалостному уничтожению подлежали старики, женщины и дети.

В период Великой Отечественной войны указанные установки высшего государственного и партийного руководства Германии (НСДАП, РСХД, СС, СД, СА) были реализованы с беспощадной жестокостью по отношению к мирному населению (включая детей) и военнопленным. Главными зонами и местами уничтожения стали линия фронта, оккупированные территории с 14 тыс. концлагерей, гетто, тюрем, маршевыми колоннами заложников. Этим местам принудительного содержания, рабского труда, изнаний, убийств посвящены обширные исследования, подготовленные по материалам архивов. В их числе свидетельские показания оставшихся в живых малолетних узников фашистских концлагерей, опубликованные в изданиях Международного и Национальных союзов малолетних узников, включая:

- книги живой памяти;
- анкетные данные многих тысяч узников концлагерей, гетто и тюрем, переданные в 1990-е гг. в Германский и Австрийский фонды взаимопонимания и примирения;
- материалы Чрезвычайных государственных комиссий по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников;
- материалы Международного военного трибунала в Нюрнберге [Нюрнбергский процесс 1955];
- публикации последних лет о геноциде [Яковлев 2023; Кикнадзе, Романько, Саенко 2024; Синегрибов, Шаповал 2024].

Обостренная необходимость в подобных публикациях связана не только с приближающимся 80-летним юбилеем Победы в Великой Отечественной войне, но и с резко возросшей опасностью возрожденного неонацизма и неофашизма в наши дни.

В 2020 г. нами был осуществлен глубокий анализ проблем геноцида, включая его правовую, информационную, многоплановую, многокритериальную сторону с обширными иллюстрациями многочисленных проявлений геноцида всех советских людей, в т. ч. и детей [Махутов 2020]. В рецензируемом издании основное внимание уделено геноциду детей.

Книга открывается перечнем 61 документа:

- о гибели десятков и сотен взрослых и детей из разных уголков оккупированных территорий нашей страны, опубликованных в газете «Судьба»;
- о списках концентрационных лагерей, резерваций, захоронений в областях и городах, районах РСФСР, Крымской АССР, Карело-Финской ССР, Украинской ССР, Молдавской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР, Литовской ССР, Белорусской ССР.

Убедительность изложенным материалам придают фотографии, письма и наблюдения фашистов – солдат, конвоиров, охранников. Большое внимание уделено трагедии детей Дятьковского района Брянской области – родины малолетнего узника и автора Л. К. Синегрибова, а также Макеевке Сталинской (Донецкой) области, сохранившей память о 123 детях-детдомовцев, погибших в 1942–1943 гг. Судьбы этих детей переключаются с судьбами детей Макеевки в условиях сегодняшнего противостояния неонацистским и неонацистским силам. Обобщение истоков, причин и последствий для концлагерных детей, детей войны и детей послевоенных поколений основано в рецензируемом издании на выступлениях Международного и Национальных союзов малолетних узников фашизма на Международных антифашистских форумах и конференциях, а также на статьях из газеты «Судьба». Волнующими и трогательными предстают перед читателями многие жизненные события, побуждавшие людей к беззаветному труду во благо рядом живущих людей и страны в целом.

Несомненное общественное воспитательное и просветительское значение имеет раздел книги об уникальных документах Государственного архива Республики Бурятия о немецко-фашистской оккупации, о деятельности Международного и Национальных союзов малолетних узников фашизма по защите их прав и интересов перед правительствами государств-участников Второй мировой войны: Германии, Австрии, Швейцарии, Великобритании, США, перед правительственными фондами по компенсационным выплатам узникам за их страдания в фашистской неволе. В фондах архива находятся сотни документов, обращений, призывов, посланий, книг, журнальных и газетных статей о малолетних узниках.

Вглядываясь в фотографии десятков памятников, обелисков, посвященных детям военного времени и геноциду детей и созданных с их участием в крупных и малых городах, на территориях концлагерей и мест казней, невольно прикасаешься к истории, уходящей в будущее. А весь материал, изложенный в книге, становится важной составной частью раздела «Наш Нюрнберг», начатого в 1988 г. объединенными в союз малолетними узниками фашизма вначале в СССР, а затем в 11 независимых государствах.

В книге представлены 26 документов прямых свидетелей преступлений фашистской Германии и ее союзников против детей и детства. Заключительные страницы книги звучат как предостережение настоящим и будущим поколениям: «Без срока давности. Нацизм и фашизм – суть зловещая». Эти слова выстраданы миллионами детей войны, концлагерей и гетто, детей с потерянным детством, детей-жертв геноцида и его последних свидетелей.

Источники и литература

- Нюрнбергский процесс: сб. мат-лов: в 8 т. Т. 1–8. – М.: Гос. изд-во юр. лит-ры, 1955.
- Афонин В. И. Эстафета детей войны детям мира / В. И. Афонин. – Брянск: ГУП «БОПО», 2005. – 726 с.
- Кикнадзе В. Г. Геноцид народов СССР. Преступления против советского мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны / В. Г. Кикнадзе, О. В. Романько, А. С. Саенко. – М.: Прометей, 2024. – 990 с.
- Литвинов В. В. Коричневое «ожерелье»: в 3 т. Т. 1–3 / В. В. Литвинов. – Киев: ЧП Мария Максименко; Абрис, 2001.
- Махутов Н. А. Малолетние узники фашизма / Н. А. Махутов. – М.: Знание, 2020. – 399 с.
- Память заради майбутнього: в 2 т. Т. 1–2 / под ред. М. Д. Демидова. – Киев, 2001. Т. 1. – 563 с.; т. 2. – 200 с.
- Родина А. В. Вечный огонь памяти / А. В. Родина. – Саратов: Аквариус, 2008. – 199 с.
- Синегрибов Л. К. Простите нас: покаяние со страниц газеты «Судьба». – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2018. – 351 с.
- Синегрибов Л. К. Геноцид детей на оккупированных Германией территориях СССР. По материалам газеты «Судьба» / Л. К. Синегрибов, Е. Ю. Шаповал. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2024. – 408 с.

Тимощенко Л. Н. Дети и война / Л. Н. Тимощенко. – Рига: Даугавпилс, 1999. – 493 с.

Яковлев Е. Н. Нацистский геноцид народов СССР. Неизвестные страницы / Е. Н. Яковлев. – М.: Комсомольская правда, 2023. – 400 с.

References

Nyurnbergsijj process: sb. mat-lov: v 8 t. T. 1–8. – М.: Gos. izd-vo jur. lit-ry, 1955.

Afonin V. I. Estafeta detej vojny detyam mira / V. I. Afonin. – Bryansk: GUP «БОРО», 2005. – 726 s.

Kiknadze V. G. Genocid narodov SSSR. Prestupleniya protiv sovetskogo mirnogo nasele-niya i voennoplennyh v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / V. G. Kiknadze, O. V. Roman'ko, A. S. Saenko. – М.: Prometej, 2024. – 990 s.

Litvinov V. V. Korichnevoe «ozherel'e»: v 3 t. T. 1–3 / V. V. Litvinov. – Kiev: ChP Mariya Maksimenko; Abris, 2001.

Mahutov N. A. Maloletnie uzniki fashizma / N. A. Mahutov. – М.: Znanie, 2020. – 399 s.

Pamyat' zaradi majbutn'ego: v 2 t. T. 1–2 / pod red. M. D. Demidova. – Kiev, 2001. T. 1. – 563 s.; t. 2. – 200 s.

Rodina A. V. Vechnyj ogon' pamyati / A. V. Rodina. – Saratov: Akvarius, 2008. – 199 s.

Sinegribov L. K. Prostite nas: pokayanie so stranic gazety «Sud'ba». – Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2018. – 351 s.

Sinegribov L. K. Genocid detej na okkupirovannyh Germaniej territoriyah SSSR. Po materialam gazety «Sud'ba» / L. K. Sinegribov, E. Yu. Shapoval. – Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2024. – 408 s.

Timoshchenko L. N. Deti i vojna / L. N. Timoshchenko. – Riga: Daugavpils, 1999. – 493 s.

Yakovlev E. N. Nacistskij genocid narodov SSSR. Neizvestnye stranicy / E. N. Yakovlev. – М.: Komsomol'skaya pravda, 2023. – 400 s.

УДК 364.122.5

ББК 63,3(2)

DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-171-174

Е. Е. Тиникова

ПРИГОРОДЫ – БУДУЩЕЕ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ?
СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Рец. на: А. С. Бреславский. Субурбанизация и будущее российских городов. Введение в проблематику. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 170 с.

Е. Е. Tinikova

ARE SUBURBS THE FUTURE OF RUSSIAN CITIES?
THE SYSTEMS VIEW OF THE PROBLEM

Review on: A. S. Breslavsky. Suburbanization and the Future of Russian Cities. – Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2024. – 170 p.

Рост пригородных территорий, увеличение их общественной значимости в экономике отдельных городов способствовали превращению субурбанизации в один из главных трендов урбанизационного развития России в постсоветский период, что обусловило интерес исследователей к данному социальному феномену.

В процессе своего развития российский город за последние 100 лет претерпел ряд значительных потрясений, последнее из которых связано с распадом СССР и последующими реформами в социально-экономической сфере. Последствием этой радикальной смены курса развития урбанизации явился и рост масштабов частного строительства в периферийных городских зонах, миграция в них людей, вызванная разными мотивами, что предопределило неоднородность социального состава местных жителей, пестрый характер застройки, разнообразие форм повседневных практик.

В то же время в неконтролируемом росте пригородных территорий кроются риски как для всей поселенческой сети отдельных регионов, так и для конкретных городов и локальных сообществ. Они лежат в плоскости экономики, инфраструктуры, социально-бытового обслуживания населения, жилищно-коммунального хозяйства. Тем самым анализ роли субурбанизации как процесса роста и развития пригородной зоны города, источником которого является движение населения, мест приложения труда, капитала, экономики и проч. из центральных городских микрорайонов в пригородные, имеет ключевое значение для понимания картины урбанизационного развития страны на современном этапе и определения ее контуров на ближайшую перспективу.

Книга ведущего научного сотрудника Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, старшего научного сотрудника Центра урбанистики Тюменского государственного университета А. С. Бреславского «Субурбанизация и будущее российских городов. Введение в проблематику» [2024] посвящена пригородам, их истории в глобальном и российском масштабах, современному их состоянию на постсоциалистическом пространстве. Многообразие форм и направлений развития пригородов обусловлено географическими, историческими, экономическими факторами. Так, англо-американская модель пригородного развития не похожа на модели периферийного городского роста в странах Азиатско-Тихоокеанского региона [Он же 2023: 33], также как имеют свои специфические черты восточно-европейская или центрально-азиатская модели [Пригородная революция... 2019: 33–62].

ТИНИКОВА Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела по международным и межрегиональным связям Государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (г. Абакан, Россия). E-mail: lena.tinikova@mail.ru.

Работа состоит из 4 глав, посвященных различным проблемам субурбанизации, в т. ч. теоретико-методологическим и историографическим. Отмечая особую значимость пригородов, автор указывает на слабую научную разработанность связанной с ними проблематики в современной российской науке. В работе подчеркивается, что предметное поле исследований субурбанизации в стране только формируется [Бреславский 2024: 9–10].

В главе 1 с говорящим названием «Определимся с терминами» автор, опираясь на исследования российских и зарубежных коллег, дает собственное определение таким важным в контексте изучаемого предмета понятиям, как «субурбанизация», «пригороды», «пригородная зона», «пригородный образ жизни». Предварительно в книге дан подробный разбор этимологии каждого термина, разъяснены конкретно-исторические условия его появления и последующие трансформации (если они имели место) смысловых нагрузок. Предложенные автором определения сформулированы весьма емко. Лишь определение термина «пригородный образ жизни», на наш взгляд, требует дальнейшего уточнения, поскольку предлагаемая формулировка акцентирует внимание на специфическом характере повседневных практик жителей пригородов, «отличных от жизнедеятельности горожанина и сельчанина» [Там же: 35]. Подобная характеристика расплывчата и может быть дана при характеристике, например, образа жизни жителей поселков городского типа.

В связи с тем что фактически книга представляет собой курс лекций, опубликованный в рамках реализации проекта, поддержанного Благотворительным фондом Владимира Потанина (конкурс для преподавателей магистратуры 2022/2023), ее несомненное достоинство – наличие в конце каждой главы вопросов для самоконтроля. Этот небольшой по объему раздел позволяет сфокусировать внимание читателей на принципиально важных проблемах, речь о которых шла в каждой из глав. Кроме того, часть вопросов сформулированы таким образом, что сами по себе являются готовыми темами для проектных или исследовательских работ.

Глава 2 посвящена разнообразию региональных моделей субурбанизации. Англо-американская модель рассматривается в качестве классической. Это оправдано с учетом первенства Англии в вопросах урбанизации, градостроительства, зарождения идеи «города-сада». Характеризуя американскую субурбанизацию, автор называет причины ее взрывного характера и приводит мнение американского исследователя Кеннета Джексона о ее специфике, которая выражается в низкой плотности пригородного расселения, склонности американской нации к домовладению, концентрации более успешных людей в пригороде и большими расстояниями между местами жительства и работы жителей пригородов [Jackson 1985: 6–10]. Однако нарастание проблем в американских пригородах, широкое их обсуждение не только в научном мире, но и в прессе привели к формулированию новых градостроительных концепций, нашедших подробное изложение на страницах рецензируемого издания.

Особый интерес представляет раздел «Субурбанизация за пределами англо-американского мира», в котором дана целая палитра разнообразных вариантов субурбанизационного развития в разных уголках земного шара. Так, субурбанизацию в России в дореволюционный и советский период отличала сезонность и вынужденный характер вследствие малодоступности жилья в городе. Для европейских стран в условиях большого распространения института аренды в городе характерна джентрификация. Автор описывает опыт субурбанизационного развития и азиатских стран, таких как Япония с ее крошечными по площади приусадебными участками; Китай, где в последние десятилетия получили развитие две формы пригородного развития: городские деревни и многоэтажные пригороды; Индия с наиболее контрастными пригородными районами, часть из которых представляет собой закрытые жилищные комплексы для состоятельных людей, а остальные являются трущобами. В книге дается общий анализ субурбанизации в Латинской Америке и Африке, названы не только их особенности, но и приведены примеры успешного решения пригородных проблем на государственном уровне.

В главе 3 «Субурбанизация и пригородный рост постсоциалистических городов» автор затрагивает проблемы трансформации социалистической урбанизации с такими ее яркими чертами, как вторичность по отношению к индустриализации, плановость, большая роль государства, компактность городских жилых зон, дефицит коммерческих и торговых площадей, фрагментарное распространение пригородной малоэтажной застройки.

Особенностью урбанизационного развития стран Центральной и Восточной Европы, стран СНГ после распада СССР является стремительный рост населения в пригородах крупных городов, значительно опережающий темпы прироста пригородного населения в Западной Европе. Причинами этого явления автор называет отказ от жестких форм административного контроля в распределении городских и пригородных земель, появившиеся возможности решения пресловутого жилищного вопроса за счет индивидуального жилищного строительства, приход на региональный рынок недвижимого имущества глобальных инвесторов. Вкупе с деградацией городской инфраструктуры, проблемами городской экологии, влиянием глобализации, информатизации и автомобилизации эти причины способствовали взрывному росту пригородного развития, который автор вслед за восточно-европейскими коллегами именуется «постсоциалистической пригородной революцией» [Бреславский 2024: 87–90].

В качестве перспективного сценария для пригородного развития в этих странах указан сбалансированный подход, который сочетает в себе элементы «умеренного» государственного планирования с учетом общественного мнения. Элементы этого подхода внедряются в практику в России, Казахстане, странах Балтии, Восточной Европы и противопоставляются практикам, характерным для большинства стран Центральной Азии и Южного Кавказа.

Сценарий российского пригородного развития в 1990-е гг. отличает параллельность субурбанизации и дезурбанизации. Это стало возможным в условиях социально-экономической нестабильности, обнищания большинства населения страны и в то же время появления весьма состоятельных людей. Социальная дифференциация населения тем не менее не стала препятствием для развития субурбанизации в стране, о чем говорится в главе 4 «Исследования российской урбанизации». Обозначенная дифференциация лишь способствовала формированию различных ее форм: дачной, коттеджной, высотного строительства в столичных пригородах. Отличаются современные российские пригороды и по причинам возникновения: как результат сельско-городской миграции, как движение населения и капитала из центра на городскую периферию, как «гибридное выражение обоих процессов, когда порой очень сложно отделить одно от другого» [Там же: 125].

Характеризуя различные варианты развития российских субурбий, автор не делает попыток их систематизации. Хотя даже при небольшом массиве имеющейся информации о развитии пригородных территорий в различных уголках России можно было бы сгруппировать субъекты по определенным критериям. Например, причины и направления миграции в пригородные зоны, особенности жилой застройки, масштабы и темпы роста пригородных территорий, наличие или отсутствие пригородов у нестоличных городов регионов и т. д.

Автор ставит важный вопрос о внешних границах пригородной зоны и подчеркивает, что универсальной отметки, выраженной в километраже, не существует, и она должна определяться в каждом случае лишь на основе полевых исследований [Там же: 129]. Пока же узкая география полевых исследований не только не позволяет оценить текущую ситуацию пригородного развития в стране в полном объеме, но и взвешенно наметить перспективы развития субурбанизации в российских регионах даже на обозримое будущее. В книге А. С. Бреславского рефреном звучит мысль о необходимости изучения отечественной субурбанизации во всем ее региональном разнообразии.

Несмотря на то что книга готовилась автором в качестве учебного пособия, само содержание и форма изложения материала, его глубина и новизна, общая формулировка проблемы и тщательное обоснование позиции автора по каждому из аспектов изучаемой темы позволяют определить ее жанр как исследовательскую монографию.

Написанная на основе привлечения и анализа богатого фактического материала, данная работа, несомненно, является важной вехой в развитии знаний об отечественной модели урбанизации и субурбанизации.

Литература

Бреславский А. С. Модели периферийного городского роста в странах АТР / А. С. Бреславский // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (г. Владивосток, 9–10 ноября 2023 г.). – Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2023. – С. 28–33.

Бреславский А. С. Субурбанизация и будущее российских городов. Введение в проблематику / А. С. Бреславский. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 170 с.

«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве: сб. тез. междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 14–16 ноября 2019 г.) / отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. – 208 с.

Jackson K. T. Crabgrass Frontier. The Suburbanization of United States. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1985 / К. Т. Jackson. – 396 p.

References

Breslavskij A. S. Modeli periferijnogo gorodskogo rosta v stranah ATR / A. S. Breslavskij // Problemy modelirovaniya social'nyh processov: Rossiya i strany ATR: mat-ly VII Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uch. (g. Vladivostok, 9–10 noyabrya 2023 g.). – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. feder. un-ta, 2023. – S. 28–33.

Breslavskij A. S. Suburbanizaciya i budushchee rossijskih gorodov. Vvedenie v problematiku / A. S. Breslavskij. – M.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2024. – 170 s.

«Prigorodnaya revolyuciya» v regional'nom sreze: periferijnye gorodskie territorii na postsovetском prostranstve: sb. tez. mezhdunar. nauch. konf. (g. Ulan-Ude, 14–16 noyabrya 2019 g.): v 2 ch. / отв. red. A. S. Breslavskij. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2019. – 208 s.

Jackson K. T. Crabgrass Frontier. The Suburbanization of United States / K. T. Jackson. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1985. – 396 p.

УДК94:001(571.54)
ББК63.3:72.6(2Рос.Бур)
DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-175-178

Н. С. Байкалов, О. А. Убеева

НА СЛУЖБЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
(к 70-летию профессора Т. Е. Санжиевой)

N. S. Baikalov, O. A. Ubeeva

IN THE SERVICE OF HISTORY
(to the 70th anniversary of professor T. E. Sanzhieva)

Университет всегда был и остается тем пространством, культурный и содержательный облик которого формируется и определяется под влиянием разных факторов, главный из которых – профессорско-преподавательский состав. Преподаватель высшей школы всегда объединяет роли ученого и педагога, являясь проводником в мир профессии и источником новых знаний и открытий. Достойным примером служения науке и высшей школе является видный ученый, общественный деятель Бурятии доктор исторических наук, профессор Татьяна Ефремовна Санжиева.

Она родилась 11 января 1954 г. в необычной семье. По материнской линии дедом был Даниил Гаврилович Бажеев – видный историк, стоявший у истоков Музея истории Бурятии и внесший большой вклад в изучение Гражданской войны в Бурятии. Важную роль в становлении и развитии научной биографии Татьяны Ефремовны сыграл отец Ефрем Егорович Тармаханов – основоположник научной школы по изучению вопросов индустриального развития национальных республик Сибири, известный не только в Бурятии, но и далеко за ее пределами.

Старшая дочь продолжила знаменитую династию ученых и педагогов. В 1975 г. завершила обучение на историческом отделении историко-филологического факультета БГПИ им. Д. Банзарова и приступила к педагогической работе в средней школе № 14 г. Улан-Удэ. В 1977 г. Татьяна Ефремовна перешла работать в отдел истории, этнографии и археологии Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР, где вскоре поступила в аспирантуру. Научным руководителем молодого исследователя стал профессор, ныне академик РАН В. В. Алексеев, работавший в то время заместителем директора Института истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск). Предзащита диссертации успешно прошла в июне 1981 г., но в связи с реорганизацией диссертационного совета защита была отложена на год. 29 ноября 1982 г. диссертация на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Электрификация Советской Бурятии: 1917–1980 гг.» была успешно защищена.

БАЙКАЛОВ Николай Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, директор Института истории и филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: baikalov@bsu.ru.

УБЕЕВА Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории Бурятии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: kafbur@mail.ru.

После окончания аспирантуры Т. Е. Санжиева вернулась в отдел истории, этнографии и археологии БИОН, где трудилась сначала в должности младшего научного сотрудника, а с 1986 г. была переведена на должность научного сотрудника. Одновременно занималась общественной работой, была председателем Совета молодых ученых института. В этот период вся страна строила БАМ, и в институте под руководством профессора Г. Л. Санжиева была сформирована рабочая группа молодых историков по изучению бурятского участка магистрали. Татьяна Ефремовна занималась изучением сооружения основного пути, вопросами электрификации БАМа, создания Северобайкальского отделения железной дороги и формирования железнодорожных кадров. В ходе экспедиционных работ в городах Усть-Кут и Северобайкальск, а также в пос. Нижнеангарске ею собраны материалы текущего делопроизводства трестов «Нижнеангарсктрансстрой», «ЗапБАМстроймехнизация», «Мостострой-9», управления Северобайкальского отделения железной дороги, которые составили эмпирическую основу ряда научных статей автора [Санжиева 1985].

Одновременно Татьяна Ефремовна продолжала работать над исследованием проблем электрификации Сибири. В 1986 г. была выпущена монография, в которой представлены общие закономерности и особенности осуществления электрификации республики, рассмотрены вопросы создания электроэнергетической базы, экономические и социальные последствия электрификации. Автор показала, что электрификация способствовала превращению Бурятии в индустриально-аграрную республику и привела к существенным изменениям в социальной структуре общества [Она же 1986].

Итоги многолетнего труда подведены в докторской диссертации, защита которой состоялась 28 ноября 1996 г. на заседании диссертационного совета при Иркутском государственном университете. В диссертации и изданной на ее основе монографии рассмотрены основные этапы формирования и развития ТЭК национальных республик Сибири, проанализирована его структура. Отмечая в целом положительное влияние ТЭК на социально-экономическое развитие региона, автор впервые обратила внимание на экологические последствия создания топливно-энергетической базы Сибири. Историк пришла к выводу, что многие трудности развития ТЭК в условиях перехода к рыночной экономике были вызваны экономическими и организационными просчетами предыдущего периода [Она же 1996].

Одним из основных научно-исследовательских направлений Т. Е. Санжиевой после защиты докторской диссертации оставалась работа над проблемами индустриального развития Сибири [Санжиева, Васильев 2010]. Другим научным направлением профессора стала этническая история. Под ее руководством переизданы труды известных бурятских историков, этнографов, обществоведов (см.: [Бажеев 2007; Балдаев 2012; Богданов 2014]). Ею опубликована также собственная монография, посвященная жизни и деятельности М. Н. Богданова [Санжиева 2019].

Деятельность Татьяны Ефремовны неразрывно связана с Бурятией. Она приложила значительные личные усилия в дело сохранения национально-регионального компонента в образовательных программах высшего образования и подготовила много учебных изданий, включая учебники и учебные пособия для учащихся общеобразовательных школ и студентов вузов (см.: [История Усть-Ордынского... 2003; История Бурятии 2009; История Бурятии 2023]). Всего из-под пера историка вышло более 180 работ, охватывающих широкий круг проблем региональной истории.

Профессор Т. Е. Санжиева более 30 лет преподает в университете. Ее преданность исторической науке, энциклопедические знания по истории Бурятии, умение поддерживать интерес к изучаемому предмету и чуткое отношение к окружающим снискали непрекращаемый авторитет среди коллег и студентов. В течение 14 лет, начиная с 1997 г., она руководила кафедрой истории Бурятии. В этот период на кафедре были разработаны лекционные курсы по истории, источниковедению и историографии Бурятии, основам экскурсионного дела, лицензирована магистерская программа по историко-культурному туризму.

Татьяна Ефремовна постоянно занимается научно-организационной работой. По ее инициативе в вузе регулярно проводятся научные конференции, посвященные про-

блемам изучения и преподавания региональной истории «Егуновские чтения». В мае 2008 г. на базе исторического факультета ею организован Международный симпозиум, посвященный 130-летию со дня рождения лидера национального движения начала XX в. М. Н. Богданова.

Она работала в составе диссертационных советов по истории, филологии и педагогике, неоднократно выступала оппонентом кандидатских и докторских диссертаций, защищавшихся в БГУ, ИМБТ СО РАН, ИГУ. Под ее научным руководством было подготовлено 12 кандидатов исторических наук и 1 кандидат педагогических наук.

Научная и преподавательская деятельность принесли Т. Е. Санжиевой заслуженное признание в отечественной науке и за рубежом. Ей присвоены звания «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия» (2002), «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2006), Почетная грамота Народного Хурала Республики Бурятия (2009), отраслевые медали и грамоты.

Анализируя научное и педагогическое наследие юбиляра, мы полностью признаем новаторский подход профессора к исследованию региональной истории, корректность и объективность в освещении исторических процессов. Результаты научной деятельности юбиляра продемонстрированы богатой палитрой научных, научно-популярных, учебных, учебно-методических, историко-публицистических работ, на основе которых формируются ценностно-нравственные ориентиры молодого поколения, а многие из нас продолжают открывать новые горизонты исторического знания.

Литература

Санжиева Т. Е. Подготовка рабочих кадров и повышение квалификации строителей Бурятского участка БАМа / Т. Е. Санжиева // Рабочий класс Бурятской АССР / отв. ред. Е. Е. Тармаханов. – Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1985. – С. 105–115.

Санжиева Т. Е. Электрификация Советской Бурятии (1923–1983) / Т. Е. Санжиева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – 141 с.

Санжиева Т. Е. Топливо-энергетический комплекс республик Сибири и его влияние на их социально-экономическое развитие. 1960–1985 гг. / Т. Е. Санжиева – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1996. – 161 с.

Санжиева Т. Е. Михаил Николаевич Богданов: жизнь, отданная народу / Т. Е. Санжиева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. – 136 с.

Санжиева Т. Е. Лесная промышленность Бурятии: исторический очерк развития производственного объединения «Забайкаллес» / Т. Е. Санжиева, В. С. Васильев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – 139 с.

Бажеев Д. Г. Идинские буряты: документы и родословные / Д. Г. Бажеев; ред. Т. Е. Санжиева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – 153 с.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят / С. П. Балдаев; ред. Т. Е. Санжиева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 709 с.

Богданов Б. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / Б. Н. Богданов; ред. Т. Е. Санжиева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. – 302 с.

История Бурятии: пос. для учащ. ст. кл.: в 2 ч. / отв. ред. Е. Е. Тармаханов. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. Ч. 1: С древнейших времен до начала XX века. – 163 с.; ч. 2: С начала XX до начала XXI века. – 152 с.

История Бурятии с древнейших времен до наших дней: учеб. пос. для учащ. ст. кл.: в 2 ч. / ред. Н. С. Байкалов. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2023. Ч. 1. – 228 с.; ч. 2. – 232 с.

История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа: учеб. пос. для общеобразовательных учебных заведений / Е. Е. Тармаханов, Л. М. Дамешек, Т. Е. Санжиева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. – 192 с.

References

Sanzhieva T. E. Podgotovka rabochih kadrov i povyshenie kvalifikacii stroitelej Buryatskogo uchastka BAMa / T. E. Sanzhieva // Rabochij klass Buryatskoj ASSR / отв. ред. Е. Е. Tarmahanov. – Irkutsk: Irkut. gos. ped. in-t, 1985. – S. 105–115.

Sanzhieva T. E. Elektrifikaciya Sovetskoj Buryatii (1923–1983) / T. E. Sanzhieva. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1986. – 141 s.

Sanzhieva T. E. Toplivno-energeticheskij kompleks respublik Sibiri i ego vliyanie na ih social'no-ekonomicheskoe razvitie. 1960–1985 gg. / T. E. Sanzhieva – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 1996. – 161 s.

Sanzhieva T. E. Mihail Nikolaevich Bogdanov: zhizn', otdannaya narodu / T. E. Sanzhieva. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2019. – 136 s.

Sanzhieva T. E. Lesnaya promyshlennost' Buryatii: istoricheskij ocherk razvitiya proizvodstvennogo ob'edineniya «Zabajkalles» / T. E. Sanzhieva, V. S. Vasil'ev. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2010. – 139 s.

Bazheev D. G. Idinskie buryaty: dokumenty i rodoslovnye / D. G. Bazheev; red. T. E. Sanzhieva. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2007. – 153 s.

Baldaev S. P. Rodoslovnye predaniya i legendy buryat / S. P. Baldaev; red. T. E. Sanzhieva. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2012. – 709 s.

Bogdanov B. N. Ocherki istorii buryat-mongol'skogo naroda / B. N. Bogdanov; red. T. E. Sanzhieva. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2014. – 302 s.

Istoriya Buryatii: pos. dlya uchashch. st. kl.: v 2 ch. / otv. red. E. E. Tarmahanov. – Ulan-Ude: Belig, 2009. Ch. 1: S drevnejshih vremen do nachala XX veka. – 163 s.; ch. 2: S nachala XX do nachala XXI veka. – 152 s.

Istoriya Buryatii s drevnejshih vremen do nashih dnejj: ucheb. pos. dlya uchashch. st. kl.: v 2 ch. / red. N. S. Bajkalov. – Ulan-Ude: Belig, 2023. Ch. 1. – 228 s.; ch. 2. – 232 s.

Istoriya Ust'-Ordynskogo Buryatskogo avtonomnogo okruga: ucheb. pos. dlya obshcheobrazovatel'nyh uchebnyh zavedenij / E. E. Tarmahanov, L. M. Dameshek, T. E. Sanzhieva. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2003. – 192 s.

УДК 94:001(571.54)
ББК 63.3:72.6(2Рос.Бур)
DOI 10.31554/2222-9175-2024-56-179-183

К. А. Багаева, Н. А. Жапова

ОБ УЧИТЕЛЕ И УЧЕНОМ

(к юбилею доктора исторических наук, профессора Л. Л. Абаевой)

К. А. Bagaeva, N. A. Zharova

ABOUT THE TEACHER AND THE SCHOLAR

(for the anniversary of the Doctor of Historical Sciences,
Professor L. L. Abayeva)

У каждого, наверное, есть учителя, наставники, которые играют большую роль в жизни человека. Это люди, которые помогают идти вперед и всегда поддерживают. Благодаря наставникам многие стали теми, кто они есть сейчас. Очень важную роль в становлении молодого ученого играет личность наставника, его отношение к жизни, к коллегам, профессиональные умения, круг научных интересов. Нашим учителем, научным руководителем является Любовь Лубсановна Абаева – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, заслуженный деятель науки Республики Бурятия, кавалер медали Агвана Доржиева, член Международной ассоциации монголоведов. В 2020 г. она стала лауреатом Государственной премии Республики Бурятия в области науки и техники в номинации «Гуманитарные науки» за монографии «Культ гор и буддизм в Бурятии» [1992] и «Религиозная культура монгольских народов в векторе буддийских традиций» [2018]. Эти исследования являются фундаментом для изучающих традиционную культуру монгольских народов.

В 1974 г. Л. Л. Абаева закончила факультет иностранных языков Бурятского государственного педагогического института, затем училась в аспирантуре Института востоковедения Академии наук СССР (г. Москва). В 1980 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Трансформация ламаистской церкви в Бурятии на обновленческих принципах (история и современность)». В 1992 г. защитила докторскую диссертацию «Эволюция традиционных верований и культов монголоязычных народов (XVI–XX вв.)» по специальности «Теория и история религии, свободомыслия и атеизма».

Ее научное наследие измеряется активной работой в грантах как руководителем, так и исполнителем, участием в международных экспедициях, несколькими монографиями, сотнями статей, она – соавтор ряда фундаментальных трудов, например, при непосредственном участии Любви Лубсановны была написана и издана актуальная и

БАГАЕВА Ксения Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Восточного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: ksyusha.81@mail.ru.

ЖАПОВА Наталья Амогалановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Восточного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: tumann479@mail.ru.

по сей день работа «Буряты» [2004] – наиболее полное собрание сведений по этнической истории и культуре бурят.

Л. Л. Абаева – разносторонне развитый человек, она в совершенстве владеет английским и монгольским языками. Эти знания позволяют ей свободно читать лекции в Боннском университете, римском университете «Тор Вергата», участвовать в международных конференциях практически по всему миру (Рим, Лондон, Пекин, Улан-Батор и мн. др.). В педагогическом багаже Л. Л. Абаевой – долгое руководство кафедрой культурологии Бурятского государственного университета. Параллельно работая в академической сфере, Любовь Лубсановна и в университете имела заслуженную репутацию профессионала, отличного педагога и лектора, успешного научного руководителя. Именно на кафедре культурологии профессор подготовила большинство своих учеников, аспирантов, она вырастила 31 кандидата наук, которые успешно работают в вузах, научных институтах, государственных учреждениях Республики Бурятия, в других регионах и странах. Тематика их исследований достаточно широка и во многом соответствует научным интересам Л. Л. Абаевой, которая смогла привить им интерес к проблемам культуры, религии, буддологии. Ученики эти – кандидаты культурологии, исторических и философских наук – продолжают научные исследования учителя, что свидетельствует о сложившейся научной школе.

Одна из главных тематик, которой занимается Л. Л. Абаева, – особенности традиционной культуры монголоязычных народов. Она исследовалась такими учениками, как М. А. Харитонов, Д. Ц. Бороноева, Т. Д. Бутуева.

Михаил Александрович Харитонов защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в 2000 г. В своей диссертации «Образ волка в социокультурной традиции народов Центральной Азии» [2000] он осуществил комплексное исследование означенного образа, проследил его эволюцию, символику и этнокультурные функции, а также обозначил связь с социальными и культурными институтами и пришел к выводу, что образ волка стал социокультурным символом, имеющим огромное значение для кочевых культур Центральной Азии. Верования, связанные с этим образом, имеют типологические сходства в культурах других народов.

В том же году Дарима Цыбиковна Бороноева представила и защитила диссертацию «Динамика пространственно-временной локализации бурят внутренней Монголии КНР: историко-культурологический анализ» [2000]. Она сделала вывод о глубинном единстве этнической группы бурят Внутренней Монголии КНР с материнским этносом и вместе с тем о вариативности развития этнокультурных традиций, что объективно объясняется разными историческими, социокультурными условиями проживания. В силу географической локальности, относительной замкнутости, компактности проживания данная этническая группа смогла сохранить целостность и специфичность социального и культурного фондов. В этнокультурном развитии шэнэхэнских бурят выразились общие закономерности и особенности функционирования этнических общностей в иноэтничной среде. Консерватизм, являющийся характерным признаком идеологии этнических групп, отделившихся от материнского этноса, способствует сохранению традиционного быта и материальной культуры.

Аспирант Любовь Лубсановны Туяна Дугаровна Бутуева в Читинском государственном университете успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Феномен детства в традиционной культуре монголоязычных народов» [2004]. Она посвящена изучению мира детства в традиционной культуре монгольских народов. Автор проводит исследование и этнокультурным компонентом традиционной культуры монгольских народов определяет феномен детства, выявив его сущность, содержание и социокультурные функции, обозначив связь с другими социальными институтами (семьей, родовым сообществом, этнической общностью и т. д.). В духовной культуре монгольских народов значительное место занимают традиции: представления, верования, обычаи и обряды, составляющие традиционно-бытовой пласт культуры, в значительной степени определяющий специфику народа.

Также в 2004 г. аспирант Наталья Амогалановна Жапова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Динамика этно-

конфессиональных традиций в культуре народов Бурятии в постсоветский период» [Аюрова 2004]. Автором утверждается необходимость комплексного теоретического осмысления новых явлений и процессов, происходящих в религиозной сфере в последнее десятилетие XX в., обусловленных сменой идеологического базиса. Религиозные традиции на современном этапе не детерминируют этническую культуру народов Бурятии, однако религия, в силу нравственных, морально-этических, социокультурных аспектов, остается значимым началом в жизни общества.

Отметим, что с диссертаций Т. Д. Бутуевой и Н. А. Жаповой начинается плеяда учеников – кандидатов философских наук, что показывает разносторонность и универсальность Л. Л. Абаевой как наставника и научного руководителя. Ее ученики отмечают требовательность, нацеленность на результат, особый подход к каждому аспиранту.

Еще одной тематикой, которой плодотворно занимается Л. Л. Абаева, – буддология и религиоведение. Ученики К. А. Багаева, Т. И. Осорова, А. А. Рабогошвили продолжают и сегодня развивать это научное направление. Так, в 2007 г. Татьяна Иннокентьевна Осорова защитила диссертацию на тему «Центральноазиатский культурный синкретизм и буддийская традиция во Внутренней Монголии КНР» [2007], где исследуются особенности буддизма. Автором сделан вывод, что буддизм, несущий объединяющие принципы, как и все мировые религии, явился той идеологией, которая смогла соединить все племена сначала в крупные военно-племенные союзы, а затем в сильное единое государство. Став государственной религией монгольских княжеств, буддизм способствовал политическому сближению Монголии с Тибетом, которым была нужна взаимоподдержка, чтобы противостоять как политике империи Мин, так и другим сильным соседям. Тибетский буддизм стал играть консолидирующую роль в регионе. В этом же году Ксения Анатольевна Багаева в диссертации «Мировоззренческие основы традиции Гелугпа в Центральной Азии» [2007] определила особенности становления и развития философских идей упомянутой традиции, для чего автором исследована метафизика школы, ее этическая концепция. Также с привлечением текстов на тибетском языке был проведен анализ этапов Пути в школе Гелугпа.

Более широкая религиоведческая тема исследовалась Артемом Афанасьевичем Рабогошвили, защитившим диссертацию «Новые религиозные движения в Китае» [2008]. В исследовании указывается, что историко-культурные особенности развития Китая, в частности взаимодействие традиционной и современной (модернизированной) культуры страны, повлияли на сложившуюся модель отношений между государством и религией. Период с начала 80-х гг. XX в. и по настоящее время характеризуется в КНР значительным подъемом религиозной активности и ростом количества различных религиозных движений. Однако вследствие того, что государственный учет и регистрация новых религиозных движений в Китае не ведется, их количество может быть оценено лишь с учетом наиболее крупных организаций. При этом наибольшее число новых религиозных движений наблюдалось в конце 90-х гг. XX в., после чего резко сократилось. Распространению новых способствовали некоторые социально-экономические причины.

Также нашим уважаемым руководителем были подготовлены к защите и кандидаты культурологии. Так, Александра Цедашиевна Цымпилова в 2005 г. успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата культурологии «Приоритеты формирования гуманитарной культуры в контексте развития национальной школы (на материалах Агинского Бурятского автономного округа)» [2005]. Исследование показало неразрывную связь формирования гуманитарной культуры с этнокультурными экологическими традициями. Только в таком контексте, с учетом истории народа, возможно осознание объективного настоящего в образовании и разработке перспектив на будущее. Учебно-воспитательный процесс во многом определяется успехи народа, служит основой нравственного, физического и психического здоровья нации. В то же время национальная доктрина образования обязательно должна учитывать прошлое этноса, уровень достижений материальной и духовной культуры народа, его современное этнокультурное сознание.

Следует отметить, что многие ученики Л. Л. Абаевой знают китайский, корейский, монгольский, тибетский языки, это во многом обусловило широту представленных тем

диссертаций. Так, Диана Валерьевна Балданова занималась исследованием корейского этноса, его традиционной культуры. Под руководством профессора Абаевой она стала кандидатом культурологии, защитив диссертацию «Стратегии аккультурации корейцев: культурно-исторические основания» [2014], в которой пришла к выводу, что аккультурация этнических групп в доминирующей культуре является многосторонним, многоаспектным явлением. Наиболее успешным типом аккультурации корейцев в контексте культурно-исторических оснований является стратегия интеграции. Их мифологическое наследие служит основанием ведущей стратегии аккультурации – интеграции.

Кроме того, исследования Любви Лубсановны настолько известны, что к ней поступают в аспирантуру и затем плодотворно занимаются научной деятельностью аспиранты из Монголии и Кореи. Это говорит о профессионализме и всесторонней подготовке ученого, признанного эксперта по многим вопросам традиционной культуры, этнологии, буддологии.

Как видим, поле исследований профессора очень широко, это прослеживается в диссертациях и последующих исследованиях учеников Любви Лубсановны. Для многих учеба в аспирантуре под ее руководством стала важным шагом в покорении научного олимпа. Конечно, в данной статье представлены не все ученики профессора, есть те, которые еще только находятся на пути написания диссертации. Но каждый может сказать, что благодарен судьбе за своего главного Учителя – наставника, который определяющим образом повлиял на жизненный путь и стал ярким примером служения науке и обществу.

Литература

Абаева Л. Л. Культ гор и буддизм в Бурятии / Л. Л. Абаева; АН СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. ин-т обществ. наук. – М.: Наука, 1992. – 140 с.

Абаева Л. Л. Религиозная культура монгольских народов в векторе буддийских традиций / Л. Л. Абаева. – Улан-Удэ, 2018. – 367 с.

Абаева Л. Л. Трансформация ламаистской церкви в Бурятии на обновленческих принципах (история и современность): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. Л. Абаева. – М., 1980. – 18 с.

Аюрова (Жапова) Н. А. Динамика этноконфессиональных традиций в культуре народов Бурятии в постсоветский период: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н. А. Аюрова (Жапова). – Чита, 2004. – 24 с.

Багаева К. А. Мировоззренческие основы традиции Гелугпа в Центральной Азии: дис. ... канд. филос. наук / К. А. Багаева. – Чита, 2007. – 23 с.

Балданова Д. В. Стратегии аккультурации корейцев: культурно-исторические основания: автореф. дис. ... канд. культ. / Д. В. Балданова. – Чита, 2014. – 24 с.

Бороноева Д. Ц. Динамика пространственно-временной локализации бурят внутренней Монголии КНР: Историко-культурологический анализ: дис. ... канд. ист. наук / Д. Ц. Бороноева. – Улан-Удэ, 2000. – 174 с.

Буряты / кол. авт.; отв. ред.: Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2004. – 633 с.

Бутуева Т. Д. Феномен детства в традиционной культуре монгольских народов: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Чита, 2004. – 22 с.

Осорова Т. И. Центральноазиатский культурный синкретизм и буддийская традиция во внутренней Монголии КНР: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Т. И. Осорова. – Чита, 2007. – 21 с.

Рабогошвили А. А. Новые религиозные движения в Китае: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Рабогошвили. – Улан-Удэ, 2008. – 26 с.

Харитонов М. А. Образ волка в социокультурной традиции народов Центральной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. А. Харитонов. – Улан-Удэ, 2000. – 20 с.

Цымпилова А. Ц. Приоритеты формирования гуманитарной культуры в контексте развития национальной школы: на материалах Агинского Бурятского автономного округа: дис. ... канд. культурологии / А. Ц. Цымпилова. – Улан-Удэ, 2005. – 162 с.

References

- Abaeva L. L.* Kul't gor i buddizm v Buryatii / L. L. Abaeva; AN SSSR, Sib. otd-nie, Buryat. in-t obshchestv. nauk. – M.: Nauka, 1992. – 140 s.
- Abaeva L. L.* Religioznaya kul'tura mongol'skih narodov v vektore buddijskih tradicij / L. L. Abaeva. – Ulan-Ude, 2018. – 367 s.
- Abaeva L. L.* Transformaciya lamaistkoj cerkvi v Buryatii na obnovlencheskih principah (istoriya i sovremennost'): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / L. L. Abaeva. – M., 1980. – 18 s.
- Ayurova (Zhapova) N. A.* Dinamika etnokonfessional'nyh tradicij v kul'ture narodov Buryatii v postsovetskij period: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk / N. A. Ayurova (Zhapova). – Chita, 2004. – 24 s.
- Bagaeva K. A.* Mirovozzrencheskie osnovy tradicii Gelugpa v Central'noj Azii: dis. ... kand. filos. nauk / K. A. Bagaeva. – Chita, 2007. – 23 s.
- Baldanova D. V.* Strategii akkul'turacii korejcev: kul'turno-istoricheskie osnovaniya: avtoref. dis. ... kand. kul't. / D. V. Baldanova. – Chita, 2014. – 24 s.
- Boronoeva D. C.* Dinamika prostranstvenno-vremennoj lokalizacii buryat vnutrennej Mongolii KNR: Istoriko-kul'turologicheskij analiz: dis. ... kand. ist. nauk / D. C. Boronoeva. – Ulan-Ude, 2000. – 174 s.
- Buryaty / kol. avt.; otv. red.: L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaya; Institut etnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya. – M.: Nauka, 2004. – 633 s.
- Butueva T. D.* Fenomen detstva v tradicijnoj kul'ture mongol'skih narodov: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. – Chita, 2004. – 22 s.
- Osorova T. I.* Central'noaziatskij kul'turnyj sinkretizm i buddijskaya tradiciya vo vnutrennej Mongolii KNR: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk / T. I. Osorova. – Chita, 2007. – 21 s.
- Rabogoshvili A. A.* Novye religioznye dvizheniya v Kitae: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / A. A. Rabogoshvili. – Ulan-Ude, 2008. – 26 s.
- Haritonov M. A.* Obraz volka v sociokul'turnoj tradicii narodov Central'noj Azii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / M. A. Haritonov. – Ulan-Ude, 2000. – 20 s.
- Cympilova A. C.* Prioritety formirovaniya gumanitarnoj kul'tury v kontekste razvitiya nacional'noj shkoly: na materialah Aginskogo Buryatskogo avtonomnogo okruga: dis. ... kand. kul'turologii / A. C. Sympilova. – Ulan-Ude, 2005. – 162 s.

ТРУДИТЬСЯ И ПОСТОЯННО УЧИТЬСЯ!
ПАМЯТИ В. В. ГРАЙВОРОНСКОГО (04.04.1937–09.10.2024)

TO WORK AND CONSTANTLY LEARN! IN MEMORY
OF V. V. GRAIVORONSKY (04.04.1937–09.10.2024)

Сообщество монголоведов понесло невосполнимую утрату. 9 октября 2024 г. после продолжительной болезни ушел из жизни выдающийся монголовед, доктор исторических наук Владимир Викторович Грайворонский. Всю свою профессиональную жизнь он посвятил Монголии в качестве ученого-исследователя и дипломата. Он был признанным специалистом в области новейшей истории Монголии (XX – начало XXI в.), политического и социально-экономического развития современной Монголии, истории и современного состояния российско-монгольских отношений, проблем номунизма и седентаризации в современной Монголии. Всесторонне изучал кочевничество в период социалистической модернизации и трансформации 1990-х гг., занимался социальными процессами, проходившими в Монголии в постсоциалистический период, принимал активное участие в научных мероприятиях с результатами своих интереснейших работ.

В. В. Грайворонский родился 4 апреля 1937 г. в г. Харькове. Окончил монгольское отделение восточного факультета МГИМО МИД СССР (1960). Владел монгольским, английским и украинским языками, был переводчиком с монгольского языка в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ (1960–1966). Главный научный сотрудник, завсектором Монголии ИВ АН СССР/РАН (с 1966, с перерывами), 2-й, 1-й секретарь Посольства СССР в МНР (1982–1988), советник Посольства РФ в Монголии (1996–2000). Доктор исторических наук (1996), почетный член Международной ассоциации монголоведения (МАМ, Улан-Батор, 2006), почетный доктор Института международных исследований АН Монголии (2013), почетный доктор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (2022), заместитель председателя Российского общества монголоведов, член правления Общества друзей Монголии.

В 1975 г. В. В. Грайворонский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые проблемы оседания кочевников (Опыт МНР. 1921 – сер. 1970-х гг.)». Тема его докторской диссертации – «Современное аратство Монголии: социальные проблемы переходного периода (1980–1995)». Участник III–XII Международных конгрессов монголоведов (г. Улан-Батор, 1976–2023), международных и российских конференций и симпозиумов в России, Монголии, Китае, Японии, Германии, Великобритании. Автор около 200 научных работ, в т. ч. 7 индивидуальных монографий, а также разделов в 22 коллективных монографиях. Награжден орденом «Полярная звезда» (Монголия, 2011), медалями «50 лет Народной революции» (Монголия, 1971), «Найрамдал» (Монголия, 1982), «800 лет Великого Монгольского государства» (2006), ведомственными наградами АН Монголии, Министерства образования и науки Монголии, Министерства здравоохранения Монголии, медалью И. Ю. Крачковского (Россия, ИВ РАН, 2021), медалью Б. Барадина (Россия, ИМБТ СО РАН, 2022).

С его именем связана целая эпоха в современном монголоведении, он был настоящим ученым, знатоком как кириллического, так и вертикального монгольского языка и письменности, в совершенстве владел английским языком. Это позволяло ему не изменять своему жизненному принципу «Трудиться и постоянно учиться!» и пополнять свой багаж знаний, черпая интересные материалы из разных источников, архивов и библиотек. Из его воспоминаний известно, что на Восточном факультете МГИМО современный монгольский язык на основе кириллицы ему преподавали А. Р. Ринчинэ (А. Р. Дамба-Ринчинэ) и М. Ф. Козырев, а старомонгольский язык на основе уйгурского алфавита – известный монголовед-филолог Г. Д. Санжеев. Фундаментальная языковая база и стремление к постоянному самосовершенствованию позволили ему открыть для себя удивительный монгольский мир и навсегда связать с ним свою судьбу.

Труды В. В. Грайворонского всегда отличались актуальностью, доступностью для читателя, всесторонним анализом теоретического и практического материала. В ракурсе его исследований находились монголоведческие темы самого широкого профиля, многие из которых отличались четко сбалансированной междисциплинарностью и охватывали историю, политологию, социологию, этнологию, международные отношения.

На протяжении всей своей жизни он активно общался и постоянно поддерживал дружеские связи с монголоведами из разных стран мира, а также с монгольскими коллегами, простыми аятами из разных аймаков. С особой теплотой он относился к Монголии, ее народу и монгольязычным этносам России. В одном из своих интервью в рамках проекта «Российское востоковедение – устная история» (2021–2022 гг.) он сказал: «Я искренне полюбил эту страну, монголов, особенно аратов, скотоводов-кочевников, стал глубже понимать и воспринимать их язык, историю, культуру, менталитет, современные проблемы. Теперь для меня Монголия стала очень близкой, родной, можно сказать, второй родиной. Каждый успех монголов в Монголии, а также бурятов и калмыков в России, в поступательном развитии, будь то в производстве, культуре, науке, искусстве или спорте я воспринимаю как личное достижение». Он был влюблен в Монголию и гордился тем, что стал монголоведом и посвятил свою жизнь изучению этой многоаспектной страны с богатой историей, самобытной кочевой культурой и своеобразным путем развития в условиях новых вызовов. Подтверждением его высокого авторитета и признания среди широкой монгольской общественности являются его многочисленные награды и почетные звания, которых он был удостоен по праву за фундаментальные труды по монголоведению и вклад в развитие российско-монгольских отношений.

Владимир Викторович всегда был открыт как для деловых, так и для дружеских встреч и бесед. Коллеги и молодые монголоведы всегда могли заручиться его поддержкой, мудрыми наставлениями и готовностью подставить плечо в трудных ситуациях. Моменты общения с ним до сих пор ассоциируются в памяти коллег с природной обаятельностью, доброжелательностью, чуткостью и широтой его души. Плодотворное сотрудничество с ним и редкие, но душевные встречи в Москве, Улан-Баторе, Улан-Удэ и других местах научных дискуссий всегда оставляли неизгладимые впечатления в сердцах наших коллег. Выступления В. В. Грайворонского на мероприятиях самого высокого уровня не раз продемонстрировали его профессионализм, академичность, широчайший кругозор в актуальных вопросах монголоведения. Он подходил к своим докладом с полной отдачей, грамотно, прямо и четко излагая свои мысли и идеи перед высокой аудиторией и научными сообществами монголоведов. Его конструктивные предложения и интересные идеи остаются в числе приоритетных ориентиров в научно-исследовательской деятельности коллег, молодых исследователей, докторантов и аспирантов.

За весомый вклад в развитие отечественного монголоведения и за особые заслуги перед ИМБТ СО РАН в рамках празднования 100-летия института В. В. Грайворонский удостоен звания «Почетный доктор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» с вручением медали Базара Барадина. В свое время он оказал существенную поддержку при переименовании Бурятского института общественных наук СО РАН в 1997 г. в Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Проведенные реформы в структуре и научных направлениях вывели институт в число лидирующих академических институтов востоковедного профиля. На протяжении многих десятилетий поддерживались тесные научные и дружеские отношения и связи В. В. Грайворонского с ИМБТ СО РАН и его директором академиком РАН Б. В. Базаровым и сотрудниками института. Владимир Викторович был постоянным автором и вдумчивым читателем нашего журнала, в регулярных переписках с редакцией всегда делился ценными идеями и замечаниями, впечатлениями о прочитанных статьях. Он охотно принимал участие в научных мероприятиях, проводимых институтом, вносил свою лепту в дело подготовки профессиональных научных кадров института. В свою очередь, по его приглашению ученые ИМБТ СО РАН регулярно принимали участие в конференциях и семинарах, организуемых Институтом востоковедения РАН по монголоведной тематике. Его научные изыскания и устремления, десятилетиями нарабатанный методологический задел, несомненно, будут продолжены в исследованиях его коллег-монголоведов и нового поколения востоковедов.

Незабываемая улыбка, доброжелательный взгляд и тонкая натура незаурядной личности Владимира Викторовича как профессионала своего дела и человека, навечно вписавшего свое доброе имя в мировое монголоведение, навсегда останутся в светлой памяти его друзей, коллег и последователей.

Коллектив Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СО РАН

Научный журнал
№ 4(56)

Выходит 4 раза в год

Редактор, корректор *Г. В. Кашина*
Художник *Д. Т. Олоев*
Компьютерная верстка и макет – *А. Е. Болонев*

Редакционно-издательский отдел
Издательства ИМБТ СО РАН
Адрес: 670047 Республика Бурятия
г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии ИМБТ СО РАН
Адрес: 670047 Республика Бурятия
г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Подписано в печать 13.12.2024.
Дата выхода 27.12.2024.
Формат 70x100 1/16.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 15,2. Уч.-изд. л. 14,6.
Тираж 200. Заказ № 5.
Цена свободная.